МГУ 270
1755 2025

2025 год –
Год охраны окружающей среды
и «зеленой» экономики

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ XXI ВЕКА В СИСТЕМЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ, ПРАКТИКА И ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ

VII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ОНЛАЙН-КОНФЕРЕНЦИЯ

20-21 ИЮНЯ, 2025

II

ФИЛИАЛ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА В ГОРОДЕ ТАШКЕНТЕ

КАЗАХСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛИАЛ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА В ГОРОДЕ ДУШАНБЕ

ИНСТИТУТ МАТЕМАТИКИ ИМЕНИ В.И. РОМАНОВСКОГО АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ПЕДАГОГИКИ ВОСПИТАНИЯ ИМЕНИ КАРЫ-НИЯЗИ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ УЗБЕКИСТАНА ИМЕНИ МИРЗО УЛУГБЕКА

СОВЕТ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБРАЗОВАНИЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «SCIENCE AND EDUCATION IN THE 21ST CENTURY»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ “SCIENCE AND INNOVATION”

VII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ОНЛАЙН-КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ XXI ВЕКА В СИСТЕМЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ, ПРАКТИКА И ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ»

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

20-21 июнь 2025 г.

ЧАСТЬ 2

Toshkent 2025

УДК 37.01 + 37.091.3 + 005.963
ББК 74.00 + 74.58 + 65.291.21

Сборник материалов VII Международной научно-практической онлайн-конференции «ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ XXI ВЕКА В СИСТЕМЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ, ПРАКТИКА И ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ», под общ.ред. А.Б. Маманазарова - 20-21 июня, 2025 г. Часть 2 - Т.: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Ташкенте, 2025. – 294 с.

Основные направления представленных докладов: профессиональное развитие личности XXI века в контексте охраны окружающей среды и зелёной экономики, инновационный подход в профессиональной подготовке кадров: использование ИИ и «smart» технологий, инновационные основы в повышении качества преподавания гуманитарных и социально-экономических дисциплин, философские вызовы цифровой эпохи: влияние технологий на образование и личность, цифровизация и исторический контекст вовлечения молодежи в социально-экономическую жизнь общества в условиях глобализации.

Материалы подготовлены в форме электронного сборника для удобства пользования авторов статей, молодых ученых, бакалавров, магистрантов, преподавателей и специалистов, проявивших интерес к тематике конференции.

Под общей редакцией заместителя руководителя филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Ташкенте, заведующего кафедрой Общественно- гуманитарных и социально-экономических наук, доктора педагогических наук, доцента А.Б. Маманазарова «Профессиональное становление личности XXI века в системе непрерывного образования: международный опыт, практика и инновационные подходы», VII Международная научно-практическая онлайн-конференция, посвящённая 270-летию МГУ имени М.В. Ломоносова, Году охраны окружающей среды и «зеленой» экономики и 20-летию Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Ташкенте

ISBN: 978-9910-09-211-4

© Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Ташкенте, 2025
© Международный научный журнал “Science and Innovation”, 2025
© Авторы

Председатель организационного комитета конференции:

Маманазаров Абдухаким Бозорович - заместитель руководителя филиала МГУ имени М.В.Ломоносова в городе Ташкенте, заведующий кафедрой Общественно-гуманитарных и социально-экономических дисциплин, доктор педагогических наук, кандидат экономических наук, доцент.

Заместитель председателя организационного комитета конференции:

Каримова Зульфизар Рустамовна – заместитель заведующего кафедрой Общественно-гуманитарных и социально-экономических дисциплин Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Ташкенте, доктор философии по педагогическим наукам (PhD).

ЧЛЕНЫ ОРГАНИЗАЦИОННОГО КОМИТЕТА:

- **Аймолдина Алия Аманжоловна-** заведующий сектором научно-исследовательской работы, PhD, ассоциированный профессор, доцент кафедры филологии Казахстанского филиала МГУ;
- **Андронова Елена Сергеевна** - старший преподаватель кафедры Общественно-гуманитарных и социально-экономических дисциплин Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Ташкенте;
- **Бойтиллаев Дилмурод Ахмадалиевич-** кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией Института математики имени В.И.Романовского;
- **Гумирова Диляра Рифгатовна** - старший преподаватель кафедры Общественно-гуманитарных и социально-экономических дисциплин Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Ташкенте;
- **Давронов Рифкат Рахимович** – кандидат технических наук, старший научный сотрудник Института Математики имени В.И.Романовского.
- **Диноршох Азиз Мусо** – заместитель исполнительного директора филиала МГУ в г. Душанбе, доктор юридических наук, профессор;
- **Каримова Нилюфар** – преподаватель кафедры Психологии, психолог Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Ташкенте;
- **Маманазарова Улугой Акрамжановна -** старший преподаватель кафедры Общественно-гуманитарных и социально-экономических дисциплин Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Ташкенте;
- **Маъмуров Баходир Бахшуллоевич - ректор Бухарского государственного педагогического института,** доктор педагогических наук, профессор;
- **Мирзаев Шухрат Шавкатович –** заместитель директора по работе с молодёжью, и.о.доцента кафедры Общественно-гуманитарных и социально-экономических дисциплин Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Ташкенте, доктор юридических наук;
- **Рузибаев Джахонгир Баходиржанович- начальник учебно-методического отдела** Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Ташкенте, доктор философии по психологическим наукам (PhD);
- **Турдикулова Эъзоза Эркиновна** – и.о. доцента кафедры Общественно-гуманитарных и социально-экономических дисциплин Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Ташкенте, доктор философии по педагогическим наукам (PhD);

- **Фарманова Барно Абдукаюмовна** - доцент кафедры Общественно-гуманитарных и социально-экономических дисциплин Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Ташкенте, кандидат исторических наук;
- **Шералиев Шухрат Нуралиевич** – заместитель декана факультета «Прикладная математика и информатика» Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Ташкенте, доктор философии по физико-математическим наукам (PhD);
- **Эргашов Ёкуб Сувонович** - проректор по научной работе и инновациям Национального Университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека, доктор физико-математических наук, доцент.

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ:

Председатель:

Часовских Анатолий Александрович- руководитель филиала МГУ имени М.В.Ломоносова в городе Ташкенте, доктор физико-математических наук, профессор кафедры математической теории интеллектуальных систем механико-математического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Заместители председателя:

Сайдаматов Эркин Мамаджанович - исполнительный директор филиала МГУ им. М.В.Ломоносова в г.Ташкенте, кандидат физико-математических наук, доцент;

Маманазаров Абдухаким Бозорович - заместитель руководителя филиала МГУ имени М.В.Ломоносова в городе Ташкенте, заведующий кафедрой Общественно-гуманитарных и социально-экономических дисциплин, кандидат экономических наук, доктор педагогических наук, доцент;

Строгалов Александр Сергеевич - кандидат физико-математических наук, доцент.

Члены программного комитета:

- **Абдильдина Раушан Жабайхановна-** заместитель директора по научной работе и воспитательной деятельности Казахстанского филиала МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор, академик Национальной академии наук Республики Казахстан;
- **Аюпов Шавкат Абдуллаевич** - директор института Математики имени В.И.Романовского Академии наук Узбекистана, доктор физико-математических наук, академик АН Республики Узбекистан;
- ***Ботиров* Голиб Исроилович**– заместитель директора института Математики Академии наук Узбекистана, доктор физико-математических наук;
- **Ганиев Рустам Гафурович** - исполнительный директор Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Душанбе, кандидат экономических наук, доцент;
- **Гасанов Эльяр Эльдарович** — доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой Математической теории интеллектуальных систем механико-математического факультета МГУ, академик Академии технологических наук Российской Федерации;
- **Гулямов Саидахрор Саидахмедович -** доктор экономических наук, профессор, академик Академии наук Узбекистана;
- **Джураев Рисбай Хайдарович -** доктор педагогических наук, профессор, академик Академии наук Узбекистана;

- **Ибрагимов Холбой Ибрагимович –** доктор педагогических наук, профессор, академик Академии наук Узбекистана, директор Национального института педагогики воспитания имени Кары Ниязи;
- **Маджидов Иномжон Уришевич** - ректор Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека, доктор технических наук, профессор;
- **Трофимов Сергей Викторович** - директор Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Душанбе, кандидат социологических наук, доцент;
- **Турсунова Ранохон Юсубжановна -** и.о. профессора кафедры Общественно-гуманитарных и социально-экономических дисциплин Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Ташкенте, доктор исторических наук;
- **Худойбердиев Аброр Хакимович**- доктор физико-математических наук, профессор, заместитель директора Института математики имени В.И. Романовского;
- **Шерешева Марина Юрьевна -** доктор экономических наук, профессор, Директор Центра исследований сетевой экономики Экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор журнала BRICS Journal of Economics, ответственный редактор журнала «Вестник МГУ. Серия- 6. Экономика».

НАУЧНО - РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Председатель:

Джураева Лейла Рахимджановна - доцент кафедры Общественно-гуманитарных и социально-экономических дисциплин Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Ташкенте, кандидат философских наук.

Заместитель председателя:

Каршиев Толиб Овлаевич - заместитель директора по учебной и научной, кандидат биологических наук, доцент, Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в г. Ташкенте.

Члены научно -редакционной коллегии:

- **Гулямова Зарина Рахматуллаевна**- и.о.доцента кафедры Общественно-гуманитарных и социально-экономических дисциплин Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Ташкенте;
- **Пулатова Дилфуза Захитджановна-** старший преподаватель кафедры Общественно-гуманитарных и социально-экономических дисциплин Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Ташкенте;
- **Садиков Талиб Олтунович –** старший преподаватель кафедры Общественно-гуманитарных и социально-экономических дисциплин Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Ташкенте;
- **Султанова Дильфуза Тилляевна -** старший преподаватель кафедры Общественно-гуманитарных и социально-экономических дисциплин Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Ташкенте;
- **Юлдашева Асал Викторовна -** доктор физико-математических наук, и.о.профессора факультета «Прикладная математика и информатика» Филиала МГУ им. М.В.Ломоносова в г.Ташкенте.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогие Участники Конференции!

*Мы рады приветствовать вас на VII международной научно-практической онлайн-конференции: «**Профессиональное становление личности XXI века в системе непрерывного образования: международный опыт, практика и инновационные подходы**»!*

Дорогие коллеги!

Профессиональное становление личности в системе образования 21 века - это сложный, многогранный процесс, включающий в себя формирование профессиональных намерений, обучение, адаптацию и развитие профессиональных компетенций, и данный процесс обусловлен как индивидуальными особенностями личности, так и потребностями современного рынка труда, и требует гибкости, адаптивности и стремления к постоянному обучению, а анализ образовательной среды позволяет рассматривать их как условия, предполагающие разные возможности для личностно-профессионального развития.

В свете быстрого развития цифровизации, «smart» технологий и искусственного интеллекта, перехода к зеленой экономике - значимость непрерывного образования становится все более актуальной.

Публикации нашего сборника освещают не только актуальные проблемы, но и усилия способствующие улучшению качества образования, расширения доступа к нему и повышения роли инноваций и технологий в учебном процессе.

Соорганизаторами выступили: филиалы МГУ в Республике Казахстан и Республике Таджикистан, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, Институт математики Академии наук Узбекистана имени В.И. Романовского, Национальный институт педагогики воспитания имени Кары Ниязи, Совет молодых ученых Российской Академии образования, Международные научные журналы «Science and Education in the 21stcentury» и «Science and Innovation».

На конференции принимали участие представители семи стран: Россия, Узбекистан, Казахстан, Таджикистан, Корея, Турция и Китай.

Следует подчеркнуть, что в данном сборнике опубликованы тезисы известных ученых - академиков, докторов наук и профессоров, кандидатов наук и доцентов, молодых и подающих большие надежды докторантов и преподавателей, а также более шестидесяти студентов.

Одна из приоритетных и стратегических задач нашей международной конференции – это совершенствование системы образования до уровня, который ускорит устойчивое развитие личности с учетом современных требований.

Дорогие участники!

Мы желаем всем участникам конференции успехов и продуктивной работы!

Благодарю за внимание!

Абдухаким Бозорович Маманазаров
заместитель руководителя Филиала МГУ
им. М.В.Ломоносова в г. Ташкенте,
доктор педагогических наук,
кандидат экономических наук, доцент

Приветственное слово ректора МГУ имени М.В. Ломоносова, академика РАН Виктора Антоновича Садовничего участникам и гостям

VII Международной научно-практической онлайн-конференции на тему:
«ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ XXI ВЕКА В СИСТЕМЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ, ПРАКТИКА И ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ»,
посвящённую 270-летию МГУ имени М.В. Ломоносова и 20-летию Филиала МГУ имени М. В. Ломоносова в г. Ташкенте

Уважаемые организаторы и участники VII Международной научно-практической онлайн-конференции!

От имени Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и от себя лично рад приветствовать участников и гостей VII Международной научно-практической онлайн-конференции, посвящённой вопросам профессионального становления личности в условиях стремительно меняющегося мира XXI века.

Особую значимость придаёт нашей встрече тот факт, что она проходит в знаменательный для нас год — празднования 270-летия со дня основания МГУ имени М.В. Ломоносова — старейшего и ведущего университета России, а также накануне 20-летия Филиала МГУ имени М. В. Ломоносова в г. Ташкенте. Эти события подчеркивают ответственность научного и образовательного сообщества перед будущими поколениями и перед обществом.

Организаторы, представляющие филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в Ташкенте, в сотрудничестве с филиалами МГУ в Казахстане и Таджикистане, а также ведущими образовательными учреждениями, такими как Национальный университет Узбекистана имени М. Улугбека и Институт математики Академии Наук Узбекистана имени В.И. Романовского, Национальным институтом педагогики воспитания имени Кары Ниязи, Советом молодых ученых Российской Академии Образования, совместно с Международным научным журналом «Science and Education in the 21st century» и Международным научным журналом «Science and Innovation» создали уникальную платформу для обмена опытом и знаниями.

Современный мир предъявляет к образованию новые требования. Сегодня образование — это не просто процесс передачи знаний, а динамичная система, способствующая формированию личности, способной не только адаптироваться к изменениям, но и активно влиять на развитие общества. Непрерывное образование становится ключевым инструментом для подготовки специалистов, которые умеют мыслить креативно, решать сложные задачи и внедрять инновации. Поддерживая молодежь, государства и общества получают приток свежих идей и новых подходов, которые стимулируют развитие всех сфер жизни.

России и Узбекистану удалось выстроить комплексное многовекторное сотрудничество в образовательной сфере. Связи между университетами России и Узбекистана – убедительный пример того, как наука и образование могут стать локомотивами сотрудничества двух крупных экономик, двух стран, ставящих перед собой масштабные задачи в области технологического развития. Всегда и во всем мире университеты были важнейшей и неотъемлемой частью жизни общества, двигателями

прогресса, имели функцию культурных и интеллектуальных центров. Тем самым университеты всегда возлагали на себя большую ответственность определения ориентиров развития общества и будущего стран и человечества.

Наш диалог постоянно расширяется, пополняется линейка общих инициатив и проектов. Это и совместные образовательные программы, и академический обмен, и двусторонние исследовательские площадки. Главная задача сегодня - поддержание положительной динамики взаимного интереса научно-образовательных систем Узбекистана и России, вывод траектории партнерства на реализацию больших проектов в интересах обоих государств. Особое внимание хочу обратить на важность поддержки молодых специалистов. Это наше будущее, наш потенциал и наша надежда на успешное развитие всех сфер жизни. Мы должны создавать для них условия, которые позволят раскрыть их таланты, поддерживать их инициативы и вдохновлять их на новые достижения.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова всегда был и остаётся опорой научного и образовательного прогресса. Мы гордимся тем, что можем делиться опытом и участвовать в обсуждении вопросов, связанных с интеграцией современных технологий, развитием профессиональной компетентности и поддержкой молодежи в их устремлениях.

Особенно важно отметить, что заинтересованность научного сообщества в конференции продолжает расти с каждым годом. Это явление неразрывно связано с масштабными реформами, происходящими в республике Узбекистан, а также с возрастающим стремлением молодых исследователей к знаниям и новым открытиям. Сегодня, когда устойчивое развитие, экологическое сознание и непрерывное образование становятся ключевыми приоритетами глобальной повестки, конференция объединяет учёных, педагогов и практиков из разных стран в стремлении к поиску эффективных решений и новых подходов в сфере образования, формирующих не только профессионала, но и гражданина мира, мыслящего экологически и социально ответственно.

Мы уверены, что обмен опытом, представленным в рамках конференции, станет значимым вкладом в развитие системы непрерывного образования и позволит участникам расширить горизонты научных исследований, педагогической практики и международного диалога.

Желаю всем участникам конференции плодотворной работы, ярких идей, интересных дискуссий и новых научных открытий!

С уважением и наилучшими пожеланиями,
Ректор Московского университета,
Академик РАН **В. А. Садовничий**

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Абдильдина Раушан Жабайхановна
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ФИЛОСОФСКИЕ И КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ…….....15
Ахмедова Санабархан Хафизовна
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ….....19
Alkan Ahmet
METAVERSE AND MORAL DEVELOPMENT: A NEW FRONTIER FOR PERSONALITY FORMATION IN THE AGE OF IMMERSIVE EDUCATION…….....……..……..23
Джураева Лейла Рахимджановна
ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ…….....30
Ёрбозоров Акбар Бахтиёрович
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ В ПРОЦЕССЕ УПРАВЛЕНИЯ НЕПРЕРЫВНЫМ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ…….....34

Секция 1.
Профессиональное развитие личности XXI века в контексте охраны окружающей среды и зелёной экономики

Kozimkhuzaeva Madinakhon Lazizkhon qizi
THE PSYCHOLOGICAL DIMENSIONS OF ECOLOGICAL CONSCIOUSNESS AND DIGITAL WELL-BEING IN MODERN YOUTH…….....…39
Омонуллаева Мафтуна Уктамовна
ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЁЖИ В УЗБЕКИСТАНЕ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ЗЕЛЁНОЙ ЭКОНОМИКЕ…….....…….....41

Секция 2.
Инновационный подход в профессиональной подготовке кадров: использование ии и «smart» технологий

Abidova Alina Timur qizi
DIGITAL STRESS PSYCHOLOGY AND WAYS TO OVERCOME IT IN THE LEARNING PROCESS……..…46
Бахтиярова Донохон Улугбек кизи
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ……..……..…….....48
Веселкова Татьяна Владимировна
РАЗВИТИЕ ЕДИНОЙ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В ВУЗАХ: ВОЗМОЖНОСТИ, ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ…….....52
Veselkova Tatyana Vladimirovna
REVOLUTIONIZING UNIVERSITY EDUCATION THROUGH INTELLIGENT DIGITAL LEARNING SYSTEMS…….....55
Karimova Zulfizar Rustamovna
INTEGRATING CRITICAL THINKING AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN ENGLISH LANGUAGE EDUCATION.....57
Маннопова Робия Бахтиёровна
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ УЛУЧШЕНИЯ ПРЕЗЕНТАЦИОННЫХ НАВЫКОВ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ (НА ПРИМЕРЕ MICROSOFT 365 REHEARSE COACH).....59
Tokhirova Malikabonu Shukhrat qizi
MEDIA AND SOCIAL NETWORKS AS TOOLS FOR SHAPING A SUCCESS MINDSET IN YOUTH……62

Секция 3.
Инновационные основы в повышении качества преподавания гуманитарных и социально-экономических дисциплин

Абдуллаева Диёра Равшановна
ПРОБЛЕМА ГЕНДЕРНОГО ОБУЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ УЗБЕКИСТАНА……..…65
Абдураимов Акмаль Хасанович
ОБУЧЕНИЕ ТЕННИСУ КАК СРЕДСТВО ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗГРУЗКИ СТУДЕНТОВ МГУ В ТАШКЕНТЕ ОТ ИНТЕНСИВНОГО ИЗУЧЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИН……67
Абдураимов Акмаль Хасанович
МЕТОДЫ МОТИВАЦИИ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ НА ЗАНЯТИЯХ ТЕННИСОМ……70
Abidova Alina Timur qizi

INNOVATIVE FOUNDATIONS FOR IMPROVING THE QUALITY OF TEACHING HUMANITARIAN AND SOCIO-ECONOMIC DISCIPLINES PSYCHOLOGICAL SUPPORT OF STUDENTS UNDER INCREASING INFORMATION LOAD……..…….73
Акбутаева Гуласал
АНАЛИЗ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ И ПУТЕЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ВЫСШЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....75
Akhmadaliyeva RukhshonabonuMukhammadjonovna
EFFECTIVE STRATEGIES FOR TEACHING ENGLISH VOCABULARY BY ENHANCING LEARNERS’ LISTENING AND SPEAKING SKILLS.....80
Бокиева Умида Фатхулла кизи
THE ROLE AND INFLUENCE OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE SOCIAL SPHERE OF UZBEKISTAN……83
Бахтиярова Камилла Камаловна
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ ПОДРОСТКОВ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ.....85
Galtsova Irina Aleksandrovna
LITERATURE IN THE ESP CLASSROOM: ENHANCING LANGUAGE PROFICIENCY, CRITICAL THINKING AND EMOTIONAL AWARENESS AMONG UNIVERSITY PHILOLOGY STUDENTS……..……..88
Гумирова Диляра Рифгатовна
РОЛЬ ЭПИТЕТОВ В АНГЛИЙСКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ЛИНГВОПОЭТИКЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ.....91
Zhandarova Dinara Askarovna
FROM CHALKBOARDS TO CHATBOTS: RETHINKING LANGUAGE EDUCATION IN THE AGE OF AI…...94
Jiguleva Eva Alexandrovna
TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE AND PROBLEMS THAT MAY AFFECT THE LEARNING PROCESS……...97
Закирова Рената Ринатовна
ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОДДЕРЖАНИЯ ЗДОРОВЬЯ СРЕДИ ВЗРОСЛОГО И ПОЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ.....100
Закирова Рената Ринатовна
ВЛИЯНИЕ РЕГУЛЯРНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ НА КОГНИТИВНЫЕ СПОСОБНОСТИ И УСПЕВАЕМОСТЬ СТУДЕНТОВ…….....104
Зарипова Алина Рустамовна
ОБРАЗОВАНИЕ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ ЖЕНЩИНЫ-ЛИДЕРА…….107
Камилова Сайёра Юлдашевна
ИННОВАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ПРЕПОДАВАНИЯ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН.....110
Karpushina Maria Nikolayevna
THE FUTURE OF TEACHING: INNOVATIVE METHODS IN SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES…..112
Кашаева Валерия
ФИЗИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТУДЕНТОВ ФИЛИАЛА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ЗАНЯТИЙ ПО АТЛЕТИЧЕСКОЙ ГИМНАСТИКЕ.....114
Klimova Elizaveta Evgenevna
NEW HORIZONS IN PSYCHOLOGY TEACHING: INTERACTIVITY, RELEVANCE, PRACTICE……...118
Койбагарова Мира Габиткызы
ИННОВАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ (НА ПРИМЕРЕ ФОНЕТИКИ……..120
Kosimov Dilshod Doniyor ogli
COMPARATIVE ANALYSIS OF EDUCATIONAL MANAGEMENT MODELS IN RUSSIA AND UZBEKISTAN……124
Кузнецова Альвина Ивановна
ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО КАК ИНОСТРАННОГО: ОТ ТРАДИЦИОННОГО УРОКА К ИИ-ОРИЕНТИРОВАННОЙ МОДЕЛИ……..127
Курман Несибели Жакенкызы
РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННОГО МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ КАЗАХСКОМУ ЯЗЫКУ……..130
Mirzayev Shuhrat Shavkatovich
HUQUQIY TARTIBGA SOLISH VA UNING HUQUQ TIZIMIDA O‘RNI…….....132
Mirzayev Shuhrat Shavkatovich
HUQUQ TIZIMIDAGI HUQUQIY TA’SIRI.....139
Нестерская Л.А., Подоляк Л.Е.

ПРИМЕНЕНИЕ МУЛЬТИМОДАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ TELEGRAM-КАНАЛОВ…….145
Псарёва Полина Валентиновна
ЭПОХА РЕВОЛЮЦИЙ: КАК РАДИКАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В ПРОШЛОМ ФОРМИРУЮТ ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ?.....148
Рахматов Ж.
ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ.....151
Sultanova Dilfuza Tillayevna
ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND “SMART” TECHNOLOGIES IN PROFESSIONAL TRAINING OF PERSONNEL IN UZBEKISTAN.....154
Садыкова Камилия Абидовна
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИБОРА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И VR–ОЧКОВ НА УРОКАХ БИОЛОГИИ С ЦЕЛЬЮ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ЗНАНИЙ УЧАЩИХСЯ……..…156
Саиджалалова С.М.
МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИИ «ЯЗЫКОВОГО ПОРТФЕЛЯ» ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ……..161
Sayfieva Kamila Ruslanovna
INNOVATIVE PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL STRATEGIES IN HUMANITARIAN EDUCATION: CONTEMPORARY CHALLENGES AND DEVELOPMENT PATHWAYS……..164
Тиллабаев Санжар Фуркатович
ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИЛА БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА.....168
Tokhirova Malikabonu Shukhrat qizi
SMART-LEARNING: INFLUENCE ON STUDENT MOTIVATION, ENGAGEMENT AND SELF-REGULATION.....171
Садыков Талиб Олтунович
ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ И УСТАНОВКИ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ У МОЛОДЕЖИ УЗБЕКИСТАНА (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ).....174
Турдикулова Эъзозхон Эркинжон кизи
ЧТО ВЛИЯЕТ НА УСПЕХ РАННЕГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ: АНАЛИЗ ФАКТОРОВ..178
Турсунова Ранохон Юсубжановна, Хасанова Мавлюда Батыралиевна
ЗНАЧЕНИЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН.....185
Убоженко Анна Станиславовна
СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПРЕПОДАВАНИЮ ДЕЛОВОГО РУССКОГО ЯЗЫКА В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ PR И РЕКЛАМЫ……..……188
Усманова Гульоро Уйгуновна
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБДЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ КУРСА «КОНЦЕПЦИИ СОВРЕМЕННОГО ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ».....191
Халилова Милана Игоревна
СИМВОЛИКА ЦВЕТА В ПОЭМЕ «СЕМЬ ПЛАНЕТ» А. НАВОИ.....193
Хамраев Искандарбек Хаджиевич
ФОРМИРОВАНИЕ У СТУДЕНТОК ПЕРВОГО КУРСА МОТИВАЦИИ К САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ ЗАНЯТИЯМ ФИЗИЧЕСКИМ ВОСПИТАНИЕМ ВО ВНЕУЧЕБНОЕ ВРЕМЯ……..197
Khasanova Sofiya Yurevna
PREFIGURATIVE CULTURE AND GENERATIONAL CONFLICT IN ADOLESCENT-PARENTAL RELATIONSHIPS……..200
Хасанова София Юрьевна
ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ПОДРОСТКОВ: РОЛЬ СЕМЬИ, КОНФЛИКТЫ И ПУТИ ГАРМОНИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ.....203
Khudainazarova Ziyoda Shoismail Kizi
COGNITIVE STYLES.....207
Шелягина Ирина Николаевна
ИССЛЕДОВАНИЕ ИЗБЫТОЧНОГО ВЕСА У СТУДЕНТОВ ФАКУЛЬТЕТА ФИЛОЛОГИЯ……209
Yunusova Dilnoza Alisher kizi
4C METASKILLS: CORE COMPETENCIES OF EDUCATION IN THE DIGITAL AGE……212
Yakubov Abdurashid
NEW APPROACHES TO ASSESSING EDUCATIONAL ACHIEVEMENT IN THE HUMANITIES..216
Yakubov Abdurashid
COMPARATIVE ANALYSIS OF SOCIAL SCIENCE EDUCATION ACROSS COUNTRIES……218

Секция 4.

Философские вызовы цифровой эпохи: влияние технологий на образование и личность

Аманова Ширин Пулатовна
ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ И САМООЦЕНКИ……..221
Ахмадалиева Рухшонабону Мухаммаджоновна
ИСТИНЫ В ЭПОХУ ИНТЕРНЕТА: ОБРАЗОВАНИЕ КАК ПУТЬ К САМОПОЗНАНИЮ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ.....224
Бабичева Ирина Вячеславовна
ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ И СТРУКТУРЫ ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....228
Bakhtiyarova Kamilla Kamalovna
EDUCATION IN THE AGE OF NEURAL NETWORKS: THE DISAPPEARANCE OF THE AUTHOR AND THE CHALLENGES OF PEDAGOGICAL AUTHENTICITY……..……...……...231
Гальцова Ирина Александровна
РОЛЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ КАК НАСТАВНИКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОТЧУЖДЕНИЯ……..233
Gumirova Dilyara Rifgatovna
BEYOND THE ALGORITHM: PROTECTING REAL LEARNING IN THE AGE OF AI-GENERATED ENGLISH ASSIGNMENTS AMONG MSU STUDENTS……..236
Жандарова Динара Аскаровна
ФИЛОСОФИЯ ОДИНОЧЕСТВА В ЭПОХУ ГИПЕРСВЯЗНОСТИ: ПОЧЕМУ ТЕХНОЛОГИИ НЕ СПАСАЮТ ОТ ИЗОЛЯЦИИ.....239
Карпушина Мария Николаевна
ЦИФРОВОЙ ЧЕЛОВЕК: ТРАНСФОРМАЦИЯ МЫШЛЕНИЯ, ОБРАЗОВАНИЯ И САМОСТИ В ЭПОХУ ТЕХНОЛОГИЙ.....243
Копылов Юрий Дмитриевич, Гаспарян Алина Сергеевна
ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ НА ОБРАЗОВАНИЕ И ЛИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ……245
Рустамова Ирода Абдукаххор қизи
КОНЦЕПЦИЯ «ФАМЕМО» КАК ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ВЕДУЩЕГО ГРУППЫ ПОДДЕРЖКИ ДЛЯ ЖЕНЩИН, ПЕРЕЖИВАЮЩИХ ТРУДНЫЕ ЖИЗНЕННЫЕ СИТУАЦИИ……248
Саломова Хулькар Шодимуродовна
ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТОМАТОЛОГА И ЭФФЕКТИВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ С ПАЦИЕНТОМ ЧЕРЕЗ СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ.....251
Файзуллаева Гузалхон Муслимовна
ОДАРЁННОСТЬ И ЛИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ: ВОЗМОЖНОСТИ И УГРОЗЫ СОПРОВОЖДЕНИЯ.....253
Фарманова Барно Абдукаюмовна.
ВОСПИТАНИЕ В ЭПОХУ ЦИФРЫ: НОВЫЕ ЗАДАЧИ ДЛЯ УНИВЕРСИТЕТОВ……...……..256
Хабиев Темур Рафаэлевич
ТРАНСГУМАНИЗМ И ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА В ОБРАЗОВАНИИ……259
Khudainazarova Ziyoda Shoismail Kizi
THE DIGITAL TURN: PHILOSOPHICAL REFLECTIONS ON TECHNOLOGY, EDUCATION, AND PERSONALITY.....263
Ширинова Хадиябону Джахонгировна
МЫШЛЕНИЕ В ЭПОХУ АЛГОРИТМОВ: ВОЗМОЖНО ЛИ ФИЛОСОФСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ?.....266
Эргашева Дилдора Авазжон кизи
ФИЛОСОФСКИЕ ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ: ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ НА ОБРАЗОВАНИЕ И ЛИЧНОСТЬ.....270
Юлдашева Асал Искандар кизи
СОВРЕМЕННЫЕ РОДИТЕЛЬСКИЕ СТРАТЕГИИ ВЫБОРА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....272
Яхъяева Лобархон Хабибулла кизи
ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ И ОБРАЗОВАНИЯ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ……..276

Секция 5.

Цифровизация и исторический контекст вовлечения молодежи в социально-экономическую жизнь общества в условиях глобализации

Абдурахманова Мадина Мурадовна
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕРИАЛОВ О БОЕВЫХ ПОДВИГАХ ЖЕНЩИН-УЗБЕЧЕК В ФОРМИРОВАНИИ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ……279
Йулдошева Мадина Рустам кизи

МОЛОДЕЖЬ, ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ПЕРЕКРЕСТКИ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ВЫЗОВОВ XXI ВЕКА……..……283
Kalbayeva Jazira Kuanishovna
GLOBALLASHUV SHAROITIDA AGROSANOAT MAHSULOTLARINI ISHLAB CHIQARISHGA TA’SIR ETUVCHI OMILLAR TAHLILI.....286
Копылов Юрий Дмитриевич, Ким Дарья Андреевна
ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТОВ ЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ……..288
Тумакова Светлана Владимировна
СОВРЕМЕННЫЙ РЫНОК РАБОЧЕЙ СИЛЫ: ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ВОВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНО ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА……290

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ФИЛОСОФСКИЕ И КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ

Абдильдина Раушан Жабайхановна
E-mail: rabdildina@gmail.com
академик НАН РК, заместитель директора Казахстанского филиала МГУ имени М.В.Ломоносова

Современный этап социального и технологического развития характеризуется стремительным распространением цифровых технологий, оказывающих глубокое влияние на все сферы человеческой деятельности – от экономики и научных исследований до повседневных коммуникативных практик. Трансформации затрагивают не только методы и средства познания, но и саму природу мышления как фундаментальной когнитивной функции. В связи с происходящими сегодня в мире процессами цифровизации, активного внедрения и использования технологий искусственного интеллекта, машинного обучения и глобальной информационной взаимосвязанности актуальное значение приобретают проблемы человеческого мышления, возникает необходимость переосмысления его сущности, специфических характеристик и перспектив развития.

В ходе развития человека, человеческой деятельности развивалось и человеческое мышление. Оно не просто углублялось и расширялось, а переходило из одного качественного состояния в другое, из одной мыслительной парадигмы в другую. Мышление – это не просто функция мозга, оно – функция и форма всей человеческой деятельности, всей человеческой культуры. Являясь формой человеческой деятельности, мышление представляет собой творчески изменяемый, развивающийся процесс.

Философская традиция осмысления мышления обладает длительной историей, уходящей корнями в античность. Первые греческие философы в поисках начала мира обращали внимание на качественные характеристики веществ природы – свойства воды, воздуха, огня и т. д.

Следующий уровень развития мышления – это уже не простое умение различать качества предметов, но понять. Сократ отмечал, что суть не исчерпывается знанием признаков предмета, существует сущность вещей, всеобщее, которое отличается как от качественных, так и от количественных характеристик предметов. Сущность есть нечто неизменное, противоположное изменчивому, чувственному миру – «чистое бытие» [1, с. 328]. С этого момента возникает новая парадигма, новый принцип мышления.

Аристотель под сущностью понимает не понятие, не всеобщее, а реальный предмет, явление и ставит вопрос, как формируется сущность. Всеобщими условиями формирования сущности он считает материю и форму, при этом форма носит активный, деятельный характер, формирует предмет [2, с. 198-201]. Аристотель создает логику – науку о мышлении, теорию о формах мышления, формулирует и систематизирует формальные законы логики. Аристотелевское представление о мышлении как о правильном, непротиворечивом рассуждении остается непреложным на протяжении всего Средневековья, где мышление интерпретировалось как способ достижения Бога посредством разума.

В Новое время возникла наука как особый феномен. Мышление, понимаемое как правильное рассуждение, стало недостаточным, поскольку в науке важна всеобщность и новизна. Мышление Бэкон понимал как обобщение фактов и проверку этого обобщения опытом, экспериментом [3, с. 70-71]. Английский ученый создал так называемую индуктивную логику, что было безусловным прогрессом в развитии человеческого мышления.

Задачу получения истинного научного знания решает и Р. Декарт, впервые постулируя, что исходное начало должно быть безусловным, необходимым, ясным и отчетливым понятием, из которого математически, дедуктивным путем выводится новое знание [4, с. 416]. Создание как индуктивной, так и дедуктивной логики ознаменовало новый этап в развитии человеческого мышления, поскольку и Бэкон, и Декарт понимали мышление не просто как умение различать, рассуждать, но как способность получать новое, точное, достоверное научное знание.

Однако для Нового времени было характерно так называемое рассудочное мышление. С одной стороны, мышление понималось, как умение обобщать, с другой – выводить, дедуцировать. В науке стал применяться принцип причинности, законы, но при этом правильное мышление понималось как непротиворечивое, однозначное. Подобное понимание мышления не могло объяснить новое понимание науки как точное, всеобщее, необходимое, но одновременно творческое знание. Всеобщность обеспечивает декартова дедукция, но при этом она не продуцирует новое знание. В бэконовской индукции присутствует новизна, но эмпирическому знанию не хватает общезначимости.

И. Кант обосновал возможность науки, научного познания, в кантовской терминологии – синтетических суждений априори. Кантовская концепция акцентировала внимание на мышлении как синтетической активности, конституирующей опыт и не сводимой к простому механическому соединению представлений. Данный подход сформировал основу для понимания мышления как деятельного и конституирующего начала, отличного от пассивного восприятия или автоматической обработки информации. Для этого не годится не только аристотелевская логика, но и индуктивная, бэконовская логика и декартовская дедуктивная логика, здесь необходима новая – трансцендентальная логика. Для формирования синтетического суждения должно быть единство чувственного многообразия, опыта и априорных логических категорий: «без чувственности ни один предмет не был бы нам дан, а без рассудка ни один нельзя было бы мыслить» [5, с. 155].

Кант впервые ввел деление научного познания на две взаимно необходимые стороны: рассудок и разум, где рассудок дает точное научное знание, а разум имеет дело с идеей и, в отличие от рассудка, претендует на познание всеобщего, познание вещей в себе, правда, при попытке схватить целое порождает антиномии, паралогизмы и т. д. Кант, таким образом, сделал новый шаг в развитии и понимании мышления.

Гегель по-новому истолковал и ввел новое понимание разума. Если у Канта разум, схватывая целостность, выходит за пределы опыта и потому порождает антиномии, то, по Гегелю, противоречива сама природа разума, поскольку противоречива истина, сама сущность. В отличие от рассудка, который не мыслит противоречия, не умеет рассмотреть предмет в его развитии, целостности и противоречивости, разум – высшая способность человеческого познания, высшая форма мышления, рассматривающая философские категории в их противоречивости, единстве, переходе друг в друга и, кроме того, в их

системности. Диалектическая логика Гегеля обозначила принципиально новую ступень человеческого мышления, разума.

«Мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение ее всеобщих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно» [6, с. 21-22], – так понимал свою задачу Маркс. Перевернув гегелевскую логику, он показал, что мышление не является субстанциальной, саморазвивающейся реальностью, оно есть форма человеческой предметной деятельности, которая находится в процессе постоянного развития, соответственно в постоянном развитии находится и человеческое мышление.

Новый этап в развитии мышления, открытие новой парадигмы мышления связано с именем А. Эйнштейна, который созданием теории относительности разрешил не только проблемы физики, но развил всю человеческую культуру в целом, обосновав новое понимание мышления, новое понимание пространства и времени. Далее Н. Бор, В. Гейзенберг, М. Планк, Э. Шредингер и др., создав квантовую механику как разрешение противоречия в физической науке, разрушили незыблемый принцип причинности – было выдвинуто знаменитое положение о микрочастице как единстве корпускулы и волны, что было реальным противоречием, аналогичным шеллинговскому и гегелевскому тождеству бытия и мышления. Таким образом, теория относительности и квантовая механика внесли вклад не только в развитие физики, но изменили все человеческое мышление [7, с. 304-360].

Сегодня логику человеческого мышления необходимо меняет искусственный интеллект и цифровые технологии. Э. В. Ильенков, П. В. Копнин, В. А. Лекторский и др., а также казахстанская школа диалектической логики развивали самый высший способ и метод мышления – диалектику, которая в настоящее время является методологией всей современной науки, роль которой особенно возрастает при решении вопроса взаимоотношения человека и машины.

Сегодня человек передает искусственному интеллекту рассудочные формы человеческого мышления, шаблонную, трафаретную мыслительную работу. Современные системы искусственного интеллекта демонстрируют высокую эффективность в анализе данных, распознавании паттернов и генерации текстового и визуального контента. Однако философский анализ выявляет, что алгоритмические системы функционируют в пределах заданных программных инструкций и лишены способности к осмысленному направлению действия и смыслообразованию. Машинное мышление не обладает субъективным опытом, самосознанием и ответственностью, что обусловливает его качественное отличие от человеческого, машина всегда мыслит традиционно, логично. Это ставит под вопрос возможность полного замещения человеческого мышления цифровыми алгоритмами. Мышление, являясь формой человеческой деятельности, есть творчески изменяемый, развивающийся процесс, поэтому никакие автономные роботы, искусственный интеллект не смогут сравняться с ним.

Переход к цифровой эпохе радикально изменил условия осуществления когнитивных процессов. Поведение сложных ИИ-систем может напоминать интеллектуальные процессы, однако философы различают имитации понимания и подлинное мышление. Мартин Хайдеггер и Жильбер Симондон подчеркивали, что техника не является субъектом и не вовлечена в мир на экзистенциальном уровне [8, 9].

Несмотря на успехи имитации творческих процессов со стороны искусственного интеллекта, подлинная новизна и смыслотворчество остаются прерогативой человека. Это свидетельствует о том, что мышление – не только функциональная операция, но и экзистенциальное переживание, связанное с личностной свободой и ответственностью.

Итоговый анализ свидетельствует, что несмотря на возросшие когнитивные возможности цифровых и алгоритмических систем, человеческое мышление сохраняет фундаментальную уникальность, обусловленную его онтологической открытостью, способностью к смыслообразованию и экзистенциальному переживанию. Эти характеристики трудно поддаются алгоритмизации, поскольку связаны с личностной включенностью и свободой субъекта. В этом заключается не только вызов, но и преимущество цифровой эпохи: в условиях повсеместной симуляции машинного мышления человек получает возможность заново осмыслить и утвердить свою мыслительную сущность как свободного, творческого и интенционального субъекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Платон. Государство / Сочинения в трех томах. Т.3. Ч.1. – М.: Мысль, 1971. – С. 89-485.
2. Аристотель. Метафизика / Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1975. – 550 с.
3. Бэкон Ф. Великое восстановление наук / Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1977. – 574 с.
4. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы хорошо направлять свой разум и отыскивать истину в науках / Декарт Р. Избранные произведения. – М.-Л.: Госполитиздат, 1950. – 712 с.
5. Кант И. Критика чистого разума / Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 3. – М.: Мысль, 1964. – 799 с.
6. Маркс К. Капитал. Т. I. Послесловие ко второму изданию / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 23. – М.: Политиздат, 1960. – С. 12-22.
7. Абдильдин Ж. Проблема начала в теоретическом познании / Собрание сочинений в 5 томах. Т. 1. – Алматы: Онер, 2000. – С. 304-360.
8. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С. 187–222.
9. Симондон Ж. О способе существования технических объектов / Пер. с франц. – М.: ИФ РАН, 2014. – 152 с

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ

Ахмедова Санабархан Хафизовна
E-mail: ahmedovasanabarhan@gmail.com
доцент кафедры экономики и логистики Белорусско-Узбекского совместного межотраслевого института прикладной технической квалификации

Развитие принципов «зеленой» экономики трансформируют все сектора экономики [1]. Данный процесс происходит с активным использованием комплекса современных технологий, тесно взаимосвязанных с развитием профессиональных способностей каждой личности.

Рассмотрим более подробно отдельные технологии и их влияние на профессиональные личности. Они могут оказать значительную помощь, особенно начинающим молодым специалистам, работающим в различных сферах.

Изменение структуры мировой экономики влияет на профессиональные личности, они занимаются не производством товаров, а получением и обработкой информации. Специалисты сменили обычную экономику на цифровую экономику.

Цифровая экономика имеет ряд особенностей:

-главный ресурс-абсолютно экологически чистый продукт, неисчерпаемая информация;

- нет ограничений на количество торговых площадок в Интернете;

-размер компании не влияет на ее конкурентоспособность;

-один физический ресурс может быть использован неограниченное количество раз для предоставления различных услуг;

-масштаб операционной деятельности определяется только мощностью Интернета.

Информационное общество способствует расширению обмена информацией и увеличению производства материальных благ.

Информационное общество гармонизирует диспропорции, возникающие между ростом вовлеченности ресурсов общества в сферу «не производства», т.е. информации.

Система экономических, социальных и культурных отношений-являются неотъемлемой частью развития профессиональных качеств личности. Использование новых методов, моделей, инструментов, умение дисциплинированно учиться на протяжении всей жизни также существенно содействуют гармонизации личности.

Цифровая экономика может положительно повлиять на жизнь всего общества, предоставить множество возможностей для каждого пользователя, это значительно расширяет возможности рынка.

Однако, наряду с многочисленными преимуществами, цифровая трансформация не лишена определенных рисков:

-риск киберугроз;

-использование данных о людях для контроля их поведения

-рост безработицы, исчезновение некоторых профессий;

-нарушение цифрового образования, как следствие, нарушение социального обеспечения и т.д.

Жизненно важные интересы субъектов (государства, юридических и физических лиц), участвующих в автоматизированных коммуникационных процессах, как правило состоят в том, чтобы информация, касающаяся их экономических, политических и иных сторон деятельности, конфиденциальная, коммерческая информация и персональные данные были открыты и защищены от неправомерного пользования.

Еще несколько лет назад, когда информационная экономика только зарождалась, исследования экспертов по информационной безопасности показали, что к тому времени произошли существенные изменения в понимании защиты данных. Когда говорят об экономической целесообразности мер по обеспечению информационной безопасности, некоторые в первую очередь думают о защите от вирусов и хакеров, однако ущерб за последние годы наносили сотрудники компаний.

Сегодня мы можем идентифицировать каждую сущность как принадлежащую к тому или иному миру, но через определенное время мы больше не сможем проводить такое разделение для большинства объектов. Такие примеры существуют уже сегодня: -камера или любой другой передатчик, подключенный к сети, -частью какого мира он является? Без сомнения, они являются сущностью обоих миров.

Современные мобильные телефоны хранят большой объём информации: номера телефонов, дни рождения, фотографии, пароли и так далее. Мы наделили электронное устройство частью функциональности нашей памяти, без которой мы были бы потеряны и недееспособны. Даже если мы физически не подключены к телефону, функционально мы чувствуем себя с ним единым целым.

Что такое цифровая трансформация? Цифровой бизнес-это появление новых бизнес -моделей, объединяющих физический и цифровой миры.

Бурный рост социальных сетей, рынка смартфонов, широкополосного доступа в Интернет, технологий машинного обучения и искусственного интеллекта меняют мир, в котором работают компании. Им приходится адаптироваться к изменениям, либо занимая новые «ниши», либо модифицируя существующие «ниши».

3D-печать. Это еще одна технология, которая может трансформировать строительную и машиностроительную отрасли.

Массовое производство 3D-принтеров, способных печатать изделия из полимеров, бетона, металла и даже золота, изменит само понимание производственного цикла, поскольку многие виды продукции можно будет производить, не выходя из дома, просто имея трехмерную модель и 3D-принтер. К развитию 3D-печати активно подключилось и машиностроение, где печатать дешевле, чем получать их «классическим» методом.

Электронный бизнес. Электронный бизнес-обобщающее понятие для различных классификаций информационных технологий, автоматизирующих коммерческую работу на предприятиях.

Использование электронного бизнеса обычно осуществляется в двух направлениях: для создания нового бизнеса или расширения его деятельности, либо для внедрения информационных технологий для расширения деятельности, существующего электронного бизнеса.

Электронный бизнес состоит из четырех основных направлений:

-электронная коммерция;

-интернет-услуги;

-контент интернет-услуг;

-деятельность электронных фирм.

Электронный бизнес-это активное формирование и использование инноваций, а также научное направление междисциплинарных исследований. Подтверждение этому служат многочисленные научные конференции, посвященные данной проблематике, а также деятельность многих исследовательских центров, занимающихся поиском новых решений для электронного бизнеса. Во многих учебных заведениях мира существуют образовательные программы в области электронного бизнеса: программы дополнительного образования в этой области, программы МБА, аспирантура. Образование в сфере электронного бизнеса направлено на подготовку высококвалифицированных специалистов для работы в крупных онлайн и офлайн компаниях. Магистры готовятся в качестве руководителей высшего звена (в дальнейшем-генеральный директор, главный технический директор, директор по экономике и информатике).

Электронная коммерция. Электронная коммерция – это коммерческая деятельность, использующая информационные и телекоммуникационные технологии и системы в любой сфере бизнеса. В основу данного определения положено представление о торговле как в виде предпринимательской деятельности, направленной на осуществление процесса торговли и оказания услуг с целью получения прибыли.

Электронная коммерция включает в себя:

-электронный обмен данными;

- электронный поток капитала;

-электронная коммерция;

- электронные деньги;

- электронный маркетинг;

-электронный банкинг;

-электронные страховые услуги;

Электронную коммерцию можно рассматривать с разных точек зрения:

с точки зрения связей: электронная коммерция

-способ доставки информации, товаров услуг и платежей с использованием телефонных линий, компьютерных сетей или любых других электронных средств;

с точки зрения бизнес -процесса: электронная коммерция-это технология, автоматизирующая бизнес -операции;

по услугам: электронная коммерция – средство для компаний сократить свои издержки, улучшить качество товаров и услуг, а также ускорить их доставку;

с точки зрения времени: электронная коммерция позволяет осуществлять продажу (покупку, исполнение 24 часа в сутки) товаров, услуг и информации в Интернете в режиме реального времени;

с космической точки зрения: открытая инфраструктура Интернета создает глобальную (бесконечную) среду внедрения (Интернет) в электронную коммерцию.

Электронную коммерцию можно разделить на две формы:

электронная коммерция-основа создания бизнеса;

электронная коммерция как дополнительный инструмент развития существующего традиционного бизнеса;

Электронная коммерция является основой для создания бизнеса, и большая часть бизнес-процессов, речь идет о бизнес-модели, реализуемой с помощью интернет-технологий.

Большие данные (Big Data). Большие данные-представляет собой набор методов, инструментов и подходов, предназначенных для обработки структурированных и неструктурированных данных с целью получения результатов, воспринимаемых человеком [2].

Большие данные возникают там, где имеется большая выборка исходных данных. На их основе можно анализировать и прогнозировать события макроуровня, изучать модели социального поведения, а также научные эксперименты, статистические данные и тенденции.

Как для коммерческих, так и для государственных проектов сложностью в области больших данных является начальная часть задач по применению этих данных для конечного решения.

Искусственный интеллект. К системам искусственного интеллекта относятся: информационно-поисковые системы (вопросно-ответные системы), вычислительно-логические системы и экспертные системы. Любая интеллектуальная система, независимо от ее использования представляет собой человеко-машинную систему.

Задача системы-предоставить конечному пользователю возможность использовать знания, накопленные за годы работы квалифицированными специалистами (экспертами) в рамках их профессиональной деятельности при решении конкретной проблемы. Для этого компьютер должен включать в себя базу знаний и интеллектуальный интерфейс. В базе знаний хранится информация о методах решения типовых задач. Интеллектуальный интерфейс — это взаимодействие между конечным пользователем и системой в процессе решения проблем. Он включает в себя все инструменты, предоставляемые конечным пользователем.

Нейронные сети. Известно, что человеческий мозг способен быстро обрабатывать большие объёмы информации. Это происходит благодаря параллельной работе миллионов нервных клеток мозга-нейронов.

Интеллектуальный капитал. Основная составляющая интеллектуального капитала – наличие знаний-определяет суть многих трактовок этого понятия. Люди и знания, которыми они обладают, нематериальные активы и растущая профессиональная глубина человеческих ресурсов все чаще становятся основными ресурсами развития.

Не случайно растет понимание того, что большая часть изменений в управлении обусловлена переходом от прошлого, ориентированного на капитал, к будущему, ориентированному на знания.

Таким образом, в данной работе приведены отдельные современные технологии, которые используют в самых различных сферах и, в определенным смысле влияют на формирование профессиональной личности, на каждого человека современного и личности недалёкого будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева
2. №ПП-4477, от 4 октября 2019г. г. Ташкент
3. Ахмедова С. Х. Катта маълумотлар (Big data) ва аналитика маълумотлар базасини ташкил этиш.

METAVERSE AND MORAL DEVELOPMENT: A NEW FRONTIER FOR PERSONALITY FORMATION IN THE AGE OF IMMERSIVE EDUCATION

Dr. Alkan Ahmet
Lecturer, The Ministry of National Education Republic of Turkiye
Orcid: https://orcid.org/0009-0001-6378-3706
E-mail: bilgi.ahmetalkan@gmail.com

Abstract. *This study examines the impact of Metaverse and immersive technologies on moral development and personality formation within educational contexts, through the combined lens of psychological theories and Islamic ethical thought. Drawing on frameworks such as Piaget and Kohlberg's developmental models alongside key Islamic concepts—nafs refinement, uswa al-ḥasanah (prophetic exemplarity), and maslahah (public interest)—the study analyzes emerging challenges including identity confusion, algorithmic moral conditioning, and "moral isolation" in digital environments. It argues that VR and AR-enhanced educational settings can foster empathy, spiritual awareness, and ethical responsibility when grounded in sound pedagogical design. The paper introduces a holistic "eye–heart–mind" model, emphasizing that immersive environments can support not only cognitive but also emotional and moral growth. Ultimately, the study proposes an integrative Moral Metaverse Curriculum that unites Islamic virtue ethics with contemporary digital pedagogy. Thus, the Metaverse is repositioned not merely as a technological medium, but as a transformative ethical space for cultivating virtuous individuals in the digital age.*

Keywords*: Metaverse, Immersive education, Moral development, Islamic ethics, Virtual reality, Digital pedagogy, Moral isolation.*

1. Introduction

In the twenty-first century, educational systems are undergoing a rapid process of digital transformation, with technological innovations fundamentally reshaping how learning is conceptualized, delivered, and experienced. This transition accelerated markedly in the wake of the COVID-19 pandemic, during which remote learning and virtual communication became near-universal necessities. Consequently, immersive technologies—such as the Metaverse, virtual reality (VR), and augmented reality (AR)—have gained unprecedented traction in educational contexts.

A study conducted by Tsinghua University defines the Metaverse as a "new-generation internet that synthesizes the real and virtual worlds by erasing the boundary between human existence and digital environments" (Guan and Li, 2021). Today, the Metaverse is rapidly evolving into a viable educational platform, and many institutions are actively attempting to adapt to this transformation. For instance, Meta has launched pilot programs by donating Quest 2 VR headsets to 15 universities in the United States to facilitate immersive learning environments (Kingston, 2023).

Emerging research also suggests that VR and AR can be effectively employed in religious education, where experiential learning may significantly enhance moral development. The "E-TITUDE" project in Indonesia, for example, uses VR-based interactive games to foster Islamic moral values among youth (Rifai et al., 2022). Similarly, virtual tours of sacred sites like Makkah/Madinah and immersive Qur'anic learning experiences in other countries indicate how

such technologies are being adapted for spiritual and educational purposes. Nevertheless, these advancements are not without ethical complications; issues such as identity fragmentation, data privacy concerns, unequal access, and moral ambiguity have become increasingly prominent.

In this context, the primary aim of this study is to explore the implications of Metaverse-based environments for personality formation and moral development. This investigation is grounded in both contemporary psychological theories (e.g., Piaget, Kohlberg, theories of empathy and identity) and Islamic ethical-pedagogical frameworks. The research intends to fill a critical academic and ethical gap by offering an integrated approach.

Accordingly, the central research questions guiding this study are as follows:

1. How do Metaverse environments influence the moral decision-making processes of young individuals?
2. What impact might virtual identities and avatar-based interactions have on human values?
3. How can Islamic ethical principles—such as nafs training, prophetic example (uswa al-ḥasanah), and public interest (maslahah)—be applied within Metaverse environments?

Through the lens of these questions, this paper aims to provide a theoretical analysis of both the opportunities and risks posed by the integration of Metaverse technologies in education. Additionally, it seeks to construct a bridge between modern psychological theories and Islamic moral philosophy. Ultimately, the study will offer concrete recommendations for developing a value-oriented immersive educational model.

2. Theoretical Framework

As of 2025, an extensive body of literature has emerged concerning the application of Metaverse, VR, AR, and XR technologies in educational settings. For example, Kourtesis (2024) analyzes multimodal XR applications, highlighting both their pedagogical advantages and their ethical and social risks—emphasizing concerns such as "data privacy risks, addiction, dissociation, [and] harassment." Similarly, a study published in Frontiers in Virtual Reality underscores the necessity of addressing immersive technologies not solely from a technical standpoint, but also through ethical frameworks, legal regulations, and value-based educational programming (Raja and al-Baghli, 2025).

Institutions like Meta are already exploring immersive learning from socio-ethical perspectives. At the University of New South Wales (UNSW), for instance, simulations that allow students to experience life from the perspective of individuals with disabilities have been shown to enhance both empathy and a sense of agency (Landrigan, 2023). Fonseca and Borges-Tiago (2024) further argue that the Metaverse presents promising opportunities for global citizenship and ethics education, while also cautioning against the moral ambiguities introduced by virtual identities.

In the Muslim world, promising developments have also been documented. In Padang, Indonesia, the "E-TITUDE" VR application has improved students' interest, comprehension, and engagement in learning about the Hajj pilgrimage, demonstrating increased instructional efficacy (Aryati et al., 2024). Studies from the Crescent Institute similarly report positive outcomes regarding VR-based Qur'anic instruction and Islamic history education, including gains in student motivation, conceptual understanding, and digital competency (al-Khatib et al., 2020). Moreover, research on VR-based religious pedagogy indicates that immersive environments significantly improve teacher–student interaction and facilitate non-verbal, empathy-centered learning processes (Alkan, 2024).

The literature suggests that learning in the Metaverse encompasses not only technical dimensions, but also cognitive, emotional, behavioral, and ethical ones. A recent study entitled Metaverse Literacy for Education addresses these four dimensions and advocates for a value-oriented instructional design in immersive educational environments (Nguyen et al., 2025).

In summary, while XR and Metaverse technologies present considerable pedagogical potential, they simultaneously pose significant ethical and psychosocial risks. Though VR applications in religious education show tangible benefits, these efforts often remain confined to historical, ritualistic, or informational domains. There is a marked scarcity of studies that simultaneously address value-based personality development in the Metaverse through both psychological and religious-ethical frameworks.

Accordingly, this study aims, on one hand, to examine moral and character formation within Metaverse environments through an integrated lens combining VR/AR technologies with psychological and Islamic perspectives. On the other hand, it seeks to articulate the foundational principles for a "Moral Metaverse Curriculum." Ultimately, this research aspires to serve as a conceptual bridge between immersive technology and moral education, contributing to the formation of ethically grounded digital learning ecosystems.

3. Metaverse in Education: Opportunities and Risks

The Metaverse is conceptualized as a digital ecosystem in which users interact through avatars within three-dimensional virtual environments that blend elements of both physical and digital realities (Tlili et al., 2022). This concept encompasses a range of technologies under the umbrella of Extended Reality (XR), including Virtual Reality (VR), Augmented Reality (AR), and Mixed Reality (MR) (Fisher, 2023). XR technologies are rapidly advancing across multiple domains, such as education, simulation, entertainment, and healthcare.

Immersive technologies offer learners the ability to engage with complex concepts through embodied, experiential learning in 3D environments. Metaverse-based classrooms, for instance, provide access to virtual laboratories, guided tours of ancient cities, or explorations inside the human body—facilitating deeper cognitive engagement and spatial understanding.

Corporate and academic initiatives alike are accelerating the deployment of immersive educational tools. Meta's pilot programs in universities support experiential learning through virtual museums and anatomical simulations, while platforms such as Metaprep Academy promote interactive 3D classrooms and virtual field trips to global destinations, thereby enhancing educational engagement and accessibility.

However, despite these promising affordances, immersive technologies also present a range of challenges. Prolonged VR use has been associated with physical side effects, such as nausea and dizziness, and may impair children's ability to distinguish between real and virtual domains. The difficulty of measuring time spent in simulations further raises concerns regarding psychological dissociation and detachment from reality. Ethical issues also arise, including potential misuse of biometric and eye-tracking data, and broader concerns surrounding data privacy.

Moreover, avatar-based identity manipulation and the lack of accountability in virtual spaces can exacerbate problems such as cyberbullying, moral ambiguity, and ethical disengagement—ultimately hindering the moral development of users, particularly adolescents.

While XR and Metaverse technologies introduce innovative, interactive, and experiential dimensions to learning, they also raise critical concerns related to the perception of reality, physical well-being, ethical complexity, and data security. These challenges necessitate carefully structured

pedagogical frameworks that incorporate ethical guidance and value-oriented instruction. This study, therefore, proceeds with the recognition that immersive education must be underpinned by models that not only harness technological affordances but also prioritize the cultivation of moral and ethical consciousness—issues that are explored in the subsequent sections.

4. Moral Development in Immersive Environments

Within Metaverse environments, students are frequently exposed to a broad spectrum of non-educational content, including depictions of violence, excessive consumerism, sexism, and experiences that foster identity confusion (Kim & Kim, 2022). Particularly on popular platforms, gamified educational settings are often shaped more by commercial or cultural codes than by pedagogical objectives. Research indicates that 68% of users aged 12 to 18 engage with Metaverse platforms primarily for entertainment and social interaction rather than educational purposes (Statista, 2024). This statistic raises important questions regarding the quality of learning environments and the value conflicts students encounter.

Moral decision-making is inherently influenced by the context and stimuli to which individuals are exposed. Compared to traditional classroom settings, the Metaverse offers a far more variable, decontextualized, and visually/emotionally stimulating environment. From the perspective of Kohlberg's theory of moral development, the dilemmas individuals face in these virtual contexts may reshape their value systems over time (Narváez, 2021). For instance, when a student opts to "lie for success" within a virtual scenario, such a choice may evolve beyond mere gameplay into an internalized behavioral norm. Furthermore, content curated by artificial intelligence and algorithms can subtly steer users towards certain moral decisions without their explicit awareness (Zuboff, 2019).

In the absence of adequate guidance, students may experience what contemporary ethics literature terms "moral isolation." The Metaverse's provision of a "personal world" can isolate individuals from social value systems. When the influence of teachers, families, or communities diminishes in virtual settings, learners may find themselves solely responsible for constructing their ethical compasses. This phenomenon, known as "moral isolation," refers to a digital milieu where access to diverse value systems is restricted and filtered primarily through algorithmic curation, potentially engendering ethical fatigue or normlessness (Bauman, 2000; Turkle, 2015).

Conversely, when employed with sound pedagogical strategies, the Metaverse can serve as a powerful medium for fostering values such as empathy, social responsibility, and global awareness. For example, VR experiences that allow students to see through the eyes of a war-affected child have been shown to increase empathetic engagement (Cotton, 2023). Immersive simulations of religious rituals, apocalyptic scenarios, or historical atrocities may provoke profound moral reflection (Hussain & Anuar, 2022). However, without deliberate pedagogical design, such experiences risk becoming merely "shocking" rather than truly instructive.

Therefore, the active incorporation of interactive guidance, value-centered content design, and critical thinking strategies is essential in digital learning environments. Moral development within the Metaverse depends not only on technological tools but equally on pedagogical approaches and content stewardship. Without proper facilitation, students risk moral isolation and norm erosion, whereas value-based digital curricula supported by teacher mentorship can transform the Metaverse into a robust platform for ethical growth.

5. Islamic Perspective: Guiding Ethical Personality in Virtual Worlds

The Prophet Muhammad served as a paramount example (uswa-ı hasanah/sâliha) in the realm of moral and value education, guiding the ethical development of individuals through his

virtuous conduct. This exemplary model is equally applicable within virtual environments; students can engage with avatars and simulation scenarios that embody the Prophet's ethical virtues, thereby enhancing their spiritual dimension (AlMelaih AlFzari et al., 2024). For instance, educational simulations might thematically incorporate the Prophet's patience, justice, and mutual assistance, serving as concrete models for users' ethical decision-making processes (Wahyuni et al., 2024).

Moreover, foundational principles of Islamic jurisprudence (usûl al-fiqh) can offer valuable guidance for the ethical deployment of Metaverse technologies. Drawing from the maqāṣid al-sharī'ah, the principle of maslahah, understood as the pursuit of higher objectives or welfare, may serve as a critical criterion in designing simulations that attend to users' mental health, spiritual maturity, and social connectedness. The principle of necessity (darurah) provides a normative framework justifying technological imperatives such as equitable access and content reliability from both legal and ethical perspectives. Additionally, the doctrine of istihsan, or preference through exception, enables flexibility by allowing Metaverse content to be customized to diverse user needs.

Integral to holistic human development within the Metaverse is the Islamic pedagogical concept of the "eye, heart, and mind" triad, which aims at the comprehensive cultivation of the individual's humanistic and spiritual faculties. This model can be operationalized in virtual environments as follows: The "eye" fosters visual awareness through VR simulations of historical sites; the "heart" facilitates emotional and social bonding via interactive avatars and immersive experiences; and the "mind" advances cognitive growth through Islamic knowledge content, sagacious dialogues, and problem-solving scenarios. Consequently, the virtual space transcends mere information acquisition and instead nurtures the formation of an ethical personality grounded in the axis of knowledge ('ilm) and excellence in character (ihsan).

6. Conclusion and Recommendations

Metaverse technologies are revolutionizing pedagogical practices by providing interactive, experiential, and simulation-based learning environments. However, without ethical guidance, these technologies may pose significant risks including individual alienation, identity confusion, detachment from reality, and erosion of ethical norms. In this context, the Metaverse should not be regarded merely as a technological platform but rather as a medium for producing and transmitting values. Digital spaces founded solely on gamification or attention-grabbing content risk inducing feelings of "moral isolation" and anomie among learners.

The collaboration of three principal stakeholders is critical in this process: educators must develop value-driven scenarios grounded in sound pedagogical principles; technology developers should embed ethical coding within algorithms; and religious authorities are called upon to guide the transposition of spiritual principles into the digital realm. This cooperative framework is essential not only for Islamic education but also for establishing a universal digital ethics framework for humanity at large.

Based on the findings of this study, several recommendations can be put forward. Foremost, a "Moral Metaverse Curriculum" should be developed, incorporating scenarios that emphasize core values such as empathy, justice, responsibility, and compassion. Furthermore, VR content grounded in Prophetic exemplarity, coupled with scenario-based learning, should be prioritized. Reflective pedagogy should also be employed, encouraging students to critically analyze their own value judgments at the conclusion of each scenario. During virtual content engagement, the inclusion of guiding texts or avatars (*murabbis*) can facilitate moral awareness. In doing so, this

model will offer an innovative approach that integrates classical Islamic ethical theories with contemporary digital pedagogy.

REFERENCES

1. Alkan, A. (2024), Unveiling New Frontiers in Moral Education, Virtual Reality and Role-Playing Gmames In Secondery Schools, International Scientific- Practical Conference Proceedings, Samarqand Davlat Universitetining
2. AlKhatib, H. H., Mansor, E. I., Alsamel, Z., & AlBarazi, J. A. (2020). A study of using VR game in teaching Tajweed for teenagers. In Interactivity and the f uture of the human-computer interface (pp. 17–33). IGI Global.
3. AlMelaih AlFzari, S. M. A., Rosman, A. S., Bayoumi, K., & Samat @ Darawi, A. B. (2024). Ten ways the Metaverse will reshape the world: An Islamic perspective. International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences, 14(11). https://doi.org/10.6007/IJARBSS/v14-i11/2317
4. Aryati, A., Jamrizal, J., Anwar, K., Zulkarnain, Z., Zaharuddin, M., & Firman, A. J. (2023). Spiritual pilgrimage through virtual reality (VR): Transforming Islamic religious education in Madrasahs. Tarbawi: Jurnal Ilmu Pendidikan Islam, 27(2), 435–445. https://doi.org/10.31958/jt.v27i2.12350
5. Bauman, Z. (2000). *Liquid Modernity*. Polity Press.
6. Cotton, M. (2023). Virtual reality, empathy and ethics: Dramatic rehearsal and moral imagination in immersive environments. *Ethics and Information Technology*, 25(1),15–29. https://doi.org/10.1007/s10676- 02309654-2
7. Fisher, T. (2023, January 18). What is XR (Extended Reality)? XR describes virtual, augmented, and mixed-reality technologies. Lifewire. https://www.lifewire.com/what is-xr-extended-reality-5180910
8. Fonseca, J., & Borges-Tiago, T. (2024). Metaverse and education for sustainable global citizenship: Ethical paradoxes. In Strategic innovative marketing and tourism (pp. 777–785). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-031-51038-0_84
9. Guan, X., & Li, Y. (2021, December 23). How the Metaverse is reshaping human social life. Central Commission for Discipline Inspection. https://www.ccdi.gov.cn/
10. Hussain, A., & Anuar, C. A. C. M. (2022). Virtual pilgrimage as a tool for Islamic pedagogy: A case study of Hajj simulations in Malaysia. *International Journal of Islamic Thought*, 21(1), 33–45. https://doi.org/10.24035/ijit.21.2022.263
11. Kim, M., & Kim, Y. (2022). The dark side of metaverse: Content exposure and value dissonance in adolescent users. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 25(12), 761–768. https://doi.org/10.1089/cyber.2022.0021
12. Kingson, J. A. (2023, December 12). Virtual reality takes a seat in college classrooms. Axios. https://www.axios.com/2023/12/12/virtual-reality college-classrooms
13. Kourtesis, P. (2024, November 7). A comprehensive review of multimodal XR applications, risks, and ethical challenges in the metaverse (arXiv:2411.04508). arXiv. https://arxiv.org/abs/2411.04508
14. Landrigan, B. (2023, July 18). Riding with Amy: A virtual reality journey towards disability inclusion. PVC Education & Student Experience.
15. Narváez, D. (2021). *Moral development and moral education: A new synthesis*. Routledge.

16. Nguyen, A., Huynh, L., Dang, B., Pohjolainen, S., Mattila, J., Paajala, I. J., Tikkanen, R., Lehto, E., Poikonen, F., & Karppinen, P. (2025). Conceptualizing and enhancing metaverse literacy for education. Education and Information Technologies.
17. Raja, U. S., & Al-Baghli, R. (2025). Ethical concerns in contemporary virtual reality and frameworks for pursuing responsible use. Frontiers in Virtual Reality, 6, Article 1451273. https://doi.org/10.3389/frvir.2025.1451273
18. Rifai, I. A., Safrani, I. D. P., & Insani, H. P. (2022, May). E-TITUDE: Innovation of Islamic morals learning applications for youth based on virtual reality to face quality education in 2030. Khazanah Jurnal Mahasiswa, 13(4). https://doi.org/10.20885/khazanah.vol13.iss4.art2
19. Statista. (2024). Share of teenagers using the Metaverse for different purposes worldwide in 2024. https://www.statista.com/statistics/metaverse- usage-teens-worldwide/
20. Tlili, A., Huang, R., Shehata, B., Liu, D., Zhao, J., Metwally, A. H. S., Wang, H., Denden, M., Bozkurt, A., Lee, L.-H., Beyoglu, D., Altinay, F., Sharma, R. C., Altinay, Z., Li, Z., Liu, J., Ahmad, F., Hu, Y., Salha, S., Abed, M., & Burgos, D. (2022). Is Metaverse in education a blessing or a curse: A combined content and bibliometric analysis. Smart Learning Environments, 9(1), 24. https://doi.org/10.1186/s40561-022-00196-w
21. Turkle, S. (2015). *Reclaiming conversation: The power of talk in a digital age*. Penguin Press.
22. Wahyuni, I. S., Sadiq, I. S., & Rahman, R. (2024). Metaverse phenomenon in Islamic perspective: Opportunities and challenges. Jurnal Ushuluddin: Media Dialog Pemikiran Islam, 57–68. https://doi.org/10.24252/jumdpi.vi.53325
23. Zuboff, S. (2019). *The age of surveillance capitalism: The fight for a human future at the new frontier of power*. PublicAffairs.

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Джураева Л.Р.
E-mail: leyla-djuraeva@rambler.ru
Кандидат философских наук, доцент кафедры общегуманитарных и социально-экономических наук филиала МГУ им. М. В. Ломоносова в г. Ташкенте

Современный мир переживает стремительное развитие цифровых технологий-искусственного интеллекта, больших данных, нейросетей, биоинформатики и других направлений, которые радикально трансформируют проведение научных исследований, экономику и повседневную жизнь. Принципиально новые формы получения, хранения, обработки и распространения знания — от больших данных и алгоритмов до нейросетей и машинного обучения, требуют не только технического понимания, но и философского осмысления границ, возможностей и рисков, связанных с трансформацией научной рациональности. В этом контексте курс «Философия и методология науки» становится не просто академической дисциплиной, а инструментом формирования научного мировоззрения, критического мышления и этической ответственности исследователя.

Глубокое воздействие науки на различные аспекты жизни современного общества делает актуальным обращение к ней как к специфическому феномену культуры, с целью выявления её природы, отличительных черт и принципов действия. Формирование философии науки как самостоятельной дисциплины стало возможным благодаря осмыслению науки в качестве уникального феномена, обладающего высокой степенью автономности и значительной ролью в жизни общества. Эта область философского знания возникла в ответ на необходимость глубокой рефлексии над онтологическими, эпистемологическими и методологическими аспектами науки, а также её историко-культурным влиянием на развитие цивилизации. Возникновение этой области знания обусловлено необходимостью глубокого анализа природы науки, её внутренних закономерностей, логики развития и социально-культурной роли. Философия науки как самостоятельная дисциплина сосредотачивает своё внимание на изучении сущности научного познания, его специфики, методологических оснований, а также принципов формирования, получения, верификации и обоснования научного знания. Особое внимание в рамках данной дисциплины уделяется изучению критериев научности, типов научных рациональностей, механизмов научных революций, а также взаимодействию науки с другими формами мировоззрения — мифом, религией, искусством и философией. Таким образом, философия науки выполняет не только теоретико-методологическую функцию, но и играет ключевую роль в критическом осмыслении науки как культурного и исторического феномена [1].

Философия науки как самостоятельное направление формируется в конце XIX — начале XX века на пересечении трёх сфер: собственно научной практики, истории науки и философии. Эта дисциплина стремится понять, какую роль наука играет в обществе, каков её вклад в развитие человеческой цивилизации, и где пролегают границы и возможности научного познания.

Философия науки не могла сформироваться в более ранние исторические эпохи, например, в X или XIV веках, по той причине, что сама наука тогда ещё не представляла собой оформленную и самостоятельную систему знания. В средние века научное мышление часто находилось под влиянием религиозных доктрин, а природные явления объяснялись преимущественно через метафизические или теологические категории. Наука ещё не обладала теми методологическими инструментами и практическими достижениями, которые делают возможным философское осмысление её природы и границ. Лишь в XIX–XX веках, на фоне бурного развития естественных и технических наук, накопления огромного массива эмпирических данных, а также революционных открытий в физике, биологии, химии, стало очевидно, что наука — это не просто способ описания мира, а особый тип рационального мышления, требующий философского анализа. Именно тогда возникает и утверждается как самостоятельная дисциплина философия науки — область, исследующая структуру научного знания, его методы, формы обоснования и критерии истинности [2].

Таким образом, философия науки — это продукт зрелости самой науки. Она возникает как рефлексия над тем, как работает наука, почему она работает, и в каких границах применимы её методы. Без накопленного научного опыта, который стал возможен лишь к Новому времени, такая философская дисциплина была бы невозможна.

В отличие от представителей конкретных научных дисциплин, философы стремятся выстроить целостную картину мира, обращая внимание не столько на частные эмпирические данные, сколько на фундаментальные основания и универсальные принципы научного познания. Философия науки занимается выявлением общих закономерностей, лежащих в основе различных научных практик, а также анализом логики, структуры и границ научного мышления. Однако на разных этапах своего исторического развития она акцентировала внимание на различных аспектах: от поиска единой картины мира и вопросов детерминизма и причинности в классической науке — до анализа языковых структур, парадигмальных сдвигов и социальных факторов в науке XX и XXI веков.

В начале своего формирования (в первой трети XX века) она занималась:

-разработкой единой научной концепции мира;

-изучением взаимосвязи причинности и детерминизма;

-анализом статистических и динамических закономерностей;

-рассмотрением различных методов научного мышления, таких как логика и интуиция, индукция и дедукция, анализ и синтез, теория и факт.

На втором этапе (во второй трети XX века) основное внимание уделялось:

-эмпирическому обоснованию науки и роли эмпирического исследования;

-взаимосвязи между эмпирическим и теоретическим знанием в науке.

На третьем этапе (конец XX века) акцентируется внимание на:

-новых концепциях научной рациональности;

-соперничестве различных моделей развития науки;

-реконструкции логики научного поиска;

-обновлении критериев научности;

-вопросах социальной детерминации научного знания;

-проблемах гуманизации и гуманитаризации научной деятельности [3].

В эпоху стремительного развития цифровых технологий философия науки выходит за пределы чисто теоретических размышлений о природе знания. Она всё больше

сосредотачивается на вопросах ценностей, целей и последствий научной деятельности. Сегодня наука влияет не только на технологии, но и на образ мышления, повседневную жизнь и даже на понимание самого человека. В этой связи философия науки играет важную роль в воспитании ответственного отношения к научным открытиям и их влиянию на общество.

Одной из значимых задач философии науки становится прогнозирование того, как различные теории и научные концепции могут влиять на общественное сознание, культуру и мировоззрение. Современная наука включает в себя не только практические и прикладные аспекты, но и вопросы, связанные с человеческими ценностями, этикой и смыслом. В этом смысле философия науки помогает «сделать науку человечнее».

Цифровые технологии, искусственный интеллект, нейросети и большие данные трансформируют методы научного познания. Это приводит к появлению новых вопросов, которые философия науки раньше не ставила так остро. Например:

Что такое знание в цифровую эпоху?

Можно ли считать ИИ субъектом научного поиска?

Как меняется структура научного знания при автоматизации исследований?

Кто несёт ответственность за решения, принятые алгоритмами?

Должны ли роботы и ИИ иметь моральный статус?

Как обеспечить безопасность и справедливость при внедрении новых технологий?

Где проходит граница между человеческим и машинным знанием?

Именно философия науки позволяет глубже понять разницу между машинной обработкой данных и подлинно человеческим пониманием. Она подчёркивает, что в научном познании важны не только вычисления и алгоритмы, но и такие качества, как интуиция, способность к интерпретации, а также учёт контекста. Эти элементы невозможно свести к формальным процедурам, и именно они делают науку по-настоящему творческой и осмысленной деятельностью.

Философия науки обладает и важным прикладным, прагматическим измерением: она помогает выделить наиболее эффективные, адаптивные и перспективные модели организации научного исследования. Это особенно актуально для молодых учёных, которым необходимо выработать устойчивые ориентиры в научной деятельности. Понимание структуры, логики и этапов научного поиска, предложенное в трудах таких исследователей, как И. Лакатос (концепция исследовательских программ), С. Тулмин (модель аргументации) и Т. Кун (анализ смены научных парадигм), способствует осознанию не только методов, но и стратегий научной работы [4].

Современное научное познание невозможно представить вне контекста стремительного развития информационных и цифровых технологий. Эти технологии радикально трансформировали как методы получения и обработки данных, так и формы представления научного знания. Они не только расширили методологические горизонты науки, но и выдвинули перед философией науки новые фундаментальные вопросы, связанные с конфиденциальностью, ответственностью, прозрачностью научных исследований и социальной справедливостью в доступе к знаниям. Возникает необходимость переосмысления границ допустимого в сборе, хранении и распространении информации, чтобы не допустить нарушения прав личности и научной этики.

Не менее значимой становится проблема ответственности в научных исследованиях. В условиях, когда решения всё чаще принимаются с опорой на автоматизированные

алгоритмы и системы искусственного интеллекта, становится важным понимать: кто несёт моральную и правовую ответственность за последствия применения этих решений? Каковы пределы допустимости делегирования познавательных функций машине?

Кроме того, остро встаёт вопрос прозрачности научного знания. Современные методы, основанные на больших данных и нейросетях, нередко оказываются «чёрными ящиками», лишёнными интерпретируемости. Это вызывает озабоченность как среди философов, так и среди учёных, так как подрывает принцип воспроизводимости и открытости науки.

Наконец, важнейшим вызовом остаётся обеспечение социальной справедливости в доступе к знаниям. Расширение цифровых платформ, коммерциализация научных публикаций, неравномерное распределение цифровых ресурсов между странами и регионами создают барьеры для равноправного участия в научном обмене. В этих условиях философия науки приобретает особую миссию — не только анализировать внутренние структуры научного познания, но и критически оценивать его социальные последствия, способствуя формированию более справедливой и открытой научной культуры [5].

Таким образом, синтез философии науки, информационных технологий и этики формирует новое интеллектуальное пространство, в котором ученый должен быть не просто исследователем, но и ответственным участником культурного и морального диалога человечества. Только при таком подходе возможно гармоничное и гуманное развитие науки в условиях цифровой эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стёпин В.С. Философия науки. — М.: Гардарики, 2000., Коган Л.Н. Философия науки: Учебное пособие. — М.: Юрайт, 2020., Богданов И.В. Философия науки. Курс лекций. — СПб.: Лань, 2018.
2. Кравченко А.И. Философия науки: Учебник. — М.: Логос, 2003.
3. Стёпин В.С. Философия науки. — М.: Гардарики, 2000.
4. Лакатос И. Методология научно-исследовательских программ. — М.: Альянс, 2008., Кун Т. Структура научных революций. — М.: АСТ, 2003.
5. Ниссенбаум Х. Конфиденциальность в контексте: технологии, политика и социальная жизнь. – М.: Логос, 2020., Яссеноф Ш. Этика изобретений: технологии и человеческое будущее. – М.: Новое литературное обозрение, 2021.

PEDAGOG KADRLARNING UZLUKSIZ KASBIY RIVOJLANTIRISHINI BOSHQARISH JARAYONIDA RAQAMLI TEXNOLOGIYALAR VA SHAXS RIVOJLANISHINING DOLZARB MASALALARI

Yorbozorov Akbar Baxtiyorovich
E-mail: akbaryorbozorov@gmail.com
Toshkent viloyati pedagogik mahorat markazi Fanlarni rivojlantirish bo’limi boshlig‘i

Annotatsiya. *Ushbu tezisda pedagog kadrlarning uzluksiz kasbiy rivojlantirish jarayonida raqamli texnologiyalardan samarali foydalanish masalalari tahlil qilingan. Raqamli muhitning imkoniyatlari va cheklovlari falsafiy nuqtai nazardan yoritilib, pedagog shaxsining rivojlanishi bilan uzviy bog‘liqligi asoslanadi. Shuningdek, uzluksiz kasbiy rivojlantirishni boshqarishning dolzarb masalalari, istiqbolli yo’nalishlari va innovatsion yondashuvlar tavsiya etilgan.*

KIRISH

Zamonaviy ta’lim tizimi jadal raqamli transformatsiya jarayonini boshdan kechirmoqda. Bu jarayonning markazida pedagog kadrlarning uzluksiz kasbiy rivojlanishini ta’minlash masalasi turibdi. Raqamli texnologiyalarning jadal sur’atlarda rivojlanishi pedagoglar oldiga yangi talab va vazifalarni qo’ymoqda. Bugungi kunda pedagog kadrlarning kasbiy o’sishi nafaqat malaka oshirish kurslari orqali, balki shaxsiy rivojlanish, raqamli savodxonlik va yangi texnologiyalarni o’zlashtirish bilan chambarchas bog‘liqdir. XXI asrda raqamli texnologiyalar hayotning barcha sohalarida, ayniqsa ta’lim tizimida chuqur o’rin egalladi. Bu jarayon pedagog kadrlarning kasbiy tayyorgarligi va ularning shaxs sifatida shakllanishi uchun yangi imkoniyatlar bilan bir qatorda, muayyan muammolarni ham yuzaga chiqarmoqda.

Ma’lumki, O’zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasi tomonidan **2024-yil 20-dekabrda qabul qilingan №867-sonli qarori** maktabgacha va maktab ta’limi xodimlarining uzluksiz kasbiy rivojlantirish tizimini takomillashtirishga qaratilgan bo‘lib, qarorga muvofiq, **2025-yil 1-yanvardan boshlab** pedagog kadrlarni qayta tayyorlash va malaka oshirishning yaxlit tizimi joriy etildi. Qarorda belgilangan asosiy o’zgarishlardan biri shundaki, **Maktabgacha va maktab ta’limi tashkilotlari xodimlari uchun besh yilda bir marotaba ishdan ajralgan holda o’tkaziladigan 100 soatlik (1 oy davomida) malaka oshirish kurslari joriy qilinishi** ko’zda tutilganligidir.

Biroq zamonaviy ta’lim jarayoni shunchalik tez o‘zgarmoqdaki, bu interval ta’lim sifati va pedagogning kasbiy tayyorgarligi uchun yetarli emas. Texnologiyalar rivojlanishi, yangi pedagogik metodikalarning paydo bo‘lishi, raqamli savodxonlik talablari va o‘quvchilarning o‘zgarayotgan ehtiyojlari shuni ko‘rsatmoqdaki, **faqat 5 yilda bir oygina malaka oshirish bilan cheklanib qolish — bugungi kun talablari uchun kamlik qiladi.** Bugungi kunda ta’lim tizimi oldida turgan asosiy vazifalardan biri — **pedagoglarning uzluksiz kasbiy rivojlanishini ta’minlashdir**. Uzluksiz rivojlanish deganda, nafaqat rasmiy kurslarda ishtirok etish, balki **kundalik faoliyat davomida doimiy ravishda yangi bilim va ko‘nikmalarni egallash, o‘z ustida izchil ishlash** tushuniladi. Shuning uchun **pedagogik faoliyatda uzluksiz kasbiy rivojlanish madaniyatini shakllantirish** lozim. Bu esa

shaxsiy rejalashtirish, mentorlik, o‘z-o‘zini rivojlantirish, onlayn kurslarda muntazam ishtirok etish kabi shakllar orqali yo‘lga qo‘yilishi kerak.

Pedagog kadrlarning **uzluksiz kasbiy rivojlanishi** uchun **24/7 onlayn ta’lim muhiti** yaratish, rasmiy malaka oshirish kurslariga tayyorlash, o’z ustida ishlash madaniyatini shakllantirish va zamonaviy raqamli ko’nikmalarni rivojlantirish maqsadida tajriba-sinov tariqasida Toshkent viloyati pedagogik mahorat markazi Fanlarni rivojlantirish bo‘limi tomonidan “Neointellect” ta’lim platformasi yaratildi. Hozirda platformani qulay interfeyslar bilan boyitish ishlari amalga oshirilmoqda. Yangi fikr, innovatsiya va uzluksiz ta’limga asoslangan ilg‘or tafakkur markazi yanglig‘ yaratilgan mazkur platforma kelajakda pedagoglar uchun uzluksiz kasbiy rivojlanishni ta’minlashda muhim rol o’ynaydi. Chunki besh yillik sikl ichida faqat bir oy malaka oshirish yetarli emas—pedagoglar doimiy o’rganish va yangilanib borishga ehtiyoj sezadilar. Agar “Neointellect” o’qituvchilar uchun uzluksiz ta’lim beradigan, innovatsion usullarni o’z ichiga olgan, interaktiv kurslar va raqamli resurslar taqdim etadigan platformaga aylansa, u zamonaviy ta’lim tizimi uchun katta yutuq bo’lishi mumkin. Ayniqsa, masofaviy ta’lim, sun’iy intellekt yordami, virtual seminarlar va onlayn mentorlik kabi imkoniyatlarni taqdim etishi, pedagoglar uchun juda qulay bo’ladi.

Raqamli texnologiyalar yordamida o’qituvchilar uchun masofaviy o’quv kurslari, onlayn seminarlar va sun’iy intellekt asosidagi o’quv platformalari orqali kasbiy malaka oshirish imkoniyatlari kengayadi. Biroq, ushbu imkoniyatlardan to’liq foydalanish uchun uzluksiz kasbiy rivojlantirish tizimini samarali boshqarish zarur. Falsafiy nuqtai nazardan qaralganda, pedagog shaxsining faqat kasbiy emas, balki ma’naviy va ijtimoiy jihatdan rivojlanishi ham muhim ahamiyatga ega. Chunki texnologiyalardan foydalanishda insonning o’zini anglash, axloqiy qadriyatlarga sodiqlik va tanqidiy fikrlash ko’nikmalarining shakllanganligi muhim rol o’ynaydi.

Pedagoglar kasbiy rivojlanishining uzluksizligi zamonaviy ta’lim tizimining asosiy tamoyillaridan biri hisoblanadi. Ushbu jarayon pedagogning nazariy va amaliy bilimlarini doimiy yangilash, innovatsion yondashuvlarni o’zlashtirish hamda kasbiy kompetensiyalarni rivojlantirishni o’z ichiga oladi. Raqamli texnologiyalar ushbu jarayonni jadallashtirish va qulaylashtirish imkonini beradi.

Ta’limda raqamli texnologiyalarni qo’llash o’qituvchi va o’quvchilar o’rtasidagi o’zaro munosabatlarni samarali tashkil etishga yordam beradi. Onlayn ta’lim platformalari, masofaviy kurslar, virtual laboratoriyalar va sun’iy intellektga asoslangan o’quv dasturlari kasbiy rivojlanishda muhim rol o’ynaydi. Raqamli ta’lim metodlarining qo’llanilishi pedagoglarning kasbiy rivojlanish imkoniyatlarini kengaytiradi.

Kasbiy rivojlanish pedagog shaxsining intellektual, psixologik va motivatsion jihatdan o’sishi bilan chambarchas bog‘liqdir. Pedagogning kasbiy kompetensiyasini oshirish nafaqat kasbiy bilimlarni chuqurlashtirish, balki shaxsiy rivojlanish va mustaqil fikrlashni shakllantirishni ham ta’minlaydi. Bunda o’zini anglash, kreativ fikrlash va moslashuvchanlik muhim rol o’ynaydi.

Pedagog kadrlarni uzluksiz rivojlantirishda shaxsga yo’naltirilgan ta’lim, innovatsion metodlar va raqamli vositalardan foydalanish dolzarb hisoblanadi. Xususan, hayotiy tajriba va amaliyotga asoslangan ta’lim, interaktiv va kollaborativ o’qitish metodlari zamonaviy ta’lim tizimida keng qo’llanilmoqda. Raqamli ta’lim platformalari orqali o’qituvchilar o’z kasbiy ko’nikmalarini rivojlantirishlari mumkin. Ushbu texnologiyalar ta’lim jarayonini innovatsion yondashuvlar bilan boyitib, pedagogik kadrlarning kasbiy kompetensiyasini oshirishga xizmat qiladi.

XXI asrda ta’lim jarayoni tobora insonparvarlashib, markazga o‘qituvchining nafaqat kasbiy salohiyati, balki uning shaxsiy rivojlanish darajasi ham qo‘yilmoqda. Zamon bilan hamnafas bo‘lish, raqamli texnologiyalarni samarali qo‘llash, innovatsion tafakkurga ega bo‘lish — bularning barchasi pedagog shaxsining integral sifatlariga aylanmoqda. Shaxsiy rivojlanish — bu pedagogning o‘z “men”ini anglash, ichki resurslarini namoyon qilish va doimiy o‘zgarishlarga moslashish jarayonidir. Bu jarayon bir necha o‘zaro bog‘liq yo‘nalishlarda kechadi: *psixologik barqarorlik, ijodiy tafakkur, emotsional intellekt, axloqiy-ruhiy kamolot, shuningdek, ijtimoiy faollik.*

Avvalo, psixologik jihatdan yetuk pedagog shaxs stressga bardoshli, o‘z his-tuyg‘ularini idora qila oluvchi va o‘ziga hamda boshqalarga nisbatan empatik munosabatda bo‘ladi. Bugungi tezkor o‘zgaruvchan muhitda bu holat pedagogning kasbiy muvaffaqiyati uchun zarur shartdir. Shuningdek, emotsional intellekt o‘qituvchining o‘quvchi bilan o‘zaro aloqasida muhim rol o‘ynaydi, ta’limning insoniy qirralarini kuchaytiradi. Pedagog kadrlarning shaxsiy rivojlanishsiz kasbiy rivojlanishi to‘liq va samarali bo‘la olmaydi. Bu jarayon tizimli va uzluksiz bo‘lishi, davlat siyosati va har bir pedagogning ichki ehtiyoji asosida shakllanishi kerak. Faqat shaxsiy va kasbiy rivojlanish uyg‘unligidagina sifatli ta’limga erishish mumkin. Pedagog kadrlarning shaxsiy rivojlanishidagi asosiy muammolaridan biri bu faqat malaka oshirish kurslariga qatnashish bilan cheklanish, shaxsiy rivojlanish inkor qilinishi, ko‘plab pedagoglarda o‘z ustida ishlashga ichki ehtiyoj shakllanmaganligi, kerakli va foydali bilimlarni tanlashdagi qiyinchiliklar, raqamli savodxonlik past darajada ekanligi, yangi texnologiyalar bilan ishlashdagi muammolar bilan bog‘liq.

Shaxsiy rivojlanish – bu insonning ichki resurslarini ochish, o‘zini anglash va hayot sifatini yaxshilash jarayonidir. Pedagog shaxsiy rivojlanish orqali nafaqat o‘zining kasbiy salohiyatini oshiradi, balki shaxs sifatida ham mukammallikka intiladi. Ta’lim jarayonida pedagogning shaxsiy rivojlanishi bir qator muhim jihatlarni o‘z ichiga oladi. Avvalo, pedagog o‘z faoliyatini muntazam ravishda ***o‘z-o‘zini tahlil qilish va baholash*** orqali kuzatib borishi lozim. Bu jarayon unga kuchli va zaif tomonlarini anglash, faoliyatida muammolarni aniqlash hamda ular ustida ishlash imkonini beradi. O‘zini anglagan pedagog o‘z faoliyatini ongli va samarali tashkil eta oladi. Shaxsiy rivojlanishda ***motivatsiya va o‘zini o‘zi boshqarish*** ham muhim o‘rin tutadi. Ichki motivatsiyaning mavjudligi pedagogni yangi bilim va ko‘nikmalar egallashga, kasbiy o‘sishga undaydi. O‘zini boshqara olgan shaxs stressli vaziyatlarda xotirjamlikni saqlaydi va qaror qabul qilishda bardavom bo‘ladi.

Bundan tashqari, zamonaviy ta’lim tizimi pedagoglardan ***ijodiy fikrlash va yangilikka ochiqlik***ni talab qiladi. O‘z faoliyatida innovatsion yondashuvlarni qo‘llash, o‘quvchilarga yangi imkoniyatlar yaratish uchun pedagog ijodkorlikka intilishi zarur. Yangilikka ochiq bo‘lgan pedagog o‘z bilim va ko‘nikmalarini doimiy ravishda boyitib boradi. Ta’lim jarayonida pedagog faqat o‘qituvchi emas, balki ***yetakchi va mas’uliyatli shaxs*** sifatida ham namuna bo‘lishi kerak. O‘zining shaxsiy namunasi orqali o‘quvchilarga ijobiy ta’sir ko‘rsatgan pedagog jamoa ichida yetakchilik qilish qobiliyatiga ega bo‘ladi.

Oxir-oqibat, shaxsiy rivojlanishda ***psixologik barqarorlik*** alohida ahamiyat kasb etadi. Doimiy ravishda o‘z ustida ishlovchi, ruhiy jihatdan bardavom bo‘lgan pedagog murakkab vaziyatlarda samarali harakat qila oladi va o‘quvchilarda ham ijobiy motivatsiya uyg‘ota oladi. Shu tarzda, pedagogning shaxsiy rivojlanishi uning kasbiy faoliyatida muhim omil bo‘lib, ta’lim sifatini oshirish va o‘quvchilarning shaxsiy taraqqiyotiga ijobiy ta’sir ko‘rsatadi.

Pedagog kadrlarning shaxsiy rivojlanishini samarali tashkil etish uchun quyidagi yo‘nalishlarda tizimli ishlarni amalga oshirish zarur:

✍ **Har bir pedagog uchun shaxsiy rivojlanish rejasi ishlab chiqish -** Pedagoglarning individual ehtiyoj va maqsadlarini hisobga olgan holda, ularning kasbiy va shaxsiy rivojlanish yo‘nalishlarini belgilovchi shaxsiy rejalar tayyorlanishi lozim. Bu reja pedagogning o‘zini anglash, kasbiy o‘sishga intilish va o‘z faoliyatida muayyan natijalarga erishishida samarali vosita bo‘lib xizmat qiladi.

✍ **Mentorlik tizimini joriy etish -** Ilg‘or tajribaga ega bo‘lgan pedagoglarning tajribasini boshqalarga yetkazish orqali o‘rganish samaradorligini oshirish mumkin. Mentorlik tizimi yosh va kam tajribaga ega pedagoglarning kasbiy va shaxsiy o‘sishini tezlashtiradi, o‘qituvchilar o‘rtasida professional hamkorlik va tajriba almashuvini kuchaytiradi.

✍ **Psixologik va motivatsion treninglar tashkil etish -** Pedagoglarning psixologik barqarorligini mustahkamlash, motivatsiyasini oshirish maqsadida maxsus treninglar, seminarlar va mahorat darslari yo‘lga qo‘yilishi kerak. Ushbu treninglar kasbiy charchashni oldini olish, stressni yengish va o‘zini o‘zi rag‘batlantirishda muhim ahamiyatga ega bo‘ladi.

✍ **Raqamli platformalar orqali shaxsiy rivojlanish kurslarini yo‘lga qo‘yish -** Zamonaviy raqamli texnologiyalar imkoniyatlaridan samarali foydalanib, pedagoglar uchun onlayn kurslar, vebinarlar, interaktiv darsliklar va o‘z-o‘zini baholash vositalarini ishlab chiqish zarur. Bu orqali pedagoglar istalgan vaqtda va joyda o‘z ustida ishlash imkoniyatiga ega bo‘ladilar.

Yuqoridagi bosqichlarning tizimli va uzviy amalga oshirilishi pedagog kadrlarning shaxsiy va kasbiy salohiyatini oshirish, ta’lim sifati va samaradorligini ta’minlashga xizmat qiladi.

Xulosa qilib aytganda, pedagog kadrlarning shaxsiy rivojlanishi — bu kasbiy muvaffaqiyatga eltuvchi tayanch ustunlardan biridir. Bu jarayonni tizimli ravishda boshqarish, uning psixologik, texnologik va ma’naviy-ijtimoiy omillarini uyg‘unlashtirish orqali biz samarali ta’lim tizimini barpo etishimiz mumkin.

Raqamli muhitda pedagog kadrlarning uzluksiz kasbiy rivojlantirishini boshqarish samaradorligini oshirish uchun texnologik yutuqlardan oqilona foydalanish, shaxsiy va kasbiy rivojlanish o’rtasida uyg‘unlikka erishish muhimdir. Faqat shunday sharoitda pedagoglarning kasbiy salohiyati va shaxsiy barkamolligi ta’minlanishi mumkin.

ADABIYOTLAR

1. O’zbekiston Respublikasining “Ta’lim to’g‘risida”gi Qonuni. — 2020 yil.
2. O’zbekiston Respublikasi Prezidentining “Raqamli O’zbekiston — 2030” strategiyasi. — 2020 yil.
3. Axmedova M., Xolmatov R. “Pedagog kadrlarning kasbiy rivojlanishi: nazariy va amaliy asoslar” — Toshkent: TDPU, 2022.
4. Мильнер В. “Цифровая трансформация образования” // Педагогика, 2023.

СЕКЦИЯ 1.
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ XXI ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ЗЕЛЁНОЙ ЭКОНОМИКИ

THE PSYCHOLOGICAL DIMENSIONS OF ECOLOGICAL CONSCIOUSNESS AND DIGITAL WELL-BEING IN MODERN YOUTH

Kozimkhuzaeva Madinakhon Lazizkhon qizi
E-mail: kozimkhuzaevam@mail.ru
Master's Student, Tashkent Branch of Moscow State University named after M.V. Lomonosov

In the 21st century, two important dimensions of youth development—ecological consciousness and digital well-being—have emerged as central to psychological research and education. This article explores psychological readiness for sustainable behavior in the context of green economy and the impact of digital environments on student burnout and anxiety. These issues are examined through the lens of personality psychology, motivational theory, and cognitive-behavioral perspectives.

The green economy promotes a lifestyle based on ecological responsibility and sustainable development. However, transitioning to such behavior requires not only environmental awareness but also psychological readiness. This readiness includes environmental identity, internalized ecological values, and self-regulation.

According to Clayton and Opotow [2, p. 89], ecological identity forms a core component of personality that aligns with sustainable values. The theory of planned behavior by Ajzen emphasizes that behavioral intention, shaped by subjective norms and perceived control, predicts ecological action [1, p. 182]. Youth, particularly in urban environments, often face cognitive dissonance between sustainability ideals and consumerist social norms, making psychological support essential.

Educational institutions can foster ecological motivation through value-oriented curricula and environmental projects. Interventions based on self-determination theory show that autonomy, relatedness, and competence significantly increase internal motivation to act sustainably [3, p. 234]. A psychologically grounded ecological education enhances not only knowledge but also behavior, reducing the gap between awareness and action.

The digital age has introduced new psychological challenges, including digital fatigue, attention fragmentation, and performance pressure. Constant connectivity, combined with academic demands, leads to increased stress and burnout among students.

Digital anxiety refers to the tension and fear associated with technological use, including fear of missing out (FOMO), notification stress, and information overload [4, p. 102]. Prolonged exposure to digital devices, especially in learning environments, contributes to cognitive fatigue and emotional exhaustion.

Burnout, originally studied in occupational settings, has been extended to academic environments. Student burnout includes emotional exhaustion, depersonalization, and reduced sense of accomplishment [5, p. 465]. Factors such as constant self-monitoring on social media, pressure to maintain digital visibility, and reduced offline rest periods increase vulnerability to burnout.

Preventive measures should involve promoting digital hygiene, mindfulness, and balanced media consumption. Psychological support services and psychoeducational programs help students develop coping strategies, increase emotional regulation, and build healthy tech habits.

Both ecological behavior and digital well-being are deeply rooted in psychological functioning. Fostering sustainability requires more than policy—it demands motivational and identity-level work with youth. Likewise, combating digital burnout calls for systemic and psychological interventions. An integrative educational strategy that incorporates environmental and digital psychology is essential for preparing resilient, conscious individuals in the 21st century.

REFERENCES

1. Ajzen I. The Theory of Planned Behavior // Organizational Behavior and Human Decision Processes. – 1991. – Vol. 50, no. 2. – P. 179–211.
2. Clayton S., Opotow S. Identity and the Natural Environment. – Cambridge, MA: MIT Press, 2013. – 254 p.
3. Deci E.L., Ryan R.M. The "What" and "Why" of Goal Pursuits: Human Needs and the Self-Determination of Behavior // Psychological Inquiry. – 2000. – Vol. 11, no. 4. – P. 227–268.
4. Rosen L. D., Whaling K., Rab S., Carrier L. M., Cheever N. A. Is Facebook Creating "iDisorders"? The Link Between Clinical Symptoms of Psychiatric Disorders and Technology Use, Attitudes and Anxiety // Computers in Human Behavior. – 2013. – Vol. 29, no. 3. – P. 1243–1254.
5. Schaufeli W. B., Martínez I. M., Pinto A. M., Salanova M., Bakker A. B. Burnout and Engagement in University Students: A Cross-National Study // Journal of Cross-Cultural Psychology. – 2002. – Vol. 33, no. 5. – P. 464–481.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЁЖИ В УЗБЕКИСТАНЕ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ЗЕЛЁНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Омонуллаева Мафтуна Уктамовна
E-mail: maftunaomonullayeva@mail.ru
магистрант ТФ МГУ им. М.В. Ломоносова

Современный этап развития человечества характеризуется не только достижениями в области технологий, экономики и глобализации, но и масштабными экологическими вызовами, охватывающими практически все регионы мира. Вопросы изменения климата, загрязнения окружающей среды, истощения природных ресурсов требуют кардинального переосмысления как моделей экономического роста, так и ценностных ориентиров личности. Именно поэтому формирование экологически ориентированного сознания и соответствующей идентичности становится одной из приоритетных задач XXI века.

В контексте этих глобальных изменений особенно важную роль играет молодёжь — как наиболее восприимчивая, гибкая и социально активная часть населения. Период молодости связан с активным профессиональным самоопределением, становлением системы ценностей и выбором жизненных стратегий. В этой связи важным предметом научного анализа становится влияние экологических факторов, а именно — экологической идентичности, на профессиональные установки молодых людей, определяющие их поведение и выбор профессии.

В Узбекистане экологическая повестка последовательно интегрируется в государственную стратегию устойчивого развития. Об этом свидетельствует как принятие Стратегии перехода к «зелёной» экономике на 2019–2030 годы [2] , так и объявление 2025 года Годом охраны окружающей среды и зелёной экономики [1]. Соответствующее решение было принято Президентом Республики Узбекистан Шавкатом Мирзиёевым и оформлено Указом № УП-16 от 30 января 2025 года [2].Документ направлен на реализацию национальной Стратегии «Узбекистан — 2030» и предусматривает зелёную трансформацию экономики, внедрение устойчивых технологий, а также выполнение международных экологических обязательств страны, включая положения Киотского протокола и Парижского соглашения.

С учётом национальных приоритетов и международного контекста важно понять, как формируется экологическая идентичность у молодёжи Узбекистана и как она влияет на их профессиональные интересы и ценности. Понятие идентичности трактуется как осознание человеком своей уникальности и принадлежности к социальной группе [11,12]. В экологическом контексте это выражается в понятии экологической идентичности — личной связи с природной средой.

По определению С. Клейтон, экологическая идентичность — это часть самовосприятия, связанного с принадлежностью к биосфере, принятием ценностей устойчивости, экологической ответственности и готовностью к действиям по защите окружающей среды [10]. Данная идентичность включает три взаимосвязанных компонента:

- Когнитивный — осознание взаимосвязи между человеком и природой, знание экологических проблем;
- Аффективный — эмоциональная привязанность к природе, чувство вины или тревоги за экологическое состояние;
- Поведенческий — склонность к экологически ответственным действиям (участие в акциях, изменение потребительского поведения и т. д.).

Исследования показывают, что высокая экологическая идентичность связана с ориентацией на «зелёные» профессии, волонтёрство, участие в экологических движениях и снижением углеродного следа [9]. Это особенно важно при формировании у молодёжи профессионального мировоззрения, где ценности устойчивого развития становятся внутренним мотивационным ядром.

Профессиональные установки включают мотивационно-ценностные ориентации, идеалы и ожидания личности в отношении будущей деятельности. Они формируются в процессе социализации, обучения и самоопределения, определяя участие человека в труде. Также растёт интерес к специальностям в сфере охраны природы, устойчивого сельского хозяйства, экологического менеджмента, биоинженерии и переработки отходов [7]. Программы по устойчивому развитию и зелёной экономике внедряются в вузах и колледжах Узбекистана.

В Узбекистане вопросы устойчивого развития стали активно продвигаться с конца 2010-х годов. Принятая в 2019 году по переходу Республики Узбекистан на «зеленую» экономику на период 2019 — 2030 годов определила ключевые приоритеты: развитие ВИЭ, реформы в сфере землепользования и водных ресурсов, экологизация транспорта, повышение энергоэффективности [2]. В документе подчёркивается необходимость формирования экологической культуры у населения и интеграции зелёных подходов в образование.

К 2025 году в Узбекистане реализован ряд масштабных инициатив в сфере устойчивого развития. Так, в рамках программы «Яшил макон» в 2024 году было высажено 226,6 миллиона саженцев деревьев, причём активное участие в этих мероприятиях принимала молодёжь, проявляя экологическую сознательность и готовность к практическим действиям [6]. Также были внедрены новые стандарты «зелёных» строительных технологий, направленных на повышение энергоэффективности и снижение экологического ущерба. Кроме того, созданы молодёжные платформы, такие как “Yoshlar — atrof-muhit uchun”, призванные содействовать продвижению экопредпринимательства и развитию зелёных компетенций среди молодого поколения [6].

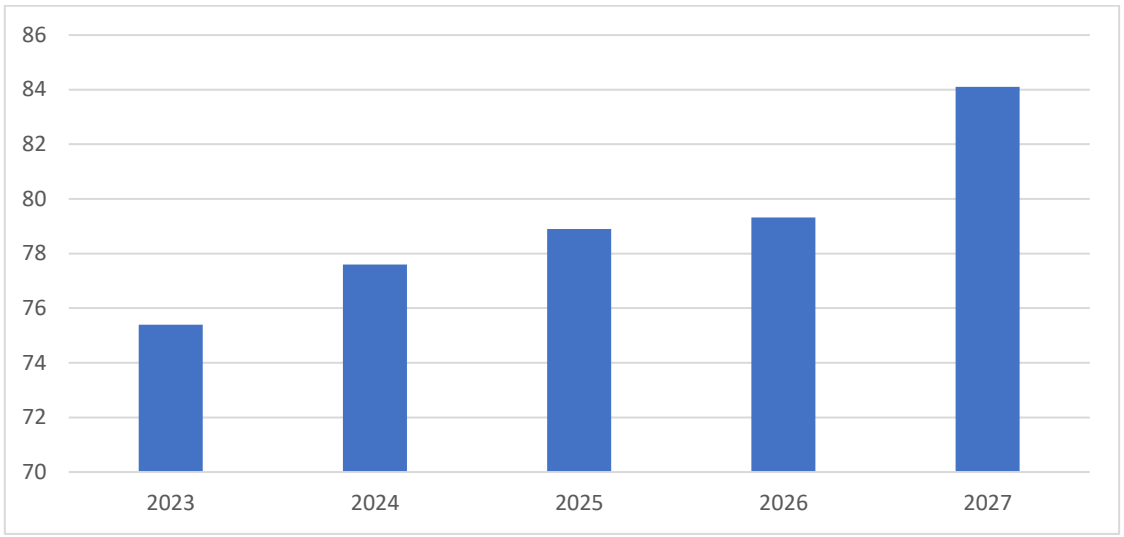

Рис 1. План высадки деревьев и кустарников в г. Ташкент на 2023–2027 годы, в тыс.

В рамках городской стратегии Ташкента на 2023–2027 годы утверждён генеральный план озеленения столицы [5]. По плану ежегодно будет высаживаться от 75 до 84 тысяч деревьев и кустарников, что в сумме существенно увеличит площадь зелёных насаждений. Уровень озеленения города планируется довести до 30% уже к 2024 году [5]. Помимо массовой посадки деревьев, создаются эко-улицы, парки и аллеи вдоль каналов, что способствует формированию комфортной и экологически устойчивой городской среды. Важной частью реализации плана стала созданная рабочая группа, задачей которой является координация и мониторинг всех мероприятий по озеленению с учётом климатических и почвенных условий.

Данные Министерства экологии показывают, что в 2023 году более 2,4 миллиона молодых людей приняли участие в различных мероприятиях, связанных с экологией и туризмом, что свидетельствует о высокой экологической сознательности и активности молодого поколения [4].

21 декабря 2023 года министр экологии, охраны окружающей среды и изменения климата Азиз Абдухакимов провёл открытый диалог с более чем 500 представителями студенческой и волонтёрской молодёжи [4]. Министр подчеркнул, что «экология — это молодёжь», отметив важность их инициатив и роли в решении актуальных экологических проблем. Важным направлением является подготовка профессиональных кадров: на основе Постановления Президента создан Central Asian Green University — образовательный и исследовательский хаб для подготовки специалистов, способных решать экологические задачи на региональном и глобальном уровнях [4].

Экологическая идентичность становится не только ценностной ориентацией, но и профессиональным ресурсом для молодёжи Узбекистана. Она формирует установки, адаптирующие молодых людей к требованиям «зелёной» экономики, и мотивирует к устойчивым профессиональным и общественным инициативам. Для её успешного формирования необходим системный подход: экопросвещение, поддержка волонтёрства и развитие междисциплинарных программ, ориентированных на зелёные компетенции. Это позволит подготовить новое поколение специалистов для устойчивого будущего страны и региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. О мерах по объявлению 2025 года Годом охраны окружающей среды и зелёной экономики: Указ Президента РУз от 30.01.2025 г. № УП-16 – URL: https://www.lex.uz/docs/7369745?type=doc
2. О Стратегии перехода Республики Узбекистан к «зелёной» экономике и обеспечении «зелёного» роста: Указ Президента РУз от 04.10.2019 г. № УП-5863 - URL: https://lex.uz/ru/docs/4539506
3. Green University создан в Узбекистане // Министерство экологии РУз – URL:https://eco.gov.uz/ru/site/news?id=3963
4. В Узбекистане стартовала акция по массовой посадке деревьев «Зелёная маконизация» // Министерство экологии, охраны окружающей среды и изменения климата РУз. – URL: https://eco.gov.uz/ru/site/news?id=3873
5. В Ташкенте утвердили мастер-план озеленения: что и где посадят // Gazeta.uz. – URL: https://www.gazeta.uz/ru/2022/09/19/greening-master-plan/
6. В Узбекистане весной этого года высажено более 130 миллионов саженцев деревьев и кустарников // Yuz.uz. – URL: https://yuz.uz/ru/news/v-uzbekistane-vesnoy-etogo-goda-vsajeno-bolee-130-millionov-sajentsev-derevev-i-kustarnikov
7. В Узбекистане создан университет Green University // Gazeta.uz. – URL: https://www.gazeta.uz/ru/2024/10/21/green-university/
8. Более 2,4 млн молодых людей приняли участие в экологических мероприятиях // Gov.uz. – URL: https://gov.uz/ru/eco/news/view/28064
9. Schultz, P. W. (2000). Empathizing with nature: The effects of perspective taking on concern for environmental issues. Journal of Social Issues, 56(3), 391–406. https://doi.org/10.1111/0022-4537.00174
10. Клейтон С. Экологическая идентичность: концептуальное и операциональное определение // Клейтон С., Опотов С. (ред.). Идентичность и природная среда: психологическое значение природы. — Кембридж: Изд-во МИТ, 2003. — С. 45–65.
11. Марсия Дж. Развитие идентичности в подростковом возрасте // Психология развития: хрестоматия / под ред. Д. Б. Эльконина. — М.: Просвещение, 2001. — С. 314–327.
12. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. — М.: Прогресс, 1996.

СЕКЦИЯ 2. ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИИ И «SMART» ТЕХНОЛОГИЙ

DIGITAL STRESS PSYCHOLOGY AND WAYS TO OVERCOME IT IN THE LEARNING PROCESS

Abidova Alina Timur qizi
E-mail: alinashagivalievaa27@gmail.com
Master's Student, Tashkent Branch of Moscow State University named after M.V. Lomonosov

Today, artificial intelligence and smart technologies are changing how students learn. Now, many people can study online, use helpful apps, and get information quickly. This makes learning easier and faster. But these new technologies also bring new problems. One of the biggest problems is called digital stress. This happens when students use digital tools too much, like computers, smartphones, and the internet. When students spend many hours every day in front of screens, they may feel very tired, nervous, or even sad. Their brain gets too much information, and it becomes hard to think, focus, or relax. This can make learning more difficult.

Digital stress is a real problem in schools and universities. It can hurt students' health and their ability to study well. That is why it is important to understand where this stress comes from and how to help students. This article looks at the main reasons for digital stress in education. It also gives simple ideas from psychology that can help students feel better, such as taking breaks, planning their time, and learning how to stay calm while using digital tools.

Digital stress is a big and complex problem. It happens when students see too much digital information, get many messages, do many tasks at the same time, and feel that they must always stay online. All of this makes the brain feel tired. It becomes hard to focus, work well, and stay calm [5]. Research shows that doing many digital things at once (like watching, reading, and answering messages) makes students study worse and feel more stress for a long time [3].

In my opinion, digital stress is now a normal part of student life. I often feel tired when I get many messages and try to do many things at the same time. It is hard to think clearly and stay calm when there is no quiet time and no rest from phones or computers. I think that it is very important to learn how to control this stress. We should turn off notifications sometimes, take breaks, and learn how to focus better. These things help just as much as learning school subjects.

One big reason for digital stress is that students use too much technology for learning or use it the wrong way. Smart systems and AI can help students learn in a personal way, but they also make students feel that they must always study and stay active. It becomes hard to see where learning ends and free time begins. This is especially true when students study at home or in online classes [1]. Because of this, many students feel tired, bored, or have no energy. Some students lose interest in learning, and some even feel very weak or sad. This is called burnout. It is important to help students find balance between study time and rest, so they don't feel this way.

There are many good ways to help students reduce digital stress. One way is to teach students how to use their time well. Another way is to show them how to use digital tools in a healthy way. This is called digital hygiene. It means turning off the phone sometimes, using screens less, and taking breaks. Students also need to learn how to control their emotions and stay calm when they feel stress. One helpful method is cognitive-behavioral therapy. It teaches students how to change bad or negative thoughts into good ones. This helps them feel stronger and more confident [2]. Some simple techniques work very well. For example, students can limit the time they spend looking at screens, take small breaks without any digital tools, and practice mindfulness

— this means sitting quietly and focusing on breathing. All these things help students feel better and less stressed by technology.

It is very important to add psychological help into online learning. Universities and colleges should give students easy ways to get help for their mental health. This help should be available online, so students can talk to a specialist or get support when they need it. Also, teachers should learn how to see when students feel stressed or tired from digital learning. They should know how to make online classes safe, friendly, and comfortable for students [4]. Another good idea is to create student support groups. In these groups, students can talk to each other, share problems, and feel that they are not alone. Group meetings with a counselor can also help students feel better and learn how to deal with stress together.

If we look at the big picture, education systems in every country should think about digital health as something very important. This means helping students use digital tools in a good and safe way. Schools should teach students how to use technology with balance — not too much and not too little. Students should also learn how to use digital tools with respect and care. This is called positive digital culture. It includes being kind online, talking in a good way, helping others, and taking responsibility for how we act in the digital world. When students learn these things, they feel more confident. They can use technology better, feel less stress, and stay more in control of their learning and emotions.

Russian psychologists say that culture is very important when we talk about digital stress. People from different backgrounds can feel stress in different ways. For example, Sidorova writes that students from families with less money or fewer resources feel more digital stress. These students often do not have good internet, quiet places to study, or easy access to psychological help [6]. Because of this, some schools and universities in Russia are starting to use special tools to check how students feel. These tools are part of student websites. They also give students simple online guides to help them deal with stress by themselves.

Digital stress is a new and growing problem in modern education. It appears because students use more technology in learning. To help students feel better, we need to understand where this stress comes from and how it affects them. This is very important for making learning safe, calm, and helpful. Teachers and schools can use different ways to reduce digital stress. They can teach students how to control stress, give good support, and show how to use digital tools the right way. These things can stop technology from causing problems. Now we live in a digital world, and technology is everywhere. That is why it is very important to take care of students' feelings and mental health. If we do this, students will be able to learn better and grow as strong, healthy people.

REFERENCES

1. Allen R. Smart learning and student fatigue // Education Today. – 2022.
2. Brown S. CBT for tech-induced stress // Therapy in Practice. – 2019.
3. Kim H., Morgan D. Digital multitasking and student performance // Cognitive Psychology Reports. – 2021.
4. Novak P. Mental health in virtual education // Journal of Educational Development. – 2023.
5. Roberts L. The impact of digital overload on learning // Journal of Educational Psychology. – 2020.
6. Сидорова Н. В. Цифровой стресс у студентов: диагностика и профилактика // Психологическое образование в России. – 2021.

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Бахтиярова Донохон Улугбек кизи
E-mail: donoxonbaxtiyarova@gmail.com
Магистр направления «Педагогическое образование» Филиала МГУ имени Ломоносова в г. Ташкенте
Научный руководитель: Панова Любовь Дмитриевна
E-mail: ldpanova@yandex.ru
кандидат педагогических наук, старший преподаватель факультета педагогического образования МГУ имени Ломоносова, Москва, Россия

Цифровизация объективно необходима современной школе, чтобы сделать процесс образования более гибким, приспособленным к реалиям сегодняшнего дня, формированию конкурентоспособных профессионалов в нарождающемся «цифровом мире» [1]. В связи с этим ответственность по формированию и усвоению цифровых навыков современного поколения ложится на плечи преподавателей, которые в современном мире значительно отстают от своих учеников по использованию современных технологий. Поэтому актуальной задачей становится повышение квалификации педагогических кадров с учетом требований цифровой эпохи.

Вышеприведенные компоненты необходимо улучшать в специальных учреждениях, такие как институты повышения квалификации педагогических кадров.

В Российской Федерации значительное внимание уделяется развитию цифровой инфраструктуры повышения квалификации педагогических кадров. Одним из ключевых направлений является внедрение онлайн-курсов на национальных платформах, таких как «Единое окно дополнительного профессионального образования педагогов», портал «Современный учитель» и проект «Цифровая образовательная среда» [5]. Для педагогов регулярно организуются вебинары, практические мастер-классы и сетевые стажировки с использованием платформ Zoom, Microsoft Teams, Cferum, Webinar.ru и других специализированных сервисов. Кроме того, активно развиваются гибридные форматы обучения, сочетающие офлайн- и онлайн-модули, что позволяет сделать образовательные программы более доступными и персонализированными [6].

В рамках федерального проекта «Учитель будущего» реализуются программы повышения цифровых компетенций педагогов, включая обучение использованию электронных журналов, платформ для дистанционного обучения, сервисов для создания цифрового контента и освоение технологий адаптивного обучения. Обязательной частью курсов становится развитие навыков проектирования электронных образовательных ресурсов (ЭОР), использования технологий дополненной реальности (AR) и виртуальной реальности (VR) в учебном процессе [7].

Независимая оценка квалификаций педагогов с использованием цифровых инструментов также становится неотъемлемым элементом системы повышения

квалификации, обеспечивая прозрачность и объективность оценки результатов обучения. Эти меры позволяют обеспечить соответствие уровня подготовки педагогов требованиям цифровой трансформации образования и создать условия для их профессионального роста в условиях быстро меняющихся технологий [8].

В Республике Узбекистан учебный процесс в рамках непрерывного профессионального развития педагогов характеризуется гибкостью и включает разнообразные формы обучения, такие как двойное обучение (сочетание теоретической подготовки и практики на рабочем месте) и мобильные курсы, проводимые образовательными организациями. Вышеперечисленные формы обучения в обеих странах можно увидеть подробно на таблице 1:

Формы непрерывного повышения квалификации учителей варьируется по таким критериям, как:

Критерии	**Узбекистан**	**Россия**
Основные формы	Отдельное от производства (очное обучение) Без отрыва от работы Дистанционное обучение Двойное обучение (теория + практика) Самостоятельное обучение Альтернативные формы	Очное обучение Заочное/дистанционное обучение Семинары, вебинары Стажировки Курсы переподготовки
Дистанционное обучение	Используются ИКТ и интернет, возможны онлайн-лекции и интерактивные занятия	Активно применяется, включает вебинары, электронные курсы, тестирование.
Практико-ориентированное обучение	Двойное обучение: теория в образовательном центре, практика на рабочем месте	Стажировки, мастер-классы, обмен опытом между педагогами.

Таб. 2. Формы повышения квалификации педагогических кадров в Республике Узбекистан и Российской Федерации.

Особенность этих стран заключается в периодичности повышения квалификации. Если в России установлена обязательная частота (раз 3 года) прохождения повышения профессиональной деятельности, то в Узбекистане, по постановлению Президента Республики Узбекистан от 21 июня 2024 года № ПП-231 «О дополнительных мерах по совершенствованию системы непрерывного профессионального развития работников дошкольных и школьных образовательных организаций» кадры проходят повышения квалификации раз пять лет в обязательном порядке.

В России, курсы повышения квалификации для учителей могут включать в себя изучение информации от 72 до 216 часов (по требованиям ФГОС НОО, ООО 2021 г. курсы повышения должны быть длительностью не менее 108 часов) [2].

В Узбекистане, длительность прохождения курсов повышения квалификации педагогических кадров составляет не менее 100 часов (по постановлению Президента Республики Узбекистан от 21 июня 2024 года № ПП-231 «О дополнительных мерах по совершенствованию системы непрерывного профессионального развития работников дошкольных и школьных образовательных организаций») [3].

Кроме этого, Г. М. Бекмурадова предполагает, что внедрение эффективных форм и методов повышения квалификации и переподготовки кадров: «Преподаватель-ученик», «Индивидуальное накопление баллов», «Дистанционное обучение», «Самостоятельное повышение квалификации по индивидуальному плану». Широкое использование форм, обеспечивающих непрерывное профессиональное развитие работников системы; внедрение инновационных технологий в образовательный процесс повышения квалификации и переподготовки кадров, широкое использование семинаров, тренингов, мастер-классов и других интерактивных методов в учебных занятиях [9].

Эту информацию можно увидеть подробно в таблице 2:

Критерии	**Россия**	**Узбекистан**
Периодичность прохождения (время)	Раз в 3 года	Раз в 5 лет
Длительность прохождения (часы)	Не менее 108 часов	Не менее 100 часов

Таб. 3. Организация прохождения повышения квалификации педагогических специалистов в России и в Узбекистане.

По завершению прохождения курсов выдается нормативный документ государственного образца. При посещении курсов в течении 72-100 часов каждый педагог получает удостоверение о повышении квалификации. Учителя, прошедшие курсы более чем 500 часов по окончанию получают дипломы о профессиональной переподготовке.

В Узбекистане, слушателям, полностью освоившим программу курса повышения квалификации, образовательным учреждением, организовавший курс, тоже выдается электронно-генерированный документ (сертификат) государственного образца, заверенный электронной цифровой подписью (QR-код), и информация о каждом сотруднике по времени начала и окончания курса повышения квалификации, а также по документу (сертификату) об окончании курса вносится образовательной организацией профессионального развития в электронную платформу. Но перед выдачей государственного документа (сертификата) учителя проходят промежуточный и итоговый контроль. Педагог, не собравшему на промежуточном контроле достаточных баллов, с разрешения руководителя образовательной организации профессионального развития предоставляется возможность повторной сдачи (через один день).

Для проведения итоговой аттестации курса повышения квалификации руководитель образовательной организации профессионального развития соответствующим приказом создает итоговую комиссию.

Итоговая аттестация курса повышения квалификации проводится в форме итогового контрольного испытания и оценки квалификационной работы, состоящей из выполнения заданий по применению передовых педагогических методов и технологии.

Если педагог не достиг положительного результата в итоговой аттестации курса повышения квалификации, ему разрешается один раз в два месяца пересдать его в комиссию, которая проводит итоговую аттестацию, созданную в образовательной организации профессионального развития.

Эти меры способствуют поддержанию высокого уровня профессиональной компетентности педагогических работников и обеспечивают их готовность к эффективному выполнению своих обязанностей в современных условиях [10].

Таким образом, в обеих странах наблюдается активная интеграция информационно-коммуникационных технологий в систему повышения квалификации педагогических кадров. В России особое внимание уделяется развитию цифровых платформ, гибридных форматов обучения и повышению цифровой грамотности педагогов в рамках национальных проектов. В Узбекистане внедряются электронные системы учёта и контроля, усиливается практическая направленность курсов и контроль качества подготовки через итоговую аттестацию. Эти подходы способствуют формированию конкурентоспособных специалистов, готовых эффективно работать в цифровой образовательной среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ляньцев В. Система педагогического образования в России и КНР на современном этапе: структурно-содержательный аспект // Альманах современной науки образования. 2012. № 9. С. 36-38.
2. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Правительственный портал Российской Федерации: http://www.kremlin.ru/act
3. Постановление Президента Республики Узбекистан от 21 июня 2024 года No ПП-231 «О дополнительных мерах по совершенствованию системы непрерывного профессионального развития работников дошкольных и школьных образовательных организаций».
4. Беспалько, В.П. Основы теории педагогических систем / В.П. Беспалько. – Воронеж: Изд-во Воронежского 30 гос. ун-та, 1997. – 304 с.
5. Министерство просвещения Российской Федерации. Национальный проект «Образование» [Электронный ресурс]. — URL https://edu.gov.ru/
6. Министерство просвещения Российской Федерации. Методические рекомендации по организации дистанционного обучения в условиях цифровизации образования. — М., 2020.С. 13.
7. Правительство Российской Федерации. Постановление от 24 декабря 2018 г. № 1642 «О национальном проекте «Образование»» [Электронный ресурс]. — URL https://obrazovanie2030.ru/
8. Национальный совет при Президенте Российской Федерации по профессиональным квалификациям. Федеральный реестр независимой оценки квалификаций [Электронный ресурс]. — URL https://nokr.ru/
9. Г. М. Бекмурадова. Квалификация преподавательских кадров в системе высшего образования инновационные подходы к повышению квалификации. [Электронный ресурс] – URL https://cyberleninka.ru/article/n/
10. Панова, Н. В. Роль личностного развития педагога в профессиональном благополучии / Н. В. Панова // Мир науки, культуры, образования. - 2011. - № 2 (27). – С. 118- 121

РАЗВИТИЕ ЕДИНОЙ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В ВУЗАХ: ВОЗМОЖНОСТИ, ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ

Веселкова Татьяна Владимировна
E-mail: TaNeChKa_VeSeLkOvA10.10.2002@mail.ru
магистрант филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Ташкент

В условиях быстрого развития цифровых технологий и постоянного обновления информации создание Единой Информационно-Образовательной Среды(ЕИОС) становится главным направлением модернизации высшего образования. Эта система представляет собой объединениецифровых инструментов технологий и сервисов, объединённых с целью эффективной организации образовательного процесса. Настоящая статья посвящена рассмотрению основных компонентов ЕИОС, её влиянию на подготовку специалистов нового поколения, а также посвящена анализу проблем возникающих при её реализации.

ЕИОС—это интеграционная платформасоединяющая в себе информационно-коммуникационные технологии, цифровой контент, инструменты управления образованием и контроля знаний. Такой подход позволяет обеспечить постоянный доступ к образовательным материалам, наладить дистанционное взаимодействие, а также ввести мониторинг академической успеваемости и качества образовательных результатов. Благодаря этомусоздаются комфортные и продуктивные условия как для студентов, так и для педагогов.

Главнымиэлементами ЕИОС являются электронные ресурсы, системы дистанционного образования и платформы управления обучением(LMS). Эти компоненты способствуют индивидуализации образовательного маршрута: каждый учащийся получает доступ к нужной информации и может взаимодействовать с учителями и другими участниками процесса. Это особенно актуально с учётом личныхтемпов освоения учебного материала. Цифровая среда обеспечивает пластичность обучения и способствует созданию персональных траекторий соответствующих интересами возможностямучеников.

Как отмечает А.В. Федоров, использование ЕИОС хорошо отражается на уровне качества образования и степени удовлетворённости студентов[1;45]. Расширение доступа к цифровым учебным ресурсам повышает глубину и широту усвоения знаний. Современные форматы подачи информации—видеоуроки, электронные пособия, симуляционые модели— делают обучение наглядным и увлекательным. Элементы интерактивности увеличивают вовлечённость студентов, что напрямую влияет на их учебные достижения.

Одним из наиболее весомых достоинств ЕИОС является её способность быстро подстраиваться под изменения в профессиональных и образовательных стандартах. Согласно исследованию Т.В. Бондаренко и Н.П. Сидоровой, образовательные модули в рамках ЕИОС могут быть быстро переделаны под новые требования рынка, что значительно увеличивает конкурентоспособность выпускников[2;76]. В условиях ускоренноискорости развития экономики и технологий это становится главнейшим фактором профессиональной востребованности.

Кроме того цифровая образовательная среда помогает формированию ключевых компетенций, необходимых в современных условиях труда. Как выявили исследования, проведённые Институтом Высшей Школы Экономики, студенты, обучающиеся в рамках ЕИОС, демонстрируют высокие результаты в освоении прикладных навыков[3;123]. В структуру образовательной среды можно добавить практико-ориентированные форматы: мастер-классы, тренинги, вебинары которые ведут представители индустрии. Это помогает учащимся знакомиться с новымитехнологиями и тенденциями в профессиональной сфере.

Несмотря на значимыепреимущества, внедрение ЕИОС сталкивается с рядом больших трудностей. Одной из них является низкий уровень технической интеграции и готовность преподавателей к использованию новых форматов обучения. Е.А. Кузнецова подчёркивает значимость регулярного обучения и повышения квалификации преподавателей, чтобы создать эффективное использование потенциала ЕИОС[4;89]. Без соответствующей подготовки педагогический состав не может в полной мере использовать возможности цифровой среды. Для этого необходимо регулярно проводить семинары, воркшопы и курсы повышения квалификации, где освещаются не только технические, но и педагогические моменты цифрового образования.

Дополнительные трудности связаны с цифровым неравенством: в некоторых регионах наблюдается критически низкий уровень интернет-доступа и слабое техническое оснащение. Это ограничивает возможности студентов из социально уязвимых групп и отдалённых территорий. Для уменьшения этого разрыва необходимо внедрять программы материальной и технической поддержки, предоставляющие доступ к необходимым устройствам и сетевой инфраструктуре. Также приоритетной задачей остаётся развитие университетской инфраструктуры, в том числе—обновление программного обеспечения, создание современных платформ и обеспечение технической поддержки пользователей.

Для полной и успешной реализации ЕИОС необходим стратегический подход, включающий как введение технологий, так и формирование устойчивой системы их развития. Следует создаватьцентры по обмену опытом между университетами и институтами, проводить совместные исследования и курсы, организовывать международные обмены преподавателей и студентов. Важным ответвлением станет сотрудничество с представителями бизнеса, способствующее преобразованию образовательных программ ктекущим требованиям рынка труда. Регулярные конференции, отраслевые семинары и образовательные форумы смогут стать площадками для обсуждения трендов и тенденций, и выработки практических решений.

В заключение следует отметить, что единая информационно-образовательная среда вуза представляет собой главный ресурс в повышении качества подготовки студентов. Она даёт возможность вводить передовые образовательные практики, обеспечивает открытый доступ к разнообразным знаниям и способствует созданию компетенций, актуальных для цифровой экономики у учащихся. Эффективная реализация ЕИОС требуетсовокупных мер: повышения квалификации у преподавателей, развития инфраструктуры и устранения цифрового неравенства. Только в таком случае удастся выстроить современную образовательную экосистему, способную подготовить специалистов, востребованных на глобальном рынке труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федоров, А. В. Внедрение единой информационной образовательной среды как фактор улучшения качества высшего образования. Вопросы образования. – 2019. – С.44-47.
2. Бондаренко, Т. В., Сидорова, Н. П. Адаптация образовательных программ в условиях цифровизации. Российский журнал управления. – 2021. – С.74-78.
3. Антонов, И. Н., Гончарова, Л. С. Специфика подготовки специалистов в условиях ЕИОС. Известия Высшей школы экономики. – 2020. – С. 120-125.
4. Кузнецова, Е. А. (2022). Обучение в новой образовательной среде: проблемы и решения. Современные проблемы науки и образования. – 2022. – С. 88-91.

REVOLUTIONIZING UNIVERSITY EDUCATION THROUGH INTELLIGENT DIGITAL LEARNING SYSTEMS

Veselkova Tatyana Vladimirovna
E-mail: TaNeChKa_VeSeLkOvA10.10.2002@mail.ru
Master's student, Tashkent branch of Moscow State University named after M.V. Lomonosov

In our fast-changing world, academic institutions face pressing demands to transform their approaches. At the heart of this educational revolution lie adaptive digital learning ecosystems (ADLEs) – sophisticated platforms that don't just supplement but fundamentally reshape how we create, distribute, and implement knowledge [3, p. 12].

Traditional teaching methods centered on lectures struggle to accommodate contemporary learners' varied requirements. ADLEs revolutionize this paradigm by replacing one-directional information flow with dynamic, cooperative education models. Here, participants don't just receive facts but actively dissect concepts, exchange perspectives, and combine ideas in live sessions. This approach moves beyond rote memorization to foster analytical abilities, solution-finding techniques, and interpersonal competencies – precisely the attributes today's employers value most.

These intelligent systems deliver customized, just-in-time availability to extensive educational materials, ranging from scholarly archives to experiential learning modules. Such evolution encourages an academic environment where learners don't passively consume information but actively examine, challenge, and implement it [1, p. 34].

Digital solutions have progressed from supporting roles to becoming education's central nervous system. Platforms including Trello, Notion, and Miro empower learners to jointly develop materials, tackle case-based activities, and experience multi-participant scenario training. These digital spaces encourage cyclical skill development, enhancing capabilities in group dynamics, judgment calls, and inventive solution development [4, p. 78].

Real-time conversation tools and virtual meeting software enable worldwide student connections, eliminating physical boundaries. These vibrant exchanges strengthen expression skills, mental flexibility, and intercultural dialogue – especially beneficial for language acquisition and global partnership building [5, p. 102].

ADLEs substitute inflexible testing systems with continuous, multifaceted performance analysis. Educational platforms such as Moodle and Canvas enable developmental evaluations, colleague feedback systems, and personal learning logs, assisting students in monitoring advancement and optimizing methods [6, p. 89].

Rather than fixating on scores, participants obtain practical guidance that stimulates gradual enhancement. This framework supports autonomous education development, enabling learners to command their scholarly and vocational progression.

Academic study achieves its full potential when directly linked to practical implementation. ADLEs place students in virtual workplace scenarios, where they utilize organizational software, cooperate in distributed teams, and address authentic difficulties [7, p. 112].

By engaging in simulated business discussions, corporate planning exercises, and joint troubleshooting activities, scholars convert classroom theories into applicable career abilities. This

organic merging more efficiently narrows the divide between academic instruction and employment preparedness compared to orthodox educational programs [3, p. 67].

Virtual learning settings lower obstacles for individuals who face challenges in physical classrooms. Reserved or contemplative students frequently discover enhanced confidence to participate through anonymous or intimate digital arrangements, boosting involvement.

This welcoming approach advantages heterogeneous learner groups, guaranteeing fair access. Structured online debates and organized dialogues elevate seldom-heard perspectives, establishing a more equitable and encouraging educational space [2, p. 58].

Pioneering higher education establishments globally are adopting ADLEs with documented achievements. For instance, universities across Northern Europe and the Asian Pacific have implemented these platforms to broaden availability, intensify involvement, and encourage cross-disciplinary cooperation.

Successful technological adoption necessitates more than hardware and software – it requires revised regulations, educator preparation, and organizational cultural transformation. When deployed effectively, ADLEs evolve into fundamental elements of an institution's teaching ideology [4, p. 95].

Intelligent digital education systems have transitioned from luxury to necessity in contemporary universities. They develop nimble analysts, articulate specialists, and technology-savvy experts.

To maintain relevance, academic institutions must transcend simple digitization – they need to completely redesign the educational journey. Committing resources to instructor growth, universal accessibility, and adaptable programs proves vital for training alumni to succeed in an environment where flexibility, perpetual upskilling, and originality equal professional currency.

Through ADLE adoption, colleges can guarantee their graduates don't merely obtain degrees – but gain the tools to pioneer in our constantly transforming worldwide community.

REFERENCES

1. Abakumov, P.V., Snegireva, L.V., Goryushkin, E.I., Fetisova, E.V. (2008). Artificial Intelligence and Teaching Physics: How Machine Learning and Data Analysis Change the Educational Process. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. — 212 p.
2. Antonova, D.A., Ospennikova, E.V., Spirin, E.V. (2020). Digital Transformation of the Education System: Designing Resources for the Modern Digital Learning Environment. Moscow: Education Policy Journal, No. 1(81), pp. 54–61. — 8 p.
3. Boronenko, T.A., Kaysina, A.V., Palchikova, I.N., Fedorkevich, E.V. (2021). Digital Transformation of Education: Modern Challenges and Trends. Moscow: Russian Foundation for Basic Research. — 168 p.
4. Frolov, A. (2023). Technology of Intellectual Education: Scientific Foundations. Monograph. Moscow: LitRes. — 294 p.
5. Grinshkun, V.V. (2022). Information and Communication Technologies in Education. Moscow: Russian Education Federal Portal. — 336 p.
6. Nikulycheva, N.V. (2024). Distance Learning: From Implementation to Realization. Moscow: KNORUS. — 192 p.
7. Smolyaninova, O.G. (2012). Electronic Portfolio Technology in Education: Russian and International Experience. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. — 140 p.

INTEGRATING CRITICAL THINKING AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN ENGLISH LANGUAGE EDUCATION

Karimova Zulfizar Rustamovna
E-mail: zulfizar.karimova@yandex.ru
docror of philosophy in pedagogical sciences (PhD), Tashkent branch of Lomonosov Moscow State University

The rapid evolution of educational environments has intensified the global focus on learning foreign languages, especially English. As per updated educational standards, language instruction today aims not only at communicative competence but also at cultivating students' intellectual autonomy and critical thinking abilities. This article explores modern pedagogical strategies that enhance critical thinking in English lessons and reflects on the transformative influence of artificial intelligence (AI) in shaping the cognitive landscape of students.

Modern education no longer prioritizes rote memorization or passive knowledge accumulation. Instead, the emphasis lies on learners' ability to critically evaluate information, apply it across various contexts, and collaborate effectively. In this regard, the development of critical thinking has become a central educational goal. Driven by the societal demand for innovative teaching methodologies, educators are seeking approaches that actively engage students. One such approach is the technology of developing critical thinking through reading and writing, which has gained international recognition for its practical effectiveness. The growing integration of artificial intelligence (AI) tools in classrooms further reinforces the urgency of nurturing critical thinking, enabling students to interact not only with texts and peers but also with intelligent digital systems.

Critical thinking in education refers to students' active engagement with information: questioning it, analyzing its sources, identifying implications, and forming evidence-based conclusions. It encourages intellectual curiosity, skepticism of superficial answers, and the confidence to articulate reasoned opinions. According to A.V. Fedorov, critical thinking is the process of "posing questions, systematically searching for answers, and evaluating the causes and consequences of facts with logical rigor. "This skillset is essential in today's information-saturated world, where learners are constantly bombarded with content—some of it misleading. The capacity to assess and synthesize information critically becomes indispensable, especially in language learning, where students must evaluate multiple viewpoints, cultural nuances, and discursive strategies[1].

The pedagogy of critical thinking involves three stages:
1. Engagement (Evocation): Activating prior knowledge and setting learning objectives.2. Comprehension (Realization of Meaning): Interacting with new content, analyzing it deeply. 3. Reflection (Reconsideration): Consolidating and applying knowledge, expressing personal interpretations.

These stages align with natural cognitive processes and promote active student participation through techniques such as brainstorming, debates, collaborative tasks, and reflective journaling. Importantly, these stages are flexible and can span multiple lessons or disciplines.

AI technologies such as ChatGPT, Grammarly, Duolingo, and adaptive learning platforms are increasingly embedded in language classrooms. While these tools offer personalization, instant feedback, and creative stimulus, they also pose a new challenge: overreliance on automated

reasoning can lead to intellectual passivity if not properly managed. Therefore, the role of educators is not only to introduce AI as a learning assistant but also to teach students how to question AI-generated outputs, evaluate their reliability, and distinguish between human and algorithmic reasoning. In doing so, students enhance their meta-cognitive skills and become discerning consumers of digital content. AI can simulate real-life communicative environments, providing language learners with authentic, contextualized practice. But critical thinking is what ensures that learners don't accept outputs blindly, especially in cases where AI might reinforce biases or present information without nuance [2].

Implementing critical thinking strategies leads to:

1. Increased student motivation and ownership of learning
2. More effective collaboration and empathy among peers
3. Improved speech fluency and vocabulary retention
4. Enhanced ability to evaluate and respond to diverse opinions
5. Readiness for interdisciplinary learning and real-world challenges

With AI in the educational mix, these benefits are amplified when paired with critical engagement. Students become not only language learners but also critical digital citizens.

Incorporating critical thinking and AI into English language education empowers learners with essential 21st-century competencies. While AI enhances instructional efficiency and interactivity, critical thinking ensures that learners remain intellectually active, ethically grounded, and creatively engaged. Teachers, therefore, must not only adopt innovative tools but also cultivate analytical habits of mind, preparing students for lifelong learning and adaptive reasoning in a world increasingly shaped by intelligent technology [3].

REFERENCES

1. Meredith K.S., Still D.L., Temple C. How Children Learn: A Guide for the CRTP Project. Moscow, 2007
2. Halpern D. The Psychology of Critical Thinking. SPb.: Piter, 2000
3. Paul R. Critical Thinking: How to Prepare Students for a Rapidly Changing World. Foundation for Critical Thinking, Santa Rosa, CA, 2015

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ УЛУЧШЕНИЯ ПРЕЗЕНТАЦИОННЫХ НАВЫКОВ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ (НА ПРИМЕРЕ MICROSOFT 365 REHEARSE COACH)

Маннопова Робия Бахтиёровна
E-mail: rmannopova1998@gmail.com
докторант Института переподготовки и повышения квалификации кадров системы высшего образования при Министерстве высшего образования, науки и инноваций Республики Узбекистан

Современная образовательная среда требует от учителей не только обучать, но и эффективно вовлекать учащихся с помощью цифровых инструментов и коммуникативных стратегий. В частности, для преподавателей иностранных языков эффективная презентация -это не только инструмент подачи содержания, но и модель аутентичного использования языка и коммуникативной компетенции. Однако многие педагоги не имеют структурированных возможностей для развития и совершенствования своих навыков презентации с индивидуальной обратной связью. В этом контексте искусственный интеллект (ИИ) предлагает инновационные решения для подготовки и повышения квалификации учителей. **Искусственный интеллект в образовании** представляет собой совокупность современных технологий, которые, опираясь на обработку больших данных и моделирование, позволяют компьютеру разрабатывать и применять индивидуализированные образовательные траектории по различным дисциплинам. Эти технологии способны имитировать речевое и мыслительное поведение человека для решения учебных, коммуникативных и профессиональных задач, а также выполнять автоматизированный контроль усвоения учебного материала, предоставлять обучающимся обратную связь и проводить аналитическую оценку образовательного процесса[1]. ИИ предоставляет обратную связь в различных формах, таких как поддержка академического письма, оценка речи и изучение языка. Речевые тренеры на основе ИИ предлагают персонализированную и зачастую мгновенную обратную связь по таким аспектам, как слова-заполнители, темп и контакт глаз [2]. Одним из таких инструментов является Rehearse Coach от Microsoft 365 - функция, управляемая искусственным интеллектом в PowerPoint, которая предоставляет персонализированную обратную связь в режиме реального времени по речи, темпам, использованию слов-заполнителей и языковой инклюзивности.

Проведен ряд исследований о роли искусственного интеллекта в системе повышения квалификации учителей. Современные стратегии развития искусственного интеллекта (ИИ-грамотности) в профессиональное развитие педагогов рассматриваются в работах Сперлинг, Стенберг, МакГрат, Акерфельдт, Хайнц и Стенлиден. Авторы подчеркивают, что по мере развития технологий искусственного интеллекта педагоги должны не только обладать техническими навыками, но и критически рассматривать педагогические, этические и социальные последствия внедрения искусственного интеллекта в классе[3].

В статье Таммец и Лей представлена концептуальная модель интеграции инструментов искусственного интеллекта в профессиональное развитие учителей. Авторы рассматривают ИИ не просто как вспомогательный инструмент, а как партнера по

обучению, способного поддерживать принятие решений учителями, способствуя рефлексии и адаптации стратегий преподавания [4].

Обзор функции Rehearse Coach на основе ИИ

Rehearse Coach - это функция, основанная на искусственном интеллекте, интегрированная в Microsoft Office 365 PowerPoint, предназначенная для улучшения навыков презентации учителя посредством персонализированной обратной связи в режиме реального времени. Он выступает в роли виртуального тренера, направляющего учителей к улучшению своих навыков презентации в частной, автономной среде. Этот инструмент имеет значительный потенциал для педагогов, особенно учителей иностранных языков, стремящихся улучшить свои презентационные компетенции.

Преимущества	Недостатки
Практика произношения	Ограниченная поддержка языка
Мгновенная, персонализированная обратная связь	Нет визуальных отзывов о контенте
Поддержка самостоятельного профессионального развития	
Удобно и доступно	
Частная и несудящая атмосфера	
Улучшенный контроль времени	

Таблица 1. Преимущества и недостатки Rehearse Coach на основе ИИ

В дополнение к предоставлению вербальной обратной связи, Coach Rehearse предоставляет краткий обзор времени выступления, темпа слайдов и областей для улучшения. Используя микрофон и стабильное интернет-соединение, функция работает полностью автоматически в веб-приложении PowerPoint.

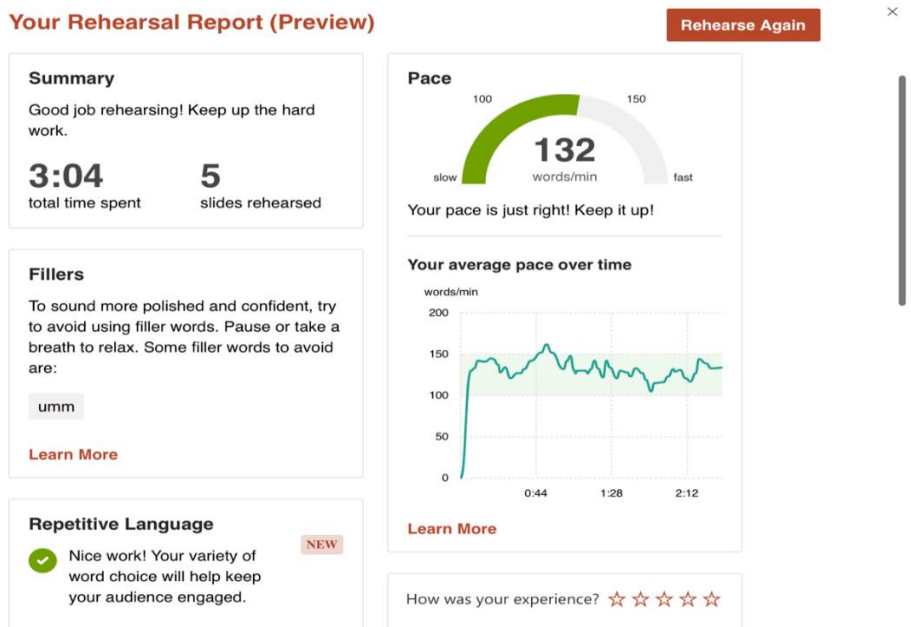

Рис.1. Заключительный отчет о презентации

Темп: Во время коучинга тренер оценивает скорость речи говорящего, указывая, говорит ли он слишком быстро или слишком медленно, что может затруднить понимание.

Слово-заполнитель: выявляет чрезмерное использование таких слов, как "um," "like" или "you know," которые являются распространенными отвлекающими факторами в устных презентациях.

Монотонная подача: Инструмент предлагает способы улучшить вовлеченность говорящего, когда голосу не хватает вариации в высоте или эмоциях.

Утонченная речь: Она подчеркивает повторяющиеся слова или фразы и поощряет более точный и разнообразный словарный запас.

Для преподавателей иностранных языков этот инструмент предлагает практическое решение для самооценки и самосовершенствования. Она не только поддерживает развитие четкой, уверенной речи, но и повышает цифровую грамотность и автономное обучение - обе необходимые в контексте преподавания XXI века.

Интеграция искусственного интеллекта в подготовку учителей представляет собой значительный шаг к модернизации профессионального развития в образовании. Как показано в этой статье, такие инструменты, как Microsoft 365 Rehearse Coach, предлагают ценную поддержку преподавателям иностранных языков, предоставляя персонализированную обратную связь в режиме реального времени по ключевым аспектам презентации, включая темп речи, использование дополнительных слов и выразительность голоса. Поощряя самоанализ и постоянное совершенствование, инструменты коучинга, основанные на искусственном интеллекте, помогают педагогам укреплять не только свою презентационную компетентность, но и уверенность в себе и коммуникацию в классе. Такие технологии служат эффективными дополнениями, которые могут повысить качество и доступность программ подготовки учителей в цифровую эпоху.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сысоев П.В. Искусственный интеллект в образовании: осведомлённость, готовность и практика применения преподавателями высшей школы технологий искусственного интеллекта в профессиональной деятельности // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. No 10. С. 9–33. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-10-9-33;
2. Isolatus P., Eklund M., Karppien K. Artificial intelligence as a feedback provider in practicing public speaking. Communication Teacher. 2024. https://doi.org/10.1080/17404622.2024.2407910;
3. Sperling K., Stenberg C., McGrath C., Akerfeldt A., Heintz F., Stenliden L. In search of artificial intelligence (AI) literacy in teacher education: A scoping review. Computers and Education Open. T. 6. 2024. https://doi.org/10.1080/17404622.2024.2407910;
4. Tammets K., Tobias L. Integrating AI tools in teacher professional learning: a conceptual model and illustrative case. AI for Human Learning and Behavior Change. 2023. https://doi.org/10.3389/frai.2023.1255089

MEDIA AND SOCIAL NETWORKS AS TOOLS FOR SHAPING A SUCCESS MINDSET IN YOUTH

Tokhirova Malikabonu Shukhrat qizi
E-mail: mallikaad@mail.ru
Master's student, Tashkent Branch of
Moscow State University named after M.V. Lomonosov

In the modern era, media and social networks have become powerful influences on the mindset and behavior of young individuals. The idea of 'success' is increasingly shaped not only by family, education, or personal ambition, but also by the content young people consume and produce online. This article explores how media and digital platforms contribute to the development of a success mindset in youth, particularly through mechanisms such as modeling, social comparison, aspirational content, and digital communities.

The formation of a success mindset is deeply rooted in psychological theories such as [Bandura, 1986, p. 45]'s social learning theory and [Dweck, 2006, p. 67]'s mindset theory. Social learning theory emphasizes the role of observational learning, suggesting that youth model behaviors and attitudes based on admired figures, often seen in media. Meanwhile, [Dweck, 2006, p. 67]'s concept of fixed vs. growth mindset provides a framework for understanding how young people perceive challenges and opportunities for achievement, often influenced by the narratives they consume on social platforms.

Traditional media—television, films, and magazines—have long depicted idealized versions of success, focusing on wealth, beauty, fame, and power. These portrayals create cognitive schemas in youth that link success with materialism or celebrity status. While such media can inspire ambition, they can also generate unrealistic expectations and anxiety about personal achievement.

Social media platforms such as Instagram, TikTok, and YouTube allow young users not only to observe but also to participate in success-oriented cultures. Influencers often present curated versions of their lives emphasizing entrepreneurship, self-improvement, and daily routines centered around productivity. Youth are encouraged to emulate these practices and track their own progress, leading to the internalization of a success-driven identity. However, the pressure to perform and compare can lead to psychological stress and burnout.

Online communities dedicated to success—such as study groups, financial literacy forums, or fitness challenges—foster peer support and collaborative motivation. These groups enhance a sense of belonging and provide a space for exchanging strategies and feedback. When guided constructively, these interactions reinforce persistence, goal-setting, and resilience among youth.

Despite the positive impact, there are psychological risks. Constant exposure to others' achievements can trigger social comparison, low self-esteem, and imposter syndrome. The algorithm-driven nature of social networks can also amplify content that promotes hustle culture at the expense of mental health. Balancing inspiration with realism is critical to ensure healthy psychological development.

As media and social networks increasingly shape young people's beliefs and aspirations, educational institutions must incorporate digital literacy into their curricula. Digital literacy goes beyond the ability to operate devices; it encompasses critical thinking, content evaluation, online ethics, and self-regulation. Educators should teach students how to discern manipulative or

idealized media portrayals and reflect on their own goals and values. School-based interventions that foster media awareness have shown promise in reducing the negative effects of social comparison and enhancing self-efficacy [Vogel et al., 2014, p. 213].

The family environment plays a crucial role in interpreting media messages and supporting a healthy success mindset. Parents and caregivers who actively discuss online experiences with their children can help them process and contextualize what they see on social platforms. Furthermore, mentorship—whether in person or virtual—offers youth a personalized form of guidance that complements media influence. Positive mentors can redirect attention from superficial success markers to deeper values like perseverance, empathy, and intellectual curiosity [Dweck, 2006, p. 74].

It is important to recognize that the concept of success is culturally situated. Social media has helped globalize certain success narratives—such as financial independence, aesthetic perfection, and social visibility. However, in different cultural contexts, success might be defined in terms of family cohesion, community service, or spiritual fulfillment. Psychologists must be attentive to how global media content interacts with local cultural values, potentially creating internal conflicts for youth navigating hybrid identities [Chou & Edge, 2012, p. 120].

Further research is needed to explore how algorithmic curation on platforms influences the mindset of emerging adults over time. Longitudinal studies could reveal how persistent exposure to aspirational content affects career choices, mental health, and self-concept development. Policy makers, educators, and mental health professionals must collaborate to build tools and frameworks that promote balanced media consumption and cultivate resilient, critically aware young minds [Bandura, 1986, p. 47].

REFERENCES

1. Bandura A. Social Foundations of Thought and Action: A Social Cognitive Theory. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1986.
2. Dweck C. S. Mindset: The New Psychology of Success. New York: Random House, 2006.
3. Chou H. T. G., Edge N. 'They are happier and having better lives than I am': The impact of using Facebook on perceptions of others' lives. Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking, 2012, vol. 15, no. 2, pp. 117–121.
4. Vogel E. A., et al. Social comparison, social media, and self-esteem. Psychology of Popular Media Culture, 2014, vol. 3, no. 4, pp. 206–222.
5. Duffy B. E. (Not) Getting Paid to Do What You Love: Gender, Social Media, and Aspirational Work. New Haven: Yale University Press, 2017.

СЕКЦИЯ 3.
ИННОВАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ПРЕПОДАВАНИЯ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

ПРОБЛЕМА ГЕНДЕРНОГО ОБУЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ УЗБЕКИСТАНА

Абдуллаева Диёра Равшановна
E-mail: bdllvdi@gmail.com
Магистрантка 1 курса ТФ МГУ имени М.В. Ломоносова Факультет «Педагогическое образование»

Современная образовательная система выполняет не только функцию передачи знаний, но и формирует социальные установки, модели поведения и представления о мире. Одним из важнейших аспектов, влияющих на развитие личности в образовательной среде, является гендер. Гендерное обучение становится инструментом, позволяющим выявлять и устранять скрытые формы неравенства, создавать условия для равного доступа к качественному образованию и полноценной самореализации.

В Узбекистане, как и в других странах Центральной Азии, наблюдаются определённые успехи в обеспечении равного доступа к образованию, однако сохраняются глубокие культурные стереотипы, оказывающие влияние на образовательный выбор и траекторию развития личности. Несмотря на то что нормативная база страны содержит гарантии равноправия (включая законы «Об образовании» и «О гарантиях равных прав и возможностей для женщин и мужчин»), на практике всё ещё существуют барьеры – как структурные, так и социальные [6, 5].

Гендерное обучение не ограничивается равенством в учебных аудиториях. Это комплексное явление, включающее в себя переосмысление содержания учебников, методов преподавания и школьной культуры в целом. Важно, чтобы учащиеся не получали с детства установки о «правильных» мужских и «подобающих» женских ролях. Однако до сих пор в иллюстрациях и задачах школьных пособий мужчины чаще представлены как учёные и руководители, а женщины – как воспитатели и матери.

Анализ международного опыта показывает, что даже в странах с высоким уровнем образования, таких как Япония, сохраняется гендерный разрыв в технических и управленческих профессиях. В Южной Азии, напротив, ключевым барьером остаётся доступ девочек к базовому школьному обучению. Опыт Сингапура и Индонезии демонстрирует успешность системной подготовки педагогов по гендерным вопросам, включающей развитие компетентности, толерантности и осознанного подхода к формированию равной образовательной среды.

В Узбекистане государство прилагает усилия для расширения участия девушек в образовании, особенно в технических и инженерных направлениях. Программы типа «Просвещённое общество» и инициативы по внедрению STEM-обучения для девочек направлены на разрушение устоявшихся стереотипов. Однако в сельской местности сохраняется практика раннего прекращения образования девочками после 9 класса, что связано с традиционными установками и недостаточной просветительской работой с семьями [8].

Кроме того, на всех уровнях образования наблюдается так называемая горизонтальная сегрегация: девушки преобладают в гуманитарных дисциплинах, тогда как технические и IT-направления остаются мужской прерогативой. Это связано как с

содержанием образовательных программ, так и с влиянием педагогов, зачастую неосознанно поощряющих традиционные роли.

Решение этих проблем возможно лишь при наличии системного подхода: регулярного мониторинга и оценки эффективности образовательных реформ, пересмотра содержания учебников, внедрения программ наставничества для девушек, а также активного участия самих педагогов, родителей и гражданского общества.

Гендерное обучение может стать фундаментом для формирования нового поколения учащихся, способных критически мыслить, уважать различия и строить карьеру, исходя из собственных интересов, а не предписанных ролей. Только при таких условиях образование в Узбекистане станет по-настоящему инклюзивным и современным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Rossiter M. W. The Matthew Matilda Effect in Science // Social Studies of Science. – 1993. – Vol. 23(2). – P. 325–341.
2. UNESCO. Global Education Monitoring Report: Gender Report. – 2022.
3. UNICEF. Gender-responsive education sector planning: A pathway to inclusive education. – New York, 2021.
4. Ганиева Ш. М. Гендерное равенство и образование в странах Центральной Азии. – Ташкент: Akademnashr, 2020.
5. Закон Республики Узбекистан «О гарантиях равных прав и возможностей для женщин и мужчин» от 2 сентября 2019 г.
6. Закон Республики Узбекистан «Об образовании» от 23 сентября 2020 г.
7. Конституция Республики Узбекистан (с изм. и доп.).
8. Национальная стратегия по достижению гендерного равенства в Республике Узбекистан до 2030 года.
9. Официальный сайт Министерства высшего образования, науки и инноваций Республики Узбекистан – www.hed.uz (http://www.hed.uz/)
10. ЮНИСЕФ Узбекистан – https://www.unicef.org/uzbekistan

ОБУЧЕНИЕ ТЕННИСУ КАК СРЕДСТВО ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗГРУЗКИ СТУДЕНТОВ МГУ В ТАШКЕНТЕ ОТ ИНТЕНСИВНОГО ИЗУЧЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИН

Абдураимов Акмаль Хасанович
E-mail: Akmal_9610@mail.ru
преподаватель, Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Ташкенте

Современный университетский студент сталкивается с уникальным сочетанием умственных, эмоциональных и социальных вызовов. Особенно это касается учащихся ведущих вузов, таких как МГУ, где нагрузка по специальным дисциплинам высока и требует значительной концентрации внимания и длительных умственных усилий. Научные исследования последних лет показывают, что именно студенты вузов подвержены высокому уровню академического стресса и выгорания, что негативно сказывается как на их психическом здоровье, так и на учебных достижениях (Misra&McKean, 2000; Bewicketal., 2010).

Психологическая разгрузка — необходимый элемент сохранения продуктивности и качества жизни. В последние десятилетия в научной среде растет интерес к роли физической активности, особенно спорта, в качестве эффективного инструмента управления стрессом (Salmon, 2001; Gerberetal., 2014). Теннис как вид спорта занимает особое место, сочетая аэробную нагрузку, координацию, быстрые решения и социальное взаимодействие. По данным исследований, теннис способствует улучшению когнитивных функций и снижению уровня тревожности (Tuckeretal., 2014).

Исследования показывают, что около 70% студентов университетов испытывают хронический стресс, связанный с учебной нагрузкой (AmericanCollegeHealthAssociation, 2019). Выгорание характеризуется эмоциональным истощением, снижением мотивации и деперсонализацией (Maslach&Jackson, 1981). Для студентов это может приводить к ухудшению концентрации, снижению успеваемости и проблемам со здоровьем.

Физическая активность активирует системы регуляции настроения, включая выброс эндорфинов и снижение кортизола — гормона стресса (Dishmanetal., 2006). По словам В.И. Лубышева, «двигательная активность не только укрепляет тело, но и восстанавливает психоэмоциональный баланс» (Лубышев, 2019). Американская психологическая ассоциация рекомендует регулярные упражнения как часть стратегии профилактики стресса (APA, 2020).

Теннис сочетает высокую физическую нагрузку с необходимостью мгновенного принятия решений, что тренирует нейропсихологические процессы, повышая когнитивную гибкость (Tomporowski, 2003). Это делает теннис не только способом физической, но и умственной разгрузки, что особенно важно для студентов, перегруженных теоретическими знаниями. По мнению A. Bandura, активное включение в физическую деятельность способствует развитию саморегуляции и снижению тревожности (Bandura, 1997).

В российских и зарубежных вузах внедрение тенниса и других видов спорта в программу внеучебной деятельности показало улучшение психологического климата среди студентов, повышение их вовлеченности и мотивации (Ivanovetal., 2018). Однако в

контексте вузов Узбекистана подобные исследования редки, что делает актуальным настоящее исследование.

Исследование проводилось с января по март 2025 года на базе Ташкентского филиала МГУ. В нем участвовали 42 студента первого и второго курсов гуманитарных и точных факультетов (22 девушки, 20 юношей). Продолжительность занятий теннисом — 8 недель, по 2 тренировки в неделю.

Методы:

- Анкетирование по методике оценки стресса, настроения и мотивации до и после тренировок.
- Наблюдение преподавателя за активностью и эмоциональным состоянием студентов.
- Качественные интервью с добровольцами.

Ниже мы привели таблицу(Табл.1.), содержащую сравнительные данные, полученные в результате анкетирования студентов до начала тренировочного курса по теннису и после его завершения. Таблица отражает динамику ключевых психоэмоциональных показателей, таких как уровень стресса, использование спорта как механизма снятия напряжения, общее настроение и учебная мотивация. Результаты демонстрируют положительные изменения практически по всем параметрам, что подтверждает гипотезу о высокой эффективности тенниса как средства психологической разгрузки.

Показатель	**До занятий**	**После занятий**
Часто испытывают стресс	71%	38%
Используют спорт для снятия стресса	19%	76%
Оценивают настроение как стабильное	32%	68%
Повысилась мотивация к учебе	—	83%

Таблица 1. *Сравнительные данные, полученные в результате анкетирования студентов до начала тренировочного курса по теннису и после его завершения*

Далее, на диаграмме 1 визуализированы изменения уровня стресса у студентов, участвовавших в исследовании. Снижение этого показателя почти вдвое наглядно подтверждает эффективность физической активности в форме занятий теннисом как средства снижения психоэмоционального напряжения.(Диаграмма 1.)

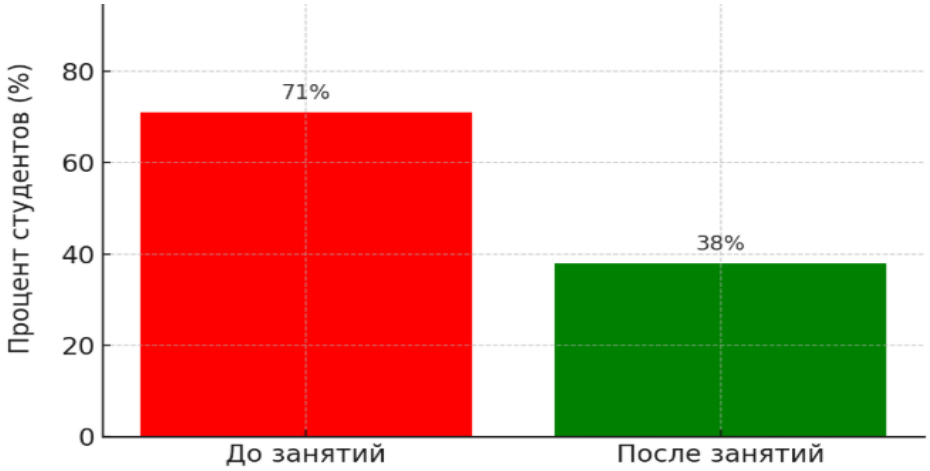

Диаграмма 1. *Изменение уровня стресса студентов (до и после тренировок).*

График показывает снижение частоты стресса с 71% до 38%, что статистически значимо ($p < 0.05$).

Полученные данные подтверждают гипотезу о положительном влиянии тенниса на психоэмоциональное состояние студентов. Заметное снижение уровня стресса и повышение мотивации позволяют рекомендовать включение тенниса в программы физической культуры вузов с высокой учебной нагрузкой.

В личной практике преподавателя тенниса в филиале МГУ в Ташкенте наблюдается устойчивый положительный эффект: студенты отмечают улучшение общего самочувствия и лучшую концентрацию на учебном материале после тренировок.

Анализ литературы и эмпирических данных показывает, что теннис обладает уникальной комбинацией физических и психологических преимуществ, которые способствуют восстановлению и поддержанию когнитивной эффективности (Tomporowski, 2003; Bandura, 1997).

Обучение теннису является эффективным средством психологической разгрузки студентов Ташкентского филиала МГУ, снижая уровень стресса и повышая учебную мотивацию. Рекомендуется активное внедрение теннисных тренировок в внеучебные программы для повышения качества жизни студентов и улучшения учебных показателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. American College Health Association. National College Health Assessment. 2019.
2. Bandura A. Self-efficacy: The exercise of control. New York: W.H. Freeman, 1997.
3. Bewick B. M., Koutsopoulou G., Miles J., Slaa E., Barkham M. Changes in undergraduate students’ psychological well-being as they progress through university. Studies inHigherEducation, 2010.
4. Dishman R. K., et al. Neurobiology ofexercise. Obesity, 2006.
5. Ivanov, S. et al. Sports activities and student motivation in Russian universities // Sports Science Review, 2018.
6. Лубышев В.И. Спорт и личностное развитие студента. Москва: Педагогика, 2019.
7. Maslach C., Jackson S. E. The measurement of experienced burnout. Journal ofOrganizationalBehavior, 1981.
8. Misra R., McKean M. College students’ academic stress and its relation to their anxiety, time management, and leisure satisfaction. American JournalofHealthStudies, 2000.
9. Salmon P. Effects of physical exercise on anxiety, depression, and sensitivity to stress: A unifying theory. Clinical PsychologyReview, 2001.
10. Stepanova E.A. Физическая активность как элемент управления стрессом студентов // Молодой ученый, 2020.
11. Tomporowski P.D. Effects of acute bouts of exercise on cognition. Acta Psychologica, 2003.
12. World Health Organization. Mental health and stress among students. WHO Bulletin, 2021.

МЕТОДЫ МОТИВАЦИИ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ НА ЗАНЯТИЯХ ТЕННИСОМ

Абдураимов Акмаль Хасанович
E-mail: Akmal_9610@mail.ru
преподаватель, Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г.Ташкенте

В основу успешного освоения теннисных навыков у детей и подростков ложится процесс правильной мотивации. Нередко даже одарённые юные спортсмены отказываются от тренировок из-за утраты интереса. Цель данной статьи — описать наиболее эффективные методы мотивации детей и подростков в системе теннисного обучения. Также рассматривается вклад отечественных и зарубежных исследователей в изучение проблем мотивации.

Мотивация в детском спорте представляет собой сложный и многоуровневый процесс, включающий как внутренние, так и внешние стимулы. По мнению В.К. Вилюнаса, «мотивационная сфера личности — это её ядро, от которого зависит направленность поведения и вся активность человека» [4, с. 56]. Это утверждение подчёркивает фундаментальное значение внутренних потребностей и ценностей, которые особенно важны при формировании устойчивого интереса у ребёнка.

Г. Хекхаузен подчеркивает: «Мотивация не является врождённой, она формируется в процессе социализации и зависит от условий деятельности» [2, с. 39]. Это важное замечание подчеркивает роль окружающей среды и педагогического влияния, что полностью подтверждается практикой спортивной подготовки: именно тренер и родители создают условия, в которых формируется мотивация.

Согласно Б.С. Братусю, устойчивость мотивации особенно важна в условиях спортивной конкуренции: «Только внутренняя заинтересованность способна удерживать личность в сфере напряжённой и регулярной деятельности» [1, с. 48]. В этом высказывании чётко указывается на приоритет развития внутренней мотивации, что согласуется с наблюдениями тренеров: именно дети, искренне увлечённые теннисом, достигают наилучших результатов.

Мотивационные предпочтения значительно зависят от возраста. Как отмечают Гордеева Т.О. и Осин Е.Н., «в младшем возрасте на первый план выходит игровая мотивация, в то время как в подростковом периоде усиливается значимость достижения успеха и социального признания» [3, с. 22]. Данный вывод имеет большое прикладное значение: мотивационные стимулы должны адаптироваться к возрасту, иначе они теряют эффективность.

Моё мнение полностью совпадает с точкой зрения данных исследователей. Практика показывает: ребёнок, который воспринимает занятие как игру, охотно включается в процесс, а подросток требует признания и видимых результатов.

- Дети 6–9 лет ориентированы на игровой процесс, эмоциональные ощущения и одобрение тренера;
- Подростки 10–14 лет начинают сравнивать себя с другими, стремятся к лидерству, престижу;
- Юноши 15–17 лет способны к постановке долгосрочных целей, дисциплинированны, ориентированы на результат.

Использование игры как формы обучения делает тренировки привлекательными. Согласно Макеевой Т.Л., «игра — это важнейший педагогический инструмент на ранних этапах спортивного обучения, способствующий формированию позитивного отношения к физической активности» [5, с. 74]. Это мнение абсолютно оправдано, особенно при работе с младшими школьниками, когда мотивация ещё неустойчива.

Как отмечает Братусь Б.С., «учёт индивидуальных особенностей ребёнка — это ключ к устойчивой мотивации, особенно в эмоционально насыщенных видах деятельности» [1, с. 53]. Я полностью разделяю эту позицию: универсального метода не существует — только индивидуальный подход даёт результат.

Поощрение — важный фактор внешней мотивации. «Подкрепление успеха — мощный стимул в подростковом возрасте, когда особенно остро воспринимается оценка со стороны окружающих», — утверждает Хекхаузен [2, с. 46]. На практике чрезмерная критика может быстро демотивировать, тогда как даже малейшее поощрение способно придать уверенности.

Использование «карты достижений», дневников тренировок и наград способствует развитию уверенности. Вилюнас подчеркивает, что «чувство продвижения — один из важнейших компонентов поддержания мотивации» [4, с. 65]. Действительно, дети и подростки хотят видеть результат, и визуальные средства особенно эффективны.

Цифровизация тренерской деятельности позволяет сделать занятия более современными. Использование приложений, видеоанализа и онлайн-соревнований особенно эффективно среди подростков, привыкших к цифровой среде. Это направление, на мой взгляд, требует дальнейшего научного осмысления и расширения.

Соревновательная деятельность обеспечивает не только внешний стимул, но и внутреннюю мотивацию. «Победа, признание, эмоции состязания — всё это активизирует внутренние резервы ребёнка», — пишет Макеева Т.Л. [5, с. 81]. Из собственного опыта могу подтвердить: даже незначительные соревнования усиливают заинтересованность детей в занятиях.

Тренер — ключевая фигура в формировании устойчивой мотивации. Его стиль общения, эмоциональная вовлечённость, умение вдохновлять и поддерживать — это основа долгосрочного интереса ребёнка к спорту. Родители, как подчёркивают Гордеева и Осин, должны быть «источником поддержки, а не давления» [3, с. 28]. Это особенно актуально в условиях современных высоких ожиданий, когда дети подвергаются значительному стрессу.

Мотивация в детском и подростковом теннисе — это не только желание побеждать, но и стремление к личностному росту, радость преодоления трудностей и удовольствие от процесса. Опора на научные исследования, учет возрастных и индивидуальных особенностей, внедрение современных подходов — всё это позволяет формировать стойкий интерес к теннису и гармоничное развитие личности юного спортсмена. Согласие с мнениями ведущих исследователей подтверждает актуальность и надёжность предложенных методов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Братусь Б.С. Психология личности и мотивации. — М.: Педагогика, 2002.
2. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. — СПб.: Питер, 2003.

3. Гордеева Т. О., Осин Е. Н. Мотивация достижения у подростков. // Психологический журнал. — 2016. — № 5.
4. Вилюнас В.К. Эмоции и мотивация. — М.: Наука, 1990.
5. Макеева Т.Л. Спортивная педагогика: методика преподавания. — М.: Современная школа, 2019.

INNOVATIVE FOUNDATIONS FOR IMPROVING THE QUALITY OF TEACHING HUMANITARIAN AND SOCIO-ECONOMIC DISCIPLINES
PSYCHOLOGICAL SUPPORT OF STUDENTS UNDER INCREASING INFORMATION LOAD

Abidova Alina Timur qizi
E-mail: alinashagivalievaa27@gmail.com
Master's student at Tashkent branch of Moscow State University
named after M.V. Lomonosov

Today, many students feel stressed because they get too much information. They study using online platforms, social media, and many digital tools. These technologies are useful, but they also bring problems. Students must read and remember a lot, and this makes them tired. Their brains work too hard, and they can feel nervous or sad. It becomes hard for them to learn well and feel good. This problem is called information overload. It means that students get more information than they can understand or use. Because of this, they may lose focus, sleep badly, and feel unhappy. Schools and teachers must help students with this problem.

This article talks about how countries like Russia and others try to solve this. It explains what schools can do to support students' mental health. For example, they can give psychological help, change the way they teach, and use special programs to reduce stress. It is important to care not only about what students learn, but also about how they feel while learning.

Cognitive fatigue is a serious problem that happens when students get too much information from digital sources. This can include online classes, websites, videos, or messages. When students use digital content for a long time, they feel tired and stressed. Their brains get tired, and it becomes hard to focus, remember things, and stay calm [4].

There are some good ways to reduce this problem. For example, students can learn mindfulness. This means they learn how to relax and focus on the present moment. Another helpful method is cognitive-behavioral therapy. It teaches students how to change negative thoughts into positive ones. Also, schools can change their programs and give less digital work to help students feel better [1].

In my opinion, cognitive fatigue is one of the biggest challenges for students who study online. I have felt it myself. When I spend many hours with digital materials, I feel very tired, and it is hard to think clearly. I cannot pay attention or remember what I read. I believe that simple things like relaxing, using time wisely, and taking short breaks can help a lot. Also, I think that schools should do more to support students. They should make learning plans that include time to rest and help students avoid too much digital work. This will help students feel better and study more effectively.

Russian and Western researchers both say that guided learning is very important. This means that students learn better when they get help and support from teachers. Vygotsky's theory about the zone of proximal development also shows that students can do more when they get help at the right time. This support can reduce stress and make learning easier [5]. New research from Russia shows that digital learning is growing fast. This became a big problem during the COVID-

19 pandemic. Many students had to study online, but they were not ready for it. Because of this, many students felt more stress and had trouble with learning [7].

To help students feel better, schools should use different types of psychological support. This includes personal talks with a psychologist (individual therapy), group talks with other students (group therapy), and lessons about how to use time well. It is also good to teach students about emotions and how to manage them in their daily life and studies [2]. Culture is also important. In Russia, students often learn and solve problems together. Helping each other is a big part of education. This teamwork can help students feel stronger and less stressed.

Technology can be both a problem and a solution. It gives a lot of information, but it can also help. For example, some apps help students relax, and smart tools can help plan tasks and reduce stress [2]. Teachers and school workers also need to learn how to support students. They should know how to see when a student is stressed and how to help them in the right way [3].

National education systems, like in Russia, are starting to think more about mental health. They want all students to have the same chance to get psychological help. Also, they want students to understand more about mental health and how to take care of it [6]. This shows that many countries now understand how important it is to support students' mental health. They are adding psychological help to the rules and plans in universities and colleges.

Today, students study in a world where there is a lot of information everywhere — from the internet, school systems, and digital tools. This makes learning harder and more stressful. That is why students' mental health should be very important for schools and teachers. Many countries, including Russia, show that it is necessary to give students special support to help them feel better. This support should match their culture and also include modern technology, but used in the right way. Schools should not wait for problems to happen. They should help students early, teach teachers how to support them, and make rules that protect students' mental health. When students feel supported and calm, they can learn better, feel more confident, and grow as people — even when studying is difficult or stressful.

REFERENCES

1. Brown A., Green T. Mindfulness and student stress // Journal of College Counseling. – 2020.
2. Lee C. Metacognition in higher education // Learning and Instruction. – 2022.
3. Novak P. Psychological support in academia // Journal of Educational Development. – 2023.
4. Smith J. Cognitive overload in the digital classroom // Educational Psychology Review. – 2021.
5. Выготский Л. С. Мышление и речь. – М.: Педагогика, 1982.
6. Иванова И. В., Петров А. Н. Информационная перегрузка и стресс у студентов // Вестник психологии образования. – 2020.
7. Соколова Е. А. Цифровизация образования и психологическое здоровье студентов // Образование и наука. – 2021.

АНАЛИЗ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ И ПУТЕЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ВЫСШЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Акбутаева Гуласал
E-mail: akbutayevaasal@gmail.com
Студентка 1-го курса магистратуры
Филиал Московского Государственного университета имени М.В.Ломоносова в городе Ташкенте

Современная система образования переживает период масштабных изменений, обусловленных внутренними и внешними вызовами, такими как развитие цифровых технологий, изменение социально-экономических условий, глобализация и растущий спрос на качество профессиональной подготовки. В этом контексте особую остроту приобретает вопрос о состоянии и перспективах развития высшего профессионального образования как важного звена в подготовке профессиональных кадров для школ. Педагогическое образование играет центральную роль в формировании личности будущего педагога, его профессиональных способностей, мировоззрения и ценностей. Однако в последние годы возникло множество устойчивых проблем: несоответствие содержания обучения современным задачам, отрыв теоретических знаний от образовательной практики, снижение готовности студентов преподавать и общий кризис престижа профессии учителя. Эти тенденции требуют всестороннего анализа и переосмысления стратегий подготовки учителей. Педагогическое образование представляет собой совокупность теоретических знаний, практических умений и профессиональных установок, необходимых для осуществления образовательной деятельности. Оно охватывает не только процесс передачи информации, но и формирование личностных качеств будущего педагога, способствующих его успешной социальной и профессиональной адаптации[1].

Следовательно, подготовка педагогических кадров должна обеспечивать готовность выпускников не только к передаче знаний, но и к воспитательной, развивающей, коммуникативной и инновационной функциям.

Современное педагогическое образование строится на компетентностном подходе, предполагающем развитие у обучающихся комплекса ключевых и профессиональных компетенций. Оно направлено на формирование у будущих педагогов способности к рефлексии, самообразованию, проектированию образовательных процессов и применению современных технологий в обучении. Понятие и сущность педагогического образования Педагогическое образование — это система подготовки специалистов, способных эффективно осуществлять образовательную деятельность в различных ситуациях. Оно формирует знания, умения и профессиональные качества, необходимые будущему учителю для успешного выполнения задач образования, воспитания и личностного развития учащихся. Аспекты целевой Основной целью обучения является формирование профессиональной подготовленности личности к педагогической деятельности.

Современная система образования предъявляет высокие требования к профессионализму преподавателей. Эти требования обусловлены не только изменениями в образовательной политике и стандартах, но и глобальными социокультурными

преобразованиями. Учителя должны быть не только экспертами-предметниками, но и психологами, коммуникаторами, наставниками, модераторами образовательного процесса и носителями культурных ценностей. Компетентностный подход Одним из ключевых требований современного образования и профессиональной подготовки является переход к компетентностной модели образования. Это означает, что преподаватель должен обладать не только знаниями, но и умением применять их в различных профессиональных ситуациях. Наиболее важными способностями являются: Методологическая компетентность; Общение; Информационные и цифровые технологии; Психология и педагогика; Проектирование и исследования; Правовая и этическая компетентность. Личные качества преподавателя Подготовка учителей направлена на формирование личности с высоким уровнем эмпатии, стрессоустойчивости, лидерскими и организаторскими качествами[2]. Современные учителя должны быть толерантными, способными к самоанализу и саморазвитию, открытыми к инновациям и владеть цифровыми технологиями. Цифровизация образования требует от учителей умения пользоваться электронными образовательными ресурсами, цифровыми платформами и инструментами дистанционного обучения. Становится все более важным развивать цифровую грамотность и навыки гибкой адаптации к новым образовательным форматам как гибкость и адаптивност.

Современные учителя работают в изменчивой образовательной среде. Он должен быть готов к работе с учащимися разных категорий, в том числе с особыми образовательными потребностями. Гибкость, готовность применять междисциплинарный подход и владение инновационными технологиями - все это ключевые требования к современным преподавателям. Непрерывное повышение квалификации Современные образовательные стандарты предполагают, что учителя занимаются непрерывным самообразованием, проходят курсы повышения квалификации, участвуют в профессиональных сообществах и осваивают новые методики преподавания. Карьера учителя сегодня включает в себя элементы преподавательской, исследовательской и проектной работы и участие в образовательной политике.Педагоги в 21 веке являются не только исполнителями образовательных программ, но и активно участвуют в формировании образовательной среды. Он должен уметь работать в команде и взаимодействовать со своими родителями, администрацией и научным сообществом. Преподаватели должны обладать знаниями нормативной базы и участвовать в экспертизе образовательных программ и внедрении инноваций. Поэтому подготовка педагогов в современных условиях — это сложный процесс, направленный не только на передачу знаний, но и на формирование универсальных специалистов, способных действовать в условиях неопределенности, взаимодействовать с людьми и развиваться вместе с обществом. Реализация этих требований требует от системы педагогического образования гибкости, открытости и стремления к постоянному обновлению. В условиях перехода к информационному обществу и цифровой экономике существенно изменились требования к профессиональной подготовке учителя. Сегодня педагог должен владеть не только предметными знаниями, но и широким спектром надпредметных компетенций: цифровыми, коммуникативными, проектными, методическими и психологическими.

Кроме того, современное педагогическое образование должно учитывать потребности инклюзивного обучения, мультикультурной среды, а также проблематику воспитания личности в условиях информационной перегрузки и ценностной неопределённости.

Современное высшее педагогическое образование сталкивается с целым рядом вызовов, требующих системного переосмысления как на уровне содержания, так и на уровне организации образовательного процесса. Проблемы, выявленные в результате анализа теоретических и эмпирических источников, носят как объективный, так и субъективный характер, отражая общее состояние сферы образования, а также конкретные недоработки в системе подготовки будущих педагогов.

Одной из наиболее острых проблем остаётся отставание содержания педагогических программ от реальных потребностей современной школы. Учебные планы часто перегружены теоретическим материалом, при этом актуальные педагогические технологии, методы обучения, элементы STEAM-образования, цифровые платформы и инструменты оказываются недостаточно представлены[3].

Выпускники педагогических вузов зачастую приходят в школу с багажом академических знаний, но без чёткого понимания, как применить эти знания на практике, особенно в условиях инклюзивного и индивидуализированного подхода к обучению. Это порождает «разрыв» между вузовской подготовкой и школьной реальностью.

Несмотря на наличие учебной и производственной практики в учебных планах, её содержание и методика реализации не всегда способствуют формированию устойчивых профессиональных умений. Часто практика носит формальный характер: студенты лишь наблюдают за работой учителей, не участвуя полноценно в образовательном процессе.

Кроме того, существует проблема слабой связи между теоретическим обучением в вузе и практической деятельностью в школе. Знания, полученные на лекциях, не подкрепляются активным применением в реальных педагогических ситуациях. Это снижает готовность выпускников к самостоятельной работе и повышает риск профессионального выгорания в первые годы работы.

Одной из актуальных проблем современного педагогического образования является несоответствие содержания подготовки учителей требованиям, предъявляемым современными школами. Это несоответствие проявляется на нескольких уровнях: содержательном, методологическом, организационном и техническом. Содержание, которое отстает от реальных требований школы.

Современным школам нужны специалисты, обладающие не только тематическими знаниями, но и современными методиками преподавания, цифровыми технологиями, методами инклюзивного образования, проектными и исследовательскими навыками. Однако содержание подготовки будущих учителей по-прежнему смещено в сторону теоретической подготовки, а практические и прикладные аспекты остаются недостаточно развитыми. Ограничения образовательной практики многие программы подготовки учителей предлагают минимальное количество часов практики. Это приводит к тому, что выпускники образовательных вузов не имеют достаточного опыта работы с детьми, не знают, как эффективно выстраивать образовательный процесс и взаимодействовать с родителями, коллегами и администрацией.

В результате они не готовы к реальной образовательной деятельности в школьных условиях. Недостаточный междисциплинарный характер В современных школах учителя должны быть гибкими, уметь работать на стыке различных предметных областей и применять метапредметный подход. Однако существующие учебные программы часто отделяют дисциплины друг от друга, что препятствует формированию целостного профессионального мышления. Отсутствие индивидуализации и гибкости Подготовка

учителей по-прежнему широко унифицирована, это затрудняет учет индивидуальных особенностей учащихся и не способствует развитию их собственного профессионального стиля. В современных условиях важно развивать способность будущего учителя к самоопределению, профессиональному выбору и планированию карьеры. Ограниченное использование цифровых технологий Несмотря на широкое внедрение цифровых образовательных платформ и технологий, многие образовательные университеты недостаточно оснащены современными ИКТ. Это влияет как на содержание специальности, так и на методику преподавания, делая обучение студентов менее актуальным. Недостаточный акцент на softskills. Современные преподаватели развивают коммуникативные навыки, умение сопереживать, работать в команде, разрешать конфликты и взаимодействовать с разными участниками образовательного процесса. Разрыв между теорией и практикой часто наблюдается формализм при внедрении практико-ориентированных компонентов. Учащиеся не получают систематической поддержки от опытных наставников, не включены в контекст живой школы, и такая практика носит временный характер. Слабая подготовка к инклюзивному и дифференцированному образованию. Сегодня мы работаем с детьми с различными образовательными потребностями, включая людей с ограниченными возможностями, талантливых детей и детей из разных культурных слоев [4]. Подготовка учителей к таким условиям часто не учитывает весь спектр возможных ситуаций и задач. Поэтому, чтобы соответствовать требованиям современных школ, педагогическое образование должно стать более гибким, индивидуализированным и практико-ориентированным. Оно требует постоянной модернизации содержания, активного сотрудничества между университетами и школами, внедрения современных технологий и развития широкого спектра способностей учащихся. Без этого невозможно обеспечить эффективную подготовку учителей, способных справляться с вызовами времени и обеспечивать качественное образование всем детям [5].

На основе рассмотренного материала можно сделать следующие обобщения и выводы: во-первых, педагогическое образование – это сложная и многокомпонентная система, направленная на развитие необходимых профессиональных способностей у будущих учителей. Оно включает в себя как базовые знания, так и прикладные навыки, педагогическое мышление и профессиональную этику. Во-вторых, историко-культурный анализ показал, что развитие педагогического образования тесно связано с эволюцией общества, отражая изменения в социальной, экономической и духовной сферах. От устного народного образования до смешанной формы цифровой платформы и образования, система подготовки учителей прошла долгий путь. Это подчеркивает необходимость учитывать традиции и в то же время гибко реагировать на новые вызовы. В-третьих, современное общество предъявляет к учителям высокие требования – от владения цифровыми технологиями до умения работать в инклюзивной среде, от развития критического мышления до способности к профессиональной рефлексии. Эти требования требуют глубокой модернизации содержания обучения, обновления методического инструментария и усиления практической направленности образования. В то же время существует противоречие между содержанием подготовки учителей и реальными условиями работы в школе. Основные проблемы связаны с недостаточным объемом образовательной практики, слабой проработкой softskills, ограниченным внедрением современных образовательных технологий, а также отсутствием персонализированного подхода к подготовке самих будущих учителей. Все это снижает эффективность профессиональной подготовки и

создает барьеры для успешной социализации молодых специалистов в школьной среде. Поэтому обновление педагогического образования должно основываться на принципах гибкости, вариативности, междисциплинарности и преемственности. Только в этом случае возможно формирование нового поколения педагогов, способных обеспечить качество образования, отвечающее современным вызовам и социальным ожиданиям. Перспективными направлениями дальнейших исследований и практической работы являются разработка моделей подготовки учителей, ориентированных на сотрудничество университета и школы, развитие наставничества, внедрение инновационных цифровых форматов обучения и усиление роли практико-ориентированных модулей.

Таким образом, трансформация высшего педагогического образования должна опираться на комплексный подход, включающий обновление содержания, цифровизацию подготовки, усиление практико-ориентированного компонента и системную мотивацию к профессии. Только при условии взаимодействия образовательных учреждений, государства и общества возможно формирование устойчивой и эффективной системы подготовки педагогов, способных работать в условиях школы XXI века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Громова, Е. И. Практико-ориентированное обучение: теория и методика / Е. И. Громова. — М.: Академия, 2021. — 192 с.
2. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции как результат современного образования / И. А. Зимняя. — М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. — 64 с.
3. Сериков, В. В. Образование как пространство самоопределения личности / В. В. Сериков. — Екатеринбург: УрГПУ, 1999. — 240 с.
4. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования (ФГОС СОО): утверждён приказом Минобрнауки России от 17.05.2012 № 413 (ред. от 29.12.2014). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://fgos.ru/ (дата обращения: 19.05.2025).
5. Подласый, И. П. Педагогика: новый курс. Учебник для вузов / И. П. Подласый. — М.: Владос, 2020. — 512 с.

EFFECTIVE STRATEGIES FOR TEACHING ENGLISH VOCABULARY BY ENHANCING LEARNERS' LISTENING AND SPEAKING SKILLS

Akhmadaliyeva RukhshonabonuMukhammadjonovna
E-mail: rukhshonaahmadaliyeva@gmail.com
2nd year student of the Faculty of Philology, Tashkent Branch of Moscow State University named after M.V. Lomonosov

Acquiring a rich and functional vocabulary is one of the most significant and, at the same time, most complex aspects of learning English as a foreign language. A wide and active vocabulary enables learners not only to understand texts and conversations but also to participate in communication in a meaningful and confident manner. Although vocabulary teaching has traditionally placed an emphasis on reading and writing activities, current pedagogical research increasingly recognizes that listening and speaking play a vital and irreplaceable role in the development and long-term retention of vocabulary [1].

When students are regularly exposed to spoken English through listening, they encounter words and expressions in authentic and meaningful situations. This exposure allows learners to develop an intuitive understanding of pronunciation, stress, intonation, collocations, and subtle contextual meanings. These elements are often overlooked or remain abstract when vocabulary is studied in isolation. On the other hand, speaking enables learners to actively use the words they are learning. This process strengthens memory through immediate application and practice. In this way, listening and speaking form a continuous cycle: what is heard becomes available for use, and what is spoken becomes more deeply embedded in memory [1].

From the perspective of cognitive psychology and psycholinguistics, vocabulary acquisition via listening and speaking channels engages the brain in a multi-sensory language processing experience. When learners hear new vocabulary used naturally, semantic associations form, and new knowledge is integrated into existing mental structures. This contrasts sharply with mechanical memorization techniques, which often lead to shallow and short-lived retention. Furthermore, when learners speak and use these new words in sentences or conversations, they activate these memory traces, reinforcing them through repetition and real-time recall. This repeated productive use of vocabulary is crucial for transforming passive knowledge into active skills [2].

Moreover, from a communicative teaching standpoint, vocabulary becomes truly functional only when it is used to fulfill actual communicative tasks. Learners gain a deeper grasp of word meaning and usage not by memorizing dictionary definitions, but by using words to express opinions, describe events, or solve problems in interaction with others. Listening and speaking create a real-world context for this kind of communication. These skills foster not only vocabulary growth but also pragmatic competence — the ability to choose the right words for the right situation, adjust speech depending on the audience, and interpret meaning beyond the literal level. Multimodal learning, which integrates both auditory input and oral output, boosts motivation and enhances memory by engaging the learner on multiple levels — sensory, cognitive, and emotional [2].

In classroom settings, listening serves as a primary source of authentic linguistic input. Through audio materials such as podcasts, recorded interviews, television shows, films, and live broadcasts, students can encounter vocabulary as it is genuinely used by native speakers in various situations. Exposure to different accents, speech rates, and informal vocabulary enriches the learner's understanding of natural language. To increase the effectiveness of listening tasks, educators can use specific strategies such as gap-filling exercises, which help learners focus on key lexical items, or prediction activities that engage prior knowledge and activate expectations before listening begins. Techniques like retelling stories using target vocabulary, or practicing shadowing (repeating sentences immediately after hearing them), also contribute significantly to the development of lexical fluency and pronunciation skills [3].

Digital technologies further support listening-based vocabulary acquisition. Platforms offering interactive audio activities — including language learning apps, online quizzes, and personalized feedback tools — make it possible for learners to practice at their own pace and receive immediate corrections. These tools can simulate real-life communication scenarios, giving students access to natural spoken English outside the classroom [3].

Speaking activities, in turn, are crucial for activating and internalizing new vocabulary. Oral tasks such as role-plays, debates, storytelling, and interviews allow students to apply newly learned words in meaningful contexts. These activities stimulate spontaneous speech and encourage learners to take risks in communication, helping them move beyond memorization toward real fluency. Tasks like "Information Gap" or "Think-Pair-Share" are designed to create a need for communication, which in turn promotes the intentional and accurate use of target vocabulary. When learners must use specific words to achieve a goal — for example, solving a problem with a partner or describing a picture — they are more likely to retain and reuse that vocabulary in the future [4].

Visual aids, collaborative group work, and interactive games make speaking tasks more engaging and accessible. Flashcards, vocabulary maps, and project presentations can also stimulate meaningful language use while helping students visualize relationships between words. Group discussions not only give learners practice but also allow for negotiation of meaning and exposure to peers' language use, which can expand individual vocabulary pools [4].

An integrated method that combines listening and speaking — structured in a "Listen – Practice – Use – Reflect" model — can serve as a comprehensive framework for vocabulary instruction. In this model, students begin by attentively listening to vocabulary in context, then engage in pronunciation drills and meaning-focused exercises, followed by communicative use of the words in real or simulated conversations. Finally, reflection activities, such as keeping a vocabulary journal or peer-reviewing conversations, help reinforce what has been learned. Project-based learning, including student-led presentations, interviews, and podcasts, gives learners the opportunity to apply vocabulary in personalized, purposeful tasks, increasing both engagement and retention [5].

Thematic learning — where vocabulary is grouped around real-world topics such as health, travel, or technology — also supports memorization by anchoring new words to familiar ideas. Gamified platforms like Quizlet, Kahoot, and Wordwall make vocabulary practice more dynamic, while resources like TED Talks or BBC Learning English offer exposure to varied language registers. Speech recognition software, dialogue simulations, and AI-based feedback systems provide learners with a safe and effective environment for pronunciation and fluency training, bridging the gap between theory and practice [5].

It is equally important that instructors carefully select and sequence vocabulary according to learners' current level, needs, and interests. Focusing on high-frequency and contextually useful words makes instruction more relevant and efficient. A balanced approach that combines receptive (listening) and productive (speaking) activities encourages the transfer of vocabulary into long-term memory and everyday use. Differentiating instruction based on individual learner profiles and providing regular, formative assessment — such as self-checklists, oral quizzes, and peer evaluation — can help monitor progress and support vocabulary growth over time [6].

To summarize, the combined development of listening and speaking skills is essential for successful and lasting vocabulary acquisition in English as a foreign language. Listening provides the input and exposure needed for comprehension, while speaking ensures that vocabulary becomes an active, usable tool for communication.

By integrating these two skills in meaningful, interactive, and learner-centered ways, educators can help students build not only larger vocabularies, but also the confidence and competence to use them effectively. As educational technologies evolve, they should continue to support authentic, communicative, and contextual learning experiences that reflect how language is truly used in real life. This approach will ensure that vocabulary instruction remains effective, engaging, and aligned with the communicative goals of modern language education.

REFERENCES

1. Nation, I. S. P. (2013). Learning Vocabulary in Another Language. Cambridge University Press, 624 pp.
2. Richards, J. C., & Rodgers, T. S. (2014). Approaches and Methods in Language Teaching (3rd ed.). Cambridge University Press, 410 pp.
3. Vandergrift, L. (2011). Second Language Listening: Presage, Process, and Product. Routledge, 223 pp.
4. Celce-Murcia, M. (Ed.). (2001). Teaching English as a Second or Foreign Language (3rd ed.). Heinle & Heinle, 584 pp.
5. Lai, Y. (2017). "The Effects of Content-based Instruction on Listening and Speaking Abilities of Thai EFL University Students." Journal of Language Teaching and Research, 8(2), pp. 323–329.
6. Schmitt, N. (2008). Vocabulary in Language Teaching. Cambridge University Press, 246 pp.

THE ROLE AND INFLUENCE OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE SOCIAL SPHERE OF UZBEKISTAN

Boqiyeva Umida Fatkhulla qizi
E-mail: umidabokiyeva8385@gmail.com
Master's Student, Tashkent Branch of Moscow State University named after M.V. Lomonosov

The Russian language remains a crucial medium of communication, cultural exchange, and social cohesion across many post-Soviet states. Uzbekistan stands out as a unique example where Russian historically functioned as the primary interethnic language for communication and official matters. Over time, its role has evolved—today, Russian increasingly serves as the de facto second language in many areas of public life, particularly in education, commerce, and media.

In Uzbekistan, Russian performs two vital roles: it connects diverse ethnic communities and provides access to a vast repository of global knowledge and cultural heritage. While Uzbek language revitalization has been a significant symbol of national identity, many Uzbek citizens regard Russian as an indispensable tool for pursuing higher education and international career ambitions. This blend of prestige and practical utility has allowed the language to maintain a strong foothold across generations [4, pp. 280-285].

Historical Background of Russian in Uzbekistan

The presence of Russian in Central Asia is rooted in the region's 19th-century incorporation into the Russian Empire. Following the 1917 Bolshevik Revolution and the establishment of Soviet governance, Russian quickly became the lingua franca across the USSR's republics, including the Uzbek SSR. It was the dominant language of science, education, and administration, enforced as a key element of Soviet state policy [1, pp. 55-65].

After Uzbekistan declared independence in 1991, there was a strong movement toward promoting Uzbek language and culture. Despite this, Russian retained an official status and continued to be widely spoken in various sectors during the 1990s and beyond. The government recognized the practical value of Russian, especially given its widespread use among different ethnic groups.

Russian in Education

Although recent government initiatives emphasize the promotion of Uzbek, Russian remains entrenched within the educational system. Schools and universities offer specialized Russian-language classes and programs where many academic subjects are taught in Russian. For example, at the Tashkent State University of Economics and Law, a large portion of instruction is conducted in Russian, attracting students from diverse ethnic backgrounds and from other post-Soviet countries. This bilingual educational framework supports broader academic and professional opportunities for graduates [2, pp. 130-145].

Russian in Everyday Life

Russian continues to play a pivotal role in everyday communication among Uzbekistan's multiethnic population. Many ethnic minorities who may not be fluent in Uzbek use Russian as the common language to interact socially and professionally. This widespread understanding of Russian fosters effective communication across ethnic lines, enhancing social integration [4, pp. 280-285].

Russian in Business and Politics

The Russian language remains indispensable in Uzbekistan's business landscape. Entrepreneurs and companies regularly use Russian to facilitate trade and negotiations with partners from Russia, Kazakhstan, and other CIS countries. For instance, in the cotton export sector, which is vital to Uzbekistan's economy, Russian is commonly used in contract negotiations and international business communications, ensuring clarity and efficiency.

Politically, Russian continues to hold significance. Although Uzbek is the official state language, Russian is frequently used in governmental meetings and official documentation, particularly when dealing with other CIS nations. Diplomatic discussions between Uzbek officials and their counterparts from Russia and Kazakhstan are often conducted in Russian, which streamlines communication and fosters cooperation on regional issues [3, pp. 4-8].

The Future of Russian in Uzbekistan

Despite increased efforts by the Uzbek government to promote the Uzbek language through legislation and educational reform, Russian maintains its relevance. The forces of globalization and international cooperation ensure that Russian remains a language of strategic importance, attracting foreign investment and facilitating transnational partnerships. Even as the Uzbek language gains strength, Russian is expected to continue as a lingua franca for foreigners and among ethnic groups in Uzbekistan, preserving its role as a practical and prestigious means of communication [2, pp. 130-145].

Conclusion

To conclude, Russian still holds a vital place in Uzbekistan's social, educational, and economic fabric. Its use in business, politics, and academia reflects its unique combination of cultural prestige and practical utility. The language's ability to bridge diverse ethnicities and connect Uzbekistan with the broader region ensures that Russian will remain an integral part of Uzbek society for years to come.

REFERENCES

1. Akiner, S. The Formation of Kazakh Identity: From Tribe to Nation-State. London: Royal Institute of International Affairs, 1997, pp. 55–65.
2. Fierman, W. Language Planning and National Development: The Uzbek Experience. Berlin: De Gruyter Mouton, 1991, pp. 130–145.
3. Laruelle, M. Russian Language in Central Asia: A New Political Stake. Washington, D.C.: PONARS Eurasia, 2012, pp. 4–8.
4. Pavlenko, A. Multilingualism in Post-Soviet Countries: Language Revival, Language Removal, and Sociolinguistic Theory. International Journal of Bilingual Education and Bilingualism, 11(3–4), 2008, pp. 280–285.
5. Smagulova, J. Language Policies of Kazakhization and Their Influence on Language Attitudes and Use. International Journal of Bilingual Education and Bilingualism, 9(3), 2006, pp. 361–377.
6. State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics. Education and Language Use Data. Tashkent, 2023. Retrieved from https://stat.uz

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ ПОДРОСТКОВ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Бахтиярова Камилла Камаловна
E-mail: kamillabah782@gmail.com
магистрант филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Ташкент

Введение

Цифровая эпоха ставит перед образованием не только технологические, но и философские вопросы, связанные с трансформацией личности, утратой или переосмыслением традиционных форм мотивации. Подросток в условиях цифровой среды оказывается в потоке информационных стимулов, конкурирующих с учебными задачами за внимание и интерес. Это требует от педагогики не просто обновления методов, но и глубокого переосмысления самой природы мотивационного процесса. Вопрос формирования устойчивой учебной мотивации приобретает особую значимость, так как напрямую связан с проблемой субъектности и осмысленности жизненного пути современного школьника [3], [8].

Учебная мотивация представляет собой сложный и динамичный феномен, включающий когнитивные, эмоциональные и волевые компоненты. В условиях цифровизации усиливается значимость внутренней мотивации, поскольку внешние стимулы — оценки, наказания, одобрения — утрачивают влияние, сталкиваясь с мощными альтернативными источниками интереса, такими как социальные сети, видеоконтент, игры. Подросток как субъект образования требует от системы персонализированного, гибкого подхода, соответствующего его мировоззренческому и ценностному горизонту [1], [6].

Современные исследователи, в том числе А.К. Маркова и Е.П. Ильин, подчеркивают различие между устойчивой и ситуативной мотивацией [2], [4]. Цифровая культура, построенная на принципах фрагментарности и мгновенного отклика, формирует ситуативное внимание, что мешает развитию долгосрочной учебной активности. Поэтому задача педагога — создавать условия, в которых познавательная деятельность обретает личностный смысл и внутреннюю ценность [7].

Особенности подросткового возраста в цифровом контексте:

Подростковый возраст — это период формирования мировоззрения, самоидентичности и социального взаимодействия. В условиях цифрового общества эти процессы происходят в новой реальности, где границы между оффлайн и онлайн размыты. Психолог И.С. Кон отмечал, что подростку необходима ценностная рамка, которая делает его действия значимыми в настоящем и направленными в будущее [5]. Цифровая среда предлагает подростку множество моделей идентификации, но не всегда предоставляет возможность для реального самоосуществления.

Важно учитывать, что мотивационные дефициты могут быть следствием не лени или инфантилизма, а именно отсутствия смысловой наполненности учебного процесса. Если знания не интегрируются в экзистенциальный опыт подростка, они остаются абстрактными и вызывают отчуждение. Образовательная среда, не учитывающая этого, теряет способность быть пространством роста.

Формирование учебной мотивации в цифровой образовательной среде требует переосмысления традиционных подходов и создания особых педагогических условий. Одним из ключевых факторов становится смыслообразование, возникающее в процессе цифровой деятельности. Когда обучение соотносится с реальными интересами подростков, а цифровые технологии используются не формально, а как инструменты осмысления и самореализации, возрастает значимость личного участия ученика в образовательном процессе. Образовательные платформы, медиапроекты, интерактивные ресурсы способны не просто передавать знания, но и выстраивать личностно значимые маршруты обучения.

Современные реалии требуют трансформации личностно-ориентированного подхода: учащимся важно предоставлять возможность выбора заданий, участие в проектной деятельности, использование гибких траекторий обучения. Подобная организация позволяет подростку ощущать себя не объектом педагогического воздействия, а субъектом собственной образовательной биографии, что усиливает внутреннюю мотивацию.

Одновременно с этим возрастает значение живого общения между педагогом и учеником. Несмотря на широкое распространение виртуальных форм коммуникации, именно эмоционально насыщенные и доверительные взаимоотношения с учителем становятся опорой для развития мотивации. Психологически благоприятный климат, поддержка и признание индивидуальных достижений формируют устойчивое чувство значимости происходящего.

Связь учебной деятельности с задачами и вызовами реального мира придает обучению дополнительную ценность. Профориентационные проекты, участие в цифровых конкурсах, взаимодействие с внешними организациями способствуют формированию у обучающихся понимания практической пользы знаний и их прикладной направленности.

В условиях информационного перенасыщения и цифрового шума возрастает значение фигуры учителя как навигатора и интерпретатора. Его способность выделить главное, предложить философское осмысление происходящего, задать ценностные рамки образования оказывает мощное воздействие на мотивационную сферу учащихся. Личностный пример педагога, его стиль мышления и культура рефлексии становятся неотъемлемыми элементами мотивационной среды современного образования.

Заключение

Формирование учебной мотивации у подростков требует от педагогов философской чуткости и технологической гибкости. Необходимость сочетания цифровых инструментов с гуманистическими принципами образования — один из главных вызовов эпохи. Подлинная мотивация возникает там, где подросток чувствует сопричастность к знанию, возможность влиять на образовательный процесс и видеть в нем отражение своих ценностей. Именно такая школа может стать пространством смыслов, а не только передачей информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. — М.: Просвещение, 2008.
2. Маркова А.К. Формирование мотивации учения. — М.: Просвещение, 1983.
3. Реан А.А. Психология мотивации и эмоций. — СПб.: Питер, 2019.
4. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. — СПб.: Питер, 2020.
5. Кон И.С. Психология ранней юности. — М.: Наука, 1989.

6. Немов Р.С. Психология образования. — М.: Владос, 2005.
7. Шпарц Л.Ф. Образование в эпоху цифровых трансформаций. — М.: URSS, 2021.
8. Громова Е.А. Философия образования в цифровом обществе. — М.: Академия, 2020.
9. Пригожин А.И. Социальные изменения и образование. — М.: Альпина, 2019.

LITERATURE IN THE ESP CLASSROOM: ENHANCING LANGUAGE PROFICIENCY, CRITICAL THINKING AND EMOTIONAL AWARENESS AMONG UNIVERSITY PHILOLOGY STUDENTS

Galtsova Irina Aleksandrovna
E-mail: irinagaltsova13@gmail.com
EFL teacher, Tashkent Branch of Moscow State University named after M.V. Lomonosov

In recent years, the integration of literature into English language education has attracted renewed attention due to its capacity to cultivate cultural understanding, emotional intelligence and critical thinking. Literary works expose learners to real language, a variety of vocabulary and meaningful situations, making them a useful teaching tool. For university students, reading novels and stories gives them the opportunity to explore complex themes, develop creativity and express their own ideas.

Teaching literature entails more than just grasping the storyline; it involves guiding learners to interpret, evaluate and discuss texts in a thoughtful and introspective way. Effective instruction fosters an environment where students are inspired to connect with literary material on a personal level, resulting in deeper involvement. To achieve this, educators must thoughtfully choose appropriate texts and design supportive activities that match students' language abilities and interests.

At Tashkent Branch of Moscow State University named after M. V. Lomonosov, literature holds a significant place in English for Specific Purposes (ESP) courses for philology majors. The curriculum emphasizes both classical and contemporary works from British and American authors - students read authentic or adapted / simplified versions depends on their language proficiency. Selected books are read outside the classroom, and learners are later engaged in discussions, critical tasks and creative exercises that enhance linguistic competence and higher-order thinking skills.

To engage and inspire students, educators can incorporate a variety of interactive techniques throughout the literary learning journey.

Pre-reading tasks are designed to activate learners' background knowledge and establish clear goals for reading [2]. Philology students may participate in the following activities:

1. Prediction / guessing: Introducing the title, cover, images, or first line of the book to spark curiosity and invite predictions. Example prompts might include: What do you think this story is about? What emotions does the illustration convey?

2. Thematic questions: Employing thought-provoking prompts focused on central issues to encourage emotional and intellectual involvement, such as: In what ways can relationships affect decisions? What kinds of conflicts could develop in the plot?

3. Vocabulary introduction: Presenting key terms and expressions through engaging exercises like gap-fills, word-matching, or multiple-choice questions to aid comprehension and boost confidence.

4. Author and cultural context: Sharing concise information about the writer or cultural background to build interest and provide context before reading begins.

While-reading activities are typically carried out individually, with the teacher observing students' progress without formal assessment, thereby supporting learner independence [2]. Examples include:

1. Reading logs or journals: Encouraging students to record summaries and personal insights guided by specific questions, either in notebooks or digital platforms.

2. Character and theme charts: Visually organizing key characters and central ideas in diagrams or tables as the narrative develops, helping learners keep track of essential details.

Post-reading activities are conducted in class to promote critical dialogue, reflection, and deeper comprehension through collaboration and teacher facilitation [1; 4]. These may include:

1. Open-ended discussions: Posing interpretative questions that prompt learners to evaluate characters, plot twists and moral challenges, thus encouraging critical analysis.

2. Creative tasks: Allowing students to reimagine endings, write letters from characters' viewpoints, or produce visual art inspired by the literary work.

3. Reflective presentations: Assigning short oral or written reports that highlight major plot events, themes and personal responses to the story.

4. Comparative analysis: Encouraging connections between the studied text and other books, films, or real-world experiences to explore broader cultural and thematic relevance.

5. Role-playing and drama: Performing scenes from the story to practice spoken English and explore character motivations and emotional depth.

6. Visual organizers: Creating timelines or mind maps to display relationships between plot points, characters, or themes and trace narrative structure.

7. Digital discussions: Using online tools such as blogs or forums to share opinions and maintain dialogue beyond the physical classroom.

8. Personal reflection essays encourage students to relate the text to their own beliefs and life experiences, supporting the development of empathy and emotional awareness. Thematic debates further allow learners to strengthen their reasoning and argumentative communication skills.

9. **Activity station rotation:** Setting up different stations around the classroom, each offering a unique post-reading task - such as vocabulary puzzles, character analysis prompts, creative rewriting challenges, or thematic quizzes - encourages movement, peer collaboration and engagement with the text from multiple perspectives.

Reading not only improves language skills but also cultivates advanced cognitive abilities. Through exposure to new vocabulary in context, students enhance their comprehension and use of language more naturally. They also reinforce grammar and sentence structure, aiding writing and speaking proficiency [1; 3]. Beyond language, reading promotes critical thinking by encouraging analysis, prediction, comparison and reflection, helping students become creative problem solvers. Furthermore, literature offers insights into diverse cultures and viewpoints, expanding learners' empathy and global awareness [2].

Moreover, the integration of literature into ESP curricula aligns with contemporary educational goals emphasizing learner autonomy and lifelong learning. By engaging with literary texts, students develop independent reading habits that extend beyond classroom [2].

However, teaching literature at university presents challenges. Limited class time restricts opportunities for reading entire books or conducting numerous activities. Students' varied language levels complicate text selection, as materials must be engaging yet accessible. Large groups hinder personalized support and in-depth discussions essential for literary understanding.

Assessing students' comprehension and analytical skills can be time-consuming. Additionally, some learners may feel intimidated by complex texts in a foreign language, which can reduce motivation [4]. Consequently, educators must carefully plan and employ flexible approaches to address these difficulties effectively.

REFERENCES

1. Brown, R., & Pressley, M. (2022). Self-Regulated Reading and Getting Meaning From Text. *Routledge EBooks*, 155–179. https://doi.org/10.4324/9780203763353-7
2. Nurul Aini, Apriliani, N. S., & Ary, S. B. N. (2023). The Effectiveness of Using Tells Strategy on Students' Reading Comprehension. *English Education Journal of English Teaching and Research*, *8*(2), 133–144. https://doi.org/10.29407/jetar.v8i2.19103
3. Smith, R., Snow, P., Serry, T., & Hammond, L. (2021). The Role of Background Knowledge in Reading Comprehension: a Critical Review. *Reading Psychology*, *42*(3), 214–240.
4. Stefanova, S., Bobkina, J., & Sánchez-Verdejo Pérez, F. J. (2017). The Effectiveness of Teaching Critical Thinking Skills through Literature in EFL Context: A Case Study in Spain. *International Journal of Applied Linguistics and English Literature*, *6*(6), 252. https://doi.org/10.7575/aiac.ijalel.v.6n.6p.252

РОЛЬ ЭПИТЕТОВ В АНГЛИЙСКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ЛИНГВОПОЭТИКЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Гумирова Диляра Рифгатовна
E-mail:einzige_di@mail.ru
старший преподаватель кафедры ОГиСЭД Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Ташкенте

Эпитет, как одно из ключевых выразительных средств поэтического языка, служит для создания образности, передачи эмоций, оценки и усиления эстетического воздействия текста, отражая не только индивидуальный стиль автора, но и культурно-национальные особенности языкового мышления [1; 8]. Сравнительное изучение его функционирования в английской и узбекской лингвопоэтике позволяет выявить как универсальные закономерности, так и специфические черты, обусловленные особенностями языков, культурных традиций и поэтических систем.

Согласно определению М.Х. Абрамса, эпитет представляет собой качественное определение, добавляемое к существительному для усиления выразительности, и может быть традиционным (stock epithet, как swift-footed Achilles, rosy-fingered dawn), или индивидуально-авторским (tender is the night, melancholy star) [1]. Исследования в обеих традициях сходятся в понимании эпитета как образного определения, придающего существительному выразительность, художественную значимость и эмоциональную окраску [1; 3]. Его признанными функциями являются, во-первых, характеристика и оценка, когда эпитет выделяет важный признак предмета или явления, часто выражая авторское отношение (a bright smile vs. a forced smile; chiroylin qiz vs. achchiq gap; cruel moon, lonely cloud) [10]. Во-вторых, эпитеты являются основным инструментом создания образности, активизируя воображение читателя ("the deep and dark blue ocean"; "Oltin quyoshdan nur sochadi"; "velvet night", "booming hill") [9], способствуя формированию символической многослойности высказывания. В-третьих, они несут мощный эмоциональный заряд, передавая чувства лирического героя или автора ("My weary spirit"; "Alamli kecha"; "melancholy star", "umidli nigohlar"; "thundering silence", "uyg‘o‘q qo‘rquv") [4]. Наконец, эпитеты часто участвуют в ритмико-мелодической организации стихотворной строки, обеспечивая звуковую гармонию ("a never-to-be-forgotten day", "mountains high"; в узбекской поэзии, использующей аруз, это особенно критично) [8].

Исследования английской лингвопоэтики (I.R. Galperin, M.H. Abrams, G. Leech, D. Crystal [1, 2, 3, 4]) подчеркивают тяготение к структурному разнообразию: широкое использование сложных эпитетов ("rosy-fingered dawn"), эпитетов-фраз ("a never-to-be-forgotten day") и постпозитивных эпитетов ("mountains high") [3; 4]. Эпитет может быть не только прилагательным, но и существительным ("a devil of a man") или наречием ("a terribly beautiful scene") [4]. Начиная с романтизма, акцент делается на индивидуализации и конкретизации, что проявляется в выборе неожиданных, оригинальных эпитетов ("the sunless sea", "fearful symmetry", "fragile hope", "silent scream") [4], тяготеющих к психологизму и иррациональности. Значение английского эпитета глубоко контекстуально и требует учета всей образной системы стихотворения, подчеркивая связь с подтекстом [3]. Дэвид Кристал отмечает склонность к языковой игре и иронии, созданию когнитивного диссонанса для неожиданного эффекта ("delicious darkness", "explosive silence", "sweet

danger", "ugly beauty") [2], особенно характерного для поэзии XX века ("nobody’s moon", "greenly ghosting"). Историческая эволюция прослеживается от устойчивых формул древнеанглийской поэзии через насыщенность у Шекспира и романтиков (Байрон: "eternal gloom", "noble rage"; Шелли, Теннисон) к большей сдержанности и психологической глубине в поэзии XX века [4].

В узбекской лингвопоэтике (труды Н. Махмудова, Ш. Шоумарова, Г. Гулямовой, Ш. Саъдуллаевой, Н. Каримовой, Р. Абдуллаевой [6, 7]) сильное влияние фольклора проявляется в устойчивости традиционных, часто парных эпитетов-формул ("ayol mard", "ko‘k qush", "donishmand pir", "och ko‘zlar", "qora tun", "yo‘lqinli yigit", "najotli ona"), которые несут культурный код и обеспечивают узнаваемость [8]. Эпитеты здесь часто выражают идеалы красоты, величия и героического ("go‘zal qiz", "ulkan daraxt", "fozil odam"), нравственные и социальные нормы ("aziz vatan", "muborak kun", "aqlli qiz", "e’tiborli kishi", "shijoatli xalq", "ma’rifatli yoshlar"), играя важную роль в выражении уважения, почтения, связанную с культурными нормами [5; 6], акцентируя коллективизм, гармонию и мораль. Р. Абдуллаева выделяет типы эпитетов: идеологические, религиозные, пейзажные, социальные, подчеркивая их связь с моральными ценностями (oltin yurakli, shirin so‘zli, yarug‘ kunlar), а у современных поэтов отмечает эпитеты, отражающие новые реалии и социальные тревоги (jonsiz umid, qonli xayol, internetli zamon) [5]. Глубокая связь с метафорой и символикой, укорененной в культуре и природе Узбекистана ("oltin yurak"/"oltin yurakli", "mis tovush", "sarin tong", "tog‘li yurt", "dilbar yuz", "tilsimli kecha", "hamdard qishloq"), является характерной чертой; эпитеты часто одухотворяют предметы и явления [6]. В классической поэзии, использующей систему аруза, эпитеты критически важны для соблюдения метра и рифмы [10]. Исследования подчеркивают, что узбекские эпитеты кодируют национальные ценности, отношение к природе, труду, семье, отражая национальный менталитет и картину мира [9, 10].

Сравнительный анализ (работы в рамках контрастивной лингвистики и культурологии [1, 7]) фокусируется на выявлении различий и сходств. Ключевыми направлениями являются структурные различия (преобладание простых эпитетов в узбекском фольклоре и. разнообразие структур в английском; особенности синтаксической связи в агглютинативном узбекском [6, 8]); анализ семантических полей и культурной коннотации (какие качества чаще выделяются – психологизм/абстрактность в английском (fragile hope, silent scream) и конкретность/ нравственность/ социальность/ одухотворенность в узбекском (aqlli qiz, e’tiborli kishi); специфика коннотации схожих эпитетов (dark heart vs. qorong‘u dil; gentle rain vs. yog‘in yomg‘ir) [7]); сравнение частотности и распределения эпитетов в разных жанрах и эпохах (напр., корпусные данные: англ. cold night, empty street; узб. mehribon ona, qora tun [6]); исследование их функций в формировании национально-специфической поэтической картины мира [7; 9]); и проблемы перевода, вызванные культурной и структурной спецификой [1; 10]. Когнитивный подход объясняет, как эпитеты отражают концептуальные метафоры (frozen smile = подавленные эмоции; och ko‘zlar = гнев [9]).

Современные тенденции исследований включают анализ эволюции эпитета в поэзии XX-XXI веков (движение от канонических форм к индивидуальности в узбекской, эксперименты в англоязычной [6; 7]), применение когнитивного подхода [7], активное использование корпусной лингвистики (более развитое для английского [2]), а также изучение интермедиальности – роли эпитетов в синтезе поэзии с другими искусствами [1].

Таким образом, эпитет остается мощным инструментом лингвопоэтики как в английской, так и в узбекской традициях, выполняя универсальные функции образности, эмоциональности и оценки. Однако сравнительный подход выявляет глубокую специфику, коренящуюся в языковой структуре, истории поэзии, культурных ценностях и менталитете. Английская традиция характеризуется большим структурным разнообразием, ориентацией на индивидуализацию эпитетов, психологизмом, языковой игрой и контекстуальной глубиной [4], тогда как узбекская отличается сильной связью с устойчивыми формулами, этикетностью, выражением коллективной эстетики, нравственных и социальных идеалов, а также глубокой связью с национальной символикой и метрической организацией стиха. Продолжающиеся исследования, использующие новые методы и подходы, углубляют понимание того, как язык и культура формируют поэтическое восприятие мира через это выразительное средство [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Abrams M.H. A Glossary of Literary Terms. Boston: Thomson Wadsworth, 1999.
2. Crystal D. Language Play. London: Penguin Books, 1998.
3. Leech G.N. A Linguistic Guide to English Poetry. London: Longman, 1969.
4. Galperin I.R. Stylistics. Moscow: Higher School, 1977.
5. Абдуллаева Р. Эпитет ва унинг ўзбек шеъриятида ифодаловчилик имкониятлари. Тошкент: Фан, 2010.
6. Гулямова Г. Ўзбек шеъриятида лингвопоэтик таҳлил. Тошкент: Ўқитувчи, 2005.
7. Каримова Н. "Ўзбек шеъриятида эпитетларнинг лингвопоэтик хусусиятлари". Ўзбек тили ва адабиёти, 2012, № 3, с. 45–52.
8. Махмудов Н. Ўзбек тили стилистикаси. Тошкент: Ўқитувчи, 1980.
9. Саъдуллаева Ш. Ўзбек шеъриятшунослигида бадиий табиат. Тошкент: Фан, 2008.
10. Шоумаров Ш. Бадний нутқ ва унинг таҳлили. Тошкент: Ўзбекистон, 1994.

FROM CHALKBOARDS TO CHATBOTS: RETHINKING LANGUAGE EDUCATION IN THE AGE OF AI

Zhandarova Dinara Askarovna
E-mail: dinarajandarova0707@gmail.com
Third-year Student, Faculty of Philology, Tashkent Branch of Moscow State University named after M.V. Lomonosov
Scientific Consultant: **Galtsova I.A.**
EFL teacher, Tashkent Branch of Moscow State University named after M.V. Lomonosov

In present-day classrooms and learning applications, artificial intelligence enhances vocabulary and pronunciation practice through innovative and interactive methods. Digital tools have sparked a new era of transformation in foreign language learning. Interactive apps, speech-recognition technology, and intelligent tutoring systems make the learning process more engaging and efficient. Today's devices enable learners to record their speech, save extensive vocabularies and grammar rules, and receive immediate feedback. Meanwhile, video conferencing platforms and online resources offer access to authentic spoken language anytime and anywhere, allowing students to immerse themselves in real-life contexts as they study. In essence, what was once a slow, text-centered task has evolved into a dynamic, personalized experience tailored to each learner.

AI-driven tutors and chatbots simulate one-on-one instruction. For example, digital assistants can converse with students, listen to their responses, and promptly correct their pronunciation or grammar. These tools adapt instantly: if a learner struggles with a concept, the program slows down or offers extra practice; if they excel, it accelerates and introduces more complex material. Popular apps like Duolingo, Babbel, and Mango Languages employ sophisticated algorithms to customize each session, balancing difficulty to keep learners motivated without causing frustration. The result is a truly personalized learning journey where tests, writing exercises, and speaking tasks automatically update according to progress. As one language teacher remarked, when OpenAI released ChatGPT, it "essentially accomplished everything we had envisioned" for an automated writing coach, performing in seconds what previously took years. Many educators now see generative AI as a "launchpad" for language teaching - a tool that enhances motivation and accelerates learning, even as traditional language programs face budget cuts [3, p.21–31].

Behind this innovation lies data and analysis. Every tap, spoken reply, or grammar mistake is logged and examined. Language apps provide progress reports showing how a student's vocabulary grows, which sounds are challenging, or which grammar points require more focus. This data-driven approach enables teachers to target specific learner difficulties. For instance, automated grading tools free educators from tedious corrections, allowing them to offer more personalized guidance. Likewise, learning analytics help instructors adapt their lesson plans: if multiple students struggle with a particular tense or phrase, the teacher can tailor future lessons or assign focused practice. Consequently, instruction becomes more learner-centered. One study highlighted that brief, flexible modules empower students to control their own progress. Since most learners have mobile devices, they can study in short bursts - during commutes or breaks - turning "monotonous, repetitive" vocabulary drills into quick and accessible mini-lessons [1, p.18].

Modern language apps depend on AI to customize lessons for each individual. Intelligent algorithms track progress, pinpoint weaknesses, and sustain student engagement. AI also enhances content delivery. Translation features and friendly chatbots clarify difficult sentences or cultural references instantly. For instance, if a learner struggles with a German idiom, they might receive a prompt translation or a real-world example to support comprehension. This way, AI bridges knowledge gaps - it can interpret, explain, and even simulate natural conversations. These tools "capture learners' interest, motivate them to study more actively, and create additional opportunities for speaking practice" as if they had a personal tutor on demand.

Beyond traditional screens, immersive technologies revolutionize language exposure. Virtual reality (VR) and augmented reality (AR) immerse users in authentic environments. For example, a VR scenario might transport learners to a busy Parisian café or a vibrant Tokyo market, requiring them to speak and listen as if physically present. Research shows these technologies yield impressive benefits. One extensive review found that students using extended reality (XR, which includes VR and AR) achieved significantly better results than those using conventional methods, with an effect size near 0.8. In simple terms, XR isn't merely a novelty - it effectively speeds up learning. This immersion works because it offers the "real-world language context" often missing from classrooms. Many students struggle in traditional settings due to the absence of practical application; VR addresses this by providing realistic scenarios that boost motivation and concentration. Another study observed that VR-supported lessons moderately improved both language proficiency and learner interest [5, p.52–61].

Augmented reality similarly enhances learning by overlaying information onto the physical environment. An AR app might label classroom objects with their foreign language names or turn a poster into an interactive storytelling tool. Gamification adds engaging layers: digital games and reward systems transform vocabulary drills into puzzles or challenges. It is important to recognize that research on gamified language apps shows varied results - well-designed games can both motivate and educate effectively, but poorly made ones may offer little educational value beyond entertainment. Overall, these approaches share one aim: to make language learning more vivid and enjoyable. By converting exercises into adventures or games, learners stay more motivated than when using traditional textbooks.

Despite these advanced tools, educators emphasize the necessity of human support. AI excels at identifying patterns and automating repetitive tasks, but it cannot fully replace a teacher's cultural insight and emotional encouragement. Studies warn that overreliance on technology may reduce authentic human interaction. For example, teachers can modify lessons when students feel frustrated or lose interest - something apps rarely achieve. Language acquisition often depends on perceiving subtle social cues and context, which AI has yet to master. One review pointed out potential limitations: while chatbots can speed up certain learning aspects, they cannot perceive emotions or provide the gentle motivation a compassionate instructor offers.

Practical challenges also exist. Equity is a major issue: not all students or schools have access to the latest devices or reliable internet, meaning advanced AI tools might widen the gap between affluent and underprivileged learners. Privacy and ethical concerns arise as well - many platforms collect student data to operate, and improper handling raises serious risks. Educators worry about academic integrity, too; as one education blog notes, easy access to AI-generated content increases the chance of students submitting work that isn't their own. Some also fear AI's costs and the potential threat to teaching jobs. However, advocates argue that thoughtful integration will augment rather than replace human teachers. Experienced professionals promote

a "human-with-technology" approach: using AI as a supportive assistant while teachers provide personalized encouragement and cultural context [2, p.190–195].

These developments are shifting teaching toward learner-centered models. Classrooms are becoming more flexible and interactive. Teachers frequently assign project-based and exploratory activities, leveraging technology to support rather than dominate the learning process. For example, students might collaborate online to create videos or interactive stories in the target language - combining digital storytelling with data visualization skills. Outside class, digital resources like online dictionaries, speech simulators, and listening platforms expose learners to authentic language far beyond static textbooks.

Learners can access podcasts, watch news clips, or connect with peers worldwide. In summary, technology broadens input sources and facilitates independent study with personalized pacing.

Researchers stress the importance of balance. Learning exclusively via self-directed apps may reduce engagement if students lack enough structure. The solution lies in blending traditional and modern methods. Effective programs often integrate advanced technology with human interaction - for instance, a flipped classroom model where students complete AI-powered exercises at home, then spend class time in live conversations and cultural discussions. Today's language teachers are becoming facilitators and mentors, using analytics to identify difficulties and employing technology to free up time for deeper instruction.

Artificial intelligence and digital advances are rapidly reshaping foreign language education [4, p.7–13]. They offer unprecedented customization, motivation, and accessibility - from AI chatbots encouraging learners to immersive virtual environments introducing new cultures. At the same time, experts caution that the human element remains crucial: creativity, empathy, and interpersonal connection are central to language acquisition. The classroom of the future will be a hybrid space where innovative tools and dedicated teachers work together seamlessly. As one study concluded, technology holds "great promise" to revolutionize language learning, provided it is guided by research and human-centered values. In this new era, foreign language education stands at an exciting crossroads - where innovation and tradition unite to help learners genuinely connect across cultures.

REFERENCES

1. Mogavi R.H., et al. When gamification spoils your learning: A qualitative case study of gamification misuse in a language-learning app. 2022. pp. 10–25.
2. Haryanto E., Ali R. Students' attitudes towards the use of artificial intelligence SIRI in EFL learning at one public university // International Seminar and Annual Meeting BKS-PTN Wilayah Barat. 2018. vol. 1, no. 1, pp. 190–195.
3. Dronov I.S. Organizational and pedagogical conditions of master students teaching written academic discourse // Vestnik Tambovskogo universiteta. Series: Humanities. 2019. vol. 24, no. 182, pp. 21–31.
4. Zolotov P.Yu. Psychological and pedagogical conditions for the development of pragmatic competence of students based on corpus technologies // Vestnik Tambovskogo universiteta. Series: Humanities. 2020. vol. 25, no. 186, pp. 7–13.
5. Semich Yu.I. Psychological and pedagogical conditions for teaching students writing skills based on language corpora // Vestnik Tambovskogo universiteta. Series: Humanities. 2018. vol. 23, no. 175, pp. 52–61.

TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE AND PROBLEMS THAT MAY AFFECT THE LEARNING PROCESS

Jiguleva Eva Alexandrovna
E-mail: evanna638@mail.ru
Master's student, Tashkent branch of Moscow State University named after M.V. Lomonosov

In the study of the Russian language, one of the key challenges faced by learners is mastering the diverse meanings that a single lexical unit can assume across different contexts. Polysemy—the phenomenon of a word acquiring multiple related meanings—is particularly rich in Russian, and recognizing it not only deepens vocabulary acquisition but also promotes semantic flexibility and linguistic intuition. Understanding how meaning shifts depending on syntactic and communicative context is crucial for effective communication. This is especially evident in words that are frequently used in both everyday and technical settings. For example, the lexical unit *"ключ"* (key) in the sentence *"я забыл ключ от ворот"* (I forgot the key to the gate) refers to a device used for opening a door. In the sentence *"ключи бьют в овраге"* (springs are beating in the ravine), *"ключ"* denotes a natural water source flowing from underground. In *"этот болт можно открутить только ключом"* (this bolt can only be unscrewed with a wrench), the word *"ключ"* signifies a tool [1].

One of the more unconventional methods of vocabulary acquisition involves studying words in conjunction with their phonetic transcription. This technique enhances understanding of Russian phonetics and aids in improving pronunciation.

Word -Transcription -Translation

Дом - [dom] -home
Книга -[knʲɪgə] -book
Звезда -[zvʲezdə] -star
Музыка -[mʊzɨkə]-music
Цветок - [tsvʲetok]-flower
Вода -[vodə]- water

A less common approach to vocabulary acquisition is studying it diachronically. In this section, we will examine the lexical units *"врач"* (doctor) and *"апельсин"* (orange) [2].

Until the 16th century, oranges were unfamiliar to both Russians and most Europeans. Portuguese sailors introduced these fruits after bringing them from Eastern countries. As the Portuguese began trading oranges with neighboring regions, curious locals would ask, *"Откуда яблочки-то?"* (Where did the apples come from?)—having never seen such fruits before, they likened them to the most similar fruit they knew. The merchants answered truthfully: "Apples from China, Chinese!" In Dutch, the word for "apple" is "appel", and "Chinese" is "sien".

Historically, illnesses were believed to result from slander or magical spells. Healers, or those acting in that role, would perform incantations such as: *"уйди болезнь в пески зыбучие, леса дремучие…"* (Go away, disease, into the quicksand, into the forests…), chanting mysterious words over the sick. Until the 19thcentury, mumbling or murmuring — *"болтовня"* or *"бормотание"*- was referred to as *"вранье"* (lies). Profession titles often derived from actions: the one who *"трубит"* (plays the trumpet) is a *"трубач"* (trumpeter), the one who *"ткёт"* (weaves) is a *"ткач"* (weaver), and the one who *"врёт"* (lies)—according to this logic—became the *"врач"* (doctor) [3].

Doctor of Pedagogical Sciences A. Akishina argued that the most effective method for teaching proverbs and idioms involves not only analyzing their translation and meaning but also selecting equivalent expressions in the target language. Many phraseological units possess figurative meanings that may appear illogical from the standpoint of grammar or common sense. Foreign learners must understand the meaning and proper usage of such idioms to avoid confusion and mistakes [1].

We'll look at four idioms and their values:

Phraseology - Meaning - Example

Сидеть на иголках -To be in suspense, to worry - *Она сидела на иголках, пока ждала результатов экзамена.*

Взять быка за рога -Startmonitoringthecase- *Он взял быка за рога и начал работать над своим проектом.*

Спуститься с небес на землю -Becomemorerealistic- *Она спустилась с небес на землю, когда узнала, что не поступила в университет.*

When studying idioms, people often focus on their historical background, as this helps to better understand the meaning of the expression and the choice of lexical units involved [4].

The idiom *"У черта на куличиках"* conveys the idea of being in a remote or unknown place. The term *"куличики"* originates from a distorted Finnish lexical unit *"кулижки"*—a word once used to describe swamps or forest clearings in northern regions. In these wooded areas, settlers frequently cleared out *"кулижки"*, designated spaces for plowing and mowing. Farmers often had to move deep into uninhabited territories to reach their *"кулижки"*, regions believed to be inhabited by devils and various forest creatures [5].

The idiom *"заруби себе на носу"* means to remember something permanently. In this case, *"нос"* (nose) does not refer to the organ of smell, but rather to a "commemorative plaque". This expression dates back to a time when people carried tablets—called *"церы"*—with them to record notes and reminders. These devices were in use approximately between the 7th and 10th centuries. The word *"нос"* was used to describe any item that could be worn or carried on one's person. Therefore, in this idiom, *"нос"* is not related to the anatomical "nose" but rather to the root of the verb *"носить"* (to wear or carry).

This historical perspective also applies to proverbs.

The proverb *"Авось, небось — возьми да брось"* encourages individuals to be prepared for any circumstance and not to rely on easy solutions. It originates from the archaic phrase "авось да," which meant "simply" or "without effort." The ending *"небось"* is an abbreviation of *"небесное"* (heavenly), highlighting the unpredictability of fate [6].

In conclusion, every method of memorizing lexical units has its value. Studying vocabulary diachronically is time-consuming but provides a rich insight into cultural history. Learning words in context also requires time, but it enables learners to begin using new vocabulary in speech immediately. Rote memorization of vocabulary lacks contextual depth, but it can be completed more quickly. In many cases, a diachronic approach to vocabulary acquisition may offer long-term benefits.

REFERENCES

1. Akishina A., Kagan O. Learning to Teach: For a Teacher of Russian as a Foreign Language. Moscow, 2004, pp. 9–21.

2. Kryuchkova L. S., Moshinskaya N. V. Practical Methods of Teaching Russian as a Foreign Language. Moscow, 2009, pp. 42–46.
3. Shibko N. L. General Questions of the Methodology of Teaching Russian as a Foreign Language. Moscow, 2014, pp. 7–16.
4. Fedotova N. L. Methods of Teaching Russian as a Foreign Language. Moscow, 2013, pp. 36–54.
5. Shchukin A. N. Practical Methods of Teaching Russian as a Foreign Language. Moscow, 2023, pp. 43–51.
6. Lysakova I. P. Methodology of Teaching Russian as a Foreign Language. Textbook for Universities. Moscow, 2004, pp. 32–38.

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОДДЕРЖАНИЯ ЗДОРОВЬЯ СРЕДИ ВЗРОСЛОГО И ПОЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ

Закирова Рената Ринатовна
E-mail: renik_zaki@mail.ru
старший преподаватель кафедры ОГиСЭД
Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г.Ташкенте

Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-4063 «О мерах по широкому внедрению здорового образа жизни и дальнейшему развитию массового спорта» (2021 год) стало важным шагом в реализации Государственной стратегии в сфере охраны здоровья. Согласно документу, введено обязательное выделение зон для спортивных занятий в жилых районах, а также разработаны льготные условия для посещения спортивных объектов пожилыми людьми.

Следующим шагом в развитии этой политики стал Закон «О здоровом образе жизни», принятый в 2023 году. В нём закреплены нормы, обязывающие работодателей создавать условия для физической активности сотрудников и поощрять занятия спортом. Особое внимание в законе уделяется пожилым людям, для которых разрабатываются специальные реабилитационные программы и комплексы упражнений с учётом возрастных особенностей.

Государственная поддержка играет значительную роль в формировании культуры физической активности. В Республике Узбекистан реализуются программы по популяризации спорта среди всех возрастных групп. В последние годы строятся спортивные площадки, открываются центры здоровья, проводятся мероприятия, направленные на формирование здорового образа жизни. Так, программа «Здоровое поколение» ориентирована не только на молодёжь, но и на взрослых и пожилых людей, а проект «Здоровье нации» предусматривает бесплатные занятия физической культурой в парках и спортивных комплексах. По данным Министерства здравоохранения, после внедрения этих программ количество пожилых людей, регулярно занимающихся физкультурой, увеличилось на 28%.

Современный образ жизни всё чаще сопровождается малоподвижностью, что приводит к ухудшению здоровья, развитию хронических заболеваний и снижению качества жизни. В условиях урбанизации и технологического прогресса физическая активность зачастую ограничивается кратковременными прогулками или бытовыми делами. Однако регулярные, разумные физические нагрузки укрепляют здоровье, замедляют старение организма и улучшают психоэмоциональное состояние.

Значение физической активности трудно переоценить. Регулярные упражнения оказывают комплексное воздействие на организм. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ, 2023), умеренные физические нагрузки позволяют снизить риск сердечно-сосудистых заболеваний на 30%, сахарного диабета 2 типа — на 27%, остеопороза — на 35%, депрессии и тревожных расстройств — на 25%. Особенно важна физическая активность для пожилых: с возрастом мышечная масса и плотность

костной ткани уменьшаются, возрастает риск травм. Однако занятия спортом помогают замедлить эти процессы.

Например, исследование, проведённое в Республике Узбекистан, показало, что у пожилых людей, которые регулярно занимаются скандинавской ходьбой, на 20% реже диагностируются переломы костей, чем у тех, кто ведёт малоподвижный образ жизни. Особенно эффективны упражнения с небольшими отягощениями, которые помогают сохранить мышечную массу, координацию движений и снижают вероятность падений.

Кроме того, регулярные упражнения способствуют укреплению сердечно-сосудистой системы, нормализации уровня холестерина, снижению артериального давления и улучшению кровообращения. Рекомендуется взрослым и пожилым людям уделять физической активности не менее 150 минут в неделю. Исследование Гарвардского университета подтвердило: регулярные умеренные физические нагрузки могут продлить жизнь на 3–5 лет за счёт снижения уровня хронического воспаления в организме.

Для поддержания здоровья необходимо разнообразие физических нагрузок. Кардионагрузки (ходьба, плавание, езда на велосипеде) следует выполнять 3–5 раз в неделю по 30–40 минут. Силовые упражнения (лёгкие тренировки с гантелями, йога) рекомендуются дважды в неделю. Упражнения на растяжку и баланс (пилатес, координационные тренировки) желательно выполнять ежедневно по 10–15 минут. Исследования подтверждают, что у людей, регулярно выполняющих эти упражнения, риск сердечно-сосудистых заболеваний снижается на 30%, а риск переломов — на 40%.

Физическая активность также оказывает выраженное положительное влияние на психоэмоциональное состояние. Спорт способствует выработке эндорфинов — «гормонов счастья», которые снижают уровень стресса и помогают бороться с депрессией. Особенно полезны групповые занятия — йога, танцы, аэробика. Они не только повышают мотивацию, но и способствуют социальной активности, что особенно важно для пожилых людей, позволяя им избегать одиночества и изоляции.

Отдельного внимания заслуживает влияние физической активности на когнитивные функции пожилых людей. Исследования, проведённые в Европе, показывают, что регулярные занятия спортом снижают риск деменции и болезни Альцгеймера. У людей, занимающихся физической активностью не менее 150 минут в неделю, вероятность когнитивных нарушений на 40% ниже. В Узбекистане в связи с этим разрабатываются программы, сочетающие физическую и умственную активность: групповые занятия, спортивные игры, упражнения на внимание и логику.

Просвещение населения — ещё один важный фактор, способствующий формированию привычки к физической активности. В Узбекистане активно внедряются образовательные инициативы: лекции, семинары, тренинги в школах, университетах и на рабочих местах. Особое внимание уделяется пожилым людям, которым часто не хватает информации о безопасных тренировках. Разработаны буклеты, видеоматериалы и методички, адаптированные под возрастные особенности.

Цифровые технологии становятся перспективным направлением в поддержке физической активности. В последние годы в Узбекистане появились мобильные приложения, позволяющие отслеживать активность, ставить цели и получать индивидуальные рекомендации. Для пожилых разработаны специальные видеоматериалы по гимнастике, дыхательным упражнениям и йоге, что делает занятия возможными даже в домашних условиях.

Несмотря на положительные изменения, остаются вызовы. Многие пожилые люди боятся начинать заниматься спортом из-за страха получить травму или из-за недостатка информации. Важно создавать специализированные спортивные центры с квалифицированными тренерами, учитывающими возрастные и медицинские особенности. В некоторых странах уже действуют фитнес-центры для пожилых, где занятия проходят под контролем врачей.

Поддержка со стороны семьи играет важную роль в мотивации пожилых людей к физической активности. Совместные прогулки, участие в тренировках, простые утренние разминки — всё это помогает поддерживать здоровье и укреплять семейные связи. Регулярные, пусть и неинтенсивные, нагрузки гораздо полезнее редких, но тяжёлых тренировок. Важно, чтобы физическая активность стала естественной частью повседневной жизни.

Физическая культура является неотъемлемой составляющей качества жизни. Она укрепляет здоровье, повышает социальную активность, улучшает настроение и замедляет старение организма. Развитие физической активности среди взрослого и пожилого населения — важнейшее направление Государственной политики в Республике Узбекистан. Если существующие инициативы продолжат развиваться, можно ожидать роста уровня активного долголетия и улучшения общего самочувствия граждан.

Для эффективного продвижения физической активности среди всех возрастов необходимо учитывать несколько ключевых аспектов. Важно продолжать совершенствовать инфраструктуру, обеспечивать доступность спортивных объектов, развивать медицинское сопровождение, особенно для пожилых людей. Большое значение имеет также популяризация активного образа жизни через СМИ, образовательные учреждения и социальные сети. Программы семейного спорта, где физическая активность становится частью общего досуга, способствуют укреплению межпоколенческих связей.

Таким образом, развитие массового спорта и поддержка физической активности являются не только вопросами личного здоровья, но и важным элементом Государственной политики. Системный подход, включающий улучшение инфраструктуры, образовательные инициативы, цифровые технологии и Государственные программы, позволит сделать физическую активность доступной и привлекательной для всех возрастных групп.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Узбекистан. Статья 48. Принята 2023 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lex.uz/docs/6445147.
2. Закон Республики Узбекистан «О физической культуре и спорте» от 29.08.2015 № ЗРУ-394 (в ред. от 11.01.2023). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lex.uz/acts/4407.
3. Всемирная организация здравоохранения. Рекомендации по физической активности и малоподвижному образу жизни: Руководство ВОЗ 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.who.int/publications/i/item/9789240015128.
4. Всемирная организация здравоохранения. Физическая активность: информационный бюллетень. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/physical-activity.

5. Vancini, R. L. et al. Physical activity and mental health: an umbrella review of systematic reviews and meta-analyses. Sports Medicine - Open, 2023, 9(1): 46. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC10286465/.

ВЛИЯНИЕ РЕГУЛЯРНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ НА КОГНИТИВНЫЕ СПОСОБНОСТИ И УСПЕВАЕМОСТЬ СТУДЕНТОВ

Закирова Рената Ринатовна
E-mail: renik_zaki@mail.ru
старший преподаватель кафедры ОГиСЭД
Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г.Ташкенте

В современном образовании всё больше внимания уделяется не только интеллектуальному развитию, но и физическому здоровью студентов. Малоподвижный образ жизни — одна из значимых и опасных проблем современного мира. Отсутствие физической активности может негативно сказываться на здоровье и общем состоянии человека. Регулярная физическая активность признана важным фактором, способствующим улучшению когнитивных функций и академической успеваемости.

Что же такое здоровье? Здоровье — это такое состояние организма, при котором все его функции работают без сбоев и нарушений. При этом здоровый организм — это не только физическое, но и психическое благополучие человека. Физическая активность является неотъемлемой частью жизни. Она занимает важное место в учёбе, работе и повседневной деятельности. Упражнения улучшают кровообращение, обеспечивая эффективную доставку кислорода и питательных веществ к мозгу. Исследования показывают, что учащиеся, регулярно занимающиеся физической активностью, более внимательны и сосредоточены, чем их менее активные сверстники.

Физическая активность — эффективное средство борьбы со стрессом и депрессией, которые нередко возникают в учебной среде. Различные виды нагрузки помогают снять психоэмоциональное напряжение, поддерживают мотивацию и работоспособность, что положительно сказывается на успеваемости и когнитивных способностях. Как это работает? Кортизол — гормон стресса, избыток которого ухудшает когнитивные функции. Во время физической активности увеличивается выработка эндорфинов и серотонина, что улучшает эмоциональное состояние. Например, при беге уровень эндорфина может увеличиться вдвое.

Во многих вузах разрабатываются программы, стимулирующие физическую активность студентов. Эти инициативы становятся неотъемлемой частью образовательной среды, поскольку способствуют всестороннему развитию личности. В их рамках создаются спортивные клубы и сообщества, открываются залы, бассейны, стадионы, организуются соревнования, фестивали, конкурсы. Всё это формирует устойчивую мотивацию к поддержанию физической формы и способствует социальной интеграции. Участие в спортивной жизни укрепляет чувство принадлежности к университетскому сообществу и развивает навыки командного взаимодействия.

Университетские программы физического воспитания создают благоприятные условия для развития лидерских качеств, социальной адаптации и умения ставить цели. Командные виды спорта — футбол, волейбол, баскетбол, спортивные единоборства — учат взаимодействию, распределению ролей и формируют чувство ответственности. Спорт улучшает эмоциональное состояние, повышает самооценку и укрепляет психическое

здоровье. Особенно это важно в периоды выгорания и повышенной учебной нагрузки. С течением времени интересы студентов становятся более конкретными, и они начинают осознавать физическую активность не только как способ поддержания формы, но и как средство личностного роста. Восприятие собственной компетентности усиливает уверенность в себе и мотивацию к участию в спортивной жизни вуза.

Регулярные тренировки помогают студентам развивать навыки постановки целей, тайм-менеджмента и следования режиму, что положительно влияет на учебную дисциплину. Те, кто систематически занимается физической культурой, как правило, более собраны и ответственны. Это объясняется тем, что физическая активность дисциплинирует не только тело, но и ум, способствуя балансу между учёбой, отдыхом и личной жизнью. Для положительного влияния на здоровье и умственную работоспособность специалисты рекомендуют уделять физическим нагрузкам около 4,5 часов в неделю. Эту норму можно реализовать через несколько тренировок средней интенсивности: плавание, кардио, фитнес, пилатес или командные игры. Выбор активности должен соответствовать личным интересам и уровню подготовки. Удовольствие от процесса повышает мотивацию и снижает риск отказа от занятий.

Дополнительно к тренировкам важно внедрять больше движения в повседневную жизнь: подниматься по лестнице, ходить пешком, делать разминку при длительной сидячей работе. Эти меры оказывают влияние не только на физическое здоровье студентов, но и на формирование активного, сплочённого и психологически устойчивого коллектива.

Современная образовательная политика направлена на то, чтобы каждый студент имел равные возможности для участия в спортивной жизни вуза. Это требует инклюзивного и гибкого подхода к организации физической активности с учётом индивидуальных особенностей, уровня подготовки и интересов обучающихся. Университеты стремятся расширить спектр предложений: командные игры, индивидуальные тренировки, танцы, йога, боевые искусства — каждый может найти свой формат. Это не только увеличивает охват, но и формирует позитивное отношение к физической культуре. При этом важна организация безопасной и комфортной среды: современное оборудование, наличие тренеров и преподавателей физвоспитания, инструктажи и соблюдение техники безопасности. Всё это снижает риск травм, особенно у начинающих студентов.

Особую роль играют личности преподавателей и тренеров. Именно они вдохновляют, поддерживают и помогают студентам ставить и достигать спортивные цели, формируя устойчивую мотивацию. Важно соблюдать баланс между учёбой и физической активностью, чему способствует педагогическое сопровождение: рекомендации по режиму, обучение саморегуляции, предотвращение переутомления.

Психоэмоциональное состояние студентов напрямую связано с характером и интенсивностью физических нагрузок. Разные виды активности воздействуют на организм по-разному:

– кардионагрузки (плавание, бег, велосипед) укрепляют выносливость, способствуют выработке гормонов радости и снятию стресса;

– силовые тренировки укрепляют физическую форму, повышают уверенность и общее самочувствие;

– командные игры и групповые тренировки развивают чувство принадлежности, коллективизм и мотивацию через поддержку;

– практики расслабления (йога, дыхательные упражнения, пилатес) снижают тревожность, улучшают концентрацию и внутренний баланс.

Таким образом, регулярная физическая активность положительно влияет на когнитивные функции, эмоциональное состояние и академическую успеваемость студентов. Физическая нагрузка способствует улучшению концентрации, снижению уровня стресса и развитию навыков самодисциплины. Важно интегрировать спорт в студенческую жизнь через доступные и разнообразные формы активности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голдобин А. Е., Велиев Р. Р. Физкультура и ее влияние на академическую успеваемость студентов // Научные высказывания. 2024. №9 (56). - С. 60-62.
2. Багаутдинов А. Р. Влияние регулярной физической активности на психоэмоциональное здоровье студентов // Всероссийский сборник статей и публикаций Института развития образования, повышения квалификации и переподготовки. – 2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ropkip.ru/publication/421632
3. Мирзабеков, Б. Г. Исследование влияния физической активности на здоровье сердечно-сосудистой системы // Молодой ученый. – 2023. – № 34 (481). – С. 40–42.
4. Всемирная организация здравоохранения. Рекомендации ВОЗ по физической активности и малоподвижному образу жизни. – Женева : ВОЗ, 2020.
5. Евсеев Ю.И. Физическая культура // Учебное пособие для высших учебных заведений - Ростов-на-Дону, 2003. - С. 79-87.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ ЖЕНЩИНЫ-ЛИДЕРА

Зарипова Алина Рустамовна
E-mail: alinaz-01@mail.ru
Магистрант филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Ташкенте, факультета «Педагогического образования»

На протяжении веков роль женщины в обществе определялась в рамках традиционной модели, где приоритет отдавался семейным и репродуктивным функциям. Женщин не воспринимали как субъектов научной деятельности, считая, что их предназначение — в домашнем очаге. Однако именно с расширением образовательных прав начался процесс фундаментальных социальных изменений, позволивших женщинам выйти за пределы частной сферы и занять активную позицию в общественно-политической и профессиональной жизни.

Современное образование — это не только передача знаний, но и важнейший инструмент формирования лидерских установок, профессиональной идентичности и уверенности в себе. Именно поэтому оно выступает центральным фактором в становлении женщин-лидеров в XXI веке [1].

Гендерные различия в лидерских стратегиях обусловлены как социокультурными ожиданиями, так и особенностями воспитания. Женщины склонны демонстрировать «партнёрский» стиль руководства — открытый, гибкий и ориентированный на командное взаимодействие[2].Гендерные аспекты лидерства — это не просто биологические различия, а культурные и социальные ожидания. Женщины-лидеры часто подвергаются двойным стандартам: от них требуют традиционной женственности и одновременно строгой рациональности. Образование становится ключевым инструментом, позволяющим им выработать индивидуальный стиль, основанный на рефлексии, знаниях и опыте.

Образование формирует необходимые для лидерства качества: стратегическое мышление, способность к системному анализу, уверенность в себе, публичную речь, командную работу и самодисциплину. Это особенно важно для женщин, которым приходится преодолевать устойчивые стереотипы и бороться за своё признание в мужских коллективах и иерархиях [3].

Высшее образование позволяет женщине стать полноправным участником научного, экономического и политического процесса. Дополнительные программы (лидерские курсы, магистратуры, онлайн-обучение) усиливают этот эффект.

Особое значение имеет принцип внутреннего лидерства — осознание своей способности влиять на окружающих и формулировать собственные цели. Образование помогает женщине обрести уверенность в своей ценности как специалиста и личности, а также предоставляет платформу для практической реализации лидерских способностей.

Несмотря на прогресс, женщины сталкиваются с рядом ограничений:

• социальные и культурные стереотипы, мешающие воспринимать женщин как лидеров;

• профессиональная иерархия, где доминируют мужчины (особенно в политике, науке и бизнесе);

• двойная нагрузка: ожидания быть одновременно идеальной матерью и успешной профессионалкой;

• отсутствие женских ролевых моделей, особенно в технических и управленческих сферах.

• “стеклянный потолок”, ограничивающий продвижение женщин на руководящие позиции;

• вертикальная и горизонтальная профессиональная сегрегация;

• внутренние барьеры — неуверенность, низкая самооценка, синдром самозванца [4].

Многие женщины, даже обладая лидерским потенциалом, не могут его реализовать без соответствующей поддержки, в том числе со стороны образовательных и карьерных институтов.Образование позволяет преодолеть эти барьеры, формируя устойчивую идентичность, критическое мышление и профессиональные амбиции. Женщина, обладающая высоким уровнем квалификации и знаниями, способна отстаивать свои права и занимать руководящие позиции даже в традиционно «мужских» сферах.

Многие успешные женщины подчёркивают решающую роль образования в их карьере. Например, академик М.С. Абдуллаходжаева, профессор и создатель первой научной лаборатории при Ташкентском мединституте, неоднократно отмечала, что именно академическое образование и постоянное саморазвитие стали основой её достижений.

Другой пример — Ольга Рахманова, заместитель начальника Управления международного сотрудничества, которая, несмотря на стереотипы в системе таможенных органов, смогла реализовать себя в международной сфере благодаря профессионализму и образованию.

Подобные истории показывают, что женское лидерство — не абстрактная идея, а результат целенаправленного развития, в основе которого лежит качественное образование и внутренняя мотивация к росту.

В странах, проводящих политику гендерного равенства, реализуются целенаправленные меры по продвижению женщин в образование и лидерство: гендерные квоты, государственные гранты, программы поддержки STEM-направлений для девушек.

Узбекистан демонстрирует стремление к институциональной поддержке женщин. Приняты законодательные акты, поддерживаются программы женского предпринимательства, активно развиваются цифровые и STEM-направления среди девушек[5].

Сегодня во всём мире действуют международные образовательные инициативы, направленные на поддержку женщин. Программы L’Oréal–UNESCO «Для женщин в науке», Schlumberger Foundation, STEM-проекты и академические гранты позволяют женщинам из разных стран развивать научные интересы, продвигаться в профессии и занимать лидирующие позиции в глобальном масштабе.

Эти программы не только дают доступ к ресурсам, но и формируют устойчивые профессиональные сети, способствующие обмену опытом и менторской поддержке. Участие в таких проектах усиливает лидерский потенциал женщин, особенно из развивающихся стран, где доступ к образованию всё ещё ограничен [6].

Таким образом,образование — это не просто путь к знаниям, а фундамент для личностного и профессионального роста женщины. Оно формирует её лидерские качества, уверенность и способность действовать в условиях неопределённости. В условиях

меняющегося мира, где устойчивость и инновации становятся приоритетом, именно образованные женщины-лидеры смогут в полной мере реализовать потенциал общества.

Создание условий для их обучения и развития — задача не только государственных структур, но и международного сообщества, бизнеса и образовательных учреждений. Инвестируя в образование женщин, мы закладываем прочный фундамент будущего, основанного на равенстве, справедливости и устойчивом развитии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Якуба, С. А. Гендерные проблемы современного образования / С. А. Якуба // Проблемы педагогики. № 5 (50), М.: 2020, с. 8–9.
2. Клецина И. С. Гендерная социализация: Учеб. пособие / И.С. Клецина; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1998, с. 256.
3. Дрыгина, И. В. Активизация лидерского потенциала личности студента в образовательном процессе вуза: дис. … канд. пед. наук / И. В. Дрыгина. – Красноярск, 2003, с. 198.
4. Попова, Л. В. Гендерные аспекты самореализации личности: Учеб. пособие к спецсеминару / Л. В. Попова; Моск. пед. гос. ун-т, 1996.
5. Указ Президента Республики Узбекистан «О стратегии развития Нового Узбекистана на 2022—2026 годы» // Национальная база данных законодательства. – 28.01.2022. – № УП-60. — URL: https://lex.uz/ru/docs/5841077
6. UNESCO. Gender equality in STEM education [Электронныйресурс]. – URL: https://www.unesco.org/ru/gender-equality/education/stem
7. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 27.09.2022 г. № 546 «О мерах по развитию научной и инновационной деятельности среди женщин» [Электронный ресурс]. – URL: https://lex.uz/docs/5466725

ИННОВАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ПРЕПОДАВАНИЯ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН

Камилова Сайёра Юлдашевна
E-mail: kamilovasajera@gmail.com
Преподаватель кафедры ОГиСЭД, филиал МГУ им. М. В. Ломоносова, город Ташкент

На сегодняшний день одной из тем, находящихся в фокусе исследовательского внимания, находится тема, посвящённая подбору правильных, а именно подходящих, инновационных подходов к преподаванию гуманитарных дисциплин в высших учебных заведениях.

Исследования показывают, что всё больше и больше заметна трансформация уже имеющихся традиционных методов обучения в более инновационные, которые будут отвечать всем требованиям в условиях глобализации и изменения гуманитарной и социальной среды.

В современной системе высшего образования в Узбекистане прослеживаются интенсивные изменения, которые, в свою очередь, напрямую связаны с происходящим в мире научно-техническим прогрессом, цифровизацией каждой сферы жизни, что приводит также к преобразованию запросов на рынке труда. Это всё сказывается на необходимости повышения качества преподавания гуманитарных дисциплин, играющих одну из важнейших ролей в формировании специалистов, которые должны обладать культурным, правовым и социальным сознанием. «Гуманитарное образование в современных условиях немыслимо без активного внедрения цифровых технологий, способствующих развитию самостоятельного критического мышления студентов» [3, с. 74].

Гуманитарное образование традиционно способствует формированию

ценностных ориентиров, широкого мировоззрения, развивает такие способности личности, как коммуникация и аналитика. Ранее часто применяемые на практике традиционные формы обучения на фоне ярко прогрессирующих инновационных – становятся менее эффективными в условиях цифровизации социума. Отсюда следует, что внедрение инновационных педагогических методов и форм обучения становится крайне необходимым.

Новейшие подходы в сфере образования должны отвечать запросам настоящего времени:

- содержать использование информационно-коммуникативных технологий;
- создавать проектную деятельность;
- уметь решать проблемно-ориентированные ситуации;
- соответствовать междисциплинарности;
- развивать метапредметные компетенции студентов;
- использовать активную педагогическую интеракцию, критическое мышление, креативные подходы;
- формировать личность студента и многое другое.

Одним из факторов, показывающих инновационное развитие преподавания, считается применение ИКТ – информационно-коммуникативных технологий, к которым можно отнести использование в преподавательской деятельности видеолекций, онлайн-уроков, электронных образовательных платформ, интерактивных симуляций, презентаций,

игр, подкастов, оказывающих прямое влияние на проявление интереса к изучению определённой дисциплины и повышению стимулирования у студентов. Подобного рода технологии способствуют лучшему усвоению полученного материала, так как вся информация, преподнесённая в облегчённом виде, становится более доступной для восприятия. Также ИКТ создают возможность в подборе нужного и понятного материала, содействуют развитию вариативности образовательных ресурсов.

Электронные образовательные платформы (примером могут послужить Moodle, Hemis, Zoom, Google Classroom и многие другие) способствуют индивидуализации учебного процесса, то есть у студентов формируются условия, в которых они сами могут выбирать идеальное время для обучения и объём информации, который они хотели бы усвоить за промежуток времени.

Так повышается качество обучения будущих специалистов, потому что они изучают всё необходимое в том темпе, который является более приемлемым для них. Использование электронных ресурсов влияет и на формирование цифровой компетентности, то есть студенты получают опыт и в применении ИКТ, который является необходимым в нашем современном мире.

А. В. Хуторский говорит, что «инновационный подход в гуманитарном образовании заключается в создании условий для саморазвития личности, а не просто в передаче знаний» [6, с. 115].

Инновационные подходы в обучении ставят на первое место не просто передачу знаний молодому поколению, а способность к их дальнейшему применению на практике, важно не просто знать - важно уметь правильно использовать. Теория здесь становится на одну ступень с практикой.

Следовательно, на фоне сложившейся обстановки активно используются такие методы, как мозговой штурм, эвристическая беседа, создание проектных и проблемно-ориентированных работ, ролевые игры, кейс-стади и другое. Данные методы развивают критическое мышление, рефлексию, способность правильного построения мыслей, высказывания своего мнения, решения проблемных вопросов, коммуникативные компетенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гузеев В. В. Инновационные подходы к образованию в условиях цифровой трансформации. Образование и наука. - Екатеринбург, 2021. – С. 14-27.
2. Колесникова И. А. Гуманитарное образование: традиции и инновации. Вестник высшего образования. – Урал, 2022. – С. 43-50.
3. Мальцева Е. В. Инновационные стратегии преподавания гуманитарных дисциплин в условиях цифровизации. Педагогическое образование в России - Екатеринбург, 2020. – С. 71-76.
4. Сергеева Т. А. Проектное обучение как средство активизации познавательной деятельности студентов. Вестник Томского государственного университета. Педагогика. – Томск, 2019. - С. 50-59.
5. Тихонова Ю. Н. Проблемное обучение в гуманитарной подготовке студентов. Педагогика. – М., 2020. – С. 54-60.
6. Хуторский А. В. Компетентносный подход в образовании. – М.: ИОССО РАО, 2019. – 216 с.

THE FUTURE OF TEACHING: INNOVATIVE METHODS IN SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

Karpushina Maria Nikolayevna[1], Galtsova I.A.[2]
E-mail: mariakarpusina48@gmail.com
[1]Third-Year Student, Faculty of Philology, Tashkent Branch of Moscow State University named after M.V. Lomonosov
[2]Scientific Consultant - EFL teacher, Tashkent Branch of Moscow State University named after M.V. Lomonosov

In courses on philosophy, sociology, and languages, conventional lecturing methods frequently fall short in capturing students' attention. While these disciplines are crucial for nurturing moral reasoning, social insight, and communication abilities, passive instruction often fails to spark genuine curiosity or foster meaningful dialogue. To address this, educators are increasingly turning to interactive formats and thoughtfully selected digital resources. These tools enable a more participatory, personalized, and impactful learning experience. This paper outlines several forward-thinking strategies to reinvigorate teaching in the humanities and social sciences.

Active and Experiential Learning as Pedagogical Innovation

A shift toward learner-centered education is reshaping how students engage with abstract concepts. Instead of absorbing information passively, students now co-construct knowledge through active involvement [1]. In a philosophy seminar, for instance, participants might engage in formalized debates, applying ethical frameworks to pressing contemporary dilemmas - ranging from artificial intelligence to environmental justice - rather than merely summarizing theoretical texts. Sociology students may simulate public hearings or community planning sessions, experiencing social dynamics such as class structures and group negotiation firsthand. For language acquisition, immersive practices like peer-led dramatizations, story circles, and spontaneous speaking exercises reinforce both fluency and intercultural sensitivity [2].

These experiential designs go beyond engagement; they cultivate transferable skills such as empathy, collaboration, and critical self-reflection. Students gain confidence in voicing opinions, consider contrasting perspectives, and practice applying abstract ideas to tangible situations [1].

Creative Approaches in Humanities Instruction

Humanities education flourishes when it combines analytical depth with creative exploration. In literature classes, alternating between textual interpretation and imaginative writing allows students to appreciate both thematic substance and narrative technique. History-infused literature courses can incorporate performative elements - such as reenactments or spoken-word performances - that animate the lived realities behind texts [1].

Media studies, especially when approached comparatively, open new avenues for interpretation. Students might analyze diverse film versions of the same novel, discovering how shifting sociocultural backdrops influence artistic choices [3; 5]. Digital humanities further expand pedagogical possibilities: students can develop multimedia exhibitions, map historical narratives using digital cartography, or create podcasts that blend academic research with storytelling. Such initiatives demand intellectual precision alongside technological fluency.

Ethics classes also benefit from contextual learning. Investigating current controversies - like data privacy or autonomous technologies - through classical frameworks (Kantian deontology,

Aristotelian virtue ethics) demonstrates the enduring relevance of philosophical thought in a rapidly evolving world [4; 5].

Integrating Technology into Humanities and Social Sciences

Digital innovation has transformed how learners encounter history, culture, and theory. Virtual reality experiences, for instance, allow students to traverse digitally reconstructed heritage sites - from ancient Roman architecture to pre-Columbian cities - creating a multisensory engagement with the past. Likewise, interactive timelines and visual maps help learners trace correlations between historical trends and cultural developments in dynamic, accessible ways [2].

Artificial intelligence also plays a growing role. Text-analysis tools assist students in detecting thematic patterns or stylistic shifts across large literary corpora, offering insight into the evolution of language and thought. Augmented reality apps further enhance instruction in visual arts and theatre, overlaying interpretive content onto classical paintings or simulating historical stage environments. Far from replacing traditional scholarship, these technologies support deeper inquiry and promote essential digital literacy [1; 4].

Strategies for Sustainable Integration

Successfully embedding these pedagogical innovations requires institutional commitment and thoughtful design [5]. Teachers must have access to professional development that builds their confidence in using both new methodologies and tools. Curricula should evolve to prioritize inquiry, creativity, and real-world application over rote memorization. Assessment strategies must also adapt - shifting toward reflective journals, collaborative projects, and performance-based evaluations. Interdisciplinary collaboration can further enrich instruction - for instance, merging digital design with historical study or linking philosophy with scientific ethics [5].

Equally important is ensuring technological equity. Educational institutions should invest in reliable digital infrastructure and provide universal access to learning tools so that all students can benefit from enhanced instruction.

Conclusion

To maintain the relevance and vitality of humanities and social science education, educators must replace static lectures with dynamic, student-centered approaches. By combining digital media, experiential tasks, and cross-disciplinary collaboration, learning becomes more immersive and skill-based. This integrated approach prepares students not only to understand the world but also to shape it - critically, ethically, and creatively.

REFERENCES

1. Innovative Teaching Methods of Social Science [Electronic resource] // www.linkedin.com. URL: https://www.linkedin.com/pulse/innovative-teaching-methods-social-science-misri-patel.
2. Watson A. Truth For Teachers - 15 ways to make elementary social studies lessons more exciting [Electronic resource] // Truth For Teachers. 2010. URL: https://truthforteachers.com/social-studies/.
3. Pokrzycka L. Innovative teaching methods Project Management in Practice.
4. Lytvynenko N. et al. Innovative practices in teaching social sciences and humanities as the basis of modern pedagogical discourse // Multidisciplinary Science Journal. 2023. Vol. 5. P. 2023ss0510–2023ss0510.

ФИЗИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТУДЕНТОВ ФИЛИАЛА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ЗАНЯТИЙ ПО АТЛЕТИЧЕСКОЙ ГИМНАСТИКЕ

Кашаева Валерия[1], Хамраев Искандарбек Хаджиевич[2]

[1]студентка 2 курса факультета Психологии, Филиал Московского Государственного университета им. Ломоносова в г.Ташкенте

[2]Научный консультант - старший преподаватель по физической культуре и спорту кафедры Общественно-гуманитарных и социально- экономических дисциплин

Цель: Формирование у студентовсамостоятельности во время выполнения физических упражнений для укрепления здоровья, а так же психофизической подготовки.Атлетическая гимнастика привлекает доступностью и возможностью заниматься практически в любых условиях, будь то высоко-оснащённый тренажёрами зал или домашняя обстановка.[1]В ходе ежедневных тренировок автор добилась значительного увеличения количества выполнения упражнений, увеличения веса снарядов (в частности штанги), достигла максимальных показателей в 70 кг, что эквивалентно 110% её собственного веса.Данный факт свидетельствует о высокой эффективности выбранных тренировочных методик и адекватности нагрузки, позволяющей развивать различные группы мышц сбалансированно и пропорционально. Особое внимание уделялось переходу от занятий под руководством тренера к самостоятельным занятиям. В дальнейшем автором был получен Сертификат фитнес-инструктора, который позволяет объективно подтвердить правильность выполнения техники упражнений в тренировочном процессе.

Понедельник.Комплекс оздоровительных упражнений, рекомендуемых выполнятьне менее 3-х раз в неделю. Длительность занятия 35-45минут.

1).Эффективный комплекс упражнений по атлетической гимнастике специально для тренировки мышц ног, приседания со штангой. - Исходная позиция: расставьте ноги чуть шире плеч, держите спину ровно, снимите штангу со стоек и положите её на плечи.

- Выполнение: медленно присаживайтесь, отводя таз назад и сгибая колени, сохраняя естественный прогиб поясницы. Вернитесь в исходное положение, напрягая ягодицы и квадрицепсы.

2. Жим ногами лежа; используйте тренажёр для жима ногами. - Исходная позиция: лежа спиной на сиденье, поставив ступни примерно на ширине плеч на платформу тренажера

3. Становая тяга сумо;

- Возьмите гриф широким хватом, широко расставив ноги.

- Из положения полу приседа поднимитесь вместе со штангой, выпрямляя тело, удерживая мышцы спины напряжёнными.

- Опустите штангу обратно контролируемым движением.

4. Болгарские выпады;

- Держите одну ногу впереди, вторую — позади себя, ставя стопу на скамью или невысокий стул.

- Медленно опуститесь вниз, согнув переднюю ногу почти до прямого угла, контролируя равновесие. - Поднимайтесь, акцентируя нагрузку на передней ноге.

5. Мёртвая тяга (румынская тяга)

- Поставьте ноги близко друг к другу, слегка согните колени.

- Наклоняйте корпус вперёд, спина прямая, бедра отведены назад.

- Потяните вес штанги вверх, ощущая работу задней поверхности бёдер и ягодичных мышц.Выполняйте каждое упражнение по 3–4 подхода, количество повторений зависит от уровня подготовки:

- Новичкам рекомендую начинать с 8–10 повторений,- Если уровень средний, попробуйте 10–12 повторений.

Отдых между подходами около 60 секунд. Этот тренировочный комплекс эффективно проработает ваши ноги и обеспечит гармоничное развитие мышечной массы!

Среда. Комплекс упражнений на руки и плечи:

-1. Отжимания узким хватом; Лежа лицом вниз, ладони расположены ближе друг к другу, пальцы направлены вперед.

- Начните движение, медленно сгибая локти, пока грудь практически коснется пола.- Затем мощным усилием вернитесь в исходное положение, сокращая трицепсы.2. Французский жим сидя со штангой

- Сядьте прямо, возьмите штангу обратным хватом (ладони обращены внутрь).- Выпрямите руки над головой, зафиксировав верхнее положение.

- Медленно согните руки в локтях, ведя штангу назад, растягивая трицепсы.- Мощным движением разогните руки, возвращаясь в стартовую позицию.

3. Подъем штанги на бицепс стоя.

- Стоя прямо, возьмитесь за гриф средним хватом ладонями наружу

-Локти прижаты к туловищу, начиная подъем веса за счёт сокращения бицепсов.

- Доведите штангу до верхней точки и задержитесь на секунду, ощутив максимальное сокращение.

- Плавно вернитесь в исходное положение.

4. Тяга верхнего блока к груди (широкий хват)

- Сядьте на тренажере, вытянув руки вверх, взявшись за рукоять широким хватом сверху.

- Втяните живот, сохраняя нейтральное положение позвоночника.

- Спокойно потяните блок вниз к грудной клетке, сводя лопатки вместе.- Контролируемо отпустите рукоятку вверх, растянув широчайшие мышцы спины.Количество подходов и повторений варьируется в зависимости от вашего опыта тренировок:

- Начинающим рекомендуется начинать с 3 подходов по 8–10 повторений.Между каждым подходом отдыхайте 60–90 секунд. Регулярность занятий позволит вам быстро увидеть прогресс и гармонично развить силу и рельеф ваших рук и плеч!

Пятница. Комплекс упражнений на пресс и общее физическое состояние.

1. Скручивания корпуса (классические кранчи)

- Лежа на спине, согните ноги в коленях, стопы стоят на полу.

- Руки заведены за голову либо скрещены на груди.

- Напрягая пресс, аккуратно приподнимите верхнюю часть корпуса, приближая грудную клетку к бедрам.

- Удерживайте напряжение пару секунд, затем медленно вернитесь в исходное положение.

2. Планка на предплечьях: и.п. упор лёжа, опираясь на предплечья и носки ног.

- Ноги прямые, позвоночник вытянутый, голова продолжает линию позвоночника.

- Зафиксируйте положение на 30–60 секунд, поддерживая напряжение в мышцах кора3. Велосипедные движения ("велосипед").

- Лягте на пол, руки сложены за головой.

- Одновременно подтягивайте противоположные колено и локоть навстречу друг другу, имитируя езду на велосипеде.

- Чередуйте стороны, создавая динамическое напряжение в области живота и боков.4. Подъём ног на турнике (V-up)

- Вис на перекладине, удерживаясь прямыми руками, постепенно поднимайте обе ноги вверх, стараясь подтянуть колени к груди.

- Задержитесь в верхнем положении на секунду, затем плавным движением вернитесь в исходное положение.

5. Боковая планка с поворотом, - Обопритесь на одно предплечье, располагая тело строго перпендикулярно полу.

- Свободную руку поднимите вверх, создав прямую линию от головы до пяток.

- Осторожно поверните корпус, касаясь рукой земли сбоку, затем вернитесь в исходное положение.

- Повторите необходимое число раз, затем смените сторону.Рекомендации по выполнению:

- Количество подходов и повторений варьируются индивидуально:

- Начинающим достаточно начать с 3 подходов по 10–12 повторений каждого упражнения.

- Средний уровень предусматривает выполнение 3–4 подходов по 12–15 повторений. - Продвинутые спортсмены могут увеличивать интенсивность, делая 4–5 подходов по 15–20 повторений. Время отдыха между подходами 60–90 секунд. Выполнять этот комплекс лучше регулярно, чередуя дни тренировки и восстановления, чтобы добиться оптимальных результатов и укрепить мышечный корсет всего тела.Также важно сочетать силовую нагрузку с общей физической нагрузкой, к которой относятся бег, гимнастическая нагрузка.[2]Рекомендуемые виды спорта:-Бег медленный 10-15 минут.

–Гимнастика

-Спортивная ходьба

-Упражнения на развитие мобильности (растяжка и т.п.)

-Упражнения для восстановления дыхания и приведение организма в стабильное состояние в конце занятия

- После выполнения атлетических упражнений рекомендуется выполнять закаливание, обтирание и купание.[3]

Таблица:

	Понедельник:	Среда:	Пятница:
Неделя 1:	2-3 подхода по 10–12 повторений	3 подхода по 10–12 повторений	3 подхода по 10-12 повторений
Неделя 2:	3 подхода по 12-15 повторений	3 подхода по 12-14 повторений	3–4 подходов по 12–15 повторений.
Неделя 3:	3-4 подхода по 15-17 повторений	4 подхода 12-15 повторений	3-4 подхода 12-15 повторений
Неделя 4:	3-4 подхода по 17-19 повторений	4-5 подходов по 12-15 повторений	4-5 подходов по 15-20 повторений.

Дополнительно были проанализированы результаты внешнего исследования:

В исследовании принимали участие 60 студентов (мужчины 18–22 лет), которые занимались атлетической гимнастикой 3 раза в неделю в течение 12 недель. Получены следующие **достоверные изменения** ($p < 0.05$):

- **9 из 10 студентов (90%)** улучшили показатели в силовых упражнениях:
  - Приседания со штангой: прирост в среднем **на 18%**;
  - Жимлёжа: прирост**на 22%**;
  - Подтягивания: увеличение числа повторений в среднем **с 7 до 12**.
- **86% участников** снизили индекс массы тела (ИМТ) и уровень жировой массы — **в среднем на 2,1 кг жира**.
- **92%** участников отметили улучшение самочувствия, повышение работоспособности и уменьшение утомляемости в учёбе.
- У **73% студентов** улучшилась осанка (оценивалась с помощью фотофиксации и визуального анализа тренером и врачом ЛФК).
- Уровень тревожности (по шкале Спилбергера-Ханина) снизился **в среднем на 17%**.

На основе проведенных исследований можно сделать вывод, что **атлетическая гимнастика — это не только эффективный способ развития силы и выносливости**, но и важный элемент **психологической и социальной адаптации студентов**, особенно в условиях высокого учебного и эмоционального стресса. [4]

Заключение: в статье предлагается новый подход, включающий в себя сочетание силовой нагрузки с общей физической нагрузкой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Перфильев М.В., Скоробогатов А.В. Атлетическая гимнастика в ВУЗе. 2020г. с.4-13.
2. Дворкин Л.С. Атлетическая гимнастика. Учебное пособие для академического бакалавриата. М., Изд.ЮРАЙТ., 2019г.С. 16-20.
3. Захаров Е.Н., Карасёв А.В, Сафонов А.А. Энциклопедия физической подготовки (Методические основы развития физических качеств) / Под общей ред. А.В. Карасева. М., 2008 г.: С. 15–40 (методики выполнения базовых упражнений), стр. 50–60 (меры безопасности).
4. Овчинников, А.А., Козлов, Д.В. «Влияние атлетической гимнастики на физическую подготовленность студентов». // *Физическая культура: воспитание, образование, тренировка*, 2022, № 5, с. 45–49.(Источник:elibrary.ru)

NEW HORIZONS IN PSYCHOLOGY TEACHING: INTERACTIVITY, RELEVANCE, PRACTICE

Klimova Elizaveta Evgenevna
E-mail: lisaklimova@icloud.com
Master's student of the 1st year Moscow State University named after M.V. Lomonosov Tashkent Branch

Elevating the caliber of higher education, particularly within the humanities, stands as a paramount concern. This discourse investigates pioneering methodologies specifically aimed at bolstering psychology instruction within university settings.

Psychology instruction at the collegiate level transcends mere factual dissemination; it actively cultivates incisive thinking, promotes a rigorous scientific perspective, and refines the capacity to implement theoretical constructions in authentic contexts. Nevertheless, the prevailing academic environment presents numerous impediments that obstruct the delivery of psychological content in a more potent, pertinent, and captivating manner.

A primary impediment involves the persistent adherence to conventional lecture paradigms, where information is simply recited from presentation slides. This pedagogical approach frequently impedes students' active immersion in their own learning journey [2]. Contemporary learners aspire to be active contributors to the educational process, rather than passive recipients of information.

The integration of interactive components is indispensable. This encompasses engaging discussions, simulated role-playing scenarios, and the meticulous examination of real-world case studies. Such strategies not only deepen understanding but also illuminate the practical applicability of conceptual frameworks. For instance, instead of solely expounding on theories of motivation, instructors could challenge students to dissect specific business or educational situations where these theories find practical use [1]. Additionally, instructors sharing personal narratives from their professional experience can render the subject matter more relatable and firmly embedded in memory.

A further significant challenge stems from the disproportionate emphasis placed on legacy research. While seminal experiments conducted by luminaries such as Pavlov, Freud, Maslow, and Milgram are undeniably fundamental to grasping psychology's foundations, curricula frequently conclude at this juncture, either superficially addressing or entirely omitting contemporary research [3].

Psychology, as a scholarly field, must adapt in tandem with societal metamorphoses. Human behavior, inherent values, and cultural norms are inherently fluid, implying that classical research may not consistently possess direct relevance to modern conditions. Consider, for example, how standards of socialization, gender roles, or perceptions of stress have markedly evolved in recent decades; these shifts necessitate explicit recognition. It becomes imperative for educators to seamlessly integrate up-to-date data into their courses, drawing upon replications of classic investigations and novel empirical findings [4]. This initiative empowers students to comprehend the contemporary global landscape and sharpen their faculty for critically appraising scientific literature.

Numerous students report that their academic acquisitions remain abstract, lacking a clear comprehension of how to translate knowledge into practical utility. The fundamental issue here

resides in the tenuous link between academic theory and tangible real-world application. To redress this, educators should prioritize the development of skills pertinent to analyzing concrete circumstances and deploying theoretical insights in practical settings. This might entail navigating interpersonal conflict scenarios, simulating psychological consultation sessions, or analyzing authentic statistical data derived from actual research [4].

The pervasive influence of digitalization simply cannot be overlooked. Today's student body is accustomed to acquiring information in visually rich formats, including video content, dynamic graphs, and online instructional modules. Psychology education must consequently align itself with this prevailing trend. For example, virtual platforms can be strategically deployed for administering assessments, conducting interactive polls, or executing simulations, thereby rendering the learning experience more stimulating and engrossing for students.

In essence, the pedagogical approach within psychology must inevitably evolve alongside global advancements. Obsolete teaching methodologies, such as rigid lecturing and over-reliance on historical scholarly works, deprive students of the opportunity to assimilate the discipline more profoundly and apply it meaningfully in their lives. To summarize these constraints, it is absolutely vital to embed interactive pedagogical strategies, prioritize the inclusion of contemporary scholarship, and cultivate a robust practical orientation. Only by embracing these transformative shifts can we guarantee that the learning process is not merely informative, but genuinely invaluable for the prospective professionals of tomorrow.

REFERENCES

1. Ambrose, S. A., Bridges, M. W., DiPietro, M., Lovett, M. C., & Norman, M. K. (2010). How learning works: Seven research-based principles for smart teaching. John Wiley & Sons.
2. Brown, P. C., Roediger III, H. L., & McDaniel, M. A. (2014). Make it stick: The science of successful learning. Harvard University Press.
3. Lilienfeld, S. O., Lynn, S. J., Ruscio, J., & Beyerstein, B. L. (2010). 50 great myths of popular psychology: Shattering widespread misconceptions about human behavior. John Wiley & Sons.
4. Mayer, R. E. (2009). Multimedia learning (2nd ed.). Cambridge University Press.
5. Schmidt, H. G., Rotgans, J. I., & Yew, E. H. J. (2011). The process of problem-based learning: What works and why. Medical Education, 45(8), 792-806.

ИННОВАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ (НА ПРИМЕРЕ ФОНЕТИКИ)

Койбагарова Мира Габиткызы
koibagarovauldai@gmail.com
Казахстанский филиал МГУ имени М.В.Ломоносова магистрант

В последние десятилетия искусственный интеллект (ИИ) активно внедряется в различные сферы научного знания, включая лингводидактику и фонетику. Технологии ИИ призваны не заменять человека, а расширять его возможности в обучении. В сфере преподавания фонетики ИИ-инструменты, такие как автоматическое распознавание речи, визуализация звукового сигнала и автоматическая обратная связь, повышают индивидуализацию обучения и точность оценки произношения. Исследования Л. Уайт и С. Ли доказывают эффективность автоматизированной обратной связи в обучении произношению на ранних этапах. В то же время С. Дж. Нобл обращает внимание на алгоритмическую предвзятость в цифровых инструментах. Д. Юй и Л. Дэн посвятили работы теории и практики автоматического распознавания речи. Международные рекомендации ЮНЕСКО подчёркивают необходимость соблюдения этических норм при разработке и использовании ИИ в образовании. Российские учёные, в частности Е.Н. Соловова , исследуют методы преподавания иностранного языка в цифровой среде, а И.Б. Короткина анализирует академическое письмо в контексте цифровизации образования. Современные ИИ-инструменты значительно расширяют методические возможности преподавателя, делая занятия по фонетике наглядными, персонализированными и технологически насыщенными. Однако, это требует осмысления этических последствий и соблюдения стиля академического исследования. Фонетика как дисциплина требует точности звукового материала, артикуляционной наглядности и индивидуальной работы с ошибками. Интеграция ИИ-технологий открывает новые горизонты в оценке фонетической правильности речи и визуализации артикуляционных процессов. Тем не менее, возникают этические вопросы: как обеспечивается достоверность анализа речи, как защищаются персональные данные обучающихся, и каковы границы применения ИИ, чтобы не нивелировать роль преподавателя? [3, 4, 5, 15, 19]

В работе использовались теоретические методы исследования, включая критико-обобщающий анализ научной литературы в области лингводидактики, фонетики и современных ИИ-технологий. Были изучены труды ведущих российских и зарубежных учёных: Е.Н. Солововой, И.Б. Короткиной , Д. Юя и Л. Дэна, М. Резника, Л. Уайт и С. Нобл . В качестве материалов исследования послужили функциональные возможности и практическое применение цифровых платформ, таких как Duolingo , ELSA Speak, Rosetta Stone, и специализированных инструментов для анализа и визуализации речи (Praat, Wavesurfer, VoiceThread, Google CloudSpeech-to-Text, iSpeech). [3, 4, 7, 8, 9, 10, 14, 15, 16, 17, 18, 19]

Стиль научного исследования использования ИИ в обучении фонетике требует переосмысления из-за междисциплинарного характера таких работ, находящихся на стыке

лингвистики, педагогики, информационных технологий и этики. Научный стиль в этом контексте требует точного и нейтрального описания цифровых инструментов, с объяснением технических терминов доступным языком. Необходимо указывать не только название ИИ-системы, но и её функциональные возможности, алгоритмы оценки и принципы анализа речи. Важна аргументированность выбора технологии, её соответствие целям преподавания фонетики, а также осознание ограничений и возможных ошибок. Прозрачность описания эксперимента или практического применения ИИ на занятиях также является значимой чертой. Исследователь должен точно указывать условия проведения обучения, состав участников и критерии оценки эффективности. Это способствует воспроизводимости исследования. В научных текстах, посвящённых ИИ в фонетике, необходимо избегать излишней технократичности, сохраняя гуманитарную направленность образования, ориентированную на развитие личности и коммуникативной компетенции.

Внедрение ИИ-технологий в образовательную практику, особенно на занятиях по фонетике, требует тщательного осмысления этических последствий. Несмотря на преимущества, такие как повышение эффективности, автоматизация оценки и индивидуализированная обратная связь, существует ряд этических вызовов:

Конфиденциальность и защита персональных данных. ИИ-инструменты для фонетического анализа часто предполагают запись и обработку аудиоматериалов, что требует соблюдения Законов Республики Казахстан «О персональных данных и их защите» и «Об информации». Обязательно информированное согласие студентов на обработку их голосовых данных. [1, 2]

Цифровая дискриминация и предвзятость алгоритмов. ИИ-системы, обученные на ограниченных корпусах речи, могут систематически оценивать произношение некоторых студентов как "неправильное", что подрывает доверие и мотивацию.

Оценка эффективности и роль преподавателя. При частичной автоматизации оценки произношения важно не допустить снижения педагогической ответственности. Преподаватель должен объяснять принципы работы ИИ, его ограничения, а также корректировать результаты и обратную связь.

Экологическое равенство в доступу к технологиям. Использование ИИ требует стабильного интернета и соответствующих устройств, что не всегда доступно в бюджетных учреждениях или регионах с ограниченными ресурсами, ставя под угрозу принцип доступности образования.

В 2025 году вопросы научной этики использования ИИ выходят за пределы технической сферы и затрагивают фундаментальные принципы академической честности. Требуется прозрачность методологии: исследователи и преподаватели должны прямо указывать на применение ИИ-инструментов при разработке заданий или подготовке публикаций. Недопустимо слепое следование выводам, сгенерированным ИИ; они должны проходить критическую проверку на достоверность. Сохранение оригинальности мысли означает, что ИИ является лишь вспомогательным ресурсом, а ответственность за научную интерпретацию и педагогическое решение лежит на человеке. Необходимо также учитывать риски нарушения авторских прав и внутренней политики при использовании сгенерированных ИИ-материалов. [5]

Практическое применение ИИ на занятиях по фонетике открывает широкий спектр дидактических возможностей, способствуя развитию осознанного произношения,

формированию фонетического слуха и повышению мотивации студентов. Один из распространённых форматов – программы автоматической оценки произношения, такие как ELSA Speak, iPronounce, а также встроенные модули в онлайн-системах (например, Duolingo или LingQ). Эти приложения используют машинное обучение для сопоставления речи студента с эталоном и выдают визуальную или звуковую обратную связь, позволяя самостоятельно корректировать ошибки. Другой эффективный приём – визуализация акустических характеристик речи с помощью программ Praat, Wavesurfer , VoiceThread и др. Обучающиеся наблюдают за спектрограммами и осциллограммами своего голоса, сравнивая их с эталонными параметрами, что полезно при работе над различием звуков или интонациями, например, при работе над ударением в русских словах. Интерактивные ИИ-платформы, такие как Classroom AI Assistants или Microsoft Reading Coach формируют персонализированные траектории обучения, анализируя ошибки и предлагая индивидуальные задания. ИИ-аватары и чат-боты имитируют диалоги с носителями языка, позволяя тренировать ритмико-интонационныеструктуры и формировать беглую, естественную речь. [6, 7, 8, 10, 11, 12, 13, 14, 16, 17, 18]

Развитие технологий искусственного интеллекта заметно повлияло на систему преподавания фонетики как важного компонента речевой компетенции. Использование ИИ расширяет педагогический инструментарий, позволяя более точно, индивидуализировано и наглядно решать задачи фонетического обучения – от коррекции произношения до формирования фонематического слуха. Однако, внедрение ИИ требует соблюдения этических норм и стилистической строгости в научном описании. Только при соблюдении принципов прозрачности, научной аргументированности, соблюдения прав обучающихся и педагогической ответственности возможно гармоничное сосуществование технологий и гуманитарной природы языка. Ответственное и осмысленное применение ИИ открывает новые горизонты для педагогов, сохраняя приоритет гуманистических и этических ценностей образования. [5]

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон Республики Казахстан «О персональных данных и их защите» от 21 мая 2013 года № 94-V ЗРК.
2. Закон Республики Казахстан «Об информации» от 23 ноября 2015 года № 418-V ЗРК.
3. Короткина И.Б. Академическое письмо: процесс, продукты и практика. М.: Изд-во Златоуст, 2018. 295 с.
4. Соловова, Е. Н. Методика обучения иностранным языкам базовый курс: пособие для студентов педагогических вузов и учителей. Москва: АСТ, Астрель, 2008. 238 с.
5. ЮНЕСКО. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. UNESCO Publishing, 2021.
6. AI-помощники для учебных классов (Classroom AI Assistants): [Обзор инструментов]. URL: https://www.edsurge.com/news/2023-09-06-a-new-generation-of-ai-tutors-is-here-what-can-they-do(дата обращения: 06.06.2025).
7. Duolingo: [Веб-сайт, мобильное приложение]. URL: https://www.duolingo.com/(дата обращения: 06.06.2025).
8. ELSA Speak: [Веб-сайт, мобильное приложение]. URL: https://elsaspeak.com/(дата обращения: 06.06.2025).

9. Google Cloud. Speech-to-Text: [Техническаядокументация, API]. URL: https://cloud.google.com/speech-to-text(дата обращения: 06.06.2025).
10. iPronounce: [Мобильное приложение].
11. iSpeech: [Веб-сайт, сервис синтеза и распознавания речи]. URL: https://www.ispeech.org/ (дата обращения: 06.06.2025).
12. LingQ: [Веб-сайт, мобильное приложение]. URL: https://www.lingq.com/(дата обращения: 06.06.2025).
13. Microsoft Reading Coach: [Программноеобеспечение, часть Microsoft Education]. URL: https://education.microsoft.com/en-us/reading-coach(дата обращения: 06.06.2025).
14. Praat: doing phonetics by computer: [Программноеобеспечение]. URL: https://www.fon.hum.uva.nl/praat/(дата обращения: 06.06.2025).
15. Resnick, M. Lifelong Kindergarten: Cultivating Creativity through Projects, Passion, Peers, and Play. MIT Press, 2017. 191 p.
16. Rosetta Stone: [Веб-сайт, платформа для изучения языков]. URL: https://www.rosettastone.com/(дата обращения: 06.06.2025).
17. VoiceThread: [Веб-сайт, платформа для совместной работы]. URL: https://voicethread.com/(дата обращения: 06.06.2025).
18. Wavesurfer: [Программное обеспечение]. URL: https://www.speech.kth.se/wavesurfer/(дата обращения: 06.06.2025).
19. Yu, D., & Deng, L. Automatic Speech Recognition: A Deep Learning Approach. London: Springer, 2014. 321 p.

COMPARATIVE ANALYSIS OF EDUCATIONAL MANAGEMENT MODELS IN RUSSIA AND UZBEKISTAN

Kosimov Dilshod Doniyor ogli
E-mail: dilshodqosimov5885@gmail.com
Master's Student, Tashkent Branch of Moscow State University named after M.V. Lomonosov

This article explores the specific features of educational management models in the Russian Federation and the Republic of Uzbekistan. A comparative analysis is conducted on approaches to the organization of the educational process, strategic planning, implementation of innovative technologies, digitalization, and the preservation of national and cultural values. Both common features and differences rooted in the historical and cultural context and pedagogical heritage of the two countries are identified. The study concludes with the importance of adapting effective management practices, taking into account national specificities and contemporary challenges.

Modern educational systems are in constant flux, requiring management models to adapt to new demands. Education management is intrinsically linked to a country's socio-economic development, cultural traditions, political orientations, and pedagogical concepts. In this context, comparing education management models in Russia and Uzbekistan makes it possible to reveal both universal approaches and unique characteristics that reflect the historical and cultural specificities of the two nations.

The management models of education in Russia and Uzbekistan share many foundational principles. Both countries declare education a national priority, ensure accessibility, and strive to create a coherent system of lifelong learning — from preschool to higher education. Management approaches aim to guarantee equal opportunities, a humanistic orientation in education, and the harmonious development of the individual.

An essential element of both systems is the integration of educational and upbringing activities. This approach fosters the formation of socially active, morally upright, and culturally developed individuals, reflecting the deep traditions of national education.

The Russian model of education management is based on strategic planning, scientific and methodological support, and a systemic approach. Its origins trace back to the ideas of K.D. Ushinsky, who emphasized the necessity of a scientific approach in pedagogy. Strategic planning facilitates the development of long-term programs aimed at improving educational quality and institutional sustainability [1].

Key priorities of the Russian model include:

- Active implementation of innovative technologies;
- Digital transformation of the educational process;
- Automation of management decision-making;
- Formation of a unified information space.

Initiatives such as the "Digital Educational Environment" program focus on infrastructure modernization and the creation of digital resources. Considerable attention is paid to external evaluation of education quality, the development of federal standards, and inclusive education, echoing the ideas of V.A. Sukhomlinsky [3].

Uzbekistan's model of educational management is shaped by the confluence of national pedagogical traditions and modern management practices. Its foundation lies in the ideas of Uzbek

educators such as Ahmad Donish and Abdulla Avloni, who emphasized moral and spiritual education and cultural identity [2].

Key features of the Uzbek model include [4]:

- Emphasis on moral and ethical upbringing;
- Active involvement of educators and parents in decision-making;
- An adaptive management style responsive to emerging challenges;
- A strong focus on preserving national heritage in the context of globalization.

Dual education programs, aimed at integrating academic study with industrial practice, play a particularly important role in increasing graduates' employability.

Differences between the Russian and Uzbek management models are most apparent in their educational policy emphases. Russia focuses on standardization, unification, and scientifically grounded planning. Uzbekistan emphasizes national identity, cultural consciousness, and spiritual development.

Table 1. Comparative Table

Feature	Russia	Uzbekistan
Scientific and methodological support	High level	Medium level
Integration of national values	Partial	High level
Digitalization	Advanced	Developing
Inclusive education	Widely implemented	Initial stage
Dual education	Limited implementation	Broad implementation
Community participation in management	Limited	Active
Moral and spiritual education	Partial	High level

In both Russia and Uzbekistan, pedagogical heritage serves as a foundation for building contemporary management models. In Russia, the focus is on academic schools, methodological rigor, and principles of rationalization. In Uzbekistan, the synthesis of traditional educational forms with modern technologies helps preserve identity while modernizing the system.

Reinterpreting the ideas of classical pedagogues and adapting them to current realities enables the creation of resilient and flexible management models. This is especially crucial amid the digital transformation of education and intensifying global competition.

The comparative analysis of management models in Russia and Uzbekistan demonstrates that effective education management requires a balance between innovation and tradition. Each country emphasizes its strengths while aspiring to meet international quality standards. It is vital to continue the mutual exchange of best practices, adapting them to the national context. Such synergy promotes the development of sustainable, inclusive, and culturally meaningful educational systems capable of responding to the challenges of the 21st century.

REFERENCES

1. Косимов Д.Д. Влияние педагогического наследия России на принятие управленческих решений. Ташкент: Минвуз РУз, 2024. С. 34–68.

2. Косимов Д.Д. Роль педагогического наследия Узбекистана на принятие управленческих решений. Ташкент: Badiiy ta’lim va pedagogika 2025/1. С.211-214.
3. Кузьминов Я.И., Фрумин И.Д. Новая архитектура образования. Москва: Высшая школа экономики, 2020. С. 109–182.
4. Абдуллаев Ш.Р. Особенности управления образованием в Узбекистане в условиях цифровизации. Ташкент: Fan, 2021. С. 27–84.
5. Лаптев В.В. Инновационные подходы к управлению образовательными системами. Москва: Просвещение, 2019. С. 56–133.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО КАК ИНОСТРАННОГО: ОТ ТРАДИЦИОННОГО УРОКА К ИИ-ОРИЕНТИРОВАННОЙ МОДЕЛИ

Кузнецова Альвина Ивановна
E-mail: alvinakuznetsova02@mail.ru
Казахстанский филиал МГУ им. М.В. Ломоносова магистрант

Настоящее исследование посвящено изучению влияния технологических изменений на процесс освоения русского как иностранного. Основное внимание уделяется тому, как современные цифровые инструменты и интеллектуальные системы внедряются в сферу обучения и способствуют её обновлению.В последние годы наблюдается значительная трансформация образовательных практик, вызванная стремительным развитием информационных технологий и цифровых платформ. Эти изменения не только меняют подходы к обучению, но и открывают новые горизонты для преподавателей и студентов, позволяя им использовать инновационные методы и ресурсы для достижения более высоких результатов.

В последнее десятилетие активное внедрение новых решений в образовательной сфере стало важным объектом научных дискуссий. В эпоху глобализации и технологических сдвигов традиционные подходы к языковой подготовке начинают уступать место более гибким и современным стратегиям.

Исторический обзор развития теории преподавания показывает, что методы в этой области постоянно эволюционируют. Так, значительное место в прошлом занимал грамматико-переводной способ, фокусирующийся на анализе структуры текста и его переводе. Он способствовал углублённому знакомству с лексикой и синтаксисом, однако не обеспечивал должного уровня развития устной речи[1].Сегодня задачи, стоящие перед преподавателями, решаются с помощью цифровых инструментов, которые делают обучение более интерактивным и коммуникативно насыщенным.

Развитие идей коммуникативного подхода привело к возникновению прямого метода, при котором родной язык практически исключается из учебного процесса. Суть его заключается в формировании мышления на изучаемом языке через постоянное взаимодействие с носителями и преподавателями.

С появлением аудиовизуальных средств в обучении акцент сместился на развитие разговорной практики и восприятия речи на слух. Подражание речевым образцам и их повторение позволили студентам быстрее адаптироваться в новой языковой среде и активнее участвовать в учебных диалогах [3].

Как указывают учёные, сознательно-сопоставительный подход ориентирован на развитие речевой компетенции. В его основе — опора на родной язык как инструмент осознания новых лингвистических структур. Такой метод способствует овладению различными речевыми навыками и учитывает индивидуальные особенности восприятия материала [1].Сознательно-практическая модель, в свою очередь, акцентирует внимание на аналитическом мышлении учащегося. Она нацелена не только на запоминание, но и на развитие умения логически выстраивать высказывание на изучаемом языке, что способствует более глубокому освоению материала [3].

Несмотря на эффективность традиционных подходов, в современной реальности они нередко теряют актуальность. Молодое поколение, ежедневно использующее электронные устройства, всё чаще нуждается в интерактивных формах подачи информации. Отсутствие гибкости и визуальной динамики снижает вовлечённость в процесс изучения, что требует модернизации подходов и обновления методического инструментария.

Сегодня этап переосмысления учебного процесса отличается активной интеграцией технологий в систему подготовки. Использование онлайн-сервисов, обучающих приложений, удалённых форм взаимодействия и цифровых симуляторов создаёт новую модель взаимодействия между участниками образовательного процесса. Это делает усвоение материала более адаптированным под индивидуальные ритмы и стили восприятия.

Исследователи выделяют несколько векторов изменений в сфере преподавания русского как иностранного, обусловленных влиянием цифровой среды. Среди них — внедрение онлайн-курсов, визуальных обучающих ресурсов, мультимедийных библиотек, платформ с адаптивным контентом и иных современных инструментов.

Доступ к глобальным ресурсам, использующим мультимодальные форматы, предоставляет широкие возможности для построения индивидуальных траекторий обучения. Это особенно актуально в условиях социальной мобильности и постоянного изменения учебной среды.Использование игровых технологий, имитационных моделей, обучающих виртуальных пространств делает учебный процесс более живым и эмоционально вовлекающим. Такой подход особенно эффективен при работе с молодёжной аудиторией, склонной к визуальному восприятию и быстрой смене деятельности.

Пандемия коронавируса сыграла роль ускорителя для переосмысления форм и содержания образования. Расширение дистанционного формата, гибкие графики занятий и широкое распространение интеллектуальных систем стали определяющими векторными изменениями. Искусственный интеллект начал использоваться не только для автоматизации, но и как средство повышения мотивации и персонализации.

ИИ позволяет анализировать достижения студентов, подбирать подходящий уровень сложности заданий, а также формировать индивидуальные стратегии обучения. Применение таких технологий помогает выстроить гибкую и ориентированную на результат модель, где сильные учащиеся получают возможность развиваться быстрее, а те, кто сталкивается с трудностями, — необходимую поддержку.

Важно отметить, что интеллектуальные системы не должны вытеснять преподавателя. Их основная роль — быть помощником в развитии творческих навыков и формировании аналитического мышления. Например, при выполнении творческих проектов или тестов ИИ может стать платформой для самовыражения и генерации новых идей [4].

Модернизация языковой подготовки требует постоянной адаптации как от студентов, так и от педагогов. Это процесс многослойный, требующий постоянного обновления знаний, цифровой грамотности и гибкости мышления. Переход к цифровому обществу делает такие качества не просто желательными, а необходимыми.

Подводя итоги, можно сказать: будущее методики преподавания иностранных языков связано с гармоничным сочетанием классики и цифровых решений. Искусственный интеллект, несмотря на ограниченность в креативных аспектах, уже сегодня демонстрирует потенциал в роли партнёра педагога, усиливая эффективность и результативность всего

процесса.Переход от традиционного урока к ИИ-ориентированной модели обучения открывает новые возможности для преподавателей русского языка как иностранного. Это исследование направлено на анализ существующих практик, выявление преимуществ и недостатков цифровых технологий в обучении, а также на разработку рекомендаций по их эффективному внедрению в образовательный процесс. В результате, мы стремимся не только осветить текущие тенденции, но и предложить практические решения, которые помогут улучшить качество преподавания и повысить мотивацию студентов к изучению русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учеб. пособие [Электронный ресурс] / А.Н. Щукин. — 4-е изд., стер. — М.: ФЛИНТА, 2017. — 509 с.
2. Шибко Н. Л. Методика обучения русскому языку как иностранному: учеб.- метод. комплекс для студентов-иностранцев нефилол. спец. / Н. Л. Шибко. – Минск : БГУ, 2011
3. Лебединский С.И., Гербик Л. Ф. Методика преподавания русского языка как иностранного. Учебное пособие / С. И. Лебединский, Л. Ф. Гербик – Мн., 2011. – 309 с.
4. Анциферова Т. Н. Цифровизация как фактор трансформации современного общества. «Цифровая наука». - 2020. - № 5 (5).

РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННОГО МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ КАЗАХСКОМУ ЯЗЫКУ

Курман Несибели Жакенкызы
E-mail: nessibeli_k@mail.ru
доктор педагогических наук,
профессор кафедры филологии Казахстанского филиала МГУ имени М.В. Ломоносова

Инновация означает обновление (англ. innovation). Точнее, это процесс внедрения чего-то нового, внедрение новшеств. Превращение чего-то нового, явления в новшество называется «инновационным процессом», а внедрение новшества на рынок — «коммерциализацией». Для того чтобы новая мысль, новая идея распространилась среди общественности и получила поддержку, ученые определяют, что она должна обладать следующими тремя свойствами:

- во-первых, научно-технической инновацией;
- во-вторых, ее использованием в производстве;
- в-третьих, коммерческой реализацией.

Внедрение новой идеи в виде новой технологии или нового продукта впервые назвал «инновацией» Йозеф Шумпетер в своей работе. [1]

В настоящее время казахстанские вузы не ограничиваются образовательными функциями, а создают и рассматривают новые пути развития прикладных и научно-исследовательских подразделений. В повестку дня включены задачи повышения заинтересованности работодателя в формировании заказов на специалистов в сфере высшего профессионального образования, реализация важных принципов подготовки кадров, проработка вопроса обязательной производственной практики на предприятиях, подготовка специалистов для вновь возникающих отраслей промышленности, стимулирование прикладных разработок.

В принципе, когда речь идет об инновационных процессах, то понятно, что под ними понимается инновационное внедрение научных знаний в жизнь. Однако этапы научного исследования и его область фундаментальной или прикладной науки также связаны с полезностью конечного предполагаемого результата, то есть нового продукта, предназначенного для использования в жизненной практике. Согласно определению, предложенному зарубежными учеными Т.Йордом и Д.Твиссом, инновационный процесс — это поиск, открытие, разработка, совершенствование, освоение, коммерциализация новых процессов, продуктов, организационных структур и методов управления экономикой.

Инновационный процесс связан с неопределенностью, что связано со сложными вопросами, такими как оценка рисков, проверка, перепроверка, экспериментирование и тестирование на различных уровнях сложности.

Следует отметить, что под инновацией понимается также процесс постепенного, шаг за шагом, преобразования научной идеи в конкретный продукт, услугу, технологию. Этот аспект поддерживается многими учеными.

Для формирования и развития инновационного мышления студентов была проанализирована научная литература в этой области, и сделаны следующие выводы:

- во-первых, для формирования инновационной культуры студентов в позитивном направлении необходимо путем углубленного исследования определить характер инновационного мышления студентов;

- во-вторых, студентам предлагается анкета (опросник), разработанная для решения этой проблемы. В результате анализа анкеты выявляются механизмы инновационного мышления в сознании студента, а методы и подходы, поддерживающие их системное функционирование, интегрируются в одно русло;

- в-третьих, в процессе обучения, адаптации к педагогической профессии и другим профессиям студенты приобретают навыки распознавания, идентификации и применения результатов инновационного мышления в жизненном опыте;

- в-четвертых, развитие инновационного мышления в высших учебных заведениях возможно только на основе интеграции инновационной деятельности и развития системы образования. Поэтому исследования в этой области должны быть углублены.

В формировании инновационного мышления студента большую роль играет предрасположенность его внутренней мотивации. Для того чтобы его внутренний мотив был направлен на инновационное развитие, воля, энергия и активность студента должны быть сбалансированы. Ведь чувства и внутренняя мотивация человека раскрываются и осознаются только в зависимости от обстоятельств, в которых он находится.

Инновационная культура является отражением формирования инновационного мышления студента. Так же как известно, что инновационное мышление формируется не сразу, известно и то, что инновационная культура не может быть эксплицирована сразу. Инновационный процесс - это не явление, которое может быть немедленно принято в обществе. Инновационные процессы также вызывают разногласия между социальными группами. В результате этих разногласий инновационные мысли и идеи не находят поддержки в жизни и даже тормозятся.

Причина этого во многом кроется в глубокой и неполной определенности психологических механизмов формирования инновационной культуры. В то время как часть членов общества инновационно активна, у другой их части может преобладать инновационная лень. От любого инновационного новшества невозможно сразу ожидать качественного результата. В некоторых работах, изучающих психологические основы формирования инновационной культуры, высказываются мнения о том, что у опытных специалистов низкий уровень ориентации на инновации, а у любителей — очень высокий уровень инновационной активности [2].

Инновационные технологии, которые применяются в процессе обучения казахскому языку нацелены на качественное овладение языком и формированиенм инновационного мышления [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Шумпетер Йозеф Алоиз. Теория экономического развития. - Москва: Эксмо, 2008. - 864 с.
2. Ханс Йоас. Креативность действия. - Санкт-Петербург: Алетейя, Ист.Кн., 2005. - 319 с.
3. Құрман Н.Ж. Оқытудың инновациялық технологиялары. – Астана: Bi-Print, 20147 – 140 с.

HUQUQIY TARTIBGA SOLISH VA UNING HUQUQ TIZIMIDA O‘RNI

Mirzayev Shuhrat Shavkatovich
E-mail: doctor_shuhrat@mail.ru
M.V. Lomonosov nomidagi Moskva davlat universitetining Toshkent shahridagi filiali direktor o‘rinbosari, yuridik fanlar doktori

Hozirgi vaqtda huquqshunoslikda huquqiy tartibga solishning mustaqil nazariyasi shakllanganligi umumiy qabul qilingan. Yuridik adabiyotlar tahlili shuni ko‘rsatadiki, huquqiy tartibga solish huquqiy hodisa sifatida ko‘p qirrali, murakkab, tizimli xususiyatga ega. Ushbu huquqiy hodisada mexanizm, turi, vositalari, tamoyillari [1], usullari va boshqalar ajralib turadi, ko‘plab maxsus ilmiy ishlar huquqiy tartibga solishga bag‘ishlangan bo‘lsa-da, bizning fikrimizcha, ular asosan uni bir butun sifatida ko‘rib chiqishga va statikada uning elementlarini tahlil qilishga qaratilgan. Shu bilan birga, huquqiy tartibga solish dinamikasi kabi xususiyatga yetarlicha e’tibor berilmaydi.

Yu.A.Tixomirov: huquqiy tartibga solish - bu xatti-harakatlarning (faoliyatning) majburiy yoki tavsiya etuvchi normativ-huquqiy qoidalarini belgilash, ularni ta’minlash va amalga oshirishning institutsional va kognitiv mexanizmi degan xulosaga keldi.[2] U berilgan ta’rifning boshlang‘ich elementlarini huquqiy tartibga solishning maqsadlari va predmeti, uning subyektlari va obyekti, jarayoni va bosqichlari, usullari (usullari), natijalari va yangi sikli deb ataydi. Shu bilan birga, olimning fikriga ko‘ra, “tartibga solishning uzluksizligi uning hayotiyligining ko‘rsatkichidir”. Bu yerda, bizning fikrimizcha, uning nufuzli, rasmiy, faol tashkiliy, shuningdek, ma’lum bir tarzda tartibga solinadigan xususiyati kabi muhim xususiyatni ta’kidlash kerak.

Keling, huquqiy tartibga solish tizimining elementlarini ko‘rib chiqaylik. Huquqiy vositalar huquqning asosiy ish quroli, huquqiy tartibga solish mexanizmi, ijtimoiy munosabatlarni tartibga solishni ta’minlaydi. Ular huquqning tartibga soluvchi resurslarini, huquqiy hayotni tashkil etishning noyob vositalarini ifodalaydi.

Jumladan: huquqiy normalar, huquqiy tamoyillar va taxminlar, subyektiv huquqlar va qonuniy majburiyatlar, taqiqlar va sanksiyalar, imtiyozlar va rag‘batlantirishlar, yuridik faktlar, huquqiy munosabatlar, huquqiy institutlar, tartiblar, rejimlar va mexanizmlar, huquqni qo‘llashning turli harakatlari hamda operatsiyalari va boshqalar. Bu vositalar huquqning imkoniyatlarini jamlaydi va huquqning asosiy “ishchi qismlari” hisoblanadi. Ular potensial qonunning tartibga solish imkoniyatlarini o‘z ichiga oladi.

Huquqiy tartibga solish tizimi va mexanizmi - ma’lum bir tuzilmani o‘z ichiga oladigan jarayon, yuridik shaxslarning muayyan tartibda, shakl va tartibda amalga oshiriladigan faoliyati. Faoliyat huquqiy tartibga solish elementlari tizimida tizimni tashkil etuvchi omil bo‘lib xizmat qiladi, chunki aynan u orqali tartibga solish mexanizmini “refikatsiya qiladi”, huquq ijtimoiy hayotga kiritiladi; “Huquqiy tartibga solish” tushunchasi ijtimoiy munosabatlarni tartibga solish bo‘yicha vakolatli subyektlar tomonidan amalga oshiriladigan turli maqsadli, tashkillashtirilgan tadbirlarni aks ettiradi.

Huquqiy tartibga solish tizimining ajralmas elementi bo‘lgan faoliyat huquqiy voqelikning o‘ziga xos yo‘lini ifodalaydi, u huquqiy tartibga solish jarayonining tashqi ko‘rinishidir. Faoliyatdan tashqari qonunning mavjud bo‘lishi mumkin emas. Huquqiy tartibga solishning turli shakllari yuridik faoliyatning muayyan turlari, shakllari va turlariga mos keladi.

Faoliyat sifatida qaraladigan huquqiy tartibga solish vaqt o‘tishi bilan davom etadigan va o‘z rivojlanishida ma’lum tabiiy bosqichlarni bosib o‘tadigan jarayondir. Bu xususiyat “huquqiy tartibga solish subyektlari” va “huquqiy tartibga solish jarayoni” tushunchalarida o‘z aksini topgan. Huquqiy tartibga solish subyektlari o‘zlarining faol faoliyati, huquqiy vositalardan foydalanish hamda huquqiy xulq-atvor modellarini real hayotiy vaziyatlarga qo‘llash orqali qonunni “jonlantiradi” va qonun talablarini amalga oshiradi.

Boshqaruv nazariyasiga ko‘ra, har qanday tartibga solish - tartibni o‘rnatish, to‘g‘rilik, harakatga keltirish, biron-bir hodisani rivojlantirish maqsadida tartibga solish, ta’sir qilishdir.[3] Ijtimoiy munosabatlarni tartibga solishga qaratilgan huquq odamlarning xulq-atvoriga ta’sir qiladi. Qonun o‘zining tartibga soluvchi ta’sirini berilgan huquq va majburiyatlar, taqiqlar va ruxsatlar, huquqiy maqomni belgilash orqali amalga oshiradi. Huquq institutsional shakllanish sifatida, obyektiv huquq sifatida ko‘plab huquqiy normalar, huquq va majburiyatlar, sanksiyalar va huquqiy materiyaning boshqa elementlaridan iborat. Bu jamiyatda mavjud bo‘lgan, tizimli huquqiy ta’sirga ega bo‘lgan maxsus tartibga solish hodisasi sifatida ishlaydigan ko‘p bosqichli, ierarxik tuzilma. Faqatgina rivojlangan huquq jamiyatdagi qonuniylik va huquq-tartibotga ijobiy tartibga soluvchi ta’sir ko‘rsatishga qodir.

Huquqiy tartibga solishni tizimli hodisa sifatida o‘rganishga bag‘ishlangan ushbu monografiyada huquq fanida mavjud bo‘lgan ushbu konsepsiya nisbatan chuqur tahlil qilingan va yondashuvlar tizimlashtirilgan: a) huquqiy tartibga solish o‘zaro bog‘liq bo‘lgan uchta komponentning birligi sifatida: qonun ijodkorligi, huquqni qo‘llash va yuridik javobgarlikni qo‘llash (P.E.Nedbaylo va boshqalar); b) huquqiy tartibga solish ijtimoiy munosabatlarga ularni tartibga solish maqsadidagi o‘ziga xos huquqiy ta’sir sifatida (A.V.Malko; A.V.Polyakov va boshqalar); v) huquqiy tartibga solish davlatning ijtimoiy munosabatlar ishtirokchilarining xulq-atvoriga alohida subyektlarning xatti-harakatlarini jamiyatda o‘rnatilgan huquqiy tartibga bo‘ysundirish maqsadida ta’siri sifatida (V.M.Gorshenev va boshqalar); d) huquqiy tartibga solish kishilar irodasiga ta’sir etish sifatida (M.F.Orzix va boshqalar); d) huquqiy tartibga solish huquqiy ta’sirning sinonimi sifatida (E.A.Lukasheva, Yu.I.Novik va boshqalar); e) huquqiy tartibga solish qonun yordamida ijtimoiy jarayonlarni boshqarish sifatida (E. Bystrykina , M. Lakatos va boshqalar).[4] Ko‘rib turganimizdek, yondashuvlarda ma’lum farqlar mavjud va tushunchalarning biroz chalkashligi kuzatiladi.

Biroq, mazkur yondashuvlar o‘rtasidagi barcha farqlarga qaramay, ular umumiy xususiyatlarga ega: bu tartibga solish amalga oshiriladigan maxsus *huquqiy vositalar to‘plami, bu jarayon* (odatda, ma’lum shakl va tartiblarda sodir bo‘ladigan faoliyat), bu *ta’sir* (ijtimoiy munosabatlarga va ularning subyektlariga, ularning ongiga va munosabatlariga uyushgan faol ta’sir), bu tartibga solinadigan *huquqiy ta’sir* (mahsulot, huquqiy ta’sir va boshqalar). munosabatlarning o‘zgarishi, ongning shakllanishi yoki o‘zgarishi, munosabat, holat, xatti-harakatlar, javobgarlik va boshqa huquqiy oqibatlar). Ko‘rib turganimizdek, huquqiy tartibga solish faoliyatga asoslangan, normativ ta’sir qiluvchi, maxsus-huquqiy va natijaviy jihatlarda namoyon bo‘ladi.

Huquqiy tartibga solish o‘z maqsadiga ega, ya’ni istalgan ideal natija, unga erishish uchun qonun ijodkorligi subyekti ijtimoiy munosabatlarni huquqiy tartibga solishni amalga oshiradi (tartib, boshqa huquqiy maqsadlar).[5] Uning o‘ziga xos obyekti va predmeti - ijtimoiy munosabatlar, hodisa va jarayonlar, faktlar, subyektlarning xatti-harakatlari, ularning ongi, psixologiyasi, munosabati va harakatlari mavjud. U bir qator vositalar, protseduralar va aktlar orqali amalga oshiriladi. Uning o‘ziga xos turlari va usullari mavjud. Huquqiy tartibga solish,

huquqiy faoliyatning boshqa turlari kabi, ma’lum funksiyalarga ega, ya’ni huquqiy tartibga solishning muayyan muammolarni hal qilishda namoyon bo‘ladigan ijtimoiy munosabatlarga ta’sir qilish yo‘nalishlari.

Demak, huquqiy tartibga solish elementlariga: huquqiy tartibga solishning obyekti, predmeti, usullari, tamoyillari, vazifalari, maqsadlari, vositalari, turlari va nihoyat, mexanizmi kiradi. Huquqiy tartibga solish murakkab tashkil etilgan tizimli huquqiy jarayon bo‘lib, o‘zi kengroq hodisa – huquqning ajralmas qismidir.

Huquqni huquqiy tartibga solish va amal qilish masalalariga bag‘ishlangan ilmiy adabiyotlarni ko‘rib chiqish qiziqarli faktni ko‘rsatdi: ko‘pgina tadqiqotlarda huquqiy tartibga solishning o‘zi emas, balki uning mexanizmiga oid muammolari ko‘rib chiqiladi. Natijada, huquqiy tartibga solish mexanizmi muammosi “huquqiy tartibga solish” fenomeniga qaraganda kengroq, birinchi kategoriya ikkinchisini qamrab oladi, degan taassurot paydo bo‘ladi. Aslida (va bu ko‘pchilik tadqiqotchilar tomonidan e’tirof etilgan), huquqiy tartibga solish mexanizmi huquqiy tartibga solish kabi kengroq hodisaning ajralmas qismidir. O‘z navbatida, huquqiy tartibga solish huquqning amal qilishi kabi hodisa bilan qamrab olinadi. Menimcha, bu holatda “huquqiy tartibga solish” kategoriyasini “qonun harakati” kategoriyasiga nisbatan ko‘rib chiqish to‘g‘ri bo‘lardi.

Huquqning amal qilishi qonunning amalda amal qilishi, amalda tatbiq etilishi, uning hayotga tatbiq etilishi va pirovardida, unda belgilangan maqsadlarga erishishni ifodalaydi. V.V.Dedyuxinning fikriga qo‘shilish “qonun harakati - bu tizimli kategoriya bo‘lib, uning elementlari turli xil huquqiy faoliyat turlari”, deb ta’kidlagan holda, biz qonun harakati huquqiy ta’sir va huquqiy tartibga solish kabi elementlarni o‘z ichiga olishini ta’kidlaymiz. Huquqiy tartibga solish va huquqni amalga oshirish huquqning faoliyati bilan bog‘liq o‘ziga xos xususiyatlarga ega bo‘lgan huquqiy hayotning alohida tomonlari. Demak, “qonun harakati” kategoriyasi “huquqiy ta’sir” va “huquqiy tartibga solish” kategoriyalariga qaraganda, o‘z mazmuni va shakli jihatidan kengroqdir. U ularni o‘z ichiga oladi va umuman, yangi sifat, yaxlit huquqiy hodisani shakllantiradi.

Huquqiy tartibga solish - bu ijtimoiy munosabatlarga ularni tartibga solish maqsadida huquqiy vositalar tizimi orqali amalga oshiriladigan ta’sir. O‘z navbatida, huquqiy ta’sir qonunning butun ijtimoiy hayotga ta’sirining ko‘p qirrali murakkab jarayonidir, ya’ni odamlarning ijtimoiy munosabatlari, ongi va xulq-atvori. Yuqoridagi huquqiy hodisalar bir-biriga mos kelmaydi, ular ma’lum farqlarga ega, ular quyidagilarda namoyon bo‘ladi. Avvalo, huquqiy ta’sir predmeti huquqiy tartibga solish predmetidan ancha kengdir. Huquqiy ta’sir faol huquqiy tartibga solinmaydigan, lekin huquqning ta’sir doirasiga kiruvchi ayrim obyektlarni o‘z ichiga oladi.[6] Huquqiy tartibga solish maqsadli, maxsus huquqiy ta’sir xarakteriga ega bo‘lib, buning natijasida yuridik shaxslarning huquq va majburiyatlari belgilanadi, huquqiy ta’sir esa bunday xususiyatga ega bo‘lmasligi mumkin. Boshqacha qilib aytganda, huquqiy tartibga solish har doim ham huquqiy ta’sir, lekin huquqiy ta’sir har doim ham huquqiy tartibga solish emas. Shunday qilib, huquqiy tartibga solish huquqning harakat turlaridan biridir.

Shunday qilib, huquqning ta’siri deganda, odatda, qonunning odamlar ongi va xulq-atvoriga ta’sirining barcha imkoniyatlaridan foydalanish tushuniladi, uning barcha turlari - tarbiyaviy, motivatsion va sof huquqiy. Huquqiy tartibga solish esa, huquq faoliyatining yakuniy bosqichini ifodalaydi. Yuqorida aytib o‘tilganidek, qonunning ta’siri har doim ham o‘z-o‘zidan paydo bo‘lmaydi. Ko‘pincha, qonunning amal qilishi uchun huquqiy vositalarning maxsus qo‘llanilishi, huquqiy tartibga solish bo‘lgan maxsus vosita kerak bo‘ladi. Aynan shu narsa

munosabatlarni tartibga solish tizimini harakatga undaydi, ijtimoiy aloqalarni tashkil etishning huquqiy vositalaridan foydalanadi, huquq subyektlari va ularning munosabatlariga faol ta’sir qiladi. Huquqiy tartibga solish huquq amal qilishi hodisasining ajralmas va eng ko‘zga ko‘ringan, qismi bo‘lib, uning jarayonida ijtimoiy munosabatlarning barcha ishtirokchilarining faoliyati qonunda belgilangan maqsadlarga muvofiq tartibga solinadi.

Huquqiy tartibga solish huquq tizimining elementi bo‘lib, davlatning maqsadli aniq faoliyati, shu jumladan, ijtimoiy munosabatlarni tartibga solishning turli turlari, usullari, shuningdek, turli xil huquqiy vositalardan keng foydalanish shaklida namoyon bo‘ladi. Bu qator turli vositalarni, jumladan, maxsus vositalar, tartib va tartibga solish shakllarini, shu jumladan, huquqiy javobgarlik choralarini o‘z ichiga oladi.

Huquqiy tartibga solish huquqqa xos bo‘lgan imkoniyatlarni haqiqatga aylantiradi va o‘zida mujassam etadi, u o‘zida huquqning statikasini (qonunchilik mavjudligi) va uning dinamikasini (faoliyatini, tartibga solishini) to‘playdi, huquqiy jihatdan obyektiv mavjudotga aylantiradi, – ya’ni huquqiy amaliyotda. Huquq sohasida maqsadli ravishda amalga oshiriladigan huquqiy tartibga solish turli manfaatlar va ehtiyojlarni qondirishning o‘ziga xos huquqiy usuli bo‘lib, huquqiy voqelikni amalda o‘zgartiradi. O‘z navbatida, huquqiy voqelik - bu huquqning jamiyat hayotiga ta’sir qilish natijalari va darajasi, qonun harakatining oqibatlari sifatidagi huquqiy tartibga solish natijalarini o‘z ichiga olgan huquqiy hodisa va jarayonlarning yig‘indisidir.

Binobarin, huquqiy tartibga solishning quyidagi xususiyatlarini qayd etish mumkin: a) tartibga solishning murakkab, faol xususiyati, shu jumladan, uning tashkiliy va faoliyat jihatlari; b) huquqiy ta’sirning maqsadlari, tushunchalari, prognozlari, modellari va shakllarini shakllantirish, huquqiy tartibga solish samaradorligini baholash jarayoni sifatida tartibga solishning baholovchi va maqsadli tabiati; v) huquqiy tartibga solishning ko‘p bosqichli, bosqichma-bosqichligi, shu jumladan, huquqiy tabiati bilan farq qiluvchi tartibga solish bosqichlari; d) tartibga solish rejimlarining tipologiyasi va boshqalar.

O‘zbekistonda qonunlar samaradorligini baholash va me’yoriy-huquqiy hujjatlarda belgilangan maqsadlarga erishish borasida muayyan tajriba to‘plangan. Masalan, qonun hujjatlari ijrosini nazorat qilish maqsadida, Oliy Majlisning har ikki palatasi tomonidan besh yil davomida 290 dan ortiq masala ko‘rib chiqildi. Bu ancha murakkab va keng qamrovli ish bo‘lib, parlament tomonidan qabul qilingan qonunlarning ta’siri, qanday muammo va kamchiliklar borligi faol nazoratga olingan. “Ammo Bosh vazir va uning o‘rinbosarlari, vazirliklar, idoralar, qo‘mitalar va boshqa ijro hokimiyati tuzilmalari rahbarlarining qonunlar va davlat dasturlari ijrosi to‘g‘risidagi axborotlari muntazam eshitilmadi va muhokama etilmadi.

Huquqning roli va uning ijtimoiy munosabatlarga ta’sir ko‘rsatish xarakteri bugungi kunda sezilarli darajada o‘zgarganligi sababli, davlat an’anaviy cheklash vositalaridan (sanksiyalar, taqiqlar va boshqalar) tashqari, huquqiy rag‘batlantirish vositalaridan ham ko‘proq foydalana boshladi. Masalan, yo‘l harakati qoidalarini buzganlik uchun qo‘yilgan jarimalarni to‘lash bo‘yicha qonuniy majburiyatlarni o‘z vaqtida bajarishga qaratilgan huquqiy tartibga soluvchilar faoliyati samaradorligini ta’minlash maqsadida, O‘zbekiston Respublikasining Ma’muriy javobgarlik to‘g‘risidagi kodeksiga qoida kiritildi, unga ko‘ra, jarima 15 kun ichida to‘langan taqdirda jarima summasining 30 foizi miqdorida chegirma qo‘llaniladi (Kodeksning 332^{1-} moddasi).[7] Albatta, bunday rag‘batlantirish qonun hujjatlarini qo‘llash samaradorligi va umuman, qonunning amal qilishiga xizmat qiladi.

Huquqiy rag‘batlantirish choralarining samaradorligi normativ-huquqiy hujjatlarni amaliyotga tatbiq etish jarayonida sinovdan o‘tkaziladi. Shu maqsadda, O‘zbekiston Respublikasi

Prezidentining “Mamlakatda o‘z ahamiyatini yo‘qotgan qonun hujjatlarini qayta ko‘rib chiqish tizimini joriy etish orqali tadbirkorlik muhitini yaxshilash chora-tadbirlari to‘g‘risida”gi Farmoni bilan [8] normativ-huquqiy hujjatlarning ijrosini monitoring qilish, qonun hujjatlarining ta’sirini baholash tamoyillari, usullari va yondashuvlarini joriy etish, shuningdek, normativ-huquqiy hujjatlar loyihasining normativ-huquqiy hujjatlarini muhokama qilish tizimi joriy etildi (regulation.gov.uz).

Shunday qilib, 2019-yilda “Normativ-huquqiy hujjatlar ijrosining huquqiy monitoringini o‘tkazish tartibi to‘g‘risida”gi nizom tasdiqlandi. Natijada, qonun hujjatlari ijrosini samarali monitoring qilish mexanizmi joriy etildi, uning vazifalari quyidagilardan iborat: normativ-huquqiy hujjatlarni amalga oshirishning yagona amaliyotini joriy etish; huquqni qo‘llash amaliyotining normativ-huquqiy hujjatlarni qabul qilish maqsadlariga muvofiqligini o‘rganish; ijtimoiy munosabatlarni huquqiy tartibga solishning to‘liqligini ta’minlash.[9] Biroq, huquqiy hujjat loyihasini ishlab chiqish jarayonida ham ya’ni rasmiy qabul qilinishidan oldin qonunning haqiqiyligini tekshirish ishining ahamiyati kam emas.

Shunday qilib, shuni aytish mumkinki, qonun faqat amalda bo‘lganda ishlaydi, ya’ni ijtimoiy munosabatlar va ularning ishtirokchilariga real tartibga soluvchi ta’sir ko‘rsatadi. “Qonun deb tan olinmaydigan narsa amalga oshirilmaydi” aksiomasiga asoslanib, huquq harakati o‘zining asosiy sifati – ijtimoiy munosabatlarga real ta’sir ko‘rsatish qobiliyati bilan tavsiflanadi. Shunday qilib, “qonun harakati” kategoriyasi huquqni real huquqiy hayotga “o‘z ichiga olgan” barcha huquqiy vositalar, mexanizmlar va jarayonlarni qamrab oladi. Boshqacha qilib aytganda, huquqning harakat mexanizmining harakatlantiruvchi elementi, “harakatlantiruvchisi” huquqiy tartibga solishdir. Binobarin, huquq harakatining mazmuniga huquqiy ta’sir mexanizmi, huquqiy tartibga solish, shuningdek, ularning natijalari – huquqiy tartib kiradi.

Huquqiy tartibga solish muayyan manfaatlarni ifodalovchi huquqiy normalar yaratilgan, o‘rnatilgan paytdan boshlanadi. Biroq, haqiqatda, jamiyat hayotida u jamiyat hayotining turli sohalarida davlat tomonidan himoya qilinadigan qonuniy majburiy oqibatlarni keltirib chiqaradigan huquqiy normalarning harakatida namoyon bo‘ladi. Ana shunday harakat natijasida kishilar o‘rtasidagi ijtimoiy munosabatlar huquqiy xususiyatga, huquqiy munosabatlar shakliga ega bo‘ladi. Huquqning amal qilish jarayonida huquqni qo‘llash mexanizmini “harakatga soluvchi” huquqiy vositalarning o‘ziga xos “materializatsiyasi” sodir bo‘ladi.

Huquqiy tartibga solish, haqli ravishda, asosiy huquqiy toifalarga kiradi va butun huquqiy konseptual apparatga kiradi. Biroq uning o‘zi quyidagi tarzda belgilanishi mumkin bo‘lgan muhim kategoriyadir. *Huquqiy tartibga solish huquqiy hodisa sifatida huquqiy hodisalar, shakllar, tartiblar va vositalarning uyushgan dinamik tizimi bo‘lib, ular orqali ijtimoiy munosabatlarga faol, maqsadli ta’sir ko‘rsatadigan, ularni barqarorlashtirish va qonuniylikni o‘rnatish uchun tartibga solinadi* . Uning o‘ziga xos mexanizmi va tuzilishi mavjud. Ushbu ta’rifning tavsiya etilgan ta’rifi bizga quyidagi muhim xususiyatlarni ko‘rsatishga imkon beradi:

- huquqiy tartibga solish - ijtimoiy munosabatlarni bevosita tartibga solish maqsadida maxsus huquqiy vositalarni qo‘llash jarayonini o‘z ichiga olgan tizimli huquqiy hodisa;

- huquqiy tartibga solish dinamik, izchil jarayon bo‘lib, huquqiy vositalar va tartiblarni qo‘llashning bir qator ketma-ket bosqichlarini o‘z ichiga oladi;

- huquqiy tartibga solish ijtimoiy munosabatlarga va yuridik shaxslarning xatti-harakatlariga faol rasmiy ta’sir ko‘rsatish sifatida amalga oshiriladi;

- huquqiy tartibga solish ijtimoiy munosabatlarni barqarorlashtirish va huquq-tartibotni o‘rnatishga qaratilgan.

Shu o‘rinda professor Yu.S.Reshetov huquqiy tartibga solish va huquqning amal qilishi o‘rtasidagi munosabatlarni tahlil qilib, huquqiy tartibga solish huquqning amal qilish jarayoni bilan o‘zaro ta’sir qilishini ko‘rsatadi. Shu bilan birga, qonunning ta’siri huquqiy tartibga solishdan ko‘ra kengroq, chunki u huquqiy buyruqlarning huquqiy ahamiyatga ega xatti-harakatlarga aylanishini ta’minlaydigan norasmiy, huquqiy bo‘lmagan elementlarni o‘z ichiga oladi. Huquqning amal qilishi ko‘p omilli jarayon ekanligini ta’kidlab, u ikkala jarayonning maqsadi birligini, ayni paytda, turli yo‘llar bilan erishilganligini tan oladi. Natijada, u shunday xulosaga keladi: qonun harakati huquqiy tartibga solish dinamikasini ifodalaydi.[10]

Binobarin, huquqiy tartibga solish obyektiv huquqning ijtimoiy munosabatlarga ta’sir qilish vositasi, harakati bo‘lib, uning yordami bilan huquqiy talablar real huquqiy hayotda o‘z timsolini topadi. Shuni ta’kidlash kerakki, qonunning o‘zi ijtimoiy munosabatlarni bevosita tartibga sola olmaydi, u huquqiy normalarni qo‘llash orqali, maxsus tartiblar yordamida ishlaydi.

Shunday qilib, huquq har xil turdagi ijtimoiy munosabatlarni tartibga soluvchi aniq normativ-huquqiy qoidalarni amalga oshirish orqali harakat qiladi. Tartibga solish jarayonida huquqiy me’yorda mustahkamlangan xulq-atvor modeli va real hayot o‘rtasida bog‘liqlik amalga oshiriladi. Huquqiy tartibga solish qonunda mustahkamlangan xulq-atvor modeli yuridik shaxslarning haqiqiy xatti-harakatlarida mujassamlashishi va huquqning maqsadli belgilanishiga erishilishi bilan yakunlanadi.

Huquqiy tartibga solishning tabiati va uning o‘ziga xosligi ijtimoiy munosabatlarni tartibga soluvchi sifatida huquqning o‘zining mohiyati bilan bog‘liq. Huquqiy tartibga solish - bu vakolatli huquq subyektlarining ularga faol ta’siri orqali ijtimoiy munosabatlarni obyektiv shartli, rasmiy, tizimli tartibga solish . U rasmiy, boshqaruvchi va vakolatli xususiyatga ega. Huquqiy tartibga solish ham huquqiy harakat tizimining elementini, ham huquqiy harakat mexanizmining yakuniy bosqichini (bosqichini) tashkil etadi.

ADABIYOTLAR

1. Захарова К.С. Системные связи принципов права: теоретические проблемы Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2009. – 26 с.
2. Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. - М.: Формула права, 2010. – С. 27.
3. Better Regulation / Ed. by Stephen Weatherill. Oxford and Portland, Oregon. 2007. – p. 32.
4. Осипов М.Ю. Системы в праве и правовые процессы: монография. 2-е изд. - М.: РИОР, 2018. – С. 16 -33. - DOI: https:// doi.org/10.29039/0875-1.
5. Тультеев И.Т. Правотворческая деятельность и прогнозирование. Монография. - Т., 2008. – С. 160.
6. Комаров С.А. Механизм правового воздействия // Теория государства и права: Курс лекций. – М.: БЕК, 2007. - С.139
7. O‘zbekiston Respublikasi Oliy Kengashining Axborotnomasi, 1995 yil, 3-son; O‘zbekiston Respublikasi Oliy Majlisining Axborotnomasi, 1995 yil, 9-son, m. 193-son, O‘zbekiston Respublikasi Oliy Majlisi palatalarining Axborotnomasi, 2019-y., 2-son, m. 47; Qonun hujjatlari ma’lumotlari milliy bazasi, № 03/22/743/0010; 12.01.2022, No 03/22/744/0011)
8. Qonun hujjatlari ma’lumotlari milliy bazasi, 28.09.2020 y., № 06/20/6075/1330; Qonun hujjatlari ma’lumotlari milliy bazasi, 30.04.2021 y., 06/21/6218/0398
9. O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining 2019-yil 2-noyabrdagi “Huquqiy monitoringning zamonaviy mexanizmlari asosida qonun hujjatlarini amalga oshirish samaradorligini oshirish

chora-tadbirlari to‘g‘risida”gi PQ-4505-son qarori / Qonun hujjatlari ma’lumotlari milliy bazasi, 02.11.2019 y., 07/19/4505/3987-son.

10. Кожокарь И. П. Правовое регулирование: понятие и формы // Государство и право. 2020. № 12. – С. 114.

HUQUQ TIZIMIDAGI HUQUQIY TA’SIRI

Mirzayev Shuhrat Shavkatovich
E-mail: doctor_shuhrat@mail.ru
M.V.Lomonosov nomidagi Moskva davlat universitetining Toshkent shahridagi filiali direktor o‘rinbosari, yuridik fanlar doktori

Yuqorida biz huquqning harakat tizimi elementlaridan biri huquqiy ta’sir ekanligini ko‘rdik. Darhaqiqat, huquq nafaqat ijtimoiy muhitning mahsuli, balki bu muhitning mazmuniga faol ta’sir ko‘rsatadi, bir tomondan, atrof-muhitga moslashadi, ikkinchi tomondan, uni moslashtiradi (yaratadi); “Barcha sivilizatsiyalar va barcha madaniyatlar, u yoki bu darajada, qonunning ishlashiga tayanadi”.

Huquqiy ta’sir qonunning odamlarning ijtimoiy hayotiga, ongi va xulq-atvoriga ta’sirining butun jarayonini o‘z ichiga oladi. Huquqiy ta’sirning maqsadi huquqiy tartibdir. Huquqiy ta’sir - bu huquq va inson o‘rtasidagi ko‘rinmas, lekin o‘zaro bog‘liqlik bo‘lib, bu yerda, bir tomondan, huquq uning obyekti bo‘lgan insonga ta’sir qiladi, ikkinchi tomondan, inson bu ta’sirni idrok etadi va tushunadi. Ilmiy adabiyotlarda bu hodisa uzoq vaqt davomida va har tomonlama o‘rganilib kelinmoqda, buning natijasida, ma’lum xulosalar tasdiqlangan. Shunday qilib, S.A.Komarov huquqiy ta’sirni huquqiy vositalar maxsus tizimining (huquqiy normalar, huquqiy munosabatlar, amalga oshirish va qo‘llash aktlari) va boshqa huquqiy hodisalarning (huquqiy ong, huquqiy madaniyat, huquqiy tamoyillar, qonun ijodkorligi jarayoni) ijtimoiy munosabatlarga ishlab chiqaruvchi, normativ va tashkiliy ta’siri sifatida belgilaydi.[1]

D.N.Meshkovning ta’kidlashicha, huquqiy ta’sir ma’lum bir muhitda huquqning mulki (qobiliyati), odamlarning ijtimoiy-iqtisodiy sharoitlari, ehtiyojlari va manfaatlari bilan bog‘liq bo‘lib, shaxsga, odamlar jamoasiga ma’lumotli va qadr-qimmatli ta’sir ko‘rsatish va natijada, huquqning maqsadlari, tamoyillari va ko‘rsatmalariga muvofiq, ular faoliyatining qonuniy mohiyatini ta’minlash va u bilan bog‘liq bo‘lgan harakatlar va vositalar orqali ijtimoiy munosabatlardagi huquq.[2] Bizningcha, bu ta’rifda ayrim kamchiliklar mavjud. Shunday qilib, huquqning ta’siri nafaqat ta’sir qilish mulki (qobiliyati), balki huquq mazmuni va talablarining hayotdagi samarali potensial timsolidir. Ya’ni bu ijtimoiy munosabatlarga tartibga soluvchi ta’sir ko‘rsatish huquqining potentsial imkoniyatini amalga oshirishdir. Huquqning ta’siri uning mohiyati va talablarini idrok etishni ham, amaliyotga tatbiq etilishini ham, ushbu amalga oshirish natijasi – huquqiy tartibni ham qamrab oladi.

Shunday qilib, huquqiy ta’sir quyidagi shakllarga ega bo‘lishi mumkin: huquqning axborot ta’siri, huquqning yo‘naltirilgan ta’siri va huquqning maxsus huquqiy ta’siri.

Huquqning axborot ta’siri shundan iboratki, u o‘z subyektlariga jamiyat uchun kerakli, rag‘batlantiruvchi, talab qilinadigan, ruxsat etilgan va taqiqlangan xulq-atvor modellari to‘g‘risida ma’lumot beradi, shuningdek, huquqiy normalarda (imtiyozlar, rag‘batlantirishlar, to‘xtatib turish va boshqalar) axborot va psixologik ta’sirning aniq choralarini o‘z ichiga oladi. Huquqning axborot ta’sirining maqsadi huquqiy axborotni odamlarga yetkazishdir. Huquqning axborot ta’sirining obyekti shaxslarning huquqiy ongidir. Bunday ta’sirning asosiy kategoriyasi huquqiy axborotdir.

Yo‘naltiruvchi ta’siri shundaki, qonun jamiyatning barcha a’zolari tomonidan hurmat qilinishi va rioya qilinishi kerak bo‘lgan eng muhim, asosiy ijtimoiy qadriyatlarni o‘z ichiga oladi. Bunday jamiyatdagi shaxslarning xatti-harakati belgilangan qadriyatlarga mos kelishi kerak.

Yuridik ta’sirni yo‘naltirishning maqsadi - huquqiy qadriyatlarni, huquqiy qadriyatlarni mustahkamlash va himoya qilish. Huquqning axborot ta’sirining obyekti shaxslarning huquqiy ongidir. Oriyentatsiya ta’sirining asosiy toifasi - huquqiy munosabatlar (qonuniy yoki noqonuniy xatti-harakatlarni rag‘batlantirish).

Huquqiy ta’sir tizimida markaziy o‘rinni huquqiy tartibga solish – huquqiy vositalar tizimi yordamida ijtimoiy munosabatlar to‘g‘risidagi qonunning ta’sir qilishining bosqichma-bosqich maxsus huquqiy jarayoni bo‘lib, ularning umumiyligida uning mexanizmini tashkil etadi. Huquqiy tartibga solishning yakuniy natijasi va uning mexanizmi ijtimoiy munosabatlarning tartibliligi va uning subyektlarining qonuniy xulq-atvori hisoblanadi. Tartibga solinadigan munosabatlar va uning subyektlarining qonuniy xatti-harakatlari sonining ko‘payishi huquqiy ta’sir maqsadiga erishishga yordam beradi - huquqiy tartib.

Bugungi kunda huquqning ta’siri uning namoyon bo‘lish shakllarining (huquq shakllari yoki manbalari) o‘zgaruvchanligi bilan tavsiflanadi. Bunday holatlar mavjud bo‘lganda, huquqiy munosabatlar yuzaga kelganda (huquqiy tartibga solishning ikkinchi bosqichi) va huquqiy tartibga solish jarayonida (huquqiy tartibga solishning uchinchi bosqichi) ijtimoiy normalarning boshqa qoidalari emas, balki tartibga soluvchi va huquqiy talablar qondirilishi uchun huquqiy normalarni aniqlash va boshqa ijtimoiy normalardan ajratish kerak.

Huquqiy ta’sir va uning tarkibiy qismi sifatida huquqiy tartibga solish – bu huquqning jamiyatga, ijtimoiy munosabatlarga va pirovard natijada, shaxs va uning xulq-atvoriga maqsadli ta’sir qilish jarayoni. Huquqiy ta’sir va huquqning amal qilishi o‘rtasidagi munosabatni o‘rnatish zarurati, ikkinchisining nafaqat nazariy va uslubiy darajada, balki huquqiy ta’sir sohasida amaliy darajada muhim rol o‘ynashi bilan izohlanadi. Binobarin, qonun ta’sirining samaradorligi konsepsiyasini nazariy jihatdan ishlab chiqish va uni amaliy faoliyatga amalda tatbiq etish bugungi kunning ustuvor vazifalari hisoblanadi.

Mashhur rus nazariyotchisi S.A.Muromtsev huquqiy normalarni ijtimoiy hayot kontekstida o‘rganish huquq faoliyatining haqiqiy manzarasini yaratishga imkon beradi, degan xulosaga kelgan. U normaning amalga oshirilmaydigan holatlarini tahlil qiladi va shu munosabat bilan “faol” va “o‘lik” normalarning mavjudligi haqidagi xulosani asoslaydi.[3] Shuning uchun, agar me’yor ishlamasa, u o‘likdir.

Huquqiy ta’sir - bu qonunning ijtimoiy munosabatlarga ta’sir qilish jarayoni bo‘lib, u, asosan, ijobiy xarakterga ega bo‘lgan muayyan oqibatlarga olib keladi va barcha mumkin bo‘lgan vositalarni - huquqiy normalarni, huquqiy ongni, huquqni muhofaza qilish , huquqni muhofaza qilish , huquqiy madaniyat, qonuniylik, qonun va tartibni himoya qilish va boshqalarni o‘z ichiga oladi.

Huquqiy ta’sir ko‘rsatish jarayoni maqsadlarni belgilashdan boshlanib, ularni amalga oshirish, ma’lum bir natijaga erishish bilan yakunlanadi. Birgalikda qo‘llaniladigan barcha vositalarning maqsadi jamoat munosabatlariga samarali huquqiy ta’sir ko‘rsatishdir. Ta’sir oxir-oqibat natijadir. Harakat - bu jarayon, vosita, usul.

Professor A.V.Malkoning so‘zlariga ko‘ra, bugungi kunda “murakkab tizimlarni o‘zlarining rivojlanish yo‘llariga borishga majburlab bo‘lmasligi tobora ayon bo‘lmoqda. Aksincha, o‘z tendensiyalarini qanday targ‘ib qilishni, o‘z-o‘zini tashkil qilishni qanday rag‘batlantirishni tushunish kerak. Ya’ni boshqariladigan rivojlanish muammosi o‘z-o‘zini boshqarish muammosini o‘z ichiga oladi”. Natijada, “huquqning roli va uning ijtimoiy munosabatlarga va subyektlarning xulq-atvoriga ta’siri tabiati o‘zgaradi”. An’anaviy cheklash vositalari (taqiqlar, majburiyatlar, jazolar, majburlash choralari va boshqalar) bilan bir qatorda,

qonunchilik darajasida tegishli huquqiy normalarga kiritilishi va keyinchalik huquqni qo‘llash jarayonida samarali faoliyat yuritishi kerak bo‘lgan rag‘batlantirish va rag‘batlantirish mexanizmlaridan[4] kengroq foydalanishga chaqiriladi.

Ko‘rib chiqilayotgan jihatda huquqiy ta’sir va qonunni amalga oshirish mexanizmlari hamda huquqiy tartibga solish o‘rtasidagi munosabatlar qiziqish uyg‘otadi. Qonunni amalga oshirish mexanizmi huquqiy normalar va ularda mustahkamlangan vakolatlarning amalga oshirilishi va amalda amalga oshirilishini ta’minlashga qodir bo‘lgan huquqiy vositalar tizimi sifatida ishlaydi. Huquqiy tartibga solish mexanizmi va huquqni amalga oshirish mexanizmini taqqoslash orqali, bir qator farqlarni aniqlash mumkin. Shunday qilib, ta’sir subyektlari har xil (birinchisida - shaxslar va jamiyat, ikkinchisida - davlat, uning organlari va mansabdor shaxslari). Ushbu ta’sir qilish vositalari har xil: birinchi holatda bu - huquqlarni erkin amalga oshirish, ikkinchisida bu - vakolatli huquqiy ta’sir. Vazifalar darajasida ham farq bor: birinchi mexanizm qonunda mustahkamlangan imkoniyatlardan foydalanishni ta’minlashga qaratilgan bo‘lsa, ikkinchisi majburiy ijro etish orqali jamoatchilik munosabatlarini tashkil etishga mo‘ljallangan. Qonunni amalga oshirish mexanizmi qonunni amaliyotga tatbiq etishdan, huquqiy tartibga solish mexanizmi esa, uni tashkil etishdan iborat.

Huquqning harakat mexanizmi o‘zaro bog‘liq bo‘lgan elementlar va huquqning ijtimoiy munosabatlarga ta’siri jarayonlarining butun majmuini o‘z ichiga oladi. Shu sababli, ijtimoiy munosabatlarga nisbatan qonunning barcha shakllarini huquqiy ta’sirga qisqartirish mumkin emas – ikkinchisi birinchisidan kengroqdir. Qonunning harakati qonunning shunday ta’sirini o‘z ichiga oladiki, unga barcha huquqiy vositalar, huquqning tashqi ko‘rinishining butun spektri orqali erishiladi. Huquqning harakati uning ijtimoiy munosabatlarga ta’sirining barcha kanallarini o‘z ichiga oladi, huquqiy ta’sir esa, faqat qonunning ularga faol ta’siri bilan bog‘liq bo‘lgan ta’sirni anglatadi.

Huquq harakatini tahlil qilish uning ijtimoiy harakatini (uning sotsiologik jihatini) o‘rganishni ham o‘z ichiga oladi. Huquqning amal qilish nazariyasi huquqiy amaliyotning empirik ma’lumotlarini, huquqning amal qilishini sotsiologik tadqiqotlar ma’lumotlarini, yuridik shaxslarning haqiqiy xulq-atvorini, ushbu xatti-harakat asosidagi ehtiyojlar, manfaatlar va motivlarni, shuningdek, huquqiy madaniyat va huquqiy ongni hisobga olishi kerak. Bizning fikrimizcha, huquq har doim ham bevosita harakat qilmaydi, u ijtimoiy munosabatlarga ham bilvosita ta’sir qiladi. Misol uchun, agar amaldagi qonunchilikda bo‘shliq aniqlansa, “fuqarolik qonunchiligining umumiy tamoyillari va ma’nosi” hamda “vijdonlilik, oqilonalik va adolat talablari”ga murojaat qilish kerak bo‘ladi[5], ya’ni ziddiyatli munosabatlar bevosita emas, balki huquqning o‘xshash tamoyillari va normalarini sharhlash va qo‘llash dalolatnomasi orqali hal etilganda huquq analogiyasini qo‘llash lozim. Bunda huquq analogiyasini ijtimoiy munosabatlarga ta’sir qilish kanali sifatida qarash mumkin.

Ko‘rib chiqilayotgan masala bo‘yicha ilmiy adabiyotlarni o‘rganish huquqiy ta’sirning mohiyatini tushunish uchun qiziqarli yondashuvlar mavjudligini ko‘rsatadi. Shunday qilib, N.A.Butakovaning ta’kidlashicha, “huquqiy voqelik – bu jamiyat hayotiga huquqiy ta’sirni tavsiflovchi, ularning o‘zaro bog‘liqligi va o‘zaro ta’siri natijasida shakllanadigan huquq, huquqiy faoliyat, huquqiy ong, huquqiy madaniyatni o‘z ichiga olgan huquqiy hodisa va jarayonlarning uzviy majmuasidir”.[6] Ushbu postulatga asoslanib, u huquqiy munosabatlarni huquqiy normalarning ikkinchisiga ta’siri natijasida yuzaga keladigan faktik munosabatlarning huquqiy shakli sifatida qaraydi. Boshqacha aytganda, huquqiy voqelik huquqning huquqiy ta’sirining ko‘rinishi, natijasidir. Bu yerda biz “qonunning mavjudligi uning harakatida namoyon bo‘ladi va

harakatsiz qonun haqida gapirishning ma’nosi yo‘q, chunki u endi qonun emas, balki huquqiy fantastika” degan fikrni to‘liq qo‘llab-quvvatlaymiz.

Tadqiqotimiz doirasida biz R.A. Romashovning fikriga qo‘shilamiz. U huquqni normalarning ***amaldagi*** tizimi deb hisoblaydi, chunki faqat amaldagi normalar ijtimoiy munosabatlarga samarali ta’sir ko‘rsatishi mumkin. Huquqga funksional yondashuvni qo‘llagan holda, ushbu muallif huquqning harakatini huquqiy ta’sir orqali natijaga erishish maqsadida huquqiy normaning ijtimoiy munosabatlarga ta’siri sifatida izohlaydi.[7]

Ko‘rib chiqilishi kerak bo‘lgan yana bir jihat - bu qonun ta’sirining faol emasligi (mavjudligi sababli). Faol-imperativ xarakterga ega bo‘lgan huquqiy tartibga solishdan farqli o‘laroq, ta’sirga qonunning mavjudligi faktining o‘zida erishiladi. Huquqiy ta’sir, huquqning mavjudligi haqiqatidan kelib chiqishi mumkin, masalan, uning potensial ta’siri Jinoyat kodeksida jinoyat sodir etishning “jim” taqiqlanishidadir. Ushbu Kodeksda to‘g‘ridan-to‘g‘ri qayd etilmagan bo‘lsa-da, uning har bir normasining dispozitsiyasi normalar gipotezalarida ko‘rsatilgan harakatlarni bajarishni taqiqlaydi. Agar dispozitsiya talabi buzilgan bo‘lsa, farazlarga muvofiq, normada nazarda tutilgan sanksiyalar kuchga kiradi.

“Qonunning ta’siri” tushunchasini ko‘rib chiqishda uning antipodlarini – “qonunning harakatsizligi” va “qonunning salbiy ta’siri” kabi kategoriyalarini ham hisobga olish kerak. Qonunning harakatsizligi - bu qonunda belgilangan maqsadlarga erishmaslik, uning harakati natijalarining yo‘qligi. Bu, mohiyatiga ko‘ra, “o‘lik qonun” deb ataladigan deklarativ huquqning ko‘rinishidir.[8] Huquq mazmunida mujassamlangan maqsadlar va uning harakat natijalari o‘rtasidagi nomuvofiqlik, huquq harakati natijasida ijtimoiy munosabatlar va huquq subyektlariga yetkazilgan zarar, bizningcha, huquqning salbiy ta’siri natijasidir. Huquqning ta’sirini ko‘rib chiqishda ushbu toifalardan foydalanish huquqiy hodisa sifatida, huquq tizimi va mexanizmining elementi sifatida huquq ta’sirining mohiyati va qiymatini aniqroq aniqlash imkonini beradi.

Yuqorida aytilganlar huquqiy ta’sirni huquqning tartibga solish salohiyati va imkoniyatlarini huquqiy voqelikka o‘tkazish, ularni huquqiy voqelikka o‘tkazishning o‘ziga xos jarayoni sifatida ko‘rib chiqishga imkon beradi. So‘zning keng ma’nosida huquqning ta’siri - bu qonunning amalga oshirilishi va amal qilishi natijasi bo‘lib, u yuridik majburiyatning amaldagiga o‘tishi, huquqning tartibga solish imkoniyatlarini yuridik amaliyotda ro‘yobga chiqarish natijasidir. Huquqning ta’siri natijasida, uning maqsadlari, tamoyillari va talablari huquq subyektlarining huquqiy ongi va madaniyatidan o‘tib, ularning huquqiy xulq-atvorida ro‘yobga chiqadi.

Qonun harakati va huquqiy ta’sir o‘rtasidagi farqlar quyidagilardan iborat. Birinchidan, huquqiy ta’sir predmeti huquq subyektiga nisbatan birmuncha tordir. Ikkinchisi, shuningdek, huquq bevosita ta’sir qilmaydigan, lekin qandaydir tarzda o‘z ta’sirini kengaytiradigan iqtisodiy, siyosiy va ijtimoiy munosabatlarni o‘z ichiga oladi.

Ikkinchidan, agar huquqiy ta’sir subyektlarning muayyan huquq va majburiyatlarini belgilash, to‘g‘ridan-to‘g‘ri ko‘rsatmalar bilan bog‘liq bo‘lsa, nima qilish kerakligi va mumkinligi bo‘yicha to‘g‘ridan-to‘g‘ri ko‘rsatmalar bilan bog‘liq bo‘lsa, huquqning ta’siri har doim ham bog‘liq emas. Agar birinchisi huquqiy munosabatlar orqali huquqiy normalarni amalga oshirishni anglatsa, ikkinchisi shart emas. Demak, huquqiy ta’sir doimo ta’sirning huquqiy mohiyatini bildiradi, huquqning ta’siri esa, har doim ham ijtimoiy munosabatlarni huquqiy tartibga solishda namoyon bo‘lavermaydi. Shu ma’noda huquqiy ta’sir huquqning boshqa barcha shakllarini qamrab ololmaydigan elementlaridan biri, shakllaridan biri, harakat kanallaridan biriginadir. Masalan, huquqning axborot, psixologik, tarbiyaviy va ijtimoiy funksiyalari shular jumlasidan.

Demak, huquqiy ta’sirni huquqning ijtimoiy munosabatlarga, huquqiy vositalar, shakllar, usullar va kanallar tizimi, shuningdek, boshqa huquqiy hodisalar (huquqiy normalar, huquqiy munosabatlar, amalga oshirish aktlari, huquqiy ong, huquqiy madaniyat va boshqalar) tizimi sifatida ijtimoiy munosabatlarga samarali kompleks huquqiy ta’siri sifatida qarash kerak. U huquqqa xos bo‘lgan potensialni ro‘yobga chiqarish maqsadida ijtimoiy munosabatlarga ta’sir qilish usullari majmuini ifodalaydi. Bu istalgan natijaga erishish uchun maqsadli ta’sir qilishdan boshqa narsa emas.

Ko‘rinib turibdiki, huquqiy ta’sir sof funksional xususiyatga ega bo‘lishi mumkin emas. Masalan, huquqning an’anaviy ravishda keltirilgan funksiyalari ro‘yxati ta’lim kabi funksiyalar bilan to‘ldiriladi. Funksiyani amalga oshirish – bu “sof” huquqiy vositalar bilan emas, balki sof huquqiy vositalarga xos bo‘lmagan umumiy ijtimoiy vositalar bilan amalga oshiriladigan huquqiy ta’sir qilish usuli. Gap pozitiv huquqda mustahkamlanmagan: huquqiy tarbiya, huquqiy ong, huquqiy madaniyat, huquqiy qadriyatlar, axloqiy tamoyillar haqida bormoqda.

Huquqiy ta’sir - bu qonunning odamlar ongiga va umuman, ijtimoiy munosabatlarga ko‘rsatadigan murakkab ta’siri. Huquqning harakati huquqning mazmunli va dinamik tomoni bo‘lib, uning faol tartibga solish funksiyasini (huquqiy tartibga solish) amalga oshirishdan farqli o‘laroq, ijtimoiy munosabatlarga huquqiy ta’sir ko‘rsatish (tarbiyaviy, motivatsion, axborot-psixologik va boshqalar)ning amalga oshirilgan qobiliyatini tavsiflaydi.

Qonunning ta’siri va qonun bilan huquqiy tartibga solish bir xil tartibda va ma’no jihatidan yaqin tushunchalardir, lekin ular bir xil emas. Shuning uchun atamalarni aralashtirish va huquqiy ta’sirni huquqiy tartibga solish bilan tenglashtirish noto‘g‘ri. Albatta, ba’zi holatlarda bu tushunchalarni bir-birining o‘rnida ishlatish maqbuldir. Masalan, huquqning o‘zi ijtimoiy munosabatlarni tartibga soluvchi ekandan kelib chiqib, o‘z harakatida ularga tartibga soluvchi ta’sir ko‘rsatadi, va tartibga soladi.

Biroq, umuman olganda, huquqiy ta’sir huquqiy tartibga solishdan ko‘ra kengroq kategoriyadir. Shunga ko‘ra, “huquqiy ta’sir” tushunchasi huquqning ijtimoiy munosabatlarga ta’sir qilishning barcha vositalari, kanallari va shakllarini tavsiflaydi. Har qanday huquqiy tartibga solish huquqiy ta’sirdir, lekin har bir huquqiy ta’sir huquqiy tartibga solish emas. Huquqiy ta’sirni bunday tushunish to‘liq asosli ko‘rinadi, chunki qonunning jamiyat hayotidagi roli huquqiy tartibga solish bilan cheklanmaydi, garchi ikkinchisi eng ko‘zga ko‘ringan hodisadir. Shunday qilib, huquqiy ta’sir qonunning ijtimoiy hayotga, odamlarning ongi va xulq-atvoriga ta’sirining butun jarayonini ifodalaydi, uning birligi va xilma-xilligida olinadi.

ADABIYOTLAR

1. Комаров С.А. Общая теория государства и права. – СПб.: Питер, 2007. – С. 413.
2. Мешков Д.Н. Эффективность воздействия права на отношения личности и государства / Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Владимир., 2007. – С. 8-9.
3. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. - СПб, 2004. - С. 10.
4. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. - М., 2005. - С.198.
5. O‘zbekiston Respublikasi Fuqarolik kodeksining 5- tahriri // O‘zbekiston Respublikasi Oliy Majlisining Axborotnomasi, 1996 yil, 2-ilova; 1997 yil, №. 2, m. 56; 1998 yil, 5-6-o‘g‘il, m. 102-o‘g‘il, 1-modda. 20, yo‘q. 9, m. 229; 2001 yil, №. 1-2, m. 23; 2003 yil, №. 5, m. 67; O‘zbekiston Respublikasi Qonun to‘plami, 2004 yil, 25-son, m. 287-o‘g‘il, 37-modda. 408; 2006 yil, №. 14, m. 110-o‘g‘il, 39-modda. 385; 2007 yil, №. 1-2, m. 3, yo‘q. 3-modda. 21, yo‘q. 14, m. 132-o‘g‘il, 15-modda. 154-o‘g‘il, 50-51-modda. 506; 2008 yil, 52-o‘g‘il, m. 513;

2009 yil, 39-o‘g‘il, m. 423; 2010 yil, 37-o‘g‘il, m. 315-o‘g‘il, 38-modda. 328; 2011 yil, 51-o‘g‘il, m. 542

6. Бутакова Н.А. Правоотношения в структуре правовой действительности / Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2006. – С. 7.
7. Ромашов Р.А. Реалистический позитивизм: попытка обоснования концепции // Теоретико-правовая наука и юридическая практика: сб избр. статей / Под ред. Р.А. Ромашова. - СПб., 2004. - С. 31-38.

ПРИМЕНЕНИЕ МУЛЬТИМОДАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ TELEGRAM-КАНАЛОВ)

Нестерская Л.А.[1], Подоляк Л.Е.[2]
[1]Доцент, кандидат филологических наук (научный руководитель)
E-mail: LPodolyak@mail.ru
[2]Казахстанский филиал МГУ имени М.В.Ломоносова
магистрант

В современном образовательном пространстве особое значение приобретает использование мультимодальных текстов — сложных систем, объединяющих вербальные, визуальные и графические компоненты, которые не только передают информацию, но и формируют когнитивные и культурные модели восприятия мира. В рамках данной работы рассматривается роль мультимодальных текстов в образовательных Telegram-каналах, направленных на обучение русскому языку.

Мультимодальные тексты представляют собой многоуровневую систему символов, включающую тексты, изображения, видеоматериалы и анимацию. Их применение в образовательной практике способствует расширению лексического запаса, развитию навыков устной речи и обогащению лингвистических и культурных знаний обучающихся. Такой подход способствует формированию у студентов навыков аудиовизуального восприятия информации, что является важным аспектом современного языкового обучения

Мультимодальный текст представляет собой комбинацию различных семиотических (знаковых) систем, включающих вербальные и невербальные элементы, такие как изображения, звуки и видео [1]. Мультимодальные материалы могут быть использованы как в традиционных, так и в цифровых источниках (например, в словарях, книгах, презентациях, блогах, видеороликах, социальных сетях, веб-страницах, анимации). Включение мультимодальных текстов в процесс обучения позволяет активизировать различные каналы восприятия (слух, зрение, осязание), что существенно улучшает эффективность усвоения материала [2].

Термин «мультимодальный текст» получил широкое распространение в научной литературе на английском языке. Зарубежные исследователи трактуют мультимодальные тексты как совокупность знаков различных семиотических систем, к которым относятся вербальная система, визуальные статические элементы (например, иллюстрации и шрифт) и динамические компоненты (такие как анимация или видео) [2].

Согласно исследованиям Гюнтера Кресса и Тео ванЛевена [3], теория мультимодальности развивалась в 90-х годах XX века и доказала, что для успешного обучения важно использовать все доступные сенсорные системы и средства коммуникации (язык, изображения, звуки и движения) [4]. Этот подход активно применяется в преподавании и нашел отражение в работах российских и казахстанских ученых (например, Абжарова Ж.К., Абрамова Г.И., Веселовская Т.С., Керимбай Ж.М., Кривенко О.Ф., Купрещенко О.Ф., Лебедева М.Ю., Лин Цзинь, Мейрбеков А.К., Сибгатуллина А.А., Сотова И.А., Свирчевский Д.А., Шевалдышева Е.З., Феоктистова О.В., Хачатрян Г.С. и других).

Использование мультимодальных материалов в Telegram-каналах обладает рядом преимуществ. Во-первых, такие материалы привлекают внимание обучающихся за счет разнообразия форматов и визуальных средств: инфографики, цветового кодирования, иконографики и эмодзи. Во-вторых, они способствуют повышению мотивации и вовлеченности студентов в учебный процесс за счет интерактивных элементов — тестов, викторин и заданий с обратной связью. В-третьих, платформа Telegram обеспечивает возможность проведения «живого» общения в реальном времени через чаты и голосовые/видеозвонки, что расширяет возможности для практической отработки языковых навыков.

Глобальный анализ платформы Statista.com демонстрирует высокую популярность Telegram: с момента запуска 6 сентября 2013 года платформа поддерживает 12 языков (в том числе русский), охватывает 155 стран и ежедневно привлекает около 55 миллионов активных пользователей. Основные тематические направления — новости (82%), развлечения (59%) и образование (55%). Статистика показывает значительную долю молодых пользователей (от 18 до 34 лет), а также географическую дифференциацию по регионам: Азия (38%), Европа (27%), Латинская Америка (21%) и Ближний Восток с Северной Африкой (8%). Среди пользователей преобладают мужчины — 58%, женщины — 42%.

Аналитические данные платформы SimilarWeb подчеркивают преимущества Telegram как образовательной платформы: возможность создания групп до 200 тысяч участников с функциями секретных чатов, защищенных паролем; хранение данных в облаке без временных ограничений; высокая скорость передачи мультимедийных файлов до 2 ГБ; поддержка передачи файлов различных форматов без необходимости предварительной конвертации; отсутствие алгоритмически выстроенной ленты новостей — все сообщения отображаются в хронологическом порядке; гибкая настройка взаимодействия с контентом (комментарии, реакции или их отсутствие). Также важным аспектом является обеспечение информационной безопасности: возможность ведения закрытых переписок, редактирования сообщений и автоматического удаления сообщений после прочтения.

Для анализа мультимодальных текстов в образовательных Telegram-каналах был применен комплексный методологический подход. В его рамках осуществлялся контент-анализ (количественный и качественный), семиотический анализ знаковых систем и функциональный анализ текстов. Объектом исследования выступали каналы«Русский язык (Грамотность)»[5],«Русский язык просто»[6],«Предлог | Говорить по-русски»[7], «Новое слово!»[8]. Основное содержание каналов включает разделы по грамматике, лексике, тестам, викторинам и инфографике.

Семиотический анализ выявил активное использование визуальных средств: цветовых маркеров (например, зеленый для правильных ответов и красный для ошибок), эмодзи-иконографики (📚, ✅,❌) для привлечения внимания. В материалах каналов сочетаются вербальные средства с визуальными элементами — инфографикой, цветовым кодированием и знаковыми символами — что способствует более эффективному восприятию учебного материала.

Результаты исследования подтверждают эффективность мультимодальных текстов в создании интерактивной образовательной среды. Например, канал «Русский язык (Грамотность)» с более чем 136 тысячами подписчиков использует яркие визуальные материалы для объяснения фразеологизмов и культурологических аспектов русского языка.

Аналогично канал «Русский язык просто», насчитывающий свыше 117 тысяч подписчиков, применяет анимацию и инфографику для объяснения грамматических правил и терминологии.

Каналы «Предлог | Говорить по-русски» (@prdlg)с более чем 36 тысячами подписчиков используют интерактивные задания — викторины и описания изображений — для развития устных навыков. Канал «Новое слово!» (@novoeslovo), ориентированный на расширение словарного запаса через ежедневные публикации новых слов с визуальной поддержкой, способствует закреплению лексических знаний у подписчиков.

Обобщая результаты исследования можно отметить: Telegram-каналы предоставляют доступную гибкую платформу для обучения русскому языку как иностранному за счет использования мультимодальных текстов. Они способствуют развитию коммуникативных навыков студентов посредством разнообразных форматов материалов: от упражнений до интерактивных заданий с обратной связью. Мультимодальные тексты делают обучение более привлекательным за счет интеграции вербальных средств с визуальными компонентами — инфографикой, цветовым кодированием и эмодзи-кодами — что повышает эффективность усвоения материала.

Таким образом, использование мультимодальных текстов в образовательных Telegram-каналах представляет собой перспективный инструмент повышения качества обучения русскому языку как иностранному. Их применение способствует не только развитию языковых компетенций студентов, но также знакомит их с культурными особенностями страны изучаемого языка через интеграцию культурологических элементов в учебный процесс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сотова И.А., Цзинь Лин. «Использование мультимодальных текстов для развития навыков говорения на русском языке у китайских студентов»// Современная коммуникативистика, 2024, №5.
2. Кривенко О. Ф. Диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук «Методический потенциал цифровых мультимодальных текстов в обучении РКИ», Москва, 2022 г.
3. СвирчевскийД.А.Мультимодальный подход Г. Кресса и Т. ванЛевена: чтение визуальных образов Реферат книги: Kress G., vanLeeuwen T. ReadingImages: TheGrammarofVisualDesign (3rd ed.). – L.; N.Y.: Routledge, 2021. – 310 p. DOI: 10.31249/metodquarterly/02.02.12
4. Лебедева М. Ю., Веселовская Т. С., Купрещенко О. Ф. Особенности восприятия и понимания цифровых текстов: междисциплинарный взгляд // Перспективы науки и образования. 2020. № 4 (46). С. 74-98. doi: 10.32744/pse.2020.4.5
5. Русский язык (Грамотность) – https://t.me/ru Grammar (дата обращения 01.05.2025)
6. Русский язык просто [Электронный ресурс]. — URL: https://t.me/ruProsto (дата обращения 01.05.2025)
7. Предлог | Говорить по-русски [Электронный ресурс]. — URL: https://t.me/prdlg (дата обращения 01.05.2025)

ЭПОХА РЕВОЛЮЦИЙ: КАК РАДИКАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В ПРОШЛОМ ФОРМИРУЮТ ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ?

Псарёва Полина Валентиновна
E-mail: psaryovapolina@gmail.com
студентка 1-го курса направления «Реклама и связи с общественностью»
Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Ташкенте

Радикальные перемены в прошлом, будь то технологические прорывы, социальные революции или политические сдвиги оказывают большое влияние на настоящее и будущее развитие мира. Эти события часто становятся катализаторами долгосрочных изменений, которые затрагивают все аспекты жизни: экономику, политику, культуру и окружающую среду и т.д. Актуальность данного исследования заключается в изучении развития современного мира и основных тенденций развития. Войны и революции часто приводят к пересмотру политических систем, границ государств, а также формируют новые международные отношения и союзы.

Технологические прорывы, такие как промышленная революция или цифровизация, вызывают структурные изменения в экономике, меняют структуру занятости, создают новые рынки и отрасли, а также перераспределяют экономическую мощь между странами. Социальные движения и перемены в общественном сознании, вызванные, например, борьбой за права человека или изменением гендерных ролей, могут привести к глубоким изменениям в социальной структуре, культуре и ценностях общества, влияя на глобальные нормы и стандарты.

Революции играют немаловажную роль в мировой истории, оказывая влияние на различные отрасли жизни людей. В то время как политические и социальные революции, такие как Французская революция 1789 года и Октябрьская революция 1917 года, привели к изменению формы власти и социальных институтов. Научно-техническая революция в XX веке кардинально преобразовала мировую экономику и образ жизни общества. Эти революции стали шагом на пути к созданию глобальных трендов.

Французская революция 1789 года: зарождение идей демократии и прав человека. Великая французская революция вызвала коррекцию в политике и социальной сферах. В рамках политической сферы революция установила республиканскую форму правления, поставив точку в истории абсолютной монархии. Свержение и казнь Людовика XVI стало символом окончания феодального режима. И его место заняла Первая французская республика, основу которой составили народный суверенитет и демократия. А также принятие ряда конституций заложили фундамент для современных демократических институтов [**Error! Reference source not found.**]. (Т 1991)

Со стороны социальной сферы, происходит отмена крепостного права, которое улучшило положение крестьян. Национализация церковной и аристократической собственности открыла путь к перераспределению земельных ресурсов, в результате чего стали развиваться капиталистические отношения в сельском хозяйстве. Нововведения в гражданских законах установили равенство всех граждан перед законом.

Революция сказалась также на систему образования и правосудия. Начальное образование объявили обязательным, что привело к увеличению уровня грамотности в стране. Старые учебные заведения были обновлены на новые. Сама учебная программа

стала светской, где проходили различные науки и делали акцент на гражданское воспитание. В судебной системе осуществили ряд весьма значительных реформ, установили гражданские свободы, такие как свобода слова, свобода собраний и свобода вероисповедания.

Если провести параллель, то мы увидим, что именно благодаря Французской революции 1789 года стали появляться демократические основы, которые в дальнейшем распространяться не только в Европе, но и по всему миру и станут глобальными трендами современности.

Октябрьская революция 1917 года: рождение социалистического государства. В результате Октябрьской революции 1917 года в стране претерпел изменения государственно-политический, идеологический и общественно-экономический строй страны. Большевики пришли к власти, что дало начало свержения капиталистического режима и перехода к социализму. Октябрьская революция стала довольно важным событием не только в России, но и за ее пределами. Революция дала толчок к формированию и установлению социалистического государства.

Начнем с того, что в стране ввели бесплатное медицинское обслуживание и образование, а также рабочий день стал составлять восемь часов. Все чины и сословия были ликвидированы, а люди стали равны. Также стоит отметить, что женщины получили равные права с мужчинами во всех отраслях общественной жизни. Правительство отделило церковь от государства и сделало светское образование [**Error! Reference source not found.**]. (С.А 2017)

Частную собственность исключили, а любые золотые слитки или монеты в банках конфисковали и передали в государственный золотой фонд. Отдельные отрасли промышленности и внешней торговли перешли в государственную собственность, а также банки и железнодорожный транспорт. А договоры с другими государствами, включая иностранные и внутренние займы, который были оформлены при царе или же Временном правительстве, были аннулированы.

Октябрьская революция 1917 года существенно повлияла на весь мир. Она привела к глобальным изменениям в международных отношениях, служила причиной для развития революционных процессов, а также национально-освободительных движений в мире. СССР стал центром социалистической идеологии и символом альтернативной экономической и политической системы.

Научно-техническая революция XX века: трансформация экономики и общества. Научно-техническая революция XX века стала довольно значимым элементом глобальных перемен, которые оказали долгосрочные последствия для всех сфер нашей жизни. Это касается как научных знаний и технологий, так и трансформацию производственных, культурных и социальных процессов.

Научно-техническую революцию часто начинают отсчитывать с промышленного подъёма XIX–XX веков, когда были освоены новые источники энергии — уголь, нефть, электричество — и появились более совершенные производственные процессы. Однако по-настоящему стремительное развитие научно-технической сферы началось во второй половине XX века благодаря прогрессу в информационных технологиях, медицине, ядерной энергетике и биотехнологиях.

Революционные изменения привели к значительному усилению глобализации. Развитие информационных технологий и Интернета стало катализатором этого процесса,

трансформировав глобальную торговлю, экономику и культурный обмен. Благодаря этому информация мгновенно распространяется по всему миру, а промышленное производство уступает место цифровым технологиям и информационным платформам.

Запуск первого спутника в 1957 году ознаменовал начало эры освоения космоса, которая продолжается и по сей день. Это привело не только к расширению границ человеческих знаний, но и к появлению новых возможностей в экономической и военной сферах. [**Error! Reference source not found.**]. (А.Г 2023)

Научно-техническая революция оказывает всестороннее влияние на современное общество, проникая в здравоохранение, культуру, образование и политическую сферу. Однако, наряду с очевидными преимуществами, технический прогресс порождает новые проблемы, требующие решения. К ним относятся вопросы защиты персональных данных, противодействия киберпреступности, необходимость адаптации к автоматизации труда и обеспечение экологической безопасности.

Таким образом, революции прошлого не только изменили политическую карту мира, но и заложили основу для глобальных тенденций, определяющих облик современного общества. Демократия, социализм, научно-технический прогресс и глобализация - все это прямые следствия революционных преобразований. Великая французская революция 1789 года стала толчком развитию демократических основ в государстве, которые в дальнейшем распространяться не только в Европе, но и по всему миру. Если говорить о Октябрьской революции 1917 года, то эти события также значительно повлияли на дальнейшую картину мира. Данная революция привела к глобальным изменениям в международных отношениях, послужила причиной для развития революционных процессов, а также национально-освободительных движений в мире.

Анализ этих исторических событий позволяет нам понять, как фундаментальные изменения прошлого продолжают влиять на текущие глобальные процессы и будут определять политические, экономические и культурные реалии будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Худокормов А. Г. Научно-техническая революция в XX веке. - М.: Электронное издательство, 2023. - 248 с.
2. Ланцов С. А. Октябрьская революция 1917 года: замыслы и результаты. - СПб.: Вестник, 2017. - 192 с.
3. Карлейль Т. Французская революция: История. - М., 1991. - 510 с.

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ

Рахматов Ж.
начальник отдела по работе с обращениями граждан и контролю исполнения ГУ "Республиканский центр экспертизы градостроительной документации" при Министерстве строительства и жилищно-коммунального хозяйства, докторант Университета мировой дипломатии и экономики

Аннотация. *В статье рассматриваются ключевые особенности трансформации образовательных услуг в сфере высшего образования Республики Узбекистан. Проанализированы тенденции и вызовы, сопровождающие процесс модернизации высшей школы, включая интернационализацию, цифровизацию, развитие негосударственного сектора и укрепление связей с рынком труда. Особое внимание уделено государственным реформам, влияющим на качество и доступность образовательных услуг. Сделан акцент на специфике национального образовательного пространства в условиях глобализации и социально-экономической трансформации [2; 4; 5].*

Ключевые слова: *высшее образование, образовательные услуги, Узбекистан, интернационализация, цифровизация, образовательные реформы, негосударственные вузы, компетенции.*

Система высшего образования в Узбекистане в последние годы находится в стадии активной модернизации. На фоне глобальных вызовов, таких как цифровая трансформация, международная конкуренция и динамика рынка труда, страна предпринимает значительные усилия по обновлению содержания и структуры образовательных услуг. Ключевыми факторами этого процесса являются масштабные государственные реформы, направленные на повышение качества, доступности и эффективности высшего образования [1; 2].

Рассмотрим характерные особенности развития образовательных услуг в высшем образовании Узбекистана в контексте текущих трансформационных процессов.

1. Государственная политика и реформы в высшем образовании

С 2017 года в Узбекистане осуществляется масштабная реформа системы высшего образования, отражённая в многочисленных указах и постановлениях Президента и Кабинета Министров (в частности, Указ Президента №УП-6108 от 6 октября 2020 года) [1]. В рамках этих инициатив реализуются следующие меры:

расширение сети высших учебных заведений (открытие новых вузов, филиалов, в том числе зарубежных);

автономизация университетов и введение контрактной формы обучения;

повышение заработной платы преподавателей и академическая свобода;

переход к кредитно-модульной системе обучения;

внедрение цифровых технологий и платформ электронного обучения [2].

Эти шаги направлены на повышение конкурентоспособности узбекских вузов и сближение с международными стандартами [3; 5].

2. Интернационализация высшего образования

Одной из важнейших тенденций развития образовательных услуг в Узбекистане является интернационализация. Её выражением стали:

открытие филиалов зарубежных вузов (Вестминстерский университет, Сингапурский институт менеджмента, МГУ, МГИМО и др.);

участие студентов и преподавателей в международных академических программах (Erasmus+, DAAD, Bolashaq и др.);

внедрение программ с преподаванием на английском языке; рост количества иностранных студентов, обучающихся в Узбекистане [3; 4].

Интернационализация способствует повышению качества образовательных услуг и стимулирует развитие новых подходов к обучению [5].

3. Развитие цифровых технологий в образовании

Цифровизация стала особенно актуальной в условиях пандемии COVID-19 и после неё. Основные направления:

внедрение платформ дистанционного обучения (ZiyoNET, Moodle, Google Classroom);

цифровые библиотеки и образовательные ресурсы;

проведение онлайн-экзаменов и тестов (в том числе централизованного тестирования);

развитие цифровых компетенций преподавателей и студентов [6].

Цифровые технологии делают образовательные услуги более гибкими, однако остаются проблемы с инфраструктурой и качеством онлайн-контента, особенно в регионах [6].

4. Рост негосударственного сектора

Особенностью узбекской модели является быстрый рост частных (негосударственных) вузов и образовательных центров. Они предлагают:

более гибкие и современные программы;

обучение по рыночным специальностям (IT, бизнес, маркетинг и др.);

партнёрство с международными университетами [3; 5].

Хотя негосударственные вузы способствуют расширению доступа к образованию, они также вызывают вопросы качества и соответствия государственным стандартам [4].

5. Практико-ориентированное и компетентностное обучение

Узбекистан активно внедряет компетентностный подход, ориентируясь на требования национального и международного рынков труда. Среди характеристик:

внедрение дуального образования (особенно в технических вузах);

развитие профессиональных и предпринимательских навыков;

сотрудничество с работодателями (включение их в учебный процесс, оценку компетенций);

адаптация образовательных программ к реальным условиям экономики [2; 3; 5].

6. Вызовы и проблемы

Несмотря на позитивную динамику, система высшего образования Узбекистана сталкивается с рядом трудностей:

нехватка квалифицированных преподавателей и научных кадров;

перегруженность вузов, особенно в крупных городах;

ограниченность академической свободы в ряде учреждений;

необходимость развития научно-исследовательского компонента;

региональное неравенство в доступе к качественному образованию [3; 4; 5].

Развитие образовательных услуг высшего образования в Узбекистане отличается высокой динамикой, государственным стимулированием реформ и стремлением к интеграции в глобальное образовательное пространство. Ведущими трендами являются интернационализация, цифровизация, диверсификация форм собственности и компетентностная направленность. При этом для устойчивого развития необходима системная работа над качеством подготовки кадров, расширением инфраструктуры и научной базы, а также усилением связей между образованием, наукой и экономикой [2; 5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента Республики Узбекистан №УП-6108 от 6 октября 2020 года «О мерах по дальнейшему развитию системы высшего образования».
2. Стратегия развития системы высшего образования Республики Узбекистан на 2030 год. — Министерство высшего образования и науки РУз, 2020.
3. Юсупов Ш.Х. Современные тенденции реформирования высшего образования в Узбекистане // Образование и инновационное развитие. — Ташкент, 2023.
4. UNESCO. Education in Uzbekistan: Country Report. — Paris, 2022.
5. World Bank. Higher Education in Uzbekistan: Institutional and Governance Challenges. — Washington, 2021.
6. Каримова М.Р. Цифровизация высшего образования: опыт Узбекистана и перспективы // Востоковедение и международные отношения. — 2022.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND "SMART" TECHNOLOGIES IN PROFESSIONAL TRAINING OF PERSONNEL IN UZBEKISTAN

Sultanova Dilfuza Tillayevna
E-mail: sultanova_dilfuz@mail.ru
senior teacher, Moscow State University named after M.V. Lomonosov
Tashkent Branch

In the context of rapid scientific and technological progress and digitalization of all spheres of life, education systems around the world, including Uzbekistan, are undergoing profound transformations. Particular attention is paid to the introduction of innovative solutions in the process of personnel training, especially in the context of vocational education. One of the key factors determining the effectiveness and relevance of the modern system of training specialists are Artificial intelligence (AI) and "smart" technologies. Uzbekistan, striving to integrate into the global digital space, is actively implementing a number of strategic programs and initiatives aimed at modernizing the educational system, developing digital infrastructure and forming highly qualified human resources. In this context, AI and "smart" technologies play not only a supporting, but also a strategic role in the transformation of vocational education.

Against the backdrop of global challenges and changing requirements for specialist qualifications, traditional teaching methods are losing their effectiveness. The modern labor market requires graduates not only to have fundamental knowledge, but also to be able to quickly adapt to new conditions, think critically, and master new technologies. The introduction of AI and smart technologies provides unique opportunities for creating personalized learning paths, automating routine processes, and improving the quality of educational content.

This article aims to analyze the current state and prospects for the application of artificial intelligence and smart technologies in the professional training system in Uzbekistan. Both the achievements and challenges that the educational system faces in the process of digital transformation are considered.

Main areas of implementation of AI and smart technologies in Uzbekistan.

- Digitalization of the educational process: use of adaptive platforms and intelligent systems for online learning.
- Development of electronic educational materials and virtual laboratories.
- Analysis of data on student performance using AI to predict results and timely correction of educational trajectories.
- Integration of AI into the system of career guidance and career support.

On the one hand, Uzbekistan has significant potential for the development of digital education: the IT infrastructure is actively developing, the number of startups and technology parks is increasing, and the state supports reforms in the field of education. On the other hand, there are still unresolved issues related to the shortage of qualified specialists, limited access to modern technologies in the regions, and the need to update the regulatory framework.

The integration of artificial intelligence and smart technologies into professional education is not just a technological upgrade, but a strategic step towards the formation of a sustainable and competitive system of personnel training in Uzbekistan. The success of these transformations

depends on a comprehensive approach that includes investments in infrastructure, training of teaching staff, development of innovative content and effective public policy.

REFERENCES

1. Decree of the President of the Republic of Uzbekistan of October 8, 2019 No. UP-5847 "About approval of the Concept of development of higher education of the Republic of Uzbekistan till 2030".

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИБОРА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И VR–ОЧКОВ НА УРОКАХ БИОЛОГИИ С ЦЕЛЬЮ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ЗНАНИЙ УЧАЩИХСЯ

Садыкова Камилия Абидовна
Кандидат биологических наук, доцент кафедры биохимии Национального университета Узбекистана

Сегодня использование современных информационных технологий в учебном процессе позволяет повысить качество учебного материала и усилить эффективность образования. Современное общество ставит перед учителем задачу развития личностно значимых качеств школьников, а не только передачу знаний. Знания же выступают не как цель, а как способ, средство развития личности. Изучение в школе предмета "Биология" на вербальном уровне не создает правильного представления об изучаемых объектах и явлениях. Поэтому главной задачей учителей биологии является разумное использование в учебном процессе современных креативныхсредств обучения [4]. Качество подготовки учащихся определяется применением новых педагогических технологий. Использование мультимедийных технологий целесообразно на любом этапе урока, для формирования умений: обобщать, анализировать, систематизировать информацию, работать в группе, находить информацию в различных источниках [2].

В связи с актуализацией идей экологического воспитания особое значение приобретают идеи «природа и культура», способности воспитания, выражающие стремление рассматривать процесс образования и воспитания с позиций целостности человеческой личности, единства человека и природы, общества и космоса [7].Ответственное отношение учащихся к окружающей среде является конечным и желаемым результатом экологического воспитания в школе. Экологическая ответственность включает в себя понимание человеком ценности своего правильного поведения в окружающей природной среде, осознание природы, как национального общественного достояния, умения предвидеть последствия поведения человека в окружающей природе и заботливого отношения ко всему окружающему.

Экологическое образование – это получение знаний об экологических закономерностях, что позволяет существенно уменьшить ущерб живой природе при хозяйственной деятельности людей. Таким образом, любой человек, получивший хотя бы минимальное экологическое образование, способен организовать свои действия так, чтобы уменьшить или даже исключить этот ущерб [6]. Отношение человека к окружающей природной среде определяется при наличии трех важных фактора:

- непосредственное познание природы;
- школьное экологическое воспитание;
- средства массовой информации.

Экологическое воспитание – это довольно сложный и необходимый социально-педагогический процесс. Он направлен не только на овладение знаниями и умениями, но и на развитие мышления, эмоций, воли подростков, их деятельности по защите, уходу и улучшению природной среды. Такого рода учебно-воспитательная работа предполагает расширение педагогически организованных контактов школьников с природной средой,

организацию целенаправленного общения учеников между собой и с взрослыми в условиях обучающих ситуаций. Экологическая ответственность включает в себя понимание человеком ценности своего правильного поведения в окружающей природной среде, осознание природы, как национального общественного достояния, умения предвидеть последствия поведения человека к природе и заботливого отношения ко всему окружающему [7].

В последние годы школьное образование и воспитание сделали решительный поворот в формировании экологической культуры Сегодня созданы предпосылки для развития системы непрерывного экологического образования. В течение последних десятилетий использование современных технических средств стало глобальным явлением образовательной и информационной культуры, которое изменило подход к образованию во многих странах мира. В Узбекистане только в последнее десятилетие информационные образовательные технологии получили интенсивное развитие, но уже уверенно стали завоевывать свое место в образовательном процессе вместе с традиционными формами обучения. Необходимость в таком методе обучения обусловлен различными факторами. Технологии креативного обучения позволяют решать ряд существенных педагогических задач:

- создание образовательного пространства;
- формирования у учащихся познавательной самостоятельности и активности;
-развитие критического мышления, толерантности, готовности конструктивно обсуждать различные точки зрения [3].

Появляется возможность виртуальной демонстрации ряда экспериментов, которые невозможно выполнить в классе из-за плохой материальной базы, вредного воздействия экспериментов на организм школьников, возможность изучения ряда технологических процессов на производстве. Новые мультимедийные технологии как VRи ИИ - множественность содержательных каналов информации (информационных сред). Условия, созданные в классе с помощью компьютера и мультимедийных программы, позволяют учащимся в ходе работы с автоматической системой моделировать виртуальную (то есть существующую только в процессе взаимодействия) среду обучения. Для этого используют компьютеры, оснащенные средствами мультимедиа. Среди таких методов обучения можно выделить мультимедийную лекцию и мультимедийную практическую работу, позволяющую осуществить лабораторную работу по биологии и даже виртуальную экскурсию в природу с помощью VRтехнологий и ИИ [8]. Путь передачи информации при этом называется информационным каналом, в креативном образовании который фактически становится источником знания.

Использование новых информационных технологий в курсе биологии значительно поднимает уровень обучения при низкой мотивации учащихся. Одним из достоинств применения мультимедийных технологий в обучении является повышение качества обучения за счет новизны деятельности, интереса к работе с современными устройствами. С помощью современных устройств можно смоделировать сложные биологические процессы и закономерности, провести контроль знаний учащихся, организовать самостоятельную работу, объяснить и закрепить новый материал. Для получения мультимедийной информации в современном уроке необходимы три канала: зрительный, слуховой и тактильный [8].

«Плюсы» данного метода:

- Обучение индивидуализируется с учетом личностных особенностей школьников;
- Средства мультимедиа делают обучение более наглядным;
- Не тратится лишнее время на работу с доской, на диктовку терминов;
- Учитель может индивидуально помочь во время самостоятельной работы.

«Минусы» данного метода:

- Нужно много новых современных устройств – интернет, компьютеры, видеопроекторы, VRочки (дорогостоящее оборудование);
- На подготовку такого урока с применением креативных методов учитель тратит времени во много раз больше, чем при подготовке обычного урока1[3].

Применение компьютерных технологий на уроках биологии может стать новым методом организации активной и осмысленной работы учащихся, сделав занятия более наглядными и интересными. При применении современных технологий можно создавать: эко-арт проекты, виртуальные экскурсии, разработка экологических приложений[8].

Виртуальные экскурсии: Использование очков с VR технологий компании Meta для виртуальных путешествий в различные экосистемы, что позволяет учащимся наблюдать за реальными экологическими процессами и последствиями человеческой деятельности, а также использование ИИ искусственного интеллекта и голосового помощника Алиса компании Яндекс.

Сущность и принципы: Креативное образование ориентировано на развитие творческих способностей учащихся, стимулирование их к инновационному мышлению и способности к решению нестандартных задач. Основные принципы включают в себя активное вовлечение учащихся в образовательный процесс, поддержку и развитие их индивидуальности, а также создание среды, способствующей творческому поиску и экспериментированию.

Методы и приемы креативного обучения: включают использование игровых технологий, групповых проектов, решение проблемных задач, кейс-методы, мозговые штурмы, а также применение цифровых технологий и социальных медиа для стимулирования творческой активности и самовыражения учащихся**.**

Очень интересна мультимедийная 3 D экскурсия на тему «Лес - богатство человечества». Следующий после обозначения темы кадр показывает правила поведения в природе. Далее кадры знакомят с лесом, его отдельными частями, ярусами, населением. Показ сопровождается голосами птиц, шумом крон деревьев. Меняя кадры, учащиеся передвигаются от объекта к объекту. Такое знакомство с лесом можно назвать виртуальной экскурсией, так как созданная мультимедийным путем виртуальная природная среда создает эффект присутствия. Информационные технологии рекомендуются использовать в следующих случаях:

- Демонстрация наглядных пособий, мультимедийных приставок – наглядность.
- Внедрение модульных программ позволяет организовать процесс обучения – обучающая.

Исследования показали, что использование методов креативного мышления при проведении уроков биологии значительно повышают эффективность уроков. Использование искусственного интеллекта на уроках биологии вызывает значительный интерес у учащихся к предмету. Развитие критического мышления и творческих способностей и применение креативных методов стимулирует учащихся к анализу, синтезу

информации и поиску нестандартных решений экологических проблем, что является важным компонентом экологической культуры.

Содержание экологического образования имеет сложный состав, усвоение которого школьниками требует не только классной, но и большой внеклассной работы. Внеклассная работа определяется как деятельность, которая выполняется во внеурочное время и на основе интереса и самодеятельности учащихся. Внеурочная деятельность направлена на достижения определенных результатов, требующих от учащихся мыслительной работы, преодоление определенных трудностей. Одной из задач внеклассной работы по экологическому воспитанию является расширение объема интереса школьников к природе, формирование его устойчивости и направленности ко всему в природе и о природе, к охране природной среды. Для того, чтобы внеклассные занятия были интересны и не утомляли детей, целесообразно предусмотреть и смену видов деятельности: познавательная, игровая, работы в экологическом кружке взаимно дополняют друг друга, обогащая процесс обучения и воспитания младших школьников. В формировании экологической культуры младших школьников огромную роль играют массовые внеклассные занятия: праздники, утренники, ролевые игры на экологические темы. Таким образом, внеклассная работа создает условия для приобретения опыта принятия экологических решений на основе полученных знаний. Воспитание, основанное на раскрытии конкретных экологических связей, поможет ученикам усваивать правила и нормы поведения в природе, которые будут осознанными и осмысленными убеждениями каждого ученика. Правильно используя различные методы воспитания, можно сформировать экологически грамотную и воспитанную личность. Развитию ценностных ориентаций способствует выполнение учащимися практических работ оценочного характера. Для экологического воспитания важное значение имеют работы на местности по оценке характера воздействия человека на окружающую среду, предусмотренные программой. На их основе у школьников вырабатывается привычка правильно, критически оценивать свое поведение в природе, поступки других людей, выбрать линию поведения, соответствующую законам природы и общества. Знание и соблюдение учащимися правил поведения в природе во время экскурсий, туристических и краеведческих походов свидетельствуют о степени сформированности их нравственного облика. В экологическом воспитании не меньшую роль, чем нравственное, играет эстетическое воспитание, в которое существенный вклад вносят и естественные школьные предметы. На этих уроках учащиеся обогащаются новыми эстетическими впечатлениями, чему способствуют разнообразные средства обучения (картины, кинофильмы, видеофильмы и т.д.), формирующие образы территорий, различных объектов природы, развивающие у детей эмоциональную восприимчивость к красоте вообще, прекрасному в природе и эстетическое восприятие окружающей среды. Постоянное внимание учителя к раскрытию экологических связей значительно повышает интерес учащихся к предмету. На этапе формирования экологической проблемы особую роль приобретают методы, стимулирующие самостоятельную деятельность учащихся. Задания и задачи направлены на выявление противоречий во взаимодействии общества и природы, на формирование проблемы и рождение идей о пути ее решения с учетом концепции изучаемого предмета. Стимулируют учебную деятельность дискуссии, способствуя проявлению личного отношения учащихся к проблемам, знакомству с реальными местными экологическими условиями, поиску возможностей их решения. Средством психологической подготовки школьников к реальным экологическим ситуациям выступают ролевые игры. Они строятся

с учетом специфических целей предмета. Игровая деятельность младших школьников включает в себя много других разнообразных видов деятельности и поэтому является универсальной. Особенно важно то, что ребята участвуют в играх без принуждения, на добровольных началах [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев Д.А., Репш Н.В., Шурухина Т.Н. и др. Бердвотчинг Т.К. Как современная форма экологического образования и воспитания школьников влияет на современный урок // Современные проблемы науки и образования. -2021. - № 2. - С. 132-135.
2. Дмитриева Л. В. Дистанционное обучение: разработка нормативного и методического обеспечения /Л.В. Дмитриева // Открытая школа -2008.- № 6.- С.75
3. Медведева О.Р., Петрушина И.А., Попова Е.Е. Развитие творческих способностей обучающихся на уроках // Наука и образование. 2020 г.
4. Микляева М.А., Околелов А.Ю., Федотова М.В. Инновационная роль учителя в современной школе // Наука и Образование. 2019. №2. С. 146.
5. Петрищева Л.П., Зацепина Д.В., Мелехина В.В. Формирование готовности будущего педагога к использованию технологии педагогического моделирования //Актуальные проблемы образования и воспитания: интеграция теории и практики: материалы Национальной контент – платформы (г. Мичуринск, 12 декабря 2019г.) под общ. ред. Г.Д. Коротковой – Мичуринск: Издательство Мичуринского ГАУ, 2019.
6. Плешаков А. А. Экологические проблемы и начальная школа // Начальная школа. — 2002.
7. Розломий Н.Г., Репш Н.В., Белов А.Н. и др. Экологическая тропа как форма экологического образования школьников // Ученые записки Университета им. П.Ф. Лесгафта. - 2021. - № 2 (192). - С. 267-272.
8. Сальникова В. В. Формирование экологической культуры учащихся на основе интегративно-креативного подхода в Частной и малокомплектной школе. Москва, 2019г.

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИИ «ЯЗЫКОВОГО ПОРТФЕЛЯ» ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Саиджалалова С.М.
Первый проектор Совместного Белорусско-Узбекского межотраслевого института прикладных технических квалификаций в городе Ташкенте, доцент кафедры «Современный русский язык» УЗГУМЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются методические основы применения технологии «Языковой портфель» в процессе обучения русскому языку как иностранному (РКИ). Анализируются цели, структура и функции языкового портфеля, а также его роль в формировании автономии учащегося, развитии языковых и межкультурных компетенций. Представлены практические рекомендации по внедрению данной технологии в учебный процесс и рассмотрены трудности, возникающие на разных этапах работы.*

Ключевые слова: *языковой портфель, РКИ, языковая компетенция, автономия обучения, межкультурная коммуникация, рефлексия, оценивание.*

Введение

Современные подходы к преподаванию иностранных языков акцентируют внимание на формировании коммуникативной компетенции, а также на развитии навыков самооценки, саморегуляции и рефлексии [5]. Одним из эффективных инструментов, способствующих достижению этих целей, является технология языкового портфеля (ЯП). В контексте обучения русскому языку как иностранному, особенно в условиях поликультурной аудитории, языковой портфель позволяет не только отслеживать прогресс, но и стимулирует обучающихся к активному участию в образовательном процессе [4].

1. Понятие и цели языкового портфеля

Языковой портфель (Language Portfolio) — это систематизированная коллекция работ обучающегося, отражающая его языковые достижения, цели, мотивацию и уровень владения языком. Идея ЯП восходит к рекомендациям Совета Европы и является частью общеевропейской языковой политики (в частности, проекта Европейского языкового портфеля – European Language Portfolio) [1; 2].

Основные цели ЯП:

фиксация индивидуального прогресса в овладении языком;

развитие навыков самооценки;

поощрение автономного и осознанного обучения [2; 3];

содействие межкультурному диалогу;

предоставление объективного инструмента для оценки результатов.

2. Структура языкового портфеля

Классическая структура ЯП включает три основные части:

Языковая биография – описание языкового опыта, мотивации, целей и предпочтений обучающегося.

Языковое досье – подборка работ, демонстрирующих уровень владения русским языком: письменные задания, аудиозаписи, проекты, ролевые игры и др. [4].

Паспорт языкового портфеля – краткое описание языковых компетенций обучающегося в соответствии с общеевропейской шкалой (CEFR), с возможностью самооценки [1].

3. Методические подходы к использованию ЯП при обучении РКИ

3.1. Организация работы с ЯП

Работа с портфелем может быть организована как в рамках аудиторных занятий, так и в виде самостоятельной деятельности. Важно поэтапное введение компонентов портфеля и регулярное обновление содержимого [3].

3.2. Принципы внедрения:

постепенность и системность;

включение элементов рефлексии;

поощрение разнообразия форматов (тексты, мультимедиа, презентации);

индивидуализация заданий [3; 4].

3.3. Педагогическая поддержка

Преподаватель выполняет роль фасилитатора: направляет, консультирует, предлагает критерии оценивания, но не навязывает структуру — обучающийся сам принимает решения о включении материалов в портфель [5].

4. Преимущества и сложности внедрения ЯП в практику РКИ

Преимущества:

развитие языковой автономии [2];

усиление мотивации к обучению [4];

формирование навыков самооценки;

накопление материала для демонстрации достижений (например, при поступлении в ВУЗы или трудоустройстве) [3].

Сложности:

необходимость дополнительных методических разработок;

трудности самооценки у студентов с низким уровнем владения РКИ [5];

потребность в цифровых платформах и навыках ИКТ;

возможное формальное отношение к составлению портфеля.

Методы исследования

В процессе подготовки и написания статьи были использованы следующие методы научного исследования:

Анализ научной литературы — для изучения теоретических основ технологии языкового портфеля, включая документы Совета Европы [1], работы по методике преподавания РКИ [4], труды по педагогике и психологии обучения [3].

Метод педагогического моделирования — применялся для создания методической схемы внедрения языкового портфеля в учебный процесс при обучении РКИ, с учётом уровней языковой подготовки и особенностей обучающихся [3].

Сравнительно-сопоставительный анализ — использовался для выявления различий и сходств между традиционными формами текущего оценивания и системой оценки, основанной на технологии ЯП [4].

Качественное наблюдение — проводилось в ходе пилотного внедрения ЯП на занятиях по РКИ в рамках курсов уровня A2–B1 [4].

Анкетирование — использовалось для получения обратной связи от студентов-иностранцев (n=38) по вопросам мотивации, самооценки, отношения к технологии

языкового портфеля. Результаты показали высокий интерес к самостоятельной работе и формированию персонального пространства обучения [4].

Метод контент-анализа — применялся при анализе материалов, включённых студентами в досье портфеля: письменных работ, видеофрагментов, проектов, дневниковых записей [4].

5. Практические рекомендации

Вводить ЯП с уровня А2, когда учащиеся уже могут формулировать простые тексты и цели [4].

Использовать цифровые портфели (например, Google Drive, Mahara, Moodle) [3].

Проводить регулярные мини-консультации по ведению ЯП.

Включать портфель в систему текущего оценивания (например, как часть итоговой оценки по курсу) [5].

Предусматривать групповую работу по обмену опытом ведения ЯП.

Заключение

Языковой портфель как педагогическая технология открывает новые горизонты в обучении русскому языку как иностранному. Он способствует формированию активной, ответственной и рефлексирующей личности, готовой к межкультурному взаимодействию [2]. Для успешного внедрения ЯП требуется комплексный подход, включающий методическую подготовку преподавателей, адаптацию учебных материалов и развитие цифровой грамотности студентов [3; 4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Совета Европы. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, преподавание, оценка. — М.: Логос, 2001.
2. Little D. The European Language Portfolio: Structure, origins, implementation and challenges // Language Teaching. – 2009.
3. Хуторской А. В. Портфель обучающегося как средство индивидуализации образования. — М.: Народное образование, 2004.
4. Кузнецова Л. В. Языковой портфель в преподавании русского языка как иностранного // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования. — 2017.
5. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: Базовый курс. — М.: Просвещение, 2010.

INNOVATIVE PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL STRATEGIES IN HUMANITARIAN EDUCATION: CONTEMPORARY CHALLENGES AND DEVELOPMENT PATHWAYS

Sayfieva Kamila Ruslanovna
E-mail: skamilarsln@gmail.com
First-year Master's Student, Tashkent Branch of Moscow State University named after M.V. Lomonosov

Modern challenges of the educational environment require a revision of approaches to teaching humanities and socio-economic disciplines in higher education. In the conditions of digital transformation of education, growing information overload and changes in students' cognitive strategies, the search for innovative teaching methods that promote not only knowledge assimilation, but also the development of critical thinking, empathy, self-regulation and other meta-competencies is of particular relevance. These issues are most acute in the teaching of psychology, a discipline that requires both scientific rigor and interpersonal sensitivity, so the most attention will be paid to this science.

Modern teaching of psychology in higher education institutions faces a number of methodological and organizational-structural barriers that hinder the formation of full professional competence of future psychologists. These problems are both systemic and local in nature. A detailed description will follow.

1.1 Uniformity and neglect of the regional context

One of the main problems is excessive standardization of educational programs. In many educational institutions, psychology is taught according to uniform, centralized programs, often oriented to Western theoretical and practical models, without sufficient adaptation to national, cultural, and sociopsychological realities. Meanwhile, even L.S. Vygotsky emphasized the importance of sociocultural context in the process of learning and formation of the psyche [10].

For example, in multinational regions or countries with a high level of social differentiation, ignoring cultural codes, ethnic specificity or language of interaction can make pedagogical practice ineffective. This is especially true when teaching topics related to intercultural communication, family values, gender identity and traumatic experiences.

1.2 Limited access to current directions

A second significant barrier is the underrepresentation of contemporary research areas. Basic programs most often teach classical schools of psychology (psychoanalysis, behaviorism, cognitive theory), while current and rapidly developing directions such as:

- neuropsychology,
- digital psychology,
- artificial intelligence psychology,
- evolutionary psychology,
- climate and eco-stress psychology,
- remain out of the students' field of vision.

The reason for this is both the inertia of the educational system and the lack of teachers with the appropriate scientific base and practice. Insufficient integration of universities into the

international academic community, lack of subscriptions to foreign journals and poor development of academic English among students also play a role.

1.3 Language barriers and lack of academic analysis

Much of the current research in psychology is published in English, which creates an additional barrier for students and even faculty. As a consequence, the teaching lacks the practice of regular reading and analyzing scientific articles in a foreign language. This reduces the scientific erudition of future professionals and limits their ability to think critically about scientific data.

The development of academic writing, abstracting, and the ability to find and interpret data from meta-analyses and systematic reviews should all be part of a psychologist's training, especially in the context of the growing role of evidence-based psychology.

1.4 The predominance of theory over practice

An equally serious problem is the imbalance between the theoretical and practical components in training. Students receive extensive knowledge of mental processes, personality theories, and diagnostic methods, but have very limited opportunities to: model real counseling cases, participate in supervision and internships, receive training in communication and empathy skills, and work in psychologist-client pairs.

As a result, graduates are often unprepared for professional practice. As research shows, it is the presence of practice-oriented components in training that significantly increases students' confidence in their professional role and reduces the level of anxiety before starting a career.

Studies in recent years confirm that the traditional lecture-seminar model of teaching is not effective enough for the formation of critical and systemic thinking [3]. Humanities disciplines, including psychology, require the creation of dialogic educational environment based on active participation of students, discussion and joint construction of knowledge.

One of such approach is the constructivist model of learning proposed by J. Bruner and developed within the framework of L.S. Vygotsky's sociocultural theory. According to these approaches, knowledge is internalized in the process of joint activity and personal meaning [4;10].

Modern teaching of psychology involves the use of active methods: case studies, role-playing games, training techniques, modeling of negotiations and conflict situations, video analysis. These methods contribute to the transfer of theoretical knowledge into practice, which meets the requirements of FSES (Federal State Educational Standards) and professional standards.

For example, the study by Bower et al. showed that the use of digital role-playing games in teaching psychology promotes the development of empathy and reflection in students [2]. Practice-oriented learning allows not only to consolidate theoretical material, but also to develop skills of social interaction and emotional intelligence [9].

Blended learning, combining online and offline components, has become a key direction of teaching modernization. Its effectiveness has been confirmed by meta-analyses, according to which blended learning demonstrates better results compared to the exclusively traditional or distance format [7]. In the field of psychology, virtual laboratories and simulators (e.g., CogLab platform), online courses with the integration of forums for reflective analysis, interactive modules on Moodle and Canvas platforms, and others have proved to be effective.

Teachers are able to form individual learning trajectories and track student engagement metrics with the help of Learning Analytics. Learning analytics involves the measurement, collection, analysis, and reporting of data about learners and their contexts to understand and optimize learning and the environments in which it occurs. By utilizing learning analytics, educators can gain insights into student engagement, identify areas where students might be

struggling, and personalize learning pathways to better suit individual needs. Learning Management Systems (LMS), such as Moodle, Canvas, and Blackboard, are key platforms for administering, delivering, and tracking educational content, enabling practical applications like monitoring student progress, analyzing engagement, and automating administrative tasks. These systems are widely used in various educational institutions globally; for example, Moodle is popular at Moscow State University named after M.V. Lomonosov, while Canvas and Blackboard are actively used at Harvard, Stanford, and Oxford.

Improving the quality of teaching is impossible without considering the psychological factors of teacher-student interaction. The Cornelius-White study showed that a high level of pedagogical empathy and dialogicality of the instructor directly correlate with students' academic success [5].

Based on Self-Determination Theory by R. Ryan and E. Desi, it can be argued that supporting autonomy, competence, and connectedness in the learning environment leads to greater learning motivation [8]. Innovative methods, including gamification, cases and project-based learning, activate learners' intrinsic motivation and create a favorable psychological climate.

Empathy is a key component of professional competencies in psychology. Research on empathy-based learning shows that students' participation in interactive simulations and scenarios helps to develop skills of listening, understanding the other's point of view and emotional regulation [1]. Gamification, in turn, activates motivation, engagement and emotional participation. According to Deterding et al., gamification elements such as levels, achievements, scores and scenarios enhance learning motivation and allow building personalized learning trajectories [6].

In conclusion, current trends in the teaching of psychology and other humanities disciplines require the integration of innovative approaches that combine digital technologies, active forms of learning, and psychological sensitivity to the interaction process. The optimal combination of these factors contributes to the development of personal and professional competencies of students, as well as improving the quality of higher education in general.

REFERENCES

1. Batson, C. D. (2009). These Things Called Empathy: Eight Related but Distinct Phenomena. In The Social Neuroscience of Empathy (pp. 3–15). MIT Press.
2. Bower, M., Lee, M. J. W., & Dalgarno, B. (2015). Collaborative Learning Across Physical and Virtual Worlds: Factors Supporting and Constraining Learners in a Blended Reality Environment. British Journal of Educational Technology, 46(3), 543–556.
3. Brookfield, S. D. (2012). Teaching for Critical Thinking: Tools and Techniques to Help Students Question Their Assumptions. Jossey-Bass.
4. Bruner, J. (1996). The Culture of Education. Harvard University Press.
5. Cornelius-White, J. (2007). Learner-Centered Teacher-Student Relationships Are Effective: A Meta-Analysis. Review of Educational Research, 77(1), 113–143.
6. Deterding, S., Dixon, D., Khaled, R., & Nacke, L. (2011). From Game Design Elements to Gamefulness: Defining "Gamification". Proceedings of the 15th International Academic MindTrek Conference, 9–15.
7. Means, B., Toyama, Y., Murphy, R., & Baki, M. (2013). The Effectiveness of Online and Blended Learning: A Meta-Analysis of the Empirical Literature. Teachers College Record, 115(3), 1–47.

8. Ryan, R. M., & Deci, E. L. (2000). Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-being. American Psychologist, 55(1), 68–78.
9. Salovey, P., & Mayer, J. D. (1990). Emotional Intelligence. Imagination, Cognition and Personality, 9(3), 185–211.
10. Vygotsky, L. S. (1978). Mind in Society: The Development of Higher Psychological Processes. Harvard University Press.

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИЛА БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА

Тиллабаев Санжар Фуркатович
E-mail: tillabaev.2002@mail.ru
Магистрант направления Педагогическое образование, Филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в городе Ташкенте

В современном научном дискурсе одной из актуальных проблем педагогики является исследование механизмов формирования у будущих педагогов таких значимых качеств, как успешность и креативность. Несмотря на определённую близость этих понятий, они представляют собой самостоятельные феномены, требующие отдельного изучения. Особое внимание в научной литературе уделяется понятийному анализу категорий «креативность» и «творческий потенциал», а также исследованию условий и средств, способствующих их развитию у студентов педагогических вузов, обучающихся по направлениям естественно-научного и гуманитарного профилей [1, с. 83].

Креативность трактуется как сложный феномен, включающий способность к созданию новых культурных ценностей. В работах различных авторов описываются характеристики, формы и механизмы креативного мышления, акцентируется его значение в процессе генерации оригинальных идей и фактов [2, с. 45]. Творчество и творческие способности, согласно современным подходам, отражают уникальность личности и рассматриваются как ключевая ценность в системе образования XXI века [3, с. 112].

Так, В. А. Бейзеров подчеркивает, что развитие творческих способностей должно соответствовать задачам формирования образовательной системы, отвечающей как индивидуальным запросам обучающихся, так и общественным потребностям [1, с. 85]. Современные исследования свидетельствуют о многоаспектности понятия «творческий потенциал», которое охватывает как способности к осуществлению творческой деятельности, так и готовность к самореализации в её рамках. Основные компоненты творческого потенциала включают стремление к поиску новых идей, способность к нестандартному решению проблем, а также высокий уровень когнитивной активности [3, с. 128].

Формирование творчески развитой личности обусловлено как личностными особенностями обучающегося, так и влиянием социального окружения, образовательной среды, методологии преподавания и системы оценивания [2, с. 133]. К ключевым навыкам, свидетельствующим о сформированности творческого мышления, относятся умение применять знания в новых контекстах, использование альтернативных методов решения задач, способность к комплексному анализу объектов и целостному восприятию действительности.

История научной мысли демонстрирует изменение взглядов на возможность целенаправленного развития креативности. Так, французский психолог Т. Рибо утверждал, что творческое мышление не поддается обучению в традиционном смысле [2, с. 68], в то время как Л. С. Выготский настаивал на необходимости развития воображения и креативности как неотъемлемых компонентов психики человека [5, с. 16]. Современная педагогическая парадигма склоняется к убеждению, что творческий потенциал присущ каждому и может быть развиваем с помощью специально организованного

образовательного процесса. При этом особая роль отводится родителям и педагогам, которые должны распознавать и поддерживать проявления креативности у детей и подростков [5, с. 49].

Одним из перспективных направлений формирования творческого потенциала является междисциплинарный подход, позволяющий интегрировать знания из различных областей, формировать у студентов целостное мировоззрение и развивать их способность к комплексному анализу явлений. Тем не менее, практика показывает, что студенты часто испытывают затруднения при применении междисциплинарных знаний, что актуализирует необходимость разработки и внедрения эффективных педагогических стратегий [1, с. 86].

Анализируя образовательную практику, В. К. Дьяченко указывает на преобладание вербально-логического (левополушарного) мышления в школьном обучении и недостаточное внимание к развитию образного мышления. Учёный подчеркивает важность междисциплинарного подхода как средства активизации творческих способностей учащихся [6, с. 109]. Первые шаги по интеграции гуманитарных и естественно-научных знаний были предприняты в контексте реформирования научного образования. Так, Д. В. Дубнищева и М. В. Алексашина выделяют формирование целостной картины мира у обучающихся как приоритетную задачу образования, способствующую глубокому осмыслению окружающей действительности. Вместе с тем чрезмерная целостность может затруднить понимание отдельных элементов системы, в то время как её недостаточность препятствует осознанию структурной взаимосвязи между ними [4, с. 201]. Эффективный междисциплинарный подход базируется на сбалансированной интеграции знаний и способствует формированию системного мышления.

Организация учебного материала в структурированной форме является важным условием осмысленного познания. Одним из действенных инструментов в данном контексте выступают интегративные таблицы, объединяющие факты и концепты из естественно-научных дисциплин с культурно-историческими аспектами [6, с. 216]. Такая форма представления информации позволяет учащимся систематизировать знания, выявлять междисциплинарные связи, а также развивать аналитические и творческие способности. Практика показывает, что студенты активно вовлекаются в процесс, дополняя таблицы собственными данными, создавая презентации, доклады и творческие проекты. Так, таблицы по истории развития представлений о веществе демонстрируют эволюцию научного знания, способствуя формированию многоаспектного понимания мира [1, с. 87].

Одним из действенных методов развития творческого потенциала в рамках естественнонаучного образования является наблюдение за природными явлениями. Будущие педагоги осваивают наблюдение как метод научного познания, реализуя исследовательские проекты, в том числе домашние эксперименты. Например, в рамках лабораторной работы «Получение и дегустация электрического тока» студенты создают элементарные гальванические элементы, используя фрукты и овощи с высокой кислотностью и металлические проводники. В процессе выполнения задания обучающиеся разрабатывают план наблюдений, фиксируют результаты, формулируют выводы и соотносят полученные данные с научными теориями [3, с. 266].

Для студентов гуманитарных специальностей возможна реализация творческих заданий с элементами научной интерпретации, например, анализ пословиц и поговорок с точки зрения физики природных явлений. В курсе «Астрономия» продуктивным является использование художественных текстов (в частности, поэзии М. В. Ломоносова) как

инструмента интеграции литературного и научного знания [5, с. 102]. Подобные подходы способствуют развитию ассоциативного и критического мышления, расширяют культурный кругозор обучающихся и стимулируют их творческую активность.

В заключение следует отметить, что развитие творческого потенциала будущих педагогов в процессе изучения естественно-научных дисциплин является важным направлением модернизации профессионального образования. Во-первых, внедрение междисциплинарного подхода способствует активизации творческой деятельности и повышению мотивации к обучению. Во-вторых, интеграция знаний различных областей позволяет выявлять скрытые взаимосвязи и наполнять учебный процесс практико-ориентированным содержанием. Наконец, формирование развивающей образовательной среды требует от студентов самостоятельного осмысления получаемой информации, что в свою очередь стимулирует креативность, инициативность и готовность к поиску инновационных решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абраменко Н. Ю. Формирование успешной личности будущего педагога // Вестник Приамурского гос. унтаим. Шолом-Алейхема. 2021. № 4 (45). С. 82–88.
2. Пономарев Я. А. Психология творчества. М.: Наука, 1976. 302 с.
3. Ильин Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности. Питер, 2009 (СПб.: Печатный двор им. А. М. Горького). 444 с.
4. Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М.: Политиздат, 1972. 303 с.
5. Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте. М.: Перспектива, 2020. 125 с.
6. Дьяченко В. К. Новая дидактика. М.Народное. образование, 2001. 493 с.

SMART-LEARNING: INFLUENCE ON STUDENT MOTIVATION, ENGAGEMENT, AND SELF-REGULATION

Tokhirova Malikabonu Shukhrat qizi
E-mail: mallikaad@mail.ru
Master's student, Tashkent Branch of Lomonosov Moscow State University named after M.V. Lomonosov

Advances in digital technology are transforming educational practices and learning environments. In this context, the concept of Smart Learning has emerged, emphasizing the use of advanced information and communication technologies to create flexible, personalized, and interactive learning experiences. Educators and researchers are increasingly interested in how Smart Learning environments influence fundamental factors of student success such as motivation, engagement, and self-regulation. Student motivation and engagement are critical for effective learning, as motivated and actively involved students tend to achieve better outcomes. Likewise, the ability of students to self-regulate their learning—by setting goals, monitoring progress, and adjusting strategies—is a key component of academic success.

Therefore, it is important to analyze the impact of Smart Learning technologies on these aspects of learning. This article discusses how integrating Smart Learning tools in education can affect students' motivational levels, their engagement in the learning process, and their capacity for self-regulated learning. The discussion is grounded in established theoretical frameworks, including Self-Determination Theory (SDT) [Deci, Ryan, 2000] for understanding motivation and the theory of Self-Regulated Learning (SRL) [Zimmerman, 2002] for understanding student self-regulation.

Student motivation in the learning process is often distinguished as intrinsic or extrinsic. Intrinsic motivation refers to engaging in learning out of genuine interest or enjoyment, whereas extrinsic motivation is driven by external factors such as grades or rewards. According to Self-Determination Theory, students' intrinsic motivation is enhanced when their basic psychological needs for autonomy, competence, and relatedness are fulfilled [Deci, Ryan, 2000]. Smart Learning environments have the potential to support these needs. For example, adaptive learning platforms and personalized tasks give students more autonomy in choosing their learning paths and pace, while immediate feedback and appropriately challenging activities bolster their sense of competence. Collaborative features and communication tools in smart educational platforms can also satisfy the need for relatedness by connecting students with peers and instructors. As a result, the use of Smart Learning technologies can lead to higher levels of intrinsic motivation. Recent studies in educational settings indicate that the integration of smart technologies is associated with increased student motivation to learn [Rybicheva, 2019].

At the same time, Smart Learning can influence extrinsic motivation through gamification elements (such as points, badges, and leaderboards) that provide external incentives for engagement. However, SDT suggests that while such extrinsic motivators can spark initial interest, sustained engagement is more likely when students internalize their goals and find personal value in the learning activities \[Deci, Ryan, 2000]. Overall, Smart Learning tools, when used thoughtfully, can create a learning environment that encourages students to learn for the sake of learning itself by making the process more autonomous, competence-enhancing, and socially connected.

Student engagement refers to the level of active participation, interest, and involvement that a student exhibits in the learning process. Engagement can be considered in multiple dimensions, including behavioral engagement (active involvement in academic tasks and participation in class activities), emotional engagement (interest, enjoyment, or a sense of belonging in the learning environment), and cognitive engagement (mental investment in learning and willingness to exert effort in understanding complex ideas). Smart Learning environments can positively influence all these dimensions of engagement. Interactive multimedia content, simulations, and educational games used in Smart Learning capture students' attention and make learning activities more engaging on an emotional level. Adaptive systems that adjust to a student's performance can maintain an optimal level of challenge, preventing boredom and discouragement, thereby keeping students behaviorally engaged with tasks. Furthermore, features like forums, chats, and collaborative projects in smart platforms foster social interaction and a sense of community, which can enhance students' emotional engagement by making them feel supported and connected.

From a cognitive perspective, Smart Learning tools often provide resources for deeper exploration (such as hyperlinks to additional materials, interactive problem-solving exercises, and instant feedback on quizzes), which encourage students to invest more mental effort and persist longer in learning activities. Empirical observations suggest that when students learn in technology-rich, interactive settings, their overall engagement in coursework increases, as evidenced by higher participation rates and more time spent on learning tasks [Rybicheva, 2019]. Thus, by creating a more dynamic and responsive learning environment, Smart Learning technologies can significantly enhance student engagement.

Self-regulation in learning refers to students' ability to actively manage their own learning process. This includes setting learning goals, selecting appropriate strategies, monitoring one's understanding and progress, and adjusting approaches to meet those goals [Zimmerman, 2002]. Developing strong self-regulated learning (SRL) skills is crucial for academic success, as self-regulated students are more likely to stay organized, remain motivated, and overcome challenges during their studies. Smart Learning environments can provide significant support for the development of self-regulation skills. Many smart learning platforms include features that help students plan and track their learning — for instance, digital planners or calendars, progress dashboards that show completion of modules or lessons, and analytics that allow students to monitor their performance. These tools enable learners to continuously see how far they have progressed towards their goals and what areas might need more attention, thereby facilitating the self-monitoring aspect of SRL.

Additionally, the adaptive feedback mechanisms in Smart Learning systems guide students to reflect on their learning strategies. For example, if a student is struggling with a particular type of problem, the system might suggest reviewing prerequisite topics or provide hints, encouraging the student to adjust their approach. Such immediate and personalized feedback loops help learners to reflect and take corrective actions in real time, which is a core component of effective self-regulation. Research on smart educational interventions has noted improvements in students' self-directed learning behaviors when these technologies are employed, as students become more adept at setting their own learning objectives and assessing their progress [Zimmerman, 2002].

It is important to note, however, that not all students automatically become self-regulated learners simply by using technology. Guidance from instructors on how to use these tools and the cultivation of a reflective learning culture remain important. Nonetheless, Smart Learning

technologies clearly offer new avenues to support and strengthen the self-regulatory capacities of students by embedding tools for planning, monitoring, and reflection directly into the learning process.

In conclusion, the integration of Smart Learning technologies can have a positive impact on student motivation, engagement, and self-regulation. By leveraging adaptive, interactive, and personalized tools, Smart Learning environments address key psychological needs and learning processes: they make students more motivated to learn, more actively engaged with educational content, and better equipped to regulate their own learning activities. The theoretical perspectives of Self-Determination Theory and Self-Regulated Learning support these observations, explaining why students in smart learning settings may exhibit greater intrinsic motivation and improved self-directed learning skills [Deci, Ryan, 2000; Zimmerman, 2002].

The adoption of Smart Learning in educational practice offers opportunities to enhance learning outcomes, provided that such technologies are implemented thoughtfully. Teachers and instructional designers should ensure that smart tools are used to complement sound pedagogical strategies – for example, by providing mentorship and scaffolding alongside technological resources – so that students can fully benefit from the potential of these innovations.

Finally, ongoing research is needed to continue evaluating the long-term effects of Smart Learning on student development and to identify best practices for integrating technology in ways that sustainably boost motivation, engagement, and self-regulation. As educational technology continues to evolve, Smart Learning holds promise as a means to create more effective, learner-centered educational experiences that empower students to take charge of their learning and succeed in their academic endeavors.

REFERENCES

1. Deci, E. L., & Ryan, R. M. (2000). Intrinsic and extrinsic motivations: Classic definitions and new directions. Contemporary Educational Psychology, 25(1), 54–67.
2. Rybicheva, O. Yu. (2019). Perspectives for implementing smart technologies in the educational process. Vestnik of Vyatka State University, 4(134), 76–84. (Original work published in Russian)
3. Zimmerman, B. J. (2002). Becoming a self-regulated learner: An overview. Theory into Practice, 41(2), 64–70.

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ И УСТАНОВКИ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ У МОЛОДЕЖИ УЗБЕКИСТАНА (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Садыков Талиб Олтунович
E-mail: talibsadikov5@gmail.com
Старший преподаватель кафедры «ОГиСЭД» Филиал МГУ им М.В.Ломоносова в г.Ташкенте

Модернизация государства и общества требуют реалистического осмысления и всестороннего изучения особенностей нового качественного состояния современной узбекистанской молодежи, системы ценностных представлений и ценностных установок, преобладающих у молодого поколения, комплексного их изучения.

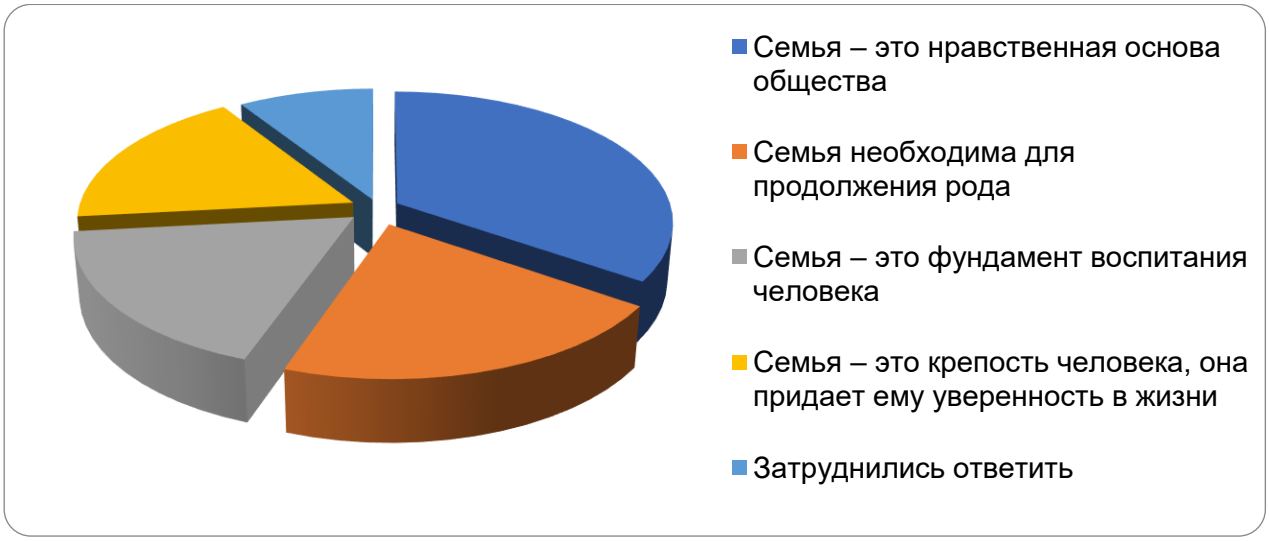
В Узбекистане ценность семьи традиционно очень велика, семья в Узбекистане остается важнейшей жизненной ценностью, средоточием национальных традиций и обычаев, базисом формирования личности и здорового общества в целом. Другими словами, семья представляет собой важный социальный институт, в функции которого входит обеспечение как общественных, так и индивидуальных потребностей.

В исследовании, проведенным на тему: «Узбекистанцы о семье: установки и приоритеты» представлены результаты опроса общественного мнения, где выявление отношения к семье осуществлялось на основе следующих индикаторов, включая оценку респондентами: роли семьи в жизни человека; условий для заключения брака и создания семьи; факторов благополучия семьи и взаимоотношений между ее членами; роли детей и особенностей их воспитания.

В ходе проведенного телефонного опроса выявлены общие тенденции оценки узбекистанцами роли семьи в жизни человека. В большей степени опрошенные придерживаются мнения, что семья в представлениях узбекистанцев предстает нравственной основой общества (63,5%). Кроме этого, является необходимой для продолжения рода (38,1%), фундаментом воспитания человека (32,9%), крепостью, придающей человеку уверенность в жизни (32,3%).

Опрос выявил особенности представлений узбекистанцев об условиях создания семьи в целом (*табл.1*). В основном респонденты считают, что для создания семьиважны взаимная любовь (32,9%) и материальная независимость партнеров (28,4%). Следующими в ранжированном списке условий создания семьи выявлены совместимость молодых людей (23,2%), наличие отдельного постоянного жилья для семьи (14,2%) и физическое здоровье партнёров, способность к рождению здоровых детей (13,5%).

Рис. 1. **Представления о роли семьи в жизни человека в настоящее время?** *(в %, многовариантный)*

**** респондентам предоставлялась возможность дать два варианта ответа***

Таблица 1. **Представления об условиях, необходимых для создания семьи? %***(в целом по выборке)* *

№	Утверждения	в целом по выборке
1	Взаимная любовь	32,9
2	Материальная независимость партнёров	28,4
3	Совместимость молодых людей характерами	23,2
4	Наличие отдельного постоянного жилья	14,2
5	Физическое здоровье партнёров, способность к рождению здоровых детей	13,5
6	Решение родителей	12,3
7	Достижение необходимого возраста	11,0
10	Затруднились с ответом	11,6

**** респондентам предоставлялась возможность дать два варианта ответа***

Таким образом, ключевыми условиями для создания семьи молодыми людьми узбекистанцы считают взаимную любовь и материальную независимость партнеров.

Опрос показал, что в качестве факторов, определяющих счастье и благополучие семьи, узбекистанцы считают взаимопонимание членов семьи друг друга, готовность прийти на помощь (41,3%), взаимную любовь (36,1%) и взаимоуважение и терпимость (31,3%) (*табл.3*).

Примечательно, что среди факторов обеспечения счастья и благополучия семьи лидируют психологические факторы, а фактор материально-финансового благополучия семьи хотя и отмечается респондентами (18,1%), но не является основным.

Таблица 2. **Представления о факторах счастья и благополучия семьи?%** *(в целом по выборке)* *

№	Утверждения	в целом
1	Взаимопонимание членов семьи, готовность прийти на помощь	41,3
2	Взаимная любовь	36,1
3	Взаимоуважение и терпимость	31.0
4	Материально-финансовое благополучие семьи	18,1
5	Мир и спокойствие в семье	6,5
6	Неукоснительное выполнение религиозных предписаний	5,8
7	Неукоснительное соблюдение национальных традиций	2,6
8	Выполнение каждым членом семьи своих внутрисемейных функциональных обязанностей	2,6
9	Здоровье членов семьи	1,8
10	Наличие большого количества детей	1,3
11	Затруднились ответить	0,6

**** респондентам предоставлялась возможность дать два варианта ответа***

Это подтверждается тем, что респонденты указали, что отношения в их собственных семьях строятся прежде всего на взаимоуважении, взаимопонимании и любви. При этом для части респондентов авторитет отца – главы семьи – является безусловным (47,1%), но окончательные решения по вопросам жизни семьи принимаются совместно отцом и матерью, мужем и женой (33,5%).

Абсолютное большинство (94,2%) узбекистанцев согласны с тем, что главный смысл и ценность семьи состоят в наличии детей. При этом основной моделью семьи для респондентов является среднедетная семья – от 2 до 4 детей.

По мнению доминирующего большинства (97,0%) респондентов, ответственность за обеспечение условий для развития и воспитания детей должны нести оба родителя. Кроме этого, опрошенные считают, что махалля (9,7%), общество (5,0%) и государство (4,0%) также должны нести ответственность в этом вопросе.

Сферы ответственности родителей перед детьми, по мнению узбекистанцев должны включать хорошее воспитание (69%), обеспечение хорошего образования (35,5%), хороших условий жизни, включая одежду и обувь (23,9%), полноценного и здорового питания (16,8%).

Исследование показало, что узбекистанцам свойственна дифференцированная оценка роли семьи в жизни человека, в которой ключевыми выступают представления о необходимости семьи для продолжения рода, семья в представлениях участников опроса является нравственной основой общества, фундаментом воспитания человека, крепостью, придающей человеку уверенность в жизни. Ключевыми условиями для создания семьи молодыми людьми узбекистанцы считают взаимную любовь и материальную независимость партнеров. Точкой соприкосновения представлений респондентов об идеальной и реальной семье являются взаимопонимание, взаимоуважение, взаимная любовь и совместное принятие решений супругами. В качестве факторов, определяющих счастье и благополучие семьи, как показало исследование, узбекистанцы также считают взаимопонимание членов семьи друг друга, готовность прийти на помощь, взаимную любовь и взаимоуважение.

В целом, проведенный опрос общественного мнения показал, что граждане не представляют своей жизни без семьи, любви, детей, супружеских и родственных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. https://ijtimoiyfikr.uz/ официальный сайт Республиканского Центра изучения общественного мнения «Ижтимоий фикр»
2. Основы семейного образа жизни : учебное пособие / Е.А. Морозова, Г.В. Новикова. – Москва : МАКС Пресс, 2024. – 464 с.
3. Новостное агентство «Новости Узбекистана - UPL» 2025

ЧТО ВЛИЯЕТ НА УСПЕХ РАННЕГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ: АНАЛИЗ ФАКТОРОВ

Турдикулова Эъзозхон Эркинжон кизи
Email: turdikulovaezoza@gmail.com
Доктор философии (PhD) по педагогическим наукам, исполняющая обязанности доцента филиала Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в городе Ташкенте, докторант Ферганского государственного университета

Материал статьи подготовлен в рамках диссертационного исследования на соискание степени доктора наук по педагогике по теме: «Концепция раннего иноязычного образования в условиях применения интернет-технологий».

Раннее обучение иностранным языкам представляет собой неотъемлемую часть современного образовательного процесса, оказывающую существенное влияние на формирование когнитивных и языковых компетенций детей. Эмпирические данные подтверждают, что языковая активность на начальном этапе усвоения способствует ускоренному развитию познавательных процессов и формированию интеллектуального потенциала личности. Эффективность раннего иноязычного образования напрямую зависит от комплексного подхода, предполагающего не только применение современных педагогических технологий, но и учёт психолого-лингвистических закономерностей восприятия и усвоения языка в детском возрасте. При этом особое значение приобретает интеграция Интернет-технологий, которые становятся неотъемлемым компонентом образовательной среды и требуют теоретического осмысления их роли и потенциала в рамках раннего языкового развития. Рассмотрим более подробно те элементы, которые играют определяющую роль в процессе раннего языкового развития детей.

Рассматривая специфику раннего иноязычного обучения, невозможно обойти вниманием психологические предпосылки, оказывающие существенное влияние на восприятие и усвоение материала. Вопрос учета психологических факторов при организации раннего обучения иностранным языкам находит широкое отражение в современных научных исследованиях. Психологическая готовность ребенка к усвоению нового языкового материала, в том числе его эмоциональное состояние, уровень мотивации и включенность в процесс обучения, рассматриваются как одни из ключевых условий эффективности образовательного воздействия.

Согласно культурно-исторической концепции Л.С. Выготского, «формирование психических функций у ребёнка изначально происходит во внешней — социальной — плоскости, постепенно переходя во внутренний, индивидуальный план развития» [1]. Это положение указывает на определяющую роль социального контекста, в том числе образовательной среды, в становлении речевой и языковой компетенции. Следовательно, создание поддерживающей и эмоционально комфортной атмосферы обучения способствует более активному включению детей в речевое взаимодействие и стимулирует когнитивную активность, необходимую для усвоения иноязычных конструкций.

В ряде современных исследований подчёркивается значимость эмоциональной вовлечённости в образовательный процесс. Так, Г.Т. Махкамова указывает на то, что «положительная эмоциональная настроенность учащихся способствует формированию устойчивой мотивации и положительно влияет на динамику усвоения учебного

материала»[2]. Эмоционально-благоприятная среда, по данным психологических наблюдений, напрямую связана с эффективностью запоминания и способностью ребёнка к обучению.

Отечественные исследователи также акцентируют внимание на необходимости индивидуального подхода к учащимся, принимая во внимание особенности их психоэмоционального состояния. В частности, М.Н. Усманова подчёркивает, что «уровень внимания, восприятия и памяти напрямую зависит от психологической устойчивости ребёнка, а значит, адаптация методов обучения к личностным особенностям обучающихся представляет собой одно из приоритетных направлений педагогической практики».[3]

Таким образом, учет психологических аспектов в раннем иноязычном обучении способствует созданию благоприятных условий для развития языковой компетенции, что, в свою очередь, требует от педагога высокой чувствительности к внутреннему состоянию ребёнка и гибкости в выборе педагогических средств.

Помимо психологических условий, не менее значимыми для эффективного усвоения иностранного языка в раннем возрасте являются лингвистические факторы, тесно связанные с уровнем речевого и когнитивного развития ребёнка.

В дополнение к этому, многочисленные лингвистические и психолингвистические исследования — среди которых особое внимание заслуживают труды С. Краша[4], Э. Бэйли[5], М. Джонса и Дж. Эрвина[6] — указывают на то, что овладение иностранным языком в раннем возрасте значительно облегчает и ускоряет процесс усвоения как лексических, так и грамматических единиц (см. табл. 1.1). Это объясняется тем, что такое преимущество во многом объясняется высокой степенью нейропластичности мозга у детей дошкольного возраста, которая обеспечивает им уникальные способности к точному восприятию речевых сигналов и воспроизведению звукового материала.

Таблица 1.1 — Лингвистические и психолингвистические факторы, способствующие эффективному усвоению иностранного языка в раннем возрасте

№	Фактор	Автор(ы) / исследование	Влияние на усвоение языка
	Нейропластичность мозга	С. Крашен, Э. Бэйли, М. Джонс, Дж. Эрвин	Повышенная способность воспринимать и воспроизводить речевые сигналы
	Чувствительность к звуковой стороне речи	В. Пенфилд	Почти безошибочное усвоение фонетики и произношения
	Сенсорный опыт восприятия языка	П. К. Кул	Формирование интонационно-ритмического слуха
	Критический период в развитии фонетических навыков	К. Е. Сноу, М. Хёфнагель-Хёле	Естественное усвоение интонационных моделей с минимальными усилиями
	Интуитивное усвоение грамматических структур	Т.М. Балыхин	Освоение грамматики без формального заучивания

	Формирование межкультурной и когнитивной компетентности	Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез	Развитие аналитического мышления, памяти, внимания

Как видно из таблицы 1.1, ранний возраст характеризуется рядом нейропсихологических и лингвистических особенностей, способствующих успешному усвоению иностранного языка. Наибольшее значение имеет высокая степень нейропластичности, чувствительность к звуковой стороне речи и наличие критического периода, обеспечивающего эффективное освоение фонетических и грамматических структур. Эти данные подтверждают необходимость акцента на сенсорное восприятие и интуитивное языковое погружение в процессе раннего обучения.

По мнению В. Пенфилда, «младший возраст характеризуется особой чувствительностью к звуковой стороне речи, что делает возможным практически безошибочное освоение фонетики иностранного языка»[7]. Аналогичную точку зрения высказывает П. К. Кул, подчёркивая, что именно «ранний сенсорный опыт в области языка формирует базу для последующего развития речи: у детей наблюдается повышенная восприимчивость к звуковым особенностям речи, включая интонационные и ритмические элементы»[8].

Более того, результаты исследований К. Е. Сноу и М. Хёфнагель-Хёле[9] свидетельствуют о наличии так называемого критического периода, в рамках которого способность к восприятию и воспроизведению фонетических особенностей языка достигает своего пика. Именно в этот период, усвоение интонационных моделей и произносительных норм осуществляется наиболее естественно и с минимальными усилиями со стороны обучающегося.

Таким образом, вышеуказанные данные подтверждают целесообразность применения на этапе раннего обучения языковых методик, акцентирующих внимание на развитии навыков активного слушания и целенаправленного воспроизведения речевых образцов, что способствует более успешному формированию фонетической компетенции у дошкольников.

Наряду с этим, вопрос интуитивного усвоения грамматических структур занимает важное место в контексте раннего языкового обучения. Находясь в иноязычной среде с раннего возраста, дети, как правило, осваивают грамматические закономерности не посредством сознательного запоминания правил, а через естественное языковое погружение. Как показывают наблюдения Т.М. Балыхина, «находясь в иноязычной среде с раннего возраста, дети, как правило, осваивают грамматические закономерности не посредством сознательного запоминания правил, а через естественное языковое погружение»[10]. Так, по её мнению, «раннее погружение в языковую среду способствует автоматическому усвоению грамматических структур, не требуя формального заучивания. Подобная особенность делает обучение более органичным и приближает его к естественным процессам овладения родной речью.

Кроме того, стоит подчеркнуть тесную взаимосвязь между ранним изучением иностранного языка и формированием основ межкультурной компетентности. Уже на этом этапе, ребёнок начинает воспринимать не только иную языковую систему, но и фрагменты чужой культурной картины мира. Это обогащает его эмоционально-ценностный опыт и расширяет когнитивные горизонты. Н.Д. Гальскова., Н.И. Гез указывают на то, что «билингвальное развитие положительно влияет на такие когнитивные процессы, как

внимание, память, аналитическое мышление»[11]. Таким образом, раннее языковое обучение выполняет не только образовательную, но и социокультурную и психолингвистическую функции, способствуя всестороннему развитию личности ребёнка.

Вместе с тем, для повышения эффективности раннего обучения иностранным языкам необходимо учитывать и педагогические методы, а также современные возможности использования интернет-технологий, которые позволяют обеспечить более разнообразный и интерактивный образовательный процесс. Рассмотрим эти аспекты подробнее ниже.

Педагогические подходы, применяемые в процессе раннего обучения иностранным языкам, играют ключевую роль в создании эффективной образовательной среды, соответствующей возрастным и психологическим особенностям детей раннего возраста. Особое значение приобретают игровые формы обучения, которые позволяют не только облегчить процесс усвоения материала, но и способствуют эмоциональной вовлеченности ребенка. По мнению Э. А. Сусловой, «внедрение проектно-игровых методик на начальном этапе обучения иностранному языку обеспечивает формирование устойчивого интереса к предмету и активизирует познавательную деятельность учащихся, снижая уровень тревожности и учебного стресса»[12].

Использование игровых технологий позволяет организовать обучение в естественной и ненавязчивой форме. Это, в свою очередь, способствует формированию языковой догадки, развитию коммуникативных навыков и способности к спонтанному речевому взаимодействию. Как подчеркивает О. А. Корогод, «именно игровая деятельность создает условия для более прочного и осмысленного усвоения лексико-грамматического материала, а также стимулирует речевую активность детей»[13].

В современном образовательном процессе цифровые технологии занимают важнейшее место, создавая условия для более эффективного и индивидуализированного обучения. В частности, «цифровые технологии способствуют расширению возможностей использования мультимедийных материалов, интерактивных средств и дистанционных форм обучения, что особенно актуально для раннего иноязычного образования»[14],[15]. Они «позволяют реализовывать современные педагогические подходы, направленные на формирование ключевых компетенций, развитие креативности и критического мышления у детей»[16].

Понятия «цифровые технологии», «информационно-коммуникационные технологии» (ИКТ) и «Интернет-технологии» в научной литературе нередко пересекаются, однако имеют свои особенности. «Цифровые технологии — это совокупность аппаратных и программных средств, обеспечивающих цифровую обработку, хранение и передачу информации»[17]. «ИКТ рассматриваются шире и включают в себя не только цифровые устройства, но и средства коммуникации, такие как электронная почта, видеоконференции и прочие телекоммуникационные сервисы, применяемые в образовательном процессе»[18]. «Интернет-технологии же представляют собой совокупность инструментов и сервисов, базирующихся на глобальной сети Интернет, таких как образовательные платформы, онлайн-курсы, форумы и электронные библиотеки»[19].

Для понимания различий представлена таблица (см. таблицу 1.2):

Таблица 1.2 — Сравнительная характеристика цифровых технологий, ИКТ и Интернет-технологий

Показатель	**Цифровые технологии**	**Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ)**	**Интернет-технологии**
Основной фокус	Обработка и хранение цифровой информации	Технологии обработки, передачи и коммуникации	Использование глобальной сети Интернет
Включают	Аппаратные и программные средства	Цифровые технологии + телекоммуникации	Веб-сайты, онлайн-сервисы, платформы, чаты
Область применения	Общие технические средства	Широкий спектр средств для коммуникации и обучения	Средства и сервисы, функционирующие в сети Интернет
Пример	Компьютеры, планшеты, цифровое ПО	Компьютерные сети, электронная почта, ВКС	Онлайн-курсы, вебинары, образовательные платформы

Как следует из таблицы 1.2, понятие «интернет-технологии» занимает особое место по сравнению с более широкими категориями «цифровые технологии» и «ИКТ». В отличие от последних, интернет-технологии ориентированы именно на использование ресурсов глобальной сети Интернет и представляют собой совокупность онлайн-сервисов, платформ и инструментов, активно применяемых в образовательной среде. Такой акцент делает этот термин наиболее точным и релевантным в контексте раннего иноязычного образования.

Выбор термина «Интернет-технологии» для описания средств раннего иноязычного образования обусловлен акцентом на использовании возможностей Всемирной паутины для создания интерактивной образовательной среды. Именно «через Интернет реализуются современные методы взаимодействия, коммуникации и подачи учебного материала, что особенно важно для формирования языковой компетенции у детей»[20],[21]. В отличие от более общего термина ИКТ, «Интернет-технологии акцентируют внимание на онлайн-среде как платформе, что соответствует современным требованиям дистанционного и смешанного обучения»[22].

Практика применения Интернет-технологий в раннем обучении иностранным языкам подтверждает их эффективность. Например, онлайн-платформы с интерактивными играми и мультимедийными материалами (Duolingo, ABC Kids) позволяют детям легко и с интересом усваивать языковой материал, что стимулирует мотивацию и развитие коммуникативных навыков[23],[24]. «Использование видеоконференций с носителями языка, виртуальных классов и форумов обеспечивает живое общение и практическое применение языка, что невозможно достичь традиционными методами»[25]. Кроме того, «электронные библиотеки и ресурсы расширяют доступ к аутентичным языковым материалам и культурному контенту, способствуя глубокому погружению в языковую среду»[26].

Таким образом, Интернет-технологии в контексте раннего иноязычного образования представляют собой оптимальный инструмент для создания эффективной, интерактивной и коммуникативной образовательной среды, что делает термин «Интернет-технологии» более точным и уместным в сравнении с ИКТ или общим понятием цифровых технологий.

Таким образом, реализация раннего обучения иностранным языкам невозможна без комплексного учета психологических, лингвистических и педагогических факторов, определяющих успешность усвоения языка в младшем возрасте. Особое значение приобретает применение интернет-технологий, обеспечивающих доступ к интерактивным образовательным ресурсам, мультимедийным материалам и средствам коммуникации, способствующим не только языковому, но и когнитивному, культурному и эмоциональному развитию детей. В отличие от более общих понятий «цифровые технологии» и «ИКТ», термин «интернет-технологии» отражает специфику среды, в которой происходит обучение, делая акцент на сетевых ресурсах как платформе для педагогического взаимодействия. Теоретический и практический потенциал интернет-технологий подтверждается современными научными исследованиями, а также внедрением в образовательную практику, что делает их неотъемлемым компонентом инновационного подхода к формированию иноязычной компетенции у дошкольников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л. С. История развития высших психических функций // Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6 т. — М.: Педагогика, 1983. — Т. 3. — С. 145.
1. Бакиева Г., Махкамова Г., Кулдошев А. English 3. – Ташкент, 2007; Хошимов Ў. ва бошқалар. Инглиз тили ўқитиш методикаси. – Тошкент, 2003. – 210 б.
2. Усманова М.Н. «Исследование адаптации к обучению в зависимости от типа темперамента личности» // Дифференциальная психология и психофизиология сегодня: способности, образование, профессионализм. — 2021. — Т. 1, № 1. — С. 387–394.
3. Krashen S. D. Principles and Practice in Second Language Acquisition. — Oxford: Pergamon Press, 1982. — 202 p.
4. Bailey E., Jones M. Early Bilingualism and Cognitive Development // Journal of Child Language. — 2013. — Vol. 40, Issue 2. — P. 285–310.
5. Ervin J. Critical Periods in Phonological Development // Language Learning. — 1964. — Vol. 14, Issue 1. — P. 49–61.
6. Penfield, Roberts "Speech and Brain Mechanisms" – Princelton. New Jersey Princelton university press 1959 p. 223; Dorney Z. Attitudes, orientations, and motivations in language learning. Malden, MA: Blackwell. 2003. P-36
7. Kuhl, P. K. (1993). Early linguistic experience and phonetic perception: Implications for theories of developmental speech perception. Journal of Phonetics, 21(2), 125–139.
8. Snow, C. E., & Hoefnagel-Höhle, M. (1978). The critical period for language acquisition: Evidence from second language learning. Child Development, 49(4), 1114–1128.
9. Балыхина Т.М. Методика преподавания русского языка как неродного. — М.: Издательство РУДН, 2007. — 224 с.
11. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. — М.: Академия, 2009. — 336 с
12. Суслова, Э. А. Проектно-игровые методы обучения иностранному языку на уровне начального общего образования / Э. А. Суслова // Актуальные проблемы гуманитарных

и естественных наук. – 2019. – № 3. – С. 123–126. – URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/1606/ (дата обращения: 03.06.2025).

13. Корогод, О. А. Игровые методы в обучении иностранному языку в начальной школе / О. А. Корогод // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2018. – № 4. – С. 78–82. – URL: https://elib.cspu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/7954/Корогод%20ОА.pdf?isAllowed=y&sequence=1 (дата обращения: 03.06.2025).
14. Хухлаева, Т.В. Цифровые технологии в образовании: современный подход / Т.В. Хухлаева // Современное образование. — 2020. — № 4. — С. 15–20.
15. Кузнецова, Т.М. Внедрение цифровых технологий в педагогическую практику / Т.М. Кузнецова. — Москва: Педагогика, 2019. — 256 с.
16. Гришина, Н.И. Ключевые компетенции в цифровом образовании / Н.И. Гришина // Вестник образования. — 2021. — № 5. — С. 33–41.
17. Стандарт ISO/IEC 2382-1:1993. Информационные технологии. Термины и определения. — М.: Стандартинформ, 1994. — 123 с.
18. Тарасов, В.Н. Информационно-коммуникационные технологии в образовании / В.Н. Тарасов // Педагогика и информатика. — 2018. — Т. 2, № 3. — С. 12–19.
19. Иванова, С.А. Интернет-технологии в образовательной деятельности / С.А. Иванова // Педагогика и инновации. — 2022. — № 1. — С. 50–57.
20. Иванова, С.А. Интернет-технологии в образовательной деятельности / С.А. Иванова // Педагогика и инновации. — 2022. — № 1. — С. 50–57.
21. Петров, А.И. Образовательные Интернет-ресурсы в обучении иностранным языкам / А.И. Петров // Язык и образование. — 2020. — Т. 8, № 2. — С. 85–93.
22. Смирнова, Е.В. Онлайн-обучение и технологии дистанционного образования / Е.В. Смирнова. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2021. — 198 с.
23. Петров, А.И. Образовательные Интернет-ресурсы в обучении иностранным языкам / А.И. Петров // Язык и образование. — 2020. — Т. 8, № 2. — С. 85–93.
24. Johnson, L. et al. Horizon Report 2017: Higher Education Edition. Austin, Texas: The New Media Consortium, 2017. — 54 p.
25. Смирнова, Е.В. Онлайн-обучение и технологии дистанционного образования / Е.В. Смирнова. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2021. — 198 с.

ЗНАЧЕНИЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Турсунова Ранохон Юсубжановна[1], Хасанова Мавлюда Батыралиевна[2]
[1]Доктор исторических наук, и.о. профессора кафедры ОГиСЭД, филиала МГУ имени М.Ломоносова в городе Ташкенте
E-mail: turrena72@mail.ru
[2]Кандидат исторических наук, доцент кафедры «Социально-гуманитарных наук», Филиала Российского Государственного Университета нефти и газа имени И.М. Губкина в городе Ташкенте
E-mail: M_khasanova.55@mail.ru

Нельзя не согласится с тем, что история как дисциплина занимает ключевое место в образовательных программах университетов и академических заведений страны, играя важную роль в формировании у студентов национальной идентичности, культурной самоосознанности и гражданской ответственности. В условиях глобализации и интеграции мировых образовательных процессов особое внимание уделяется интеграции исторического образования в контексте современных реалий и вызовов.

Кроме того, образование является основой развития общества, и преподавание истории в системе высшего образования играет важнейшую роль в формировании личности, воспитании у студентов чувства патриотизма и уважения к своему культурному наследию. Республика Узбекистан, как государство с богатым историко-культурным наследием, осознает важность передачи знаний о прошлом для будущих поколений. Исторические исследования помогают молодому поколению понять процессы, происходившие в разные эпохи, а также выявить ключевые факторы, влияющие на современное развитие страны и региона.

Изучение курса истории предоставляет необходимые знания для глубокого, всестороннего и критического осмысления актуальных вопросов современности, становления правового, демократического государства и формирования гражданского общества. Именно история «Новейшая история Узбекистана» является приоритетным курсом по духовно-нравственному воспитанию молодёжи и формированию гармонично развитой личности.

Важно понимать, что преподавание истории в вузах Узбекистана связано с рядом стратегических целей, среди которых стоит отметить:

- Преподавание истории прежде всего помогает студентам понять значимость исторических событий для развития страны, способствует формированию патриотизма и уважения к своей культуре и традициям.
- История служит главной основой для сохранения и передачи традиций, обычаев и норм, которые формируют культурную идентичность народа. Важно, чтобы студенты осознавали значение своей истории как неотъемлемой части мирового культурного наследия.
- Историческое образование способствует развитию у студентов способности к критическому осмыслению прошлого, анализу различных исторических событий, и выработке объективной оценки на основе объективных фактов.
- История непосредственно связана с другими гуманитарными и социальными науками, такими как социология, политология, экономика. Изучение истории в контексте этих

дисциплин позволяет студентам комплексно воспринимать происходящие процессы и делать обоснованные выводы.

С учетом требований глобализированного мира и динамичных изменений в области образования, преподавание истории в высших учебных заведениях Узбекистана должно быть адаптировано к новым вызовам. Среди актуальных задач можно выделить:

Во-первых, интеграция современных технологий в процесс преподавания, с использованием информационных технологий и цифровых платформ может значительно улучшить процесс изучения истории, сделать его более доступным и интерактивным.

Как и во многих дисциплинах, в процессе преподавания все более активно стали использоваться современные и инновационные технологии. Применение образовательных инноваций при преподавании гуманитарных дисциплин, в том числе и исторических наук, в учебных заведениях носит актуальный характер во всех обществах с современной системой образования. [2]

Во-вторых, обновление учебных планов и программ. Важно учитывать изменения в мировом контексте и более активно включать в образовательный процесс изучение истории международных отношений, глобальных конфликтов и экономических процессов.

В-третьих, подготовка квалифицированных преподавателей**.** Для эффективного преподавания истории необходимо готовить преподавателей, которые обладают не только знаниями, но и навыками работы с новыми образовательными технологиями, а также умеют стимулировать у студентов интерес к изучению истории.

На сегодняшний день, перед исторической наукой и другими гуманитарными дисциплинами стоят ряд важных задач, решение которых должно быть направлено на осмысление нашим народом и мировой общественностью, тех во многом неоднозначных и не простых событий, явлений и процессов, которые происходили у нас и вокруг нас. [4]

Нельзя не забывать, что изучение истории является неотъемлемой частью образования и воспитания граждан, а также важнейшим элементом формирования национальной идентичности и патриотизма. В Республике Узбекистан, с учетом его богатого культурного и исторического наследия, роль исторической науки и преподавания истории в образовательной системе является особенно значимой, потому что Узбекистан обладает уникальной историей, уходящей корнями в тысячелетия, с множеством цивилизаций, оказавших влияние на развитие региона. На протяжении веков его территории были перекрестком различных культур, религий и народов. В условиях глобализации и развития информационных технологий изучение истории становится важным инструментом, который позволяет сохранить и передать уникальное наследие будущим поколениям.

История представляет собой не только описание событий прошедших эпох, но и ценное средство для понимания текущих экономических, политических, социальных и культурных процессов. В Узбекистане, как и в любой другой стране, история играет фундаментальную роль в формировании национальной идентичности и гражданской позиции. [5]

Изучение истории позволяет гражданам осознать важность сохранения культурного и исторического наследия, уважать традиции своего народа, а также разрабатывать осознанное отношение к современным вызовам. История формирует у молодежи чувство принадлежности к своей культуре, а также способствует укреплению патриотизма.

Понимание важности исторического контекста помогает молодому поколению делать более взвешенные и осознанные решения в разных сферах жизни.

От школьных до вузовских учебных программ, изучение истории способствует развитию глубокого критического мышления, углубленного анализа фактов и формирования способности воспринимать различные точки зрения. Важно, чтобы учебные программы по истории были не только основаны на фактах, но и активно включали элементы анализа, интерпретации и сопоставления исторических событий, что позволило бы студентам научиться делать глубокие выводы на основе объективных данных. [1]

В условиях быстро меняющегося мира и появления новых технологий, актуальность исторического образования становится особенно очевидной. В Узбекистане наметилась тенденция к усилению роли истории в образовательной системе, что связано с задачей не только сохранить историческое наследие, но и подготовить молодежь к осознанному и ответственному участию в жизни общества.

Современные вызовы требуют от исторического образования не только сохранения традиций, но и интеграции новых методов преподавания, использования цифровых платформ и интерактивных технологий. Значимо, чтобы историческое образование не оставалось за рамками только традиционных дисциплин, но становилось частью междисциплинарного подхода, содержащего элементы социологии, экономики и политологии. [3]

Таким образом, преподавание истории в системе высшего образования Республики Узбекистан имеет большое значение для воспитания нового поколения, которое будет осознавать свою ответственность перед обществом и историей. Важно, чтобы учебный процесс был ориентирован на формирование у студентов критического, комплексного и междисциплинарного подхода к изучению прошлого. В условиях современных вызовов и интеграции образовательных систем преподавание истории должно учитывать как локальные особенности, так и мировые тенденции, что позволит повысить его значение и роль в процессе обучения. Важно, чтобы в образовательной системе продолжался процесс обновления и совершенствования преподавания истории, что позволит воспитывать новое поколение, способное учитывать уроки прошлого при принятии решений в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Елбаева В.В. Развитие критического мышления через организацию самостоятельной работы на уроках истории. - https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-kriticheskogo-myshleniya-cherez-organizatsiyu-samostoyatelnoy-raboty-na-urokah-istorii
2. Камолов И. Возникновение необходимых условий для обучения «Истории Узбекистана» на основе современных образовательных технологий (1991-1997-ые годы). - https://www.sciencen.org/assets/DOI/KOF-270-Kamolov.pdf
3. *Нигматуллина Т.А. Архитектура исторического образования: вызовы времени. - https://cyberleninka.ru/article/n/arhitektura-istoricheskogo-obrazovaniya-vyzovy-vremeni*
4. Новейшая история Узбекистана пот ред. Рахимова М.А. – Ташкент: Адабиёт учқунлари, 2020, с.9.
5. Омонова З.Т. Процесс формирования исторических представлений у студентов вузов в свете Стратегии «Узбекистан – 2030». - file:///C:/Users/User/Downloads/protsess-formirovaniya-istoricheskih-predstavleniy-u-studentov-vuzov-v-svete-strategii-uzbekistan-2030.pdf

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПРЕПОДАВАНИЮ ДЕЛОВОГО РУССКОГО ЯЗЫКА В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ PR И РЕКЛАМЫ

Убоженко Анна Станиславовна
E-mail: anny6383542@gmail.com
старший преподаватель кафедры ОГиСЭД, Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в е. Ташкенте

В условиях развития цифровой экономики и усиления междисциплинарных связей деловой русский язык приобретает особое значение для подготовки студентов в области PR и рекламы. Язык становится не только средством коммуникации, но и важнейшим инструментом репрезентации бренда, построения репутации и выстраивания публичной идентичности компании или персоны. Эффективное владение деловым русским языком включает не только знание терминологии, но и способность выстраивать высказывание с учётом коммуникативной ситуации, жанра, канала коммуникации и прагматической цели. Например, составление пресс-релиза требует соблюдения формальных жанровых норм, тогда как общение в соцсетях — гибкости и выразительности при соблюдении этики общения.

Преподавание делового русского языка должно опираться на принципы прагмалингвистики, социолингвистики и медиалингвистики. Оно предполагает использование аутентичных материалов, моделирование коммуникативных ситуаций, анализ PR- и рекламных текстов, презентаций, писем, пресс-релизов и социальных сетей. Наиболее перспективными методами преподавания в данной области являются проектная работа, кейс-методы, дебаты, сторителлинг и создание медиаконтента. Например, задание по созданию имиджевого текста для несуществующего бренда позволяет студентам не только применить лексику, но и осознать стратегические задачи коммуникации.

Актуальность использования интегративного и коммуникативно-деятельностного подходов подчёркивается в ряде современных исследований. Так, Н.М. Юлдашева [7; 12–15] акцентирует внимание на важности цифровизации образовательного пространства и формировании языковой компетенции средствами интерактивных платформ. З.Ф. Абдуллаева [1; 122–125] подчёркивает значимость применения современных технологий как основы развития профессионально-речевых навыков в сфере деловой коммуникации. Она приводит в пример работу в парах по подготовке резюме и сопроводительных писем, которая позволяет студентам выработать эффективные речевые стратегии самопрезентации.

Одним из наиболее продуктивных направлений в современной методике преподавания делового русского языка является использование интерактивных технологий, особенно при обучении студентов неязыковых специальностей. Как подчёркивает Е.Г. Зинченко [4; 54–59], внедрение деловых игр, ситуационного моделирования, цифровых ролевых задач и кейсов позволяет значительно повысить мотивацию обучающихся и приблизить учебный процесс к реальной профессиональной коммуникации. Например, моделирование диалога между представителем PR-службы и журналистом способствует развитию навыков аргументации и точного выражения мыслей.

Особое внимание автор уделяет адаптации учебных материалов к технической терминологии, применению мультимедийных платформ (Zoom, Moodle) и активному включению студентов в проблемно-ориентированные дискуссии, отражающие реальные производственные и управленческие контексты. Зинченко обосновывает необходимость интеграции языковой и профессиональной подготовки в рамках междисциплинарного подхода, при котором развитие коммуникативных умений сопрягается с формированием soft skills и критического мышления. Так, работа с реальными кейсами — например, анализ провальной рекламной кампании — позволяет студентам оценить значение языка в достижении или срыве коммуникативных целей.

Значительный вклад в разработку содержания курса «Русский язык делового общения» внесла И.Н. Соловьёва [6; 112–116], предложившая структурную модель курса для студентов негуманитарных направлений. Внимание уделяется лексическим и жанровым особенностям профессиональной речи, формированию навыков деловой переписки и устной презентации. Маркова приводит пример модульного построения курса, где один из блоков посвящён подготовке студентов к переговорам с иностранными партнёрами — особенно актуально в сфере международного PR.

Ценность имеют и исследования, ориентированные на формирование навыков самопрезентации в профессиональной среде. Так, И.А. Родионова [5; 87–90] рассматривает стратегии самопрезентации в деловом дискурсе, а Т.А. Захарова [3; 104–109] анализирует методику обучения публичной речи и презентациям на занятиях РКИ. Например, сравнение стратегий самопрезентации в западной и восточной традициях помогает студентам понять культурную специфику публичного выступления.

Принципы контентно-ориентированного обучения (content-based instruction), разработанные в трудах D. Brinton, M. Snow, M. Wesche [2; 5–20], находят применение и в российской практике. Они позволяют эффективно интегрировать предметное содержание и языковую подготовку, что особенно актуально для студентов, изучающих язык в профессиональных целях. Примером может служить курс, где изучение языка происходит на материале PR-кейсов и маркетинговых стратегий, а конечной задачей становится подготовка собственного проекта на русском языке.

На основании анализа существующих методик и практик, мы считаем, что наибольшую эффективность демонстрирует интеграция контентно-ориентированного и коммуникативно-деятельностного подходов. Первый обеспечивает прочную связь с профессиональной сферой, формируя у студентов способность воспринимать и использовать специализированную лексику и жанры в контексте реальных задач. Второй развивает навыки взаимодействия, адаптации высказывания к целевой аудитории и ситуации общения, что критически важно в PR-деятельности.

Таким образом, преподавание делового русского языка для студентов направления «Реклама и связи с общественностью» должно основываться на синтезе лингвистических, прагматических и медийных подходов, с активным вовлечением студентов в практико-ориентированную деятельность. Это обеспечивает формирование не только языковой компетенции, но и коммуникативной гибкости, критического мышления и готовности к профессиональному взаимодействию в многоформатной информационной среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаева З. Ф. Современные технологии обучения русскому языку студентов неязыковых направлений // Мир науки, культуры, образования. - 2023. - № 3. - С. 122–125.
2. Brinton D. M., Snow M. A., Wesche M. B. Content-Based Second Language Instruction. - New York: Newbury House, 1989. - P. 5–20.
3. Захарова Т. А. Методика обучения публичной речи на занятиях по русскому языку как иностранному // Russian Journal of Education and Psychology. - 2020. - № 4. - С. 104–109.
4. Зинченко Е. Г. Интерактивные технологии в обучении профессиональному русскому языку // Современные научные исследования и инновации. - 2021. - № 2(2). - С. 54–59.
5. Родионова И. А. Стратегии самопрезентации в деловом дискурсе // Вестник ТГПУ. - 2022. - № 3. - С. 87–90.
6. Соловьёва И. Н. Разработка содержания курса делового общения в вузе // Высшее образование в России. - 2020. - № 5. - С. 112–116.
7. Юлдашева Н. М. Современные подходы к преподаванию русского языка в вузе в условиях цифровизации // Новости образования. - 2024. - № 2. - С. 12–15.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБДЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ КУРСА «КОНЦЕПЦИИ СОВРЕМЕННОГО ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ»

Усманова Гульоро Уйгуновна
E-mail: guloro usmanova@mail.ru
Кандидат биологических наук, доцент кафедры Общественно-гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Филиала Московского Государственного университета имени М.В.Ломоносова в городе Ташкенте

Внедрение новых инновационных методов и технологий в сфере высшего образования является одной из самых актуальных проблем, которая способствует повышению эффективности процесса обучения. Одной из таких актуальных задач является необходимость ознакомления студентов гуманитарных и социально-экономических направлений с концептуальным фундаментальным современным естествознанием. Это обусловлено требованиями времени и связано с переходом на качественно новый уровень подготовки специалистов широкого профиля.

Основной целью изучения дисциплины «Концепции современного естествознания» является ознакомление студентов гуманитарных направлений с основными концепциями естествознания – механики, физики, астрономии, химии, биологии, экологии, генетики и других наук. Ознакомление с ними в общекультурном и историческом аспекте способствует формированию научного мышления и целостного взгляда на окружающий мир как единой картины взаимосвязи природы, человека и общества [1].

Современный курс «Концепции современного естествознания» должен быть построен на основе единой концепции, объединяющей все естественнонаучные дисциплины. Такой концепцией может стать представление о структурной природе окружающего мира, основанное на понятии симметрии, проявляющейся в живой и неживой природе, а также в творческой деятельности человека. Целью курса становится анализ проявлений симметрии в разделах физики, химии, биологии и геологии.

Основной задачей преподавания дисциплины является обзор существующих в данный момент законов и процессов в естественных науках и анализ их взаимосвязи. Главной целью преподавания курса становится усвоение студентами следующих представлений:

- об историческом развитии науки;
- об особенностях современного естествознания;
- о принципах симметрии и законах сохранения;
- о корпускулярной и континуальной традициях в описании природы;
- о соотношении порядка и беспорядка в природе;
- о самоорганизации в живой и неживой природе;
- об иерархии структурных элементов материи в микро-, макро- и мега- мирах;
- о взаимосвязи физических, химических и биологических процессов;
- о специфике живой и неживой материи;
- о принципах эволюции;
- о законах воспроизводства и развития живых систем;
- об уровнях организации живых систем и их взаимовлиянии;
- о биологическом многообразии и его роли в сохранении устойчивости биосферы;

- о сообществах организмов, экосистемах и месте человека в эволюции Земли;
- о ноосфере и парадигме единой культуры;
- о физиологических основах психики, экологии и здоровья человека.

Усвоение даже в общих чертах процессов и методов исследования, применяемых в современном естествознании, даёт возможность формировать у будущих специалистов общественных и гуманитарных направлений образования целостное мировоззрение. Это позволяет им стать специалистами широкого профиля, уверенно владеть выбранной профессией, поскольку многие исследования современного естествознания используются в общественных и гуманитарных науках и приобретают общенаучное значение.

Важным аспектом преподавания курса является необходимость системного подхода, при котором взаимосвязанные и взаимозависимые элементы содержания дисциплины образуют единую структуру, создающую общенаучную картину мира как системообразующий элемент курса. При этом необходимо:

1. Осуществить согласование курса КСЕ с другими дисциплинами, формирующими широкое мировоззрение студентов, через организацию учебного процесса.
2. Чётко структурировать информационный материал, выделяя ключевые элементы знаний.
3. Проводить контроль знаний после каждой изученной темы.

Методическая система обучения студентов гуманитарных направлений, обеспечивающая организацию самостоятельной работы по всем видам занятий, должна быть встроена в общую систему обучения как её составная часть.

Курс КСЕ также направлен на развитие у студентов способности объяснять и анализировать наблюдаемые природные и техногенные явления, опираясь на современные научные представления, применять знания фундаментальных законов, критически воспринимать естественнонаучную информацию и использовать её в практической деятельности.

Широко используется проблемный метод, который позволяет студентам решать сложные научные задачи, опираясь на ранее усвоенные знания, и проводить сопоставительный анализ достижений классической и современной науки. Интерактивные методы преподавания вовлекают студентов в активный познавательный процесс, способствуя формированию критического мышления и развитию научно обоснованного мировоззрения, что оказывает позитивное влияние как на профессиональный рост, так и на личностное развитие [2].

Таким образом, современный курс «Концепции современного естествознания» представляет собой интегративную дисциплину, формирующую у студентов системное научное мировоззрение, основанное на взаимосвязях между различными естественнонаучными отраслями, и соответствующее задачам подготовки специалистов нового поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Монастырский Л.М. Новый подход к преподаванию курса «Концепции современного естествознания» // Современные проблемы науки и образования. – 2016. – № 6. – С. 115–119.
2. Исмаилова Г.Д. Методические аспекты преподавания курса «Концепции современного естествознания» // Киберленинка. – 2015. – С. 48–53.

СИМВОЛИКА ЦВЕТА В ПОЭМЕ «СЕМЬ ПЛАНЕТ» А. НАВОИ

Халилова Милана Игоревна
E-mail: milana25102004@mail.ru
Научный консультант: Гумирова Диляра Рифгатовна
Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Ташкент

Один из величайших трудов тюркской литературы «Хамса» («Пятерица») Алишера Навои, будучи поэтическим ответом на «Пяндж Гяндж» («Пять драгоценностей») Низами Гянджеви, включает в себя 5 поэм: 1 – «Смятенье праведных», 2 – «Фархад и Ширин», 3 – «Лейли и Меджнун», 4 – «Семь планет», 5 – «Стена Искандера». В «Семи планетах» (1484) Навои использует яркие метафоры, основанные на 7 цветах, аллегорически характеризующих известные в древности небесные тела, или «планеты». Несмотря на то, что названия планет непосредственно в произведении не упоминаются, по Алишеру Навои, Сатурну соответствует чёрный цвет, Марсу – золотой, Меркурию – зелёный, Солнцу – красный, Луне – голубой, Юпитеру – сандаловый и Венере – камфорный [5].

Прежде всего следует пояснить последние два цветовых образа. Сандаловое дерево, которое известно благодаря получаемому из него красителю, применяется в медицине и парфюмерии, т.к. в составе содержатся эфирные масла и мускус. Особенно почитается сандал в Индии, будучи одним из священных ароматов, а также в Корее, поскольку с ним связана легенда о Тангуне, мифическом основателе Древнего Чосона. Кроме того, древесина сандала высоко ценится в торговом деле: подобная история рассказана в поэме шестым путником [3, с.66-67]. Автором подразумевается не красный цвет древесины сандалового дерева, а жёлтый или светло-коричневый оттенок его красителя. Камфорный же цвет означает белый, как кристаллы камфоры.

Далее стоит отметить, что каждая из семи планет связана с одним из дней недели – этим объясняется посещение иранским шахом Бахрамом Гуром дворца определённого цвета (дворцов также семь) в отмеченный для него день. Красочными предстают не только сами дворцы, но и прекрасные их обитательницы, а также кубки, вино, даже цвет небес меняется в зависимости от дня. Встроенные в поэму 7 новелл путников, приглашаемых поочередно в каждый из дворцов – их рассказы, одежда, страна, откуда они пришли, – всё это также соотносится с каким-то особым цветом.

Последовательность визитов шаха Бахрама следующая: суббота – Чёрный дворец, воскресенье – Золотой, понедельник – Зелёный, вторник – Красный, среда – Голубой, Четверг – Сандаловый, пятница – Белый. Все семь жён Бахрама были родом из разных частей света, что отражало средневековые представления о том, что ойкумена (освоенная людьми часть земли) делилась на семь частей. Если провести небольшое сравнение с «Семью красавицами» Низами, то окажется, что у Навои не везде уточняется родина царевен и путников в отличие от Низами, у которого данный элемент включался в сложную систему символов, связывающую часть света с планетой, планету – с цветом, цвет – с днём недели [5]. У Навои же мы видим схему: планета – цвет – день недели. Соответственно, основную семантическую нагрузку несут цвета, планеты и дни недели, хотя в поэме и упоминаются такие страны, как Серендиб, Рум, Египет, Индия, Йемен, Хорезмское царство и Китай.

Издавна у тюркских народов были приняты цветовые обозначения для четырёх частей света: Восток – голубой/зелёный, Запад – белый, Север – чёрный, Юг – красный [1, с.95-96]. Причём белый, чёрный, красный, зелёный и жёлтый широко использовались в повседневной жизни, в то время как голубой, пёстрый и серый применялись для ограниченного круга предметов и явлений. Интересен факт, что красный иногда заменялся жёлтым, о чём говорится в некоторых письменных источниках.

Сакральное значение имеет голубой – цвет неба и символ небесного бога Тангрэ, почитавшегося в Центральной Азии и на Алтае. Как было сказано выше, голубой является символом восходящего солнца и Востока. Нередко голубой и зелёный используются как синонимы, так как у многих тюркских народов нет разграничения этих двух цветов. Юрты украшали голубым шёлком, как бы делая их похожими на небесный купол, по этой же причине лазурный преобладает в архитектуре Самарканда, Хивы, Бухары [2, с.114-115]. Довольно часто данный цвет встречается в мифологии и на страницах дастанов, тем самым представляя наряду с зелёным «самобытный этнический код». В «Семи планетах» голубой ещё и символ морской стихии: «*Утихло море, наступил покой, / Поплыл челнок по глади голубой*» [4].

Особое место в поэме отводится зелёному или изумрудному. Автором подчёркивается: «*Зелёный цвет нам всех цветов милей: он — цвет весны, садов, лугов, полей*» [4]. Как и голубой, зелёный также может интерпретироваться как символ восходящего солнца, Востока. Кроме того, у многих тюркоязычных народов зелёный стал своеобразным знаком или обозначением их конфессии и приверженности к мусульманству. По мнению Бакирова М.Х., этим можно объяснить использование в «Семи планетах» А. Навои зелёного цвета в качестве символа Хорезмского царя [2, с.115-116]. Помимо этого, стоит обратить внимание и на наряд фаворитки Бахрама, юной Диларам: «*Зелёный изумруд – её наряд. / Не правда ль — в зелени раскрыт гранат?*» [4]. Ведь зелёный символизирует жизнь и молодость, а также оказывает благотворное влияние на человеческую психику.

Красный, как один из самых популярных и самых противоречивых цветов, занимает большую часть цветового пространства поэмы. Примечательно, что эпитеты, подразумевающие разнообразные оттенки красного, чаще всего передаются посредством метафор. Данный способ характерен, в первую очередь, для составления художественного портрета главной героини, у которой «*на щеках – шиповник и тюльпан*», «*рубин желанных губ не просверлен!*», «*губы — два пунцовых лепестка*». Сама героиня не раз метафорически называется розой в саду Бахрама. Но красный не только символ красоты и любви, в поэме он также цвет вина, слёз и крови: *«Друзья лежат на розовых коврах, в крови, как в розах, утопает враг»* [4]. Кровавое вино и кровавые слёзы – яркие примеры постоянных эпитетов, встречающихся в «Семи планетах», между которыми существует причинно-следственная связь: злоупотребление вином привело к трагедии: Бахрам лично отдал приказ бросить Диларам в пустыню на съедение волкам, и лишь на следующий день, опомнившись от вина, он проливал горькие слёзы и чуть было сам не умер. Лишь любовь сотворила чудо с душой Бахрама, перерождение характера которого можно заметить по строкам из письма шаха к Диларам (тоже чудом выжившей) в предфинале поэмы [5]: «*Красавице писал он кровью слёз, / Всего себя он в жертву ей принёс...*»

Сандаловый встречается во многих восточных образных сравнениях и метафорических выражениях, причиной этому служит присущий сандалу приятный эфирный запах, отдающий мускусом. Примечательны следующие фрагменты поэмы, где в

первом случае сандаловый = жёлтый краситель, во втором – сандал = вечнозелёное дерево: 1) «*наряд, желтевший, как сандал*»; «*Был каждый камень желтым, как сандал*»; 2) «*Сандалом оказался тот предмет. / Достиг небес его могучий цвет. / Блестящ и гладок, зелен и душист, / Был зеркальцу подобен каждый лист*» [4]. Таким образом, сандаловый символизирует ароматную свежесть и здоровье, могущество и стойкость.

По поводу следующего цвета историк-востоковед и этнограф Н.А. Аристов говорил, что «в отношении народностей и племён он означает младшую, подчинённую часть народа или племени», а востоковед и путешественник А. Вамбери приводил значение «народ» в качестве примера одного из обозначений данного слова [1, с.96], однако при описании внешности восточных красавиц он будет стоять на почётном месте. Без сомнения, речь идёт о чёрном цвете. Так, при создании образа китаянки Диларам используются эпитеты «черноокая газель» и «черноволосая мечта» наряду с выражением «*ковёр мой чёрным был*», что означает незнатное происхождение героини. Путник из Серендиба (Цейлона) рассказывает о чёрном паласе – простой одежде бедняков, а автор подытоживает: «*Я сам, когда б удача мне далась, не стал бы шёлком заменять палас*» [4].

Цвета белый и золотой, по определению филолога и востоковеда В.П. Юдина, являлись символами старшинства [1, с.100]. Однако наряду с такой характеристикой, существует множество других. Например, включение золотых эпитетов в произведение подразумевает богатство и щедрость правителя: «*Он щедро сыплет золото своё, / И купол золотой – его жильё*» [4], а использование белых – святость, чудеса и мирную жизнь. Не случайно белому цвету в поэме соответствует именно пятница, которая в исламе является самым значимым днём недели. В качестве синонимов к белому в поэме приводятся цвета камфоры, жемчуга, алебастра, жасмина, серебра: Камфорноцветный дворец, «жемчужная нить зубов», «жасминоликие» царевны, «*алебастром выбелил восток день пятницы*», «*слова-монеты блещут серебром*» и т.д. Навои показывает, как Бахрам, начиная свои посещения с Чёрного дворца, завершает их Белым дворцом, что тоже символично – постепенное движение от чёрного к белому отражает ступени духовного пути, преодолеваемые шахом [5].

Из результатов исследования можно сделать следующие выводы: во-первых, в поэме «Семь планет» Алишера Навои цвета играют важную роль, поскольку имеют символическое значение и несут семантическую нагрузку; во-вторых, цветовые метафоры образуют сложные аллегорические связи с планетами и днями недели, а также используются при создании художественных образов, преимущественно женских; в-третьих, поэтапный переход через 7 основных цветов от чёрного к белому олицетворяет духовное совершенствование главного героя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хабижанова Г.Б. Феномен цвета в этнической истории кочевых народов Центральной Азии // Вестник КазНУ, 2021. – №3 (102). – С.93-102.
2. Бакиров М.Х. Семантика цвета в контексте истории, искусства и художественной словесности тюрков // Вестник ТГГПУ, 2015. – №1 (39). – С.114-119.
3. Филимонова Е.Н. Символика растений в переводных произведениях. Растения-«простолюдины» (на материале переводов с корейского и китайского языков) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей – М.: МаксПресс, 2003. Вып. 25. – С. 54-85.

4. Навои А. Семь планет [Электронный ресурс] // Алишер Навои. Поэмы. – М.: Художественная литература, 1972. – 80с. – URL: https://litvek.net/knigi/166068-kniga-alisher-navoi-sem-planet (дата обращения: 25.01.2025).
5. Библиотека узбекской литературы: www.ziyouz.com.

ФОРМИРОВАНИЕ У СТУДЕНТОК ПЕРВОГО КУРСА МОТИВАЦИИ К САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ ЗАНЯТИЯМ ФИЗИЧЕСКИМ ВОСПИТАНИЕМ ВО ВНЕУЧЕБНОЕ ВРЕМЯ

Хамраев Искандарбек Хаджиевич
старший преподаватель по физическому воспитанию и спорту, кафедра общественно-гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Филиал Московского Государственного Университета им. М.В. Ломоносова, г.Ташкент, Республика Узбекистан

Физическая культура играет важнейшую роль в системе высшего образования, способствуя не только укреплению здоровья студентов, но и всестороннему развитию личности. Программы физического воспитания в вузах предусматривают целенаправленное развитие физических качеств, формирование двигательных навыков и привитие любви к активному образу жизни. Они часто включают в себя разнообразные виды физической активности, адаптированные к возрастным и индивидуальным особенностям студентов. Важную роль в развитии физических качеств играют спортивные секции и кружки, предлагающие студентам возможность заниматься любимыми видами спорта под руководством опытных тренеров. Это позволяет не только улучшить физическую форму, но и развить такие качества, как дисциплина, настойчивость, командный дух и стремление к достижению результата. Таким образом, система физического воспитания в вузах является неотъемлемой частью образовательного процесса, способствуя формированию здорового и гармонично развитого поколения.

Развитие физических качеств – силы, выносливости, гибкости, координации и скорости – играет ключевую роль в поддержании здоровья и общего физического состояния студенток. Систематические тренировки способствуют укреплению сердечно-сосудистой системы, повышению иммунитета, улучшению осанки и снижению риска развития различных заболеваний, связанных с гиподинамией. Кроме того, хорошая физическая форма повышает стрессоустойчивость, улучшает сон и настроение, положительно сказывается на учебной успеваемости и общем качестве жизни. Целенаправленное воспитание этих качеств в молодом возрасте закладывает фундамент для долгого и здорового будущего. [1]

Филиал МГУ создает все условия для занятий спортом среди студенток, с первого курса, формируя позитивное отношение к физической культуре. Систематические занятия, направленные на развитие физических качеств (силы, выносливости, гибкости, координации), способствуют укреплению здоровья и повышению физической подготовленности к студенческим будням. В филиале функционируют различные спортивные секции, однако особое внимание уделяется программам, адаптированным для студенток, с учетом физиологических особенностей женского организма. Эта инициатива поддерживается на государственном уровне, вписывается в стратегию улучшения здоровья и качества жизни женщин, а также реализацию принципов гендерного равенства. Целью является не только достижение спортивных результатов, но и формирование здорового образа жизни и гармонично развитой личности.

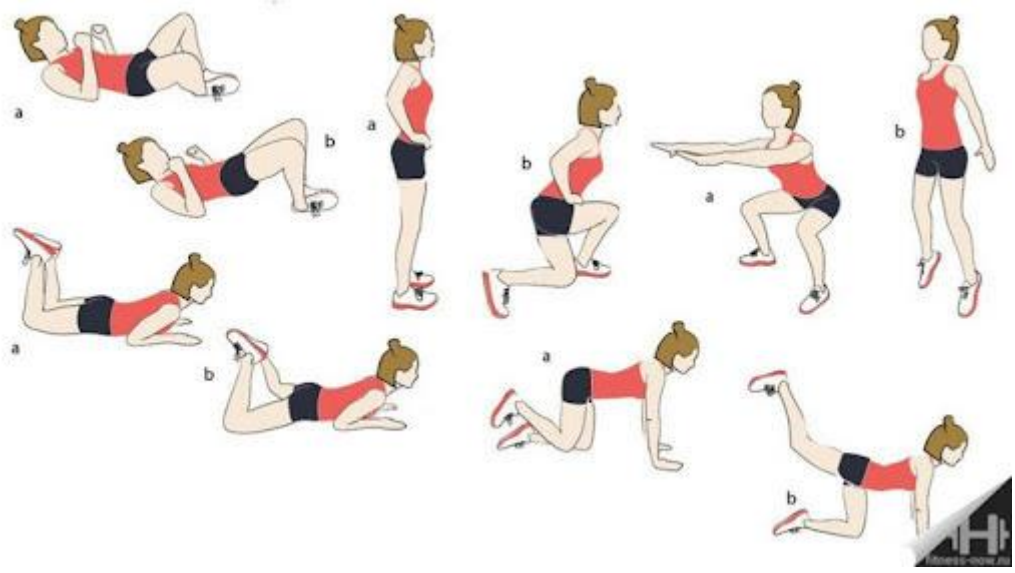
Психологический аспект играет решающую роль в успехе программ по воспитанию физических качеств у студенток. Мотивация к занятиям физической культурой может быть

обусловлена различными факторами: желанием улучшить фигуру, повысить самооценку, укрепить здоровье, найти новых друзей или просто получить удовольствие от физической активности. Однако многие студентки сталкиваются с различными барьерами и стереотипами, препятствующими регулярным занятиям. Это могут быть негативные установки в отношении своего тела, боязнь не соответствовать общепринятым стандартам красоты, нехватка времени или отсутствие поддержки со стороны окружения.

Для повышения мотивации необходимо создавать положительную атмосферу на тренировках, учитывать индивидуальные потребности и цели студенток, предлагать разнообразные виды физической активности и поощрять достижения. Важно также работать над преодолением стереотипов, пропагандируя здоровый образ жизни и показывая привлекательность физической активности для женщин. Индивидуальный подход, поддержка и понимание со стороны тренеров и преподавателей играют ключевую роль в достижении положительных результатов.[2]

Успешные практики воспитания физических качеств у студенток в вузах демонстрируют значимость комплексного подхода и инновационных методик. Например, в некоторых университетах широко применяются интерактивные тренировки, использующие современные технологии и элементы геймификации, что повышает мотивацию и вовлеченность студенток. Другие вузы активно внедряют программы персонализированного тренировочного процесса, учитывающие индивидуальные особенности организма и уровня физической подготовки. Успешные кейсы также включают сотрудничество с профессиональными спортсменами и тренерами, организацию спортивных мероприятий и соревнований, а также создание комфортной и мотивирующей атмосферы в спортивных залах и фитнес-центрах. Влияние таких практик на общую атмосферу физкультуры в учебных заведениях несомненно положительно. Успехи студенток, их вовлеченность в спортивную жизнь и достижение хороших результатов становятся примером для подражания, стимулируя других студенток к занятиям спортом и активному образу жизни. Это способствует формированию положительного отношения к физической культуре и созданию здоровой и активной среды в вузе.

Легкие упражнения для укрепления тела.

Воспитание физических качеств у студенток – это не просто задача улучшения физической формы, а инвестиция в их здоровье, психологическое благополучие и качество

жизни в целом. Систематические тренировки, направленные на развитие силы, выносливости, гибкости и координации, способствуют профилактике многих заболеваний, повышают устойчивость к стрессам, улучшают сон и настроение, а также положительно сказываются на учебной деятельности. Гармоничное физическое развитие способствует формированию целостной и уверенной в себе личности.[3]

Рекомендации для студентов:

- Найти вид физической активности, который действительно нравится, и заниматься им регулярно.
- Не бояться экспериментировать и пробовать новые виды спорта.
- Учитывать свои индивидуальные особенности и не перегружать себя.
- Начинать с малых нагрузок и постепенно увеличивать их.
- Искать поддержку у своих друзей,родных и близких.
- Не стесняться обращаться за помощью к тренерам или специалистам.[4]

Рекомендации для преподавателей:

- Разрабатывать программы физического воспитания, учитывающие индивидуальные особенности студенток.
- Создавать мотивирующую и поддерживающую атмосферу на занятиях.
- Использовать разнообразные методы и подходы к тренировкам.
- Поощрять достижения студенток и отмечать их успехи.
- Сотрудничать с психологами и другими специалистами для обеспечения комплексного подхода к воспитанию физических качеств.
- Пропагандировать здоровый образ жизни и активный отдых среди студентов.

Таким образом, систематическое воспитание физических качеств у студенток является важной задачей вузов, способствующей формированию здорового и гармонично развитого поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евсеев, Ю. И. Физическая культура / Ю. И. Евсеев. — М., 2003. — С. 14–22.
2. Лозовская, Л. Б. Педагогика физической культуры и спорта: Методические рекомендации для семинарских занятий / Л. Б. Лозовская. — М., 2013. — С. 5–8, 20–29.
3. Шерматов, Г. К. Женский спорт: особенности тренировки женщин в видах спорта с преимущественной направленностью на развитие выносливости / Г. К. Шерматов. — Ташкент, 2022. — С. 12–15.
4. Могилевская, Т. Е., Процкая, М. А. К вопросу о здоровье и здоровом образе жизни студенческой молодежи // Сборник научных трудов. — Екатеринбург, 2005. — Вып. 6. — С. 20–27.

PREFIGURATIVE CULTURE AND GENERATIONAL CONFLICT IN ADOLESCENT-PARENTAL RELATIONSHIPS

Khasanova Sofiya Yurevna
E-mail: shaminasofia@gmail.com
Graduate student of the Faculty of Psychology -24 Branch of Moscow State University Tashkent

Generational conflict is a natural and inevitable process that manifests itself in the relationship between parents and their children, especially in adolescence. During this period, young people actively form their own worldview, strive for autonomy and protection of their views. At the same time, parents, based on their life experience, try to guide their children, which often causes disagreements and tension in interaction.

The American sociologist and psychologist L. Feuer [4] identified generational conflict as one of the fundamental features of society, arguing that it can have an even more significant impact on social dynamics than the class struggle. Researcher M. Mead [7] has identified three types of intergenerational relationships:

Postfigurative – transfer of knowledge and norms from elders to younger ones, when traditions and past experience take precedence;

Co–figurative - orientation towards contemporaries, when young people learn not only from the older generation, but also from their peers;

Prefiguration is a model in which the older generation is forced to learn new knowledge from the younger ones, which is especially typical for the era of rapid technological and social changes.

Modern society is increasingly leaning towards a prefigurative type of culture, which leads to a significant gap between generations [3]. In contrast to the traditional notion of top-down transfer of experience, knowledge and skills are increasingly spreading from young people to older people. An example of this phenomenon is the process of mastering gadgets and digital technologies within the family, when older people learn to use modern devices thanks to their children and grandchildren [2].

The intensive development of information technology leads to the fact that the accumulated experience of adults often loses its relevance. What worked a few decades ago may not be effective in modern conditions. The rate of change in society is so high that even people at the peak of their careers are forced to adapt to new realities, relying on the knowledge of younger people.

This gap becomes especially noticeable approximately every 15 years, when a new generation appears with fundamentally different views on life [14]. To minimize intergenerational contradictions, it is important to develop effective communication mechanisms. Digital technologies and social networks play a key role in this process, which create a space for information exchange between different age groups.

V. Satyr notes that conflicts can arise not only between parents and children, but also between representatives of different age groups within the same family [9]. To solve them, it is important not only to be aware of these differences, but also to strive for mutual understanding, recognizing the individuality of each person.

One of the factors exacerbating the gap between generations is the difference in values, norms and ways of communication. Soviet sociologists believed that intergenerational contradictions are characteristic mainly of capitalist societies, while in the socialist system only

age differences are possible without pronounced conflict [10]. However, in modern conditions, this approach is no longer relevant, since not only economic but also cultural processes affect the dynamics of relations between generations [3].

Within the Commonwealth of Independent States, deeply rooted ethno-religious customs shape family dynamics, child-rearing practices, and intergenerational harmony. For instance, Central Asia traditionally emphasizes collectivism, deference to elders, and strong familial bonds. Yet, as individualistic ideals gain traction among younger generations, a careful equilibrium between heritage and contemporary life becomes necessary [1].

A significant element of generational friction in Central Asia revolves around evolving roles for women. Historically, women primarily managed domestic affairs, but increasingly, they are pursuing higher education and professional careers. These ambitions become central aspirations for adolescent girls, frequently sparking friction with older generations who hold more conventional beliefs. For example, among the older generation of university professors in Uzbekistan, there were mostly men, whereas currently, the majority of professors and lecturers are women, which also contributes to the deepening of worldview differences between generations [1].

While modern communication technologies have dramatically sped up information exchange, a curious situation arises: despite numerous channels for connection, the divide between generations persists [12].

Social media and the internet grant young people access to a worldwide flow of information, shaping their values independently of their family's teachings. This can trigger misinterpretations and even disputes with parents who may not share their children's evolving perspectives. Teenagers are increasingly drawn to digital interactions, whereas older generations often prioritize face-to-face engagement. A crucial teenage need to establish identity often manifests in a clear distinction between "in-group" and "outsiders." [6]. Contemporary youth now identify with each other through slang, meme culture, and utilizing global online platforms [14].

Adolescence is a period marked by a desire for independence and self-discovery. Parents may interpret this yearning as a challenge, leading to overbearing control and, consequently, rebellious behavior from their children. Sometimes, parents inadvertently impose their own unrealized aspirations onto their children, further fueling conflict between generations [6].

Recent studies indicate that intergenerational disagreements intensify during times of economic uncertainty, the decline of established social structures, and shifts in family values [13]. Common outcomes of these disagreements include:

- Heightened miscommunication resulting in emotional distance among family members;
- Increased psychological strain that can hinder the healthy development of adolescents;
- A diminished sense of family unity and a reduction in parental influence [15].

However, intergenerational conflict is not only a source of problems, but also an incentive for updating the values of society. As a result of interaction between representatives of different ages, new approaches to education are being formed, flexible communication models are being developed and traditions are being adapted to modern conditions.

REFERENCES

1. Abdurahmonov U.U., Sherov M.B. Social Aspects of Generational Change in the Education System of Uzbekistan // History and Modernity. 2015. No. 2 (22). URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-aspekty-smeny-pokoleniy-v-sisteme-obrazovaniya-uzbekistana (accessed: March 25, 2025).

2. Akhmadullin I.R., Nizamova A.Kh. Generational Conflict Through the Prism of Social Networks. Bulletin of Economics, Law, and Sociology, 2022, No. 3, Sociology - UDC 316.77.
3. Bobkov V.N. Social Vulnerability of Russian Society Due to High Inequality in Living Standards // Standard of Living of the Population in the Regions of Russia. – 2014. – No. 1. – P. 7–16.
4. Simmel G. Selected Works. Problems of Sociology. - Moscow: Center for Humanitarian Initiatives, 2017. - 416 p.
6. Makyan A.G. The Negative Impact of Intra-family Relationships on Personality // Education and Upbringing: Methods and Practice. - 2016. - No. 30-1. - P. 62-66.
7. Markovskaya I.M. Psychology of Child-Parent Relationships: Monograph. – Chelyabinsk: Publishing House of South Ural State University, 2007. – 91 p.
8. Mead M. Culture and the World of Childhood. – Moscow: Progress, 1970.
9. Rakhmeeva I.I., Zolkin A.L. Changing the Content of the Concept of "Quality of Life" in the Digital Age. / Management in Social and Economic Systems: Collection of Articles from the XII International Scientific and Practical Conference. / Edited by S.D. Reznik. – Penza, 2020. – P. 97-100.
10. Satir V. How to Build Yourself and Your Family. – Moscow: Pedagogy, 1992.
11. Sociology: Textbook / V.I. Dobrenkov, A.I. Kravchenko. - Moscow: NITS Infra-M, 2013. - 624 p.
12. Sulakshin S.S., Khvylya-Olintern N.A. The Value System of Russian Youth: Expert Assessment [Electronic Resource]. URL: http://rusrand.ru/docconf/sistema-cennostey-rossiyskoy-molodeji-ekspertnaya-ocenka (accessed: March 25, 2025).
13. Syroed N.S. Generational Conflict as a Social Problem [Electronic Resource]. - URL: https://cyberleninka.ru/article/v/konflikt-pokoleniy-kak-sotsialnaya-problema (accessed: March 25, 2025).
14. Chuprova V.I. Youth Socialization in Post-Communist Russia // Socio-Political Journal. 2002. No. 6. P. 16–22.
15. Tsoy L.N. Generational Conflict: Stability and Development // Adler Readings: Collection of Materials from the Republican Conference, Almetyevsk, 2006.
16. Tsoy L.N. Social Organization and Self-Organization: Conflicts and Personality Development / National Research University - Higher School of Economics. - 2014. - 103 p.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ПОДРОСТКОВ: РОЛЬ СЕМЬИ, КОНФЛИКТЫ И ПУТИ ГАРМОНИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ

Хасанова София Юрьевна
E-mail: shaminasofia@gmail.com
магистрант ПМ-24, Филиал МГУ им. М.В.Ломоносова в г.Ташкенте

Подростковый возраст — это период активного формирования личности, поиска идентичности и стремления к автономии. Однако, несмотря на желание независимости, подростки сохраняют потребность в эмоциональной близости с родителями [4].

Эмоциональный интеллект (ЭИ) — это комплексная способность, включающая осознание собственных эмоций, управление ими, понимание чувств окружающих и эффективное взаимодействие в обществе. Он играет значимую роль в психологическом благополучии подростка, его социальной адаптации, коммуникации и умении конструктивно разрешать конфликты. Формирование ЭИ во многом зависит от семейной атмосферы, поскольку именно родители устанавливают базовые модели эмоционального реагирования для своего ребенка.

Гоулман [3] - популяризатор этого термина, выделив четыре ключевые компетенции: осознание собственных эмоций, самомотивация, эмпатия и социальные навыки. Вклад Бар-Она [10] заключается в понимании эмоционального интеллекта как набора некогнитивных навыков, позволяющих эффективно справляться с жизненными сложностями. Концепция ЭИ Мейер и Саловей [13] включает четыре основных компонента: осознание собственных эмоций, управление эмоциями, эмпатия, эмоциональная регуляция в социальных взаимодействиях.

Подростки с развитым ЭИ более толеранты к стрессам, проявляют высокую социальную компетентность, адаптивность и имеют более гармоничные отношения с окружающими. Недостаточное развитие ЭИ может приводить к проблемам в коммуникации, трудностям в обучении и повышенной конфликтности[4]. Теории подросткового возраста подчеркивают важность ЭИ в процессе взросления: эпигенетическая теория Э. Эриксона [9] рассматривает подростковый возраст как этап становления эго-идентичности, в рамках которого эмоциональный интеллект играет ключевую роль в построении стабильной Я-концепции.

Концепция Ж. Пиаже [7] указывает на то, что в подростковом возрасте развивается способность к рефлексивному мышлению, что тесно связано с пониманием и регулированием эмоций.

Теория Л. И. Божович [2] подчеркивает, что эмоциональная регуляция подростка формируется под влиянием социального окружения, в первую очередь семьи и сверстников. Современные тинейджеры сталкиваются с проблемами, связанными с виртуализацией общения, что затрудняет развитие навыков живой коммуникации. В этом контексте роль родителей становится еще более значимой.

Конфликты между подростками и родителями — многофакторное явление. Они могут быть связаны с недостатком личного пространства, чрезмерным контролем, разницей поколений в ценностях и недостатком эмоциональной поддержки. [8]

А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов считают, что конфликты могут способствовать научению продуктивно реагировать на нестандартные коммуникативные ситуации и помогать в ориентировании в сложных межличностных отношениях. Конструктивный аспект конфликта, напротив, позитивно влияет на развитие личности и межличностное взаимодействие. [1]

Е. Н. Иванова подчеркивает, что конфликты в первую очередь негативно действуют на межличностные отношения [4], однако этот эффект не всегда исключительно отрицательный. Разрушительные последствия конфликтов - формирование негативного восприятия друг друга, усиление ложных стереотипов и обострение напряженности. Взрослеющие дети стремятся к самостоятельности и автономии, но родители зачастую не готовы предоставить им достаточную степень свободы. Контроль и гиперопека могут привести к протестному поведению. Паттерн потворствования [8], где родители стремятся удовлетворить все желания ребенка в попытке реализовать собственные нереализованные потребности, может способствовать формированию потребительского отношения к жизни. В ответ на дефицит поддержки он может искать признание в деструктивных сообществах [6]. Напротив, когда ребенок становится "смыслом жизни" родителя и окружен высокими ожиданиями, возникают риски формирования зависимости и инфантильности. Отсутствие стабильности в правилах и границах может приводить к ценностной дезориентации и трудностям в социуме.

Уменьшение доверия и отчуждение усиливает склонность молодежи к аддикциям, девиантному поведению, погружению в виртуальную среду и участие в деструктивных группах. В семьях с неблагополучной обстановкой (зависимые члены семьи, насилие) подростки сталкиваются с тревожностью, агрессией и проблемами с адаптацией. [2] Данные исследования подчеркивают, что такие факторы, как недостаток поддержки и любви со стороны родителей, применение наказаний для контроля поведения детей, а также отсутствие должного надзора и общения, значительно влияют на проявление агрессивности.

Среди подростков наблюдается прямая связь между восприятием авторитарного стиля воспитания и увеличением агрессивных проявлений и зачастую негативно сказывается на адаптации подростков в социуме и их взаимодействия со сверстниками [11,12]. Избыточные требования могут вызывать у подростка тревожность и напряженность, в то время как их отсутствие приводит к недостатку самодисциплины.

Однако, речь идет о западных исследованиях и данных на выборке семей из СНГ, подверждающих результаты в отечественных реалиях недостаточно, для разработки практических рекомендаций и программ, для работы помогающих специалистов с семьями. В практике специалистов отмечается, что одним из значимых факторов, препятствующих формированию доверительных и конструктивных отношений в семье, является алекситимия — сложность вербализации и интерпретации сигналов собственного тела и эмоциональных переживаний. [14]. Родители зачастую испытывают трудности в эмоциональной поддержке детей, что может приводить к непониманию, снижению доверия и эмоциональной дистанции в семье.

Есть данные, что демократический стиль воспитания [6], способствует лучшей психосоциальной адаптации благодаря более высокому уровню любви и поддержки. Это создает условия для того, чтобы подростки были более восприимчивы к положительным родительским влияниям.

Однако, зачастую, родители, например, в центрально-азиатском регионе, с преобладанием традиционно авторитарной системы воспитания, считают, что взаимоотношения в семье должны быть основаны исключительно на подчинении воле старших, без необходимости налаживания эмоционального контакта с подростком. В связи этим мы намерены посвятить свою научно - исследовательскую работу изучению взаимосвязи компонентов ЭИ подростков и родителей г.Ташкента, с ориентированием на разработку практических мер для улучшения подростково-родительских отношений и снижению их конфликтности.

Эмоциональный интеллект играет ключевую роль в успешной социализации подростков. Семейное воспитание, стиль общения родителей и степень удовлетворения эмоциональных потребностей оказывают значительное влияние на его формирование. Конфликты между подростками и их родителями представляют собой естественный этап межпоколенческого взаимодействия, и могут носить как деструктивный, так и конструктивный характер. В разрешении конфликтов важно осознание потребностей подростков и готовность родителей адаптировать свои воспитательные стратегии.

Таким образом, согласно результатам многочисленных зарубежных исследований, эмоциональная компетентность родителей и подростков, а также использование гибких подходов в воспитании, являют собой необходимый и благоприятствующий созданию здоровой семейной атмосферы, фундамент отношений, снижающий риск эмоциональных и поведенческих проблем у подростков. В связи с этим, является целесообразным, проведение исследования, направленного на изучение взаимосвязи ЭИ с особенностями подростково-родительских отношений на выборке, состоящей из респондентов нашего региона. Полученные, по итогам исследования материалы, как нам представляется, станут важным основанием для разработки эффективных современных обучающих и коррекционных программ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология. — М.: Юнити, 2010.
2. Божович Л. И. Личность и её формирование в детском возрасте. — СПб.: Питер Пресс, 2009. — С. 275—304. — 400 с
3. Гоулман Дэниел Эмоциональный интеллект; пер. с англ. А.П. Исаевой. — М.:АСТ: АСТ МОСКВА; Владимир: ВКТ, 2009. — 478, [2] с. ISBN 978-5-9713-7405-3 Текст: непосредственный.
4. Иванова Е.С. Особенности эмоционального интеллекта в подростковом возрасте // Образование и наука. Известия УрО РАО, 2011№ 1
5. Коновалова А. М., Захарова Е. И. Особенности родительского воспитания как условия становления уважения к родителям в подростковом возрасте // Национальный психологический журнал. 2017. — №1(25). — С. 91-96.
6. Овчарова, Р. В. Психология детства : учеб. пособие / Р. В. Овчарова. – Москва : Академия, 2005. – 368 с.
7. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. — Москва: Просвещение, 1969. — С.659.
8. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология семьи и семейная психотерапия. 2-е изд., стереотип. – СПб.: Питер, 2015, с. 136.
9. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. — 1968.

10. Bar-On, R. (2000). Emotional and social intelligence: insights from the Emotional Quotient Inventory. En Bar-On, R. & Parker J. (Eds.). The Handbook of Emotional Intelligence. San Francisco: Jossey-Bass.
11. Carrasco, M.A. y González, M.J. (2006). Aspectos concep tuales de la agresión: definición y modelos explica tivos. Acción Psicológica, 2(4), 7-38.
12. De la Torre-Cruz, M., García-Linares, M.C. y Casanova Arias, P.F. (2014). Relaciones entre estilos educati vos parentales y agresividad en adolescentes. Elec tronic Journal of Research in Educational Psychology, 12(1), 147-170. DOI: https://doi.org/dx.doi.org/10.14204/ejrep.32.13118
13. Mayer, J. D., & Salovey, P. (1997). Emotional intelligence and adolescent development.
14. Https://applied-research.ru/ru/article/view?id=867 //Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2010. № 10 С. 108-110 (дата обращения: 01.04.2025).

COGNITIVE STYLES

Khudainazarova Ziyoda Shoismail Kizi
E-mail: zioda150502@icloud.com
Student of the Faculty of Psychology, Moscow State University named after M.V. Lomonosov
Tashkent Branch

Today, cognitive personality styles are considered as one theoretical construct that requires detailed study. Because there are contradictions in the study of cognitive styles, which are considered by most scientists without taking into account all aspects of cognitive styles. The study of cognitive styles as a separate field in psychology, namely in differential psychology, developed in the twentieth century. Currently, various studies have emerged in the study of cognitive styles, and this in turn has led to the emergence of various approaches. There was a problem in unifying the different approaches. The problem with the emergence of different approaches is that the multiplicity of approaches makes it more difficult to choose one single correct approach that could provide the right answers to existing questions in the field of cognitive styles. But on the other hand, considering cognitive styles from different points of view can provide a system for studying CS [3].

For the first time, the concept of "cognitive style" (CS) was used in the works of A. Adler, where CS was considered as a special set of individual cognitive processes that determines the use of various research strategies. A little later in his research, G. Allportconsiders CS as one of the ways to achieve a goal, that is, as an integrated system with instrumental personality strategies [4]. These studies became the basis for changing the trajectory of the development of general psychology to take into account individual psychological differences. This change led to the emergence of a stylistic approach, namely, in science, the term "style" began to be considered more often. This term already explains the fact that there are various individual differences of each individual.

In the 60s, cognitive psychology developed and, within the framework of this field of study, CS is considered as a cognitive phenomenon of an individual and the analysis of cognitive phenomena as a "cognitive structure" is included in the process of studying this construct.

Currently, CS is being studied as one of the forms of manifestation of general intelligence, and is considered as a global education that manifests itself in cognition, behavior, communication, activity, and finally in various areas where an individual manifests his cognitive processes.

The above studies are applied and theoretical in the study of CS and in the development of cognitive psychology, and finally, in the development of differential psychology. These approaches explain the "cognitive style" as one of the ways in which human intelligence manifests itself, either as a strategy for solving various tasks, or as an individual difference in the process of processing information, because different types of people depend on the organization of their cognitive sphere. We believe that these approaches can also confuse the boundaries in the field of cognitive styles research and believe that "cognitive style" should be considered in terms of individual differences [5].

To date, thanks to researchers in the field of general and cognitive psychology, 20 different styles have been identified, but there is a problem regarding the unified systematization of these styles. We considered it important to turn to modern research that has studied various cognitive styles. In recent decades, many papers have been published that study the relationship of cognitive

styles with different personality traits. In a study that examined how people with different "utility dependence" (varying degrees of orientation to external signals) succumb to conformity, it turned out that more utility-dependent subjects were more likely to agree with the majority opinion [3]. However, the results showed that this difference in conformity is noticeable only when interacting directly with other people. At the same time, other data obtained in Is experiment did not reveal a significant relationship between empathy and "gender independence." Regardless of the level of dependency, ... (further down the text to finish the sentence).

Along with psychological research and applied issues of cognitive science, the study of the essence of cognitive styles occupies an important place. This field, located at the intersection of various disciplines, is closely related to psychophysiology. The work of Professor E. Goldberg can be considered as a theoretical and empirical basis for further research in this area. He considered cognitive styles from the standpoint of neuropsychology and the functional organization of the cerebral cortex [4]. The gender aspect also occupies an important with psychological research and applied issues of cognitive science, the study of the essence of cognitive styles occupies an important place. This field, located at the intersection of various disciplines, is closely related to psychophysiology. The work of Professor E. Goldberg can be considered as a theoretical and empirical basis for further research in this area. He considered cognitive styles from the standpoint of neuropsychology and the functional organization of the cerebral cortex. The gender aspect also occupies an important place in Goldberg's research. His methodology is based on the cognitive propensity test he developed.

In conclusion, modern research on cognitive styles is one of the most promising areas in psychology. Nevertheless, there are many unresolved issues in this area. One of the main problems is the limited study of cognitive styles. Most of the research focuses on only one cognitive style, that of utility/non–dependence. To obtain a more complete picture of the influence of cognitive styles on various aspects of peronclusion, modern research on cognitive styles is one of the most promising areas in psychology. Nevertheless, there are many unresolved issues [8].

REFERENCES

1. Allakhverdov, V. M. (2000). Consciousness as a paradox. Experimental psychology. Vol. 1. St. Petersburg: DNA (pp. 33-155)
2. Alekseeva, I. Y. (2008). What is cognitive technology? Questions of Philosophy, (pp. 20-29).
3. Vinogradova, E. V. (2007). Cognitive style as a factor of success in teaching a foreign language at a technical university. Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University, (pp. 45-52).
4. Gardner, G. (2007). The structure of the mind: the theory of multiple intelligence. Moscow: I.D. Williams LLC (pp. 27-68).
5. Grigorenko, E. L., & Zinchenko, Y. P. (2012). Cognitive styles: Theoretical and applied aspects. Moscow: Smysl Publishing House (pp. 1-206).
6. Kagan, J. (1965). Impulsive and reflective children: Significance of conceptual tempo. In J. D. Krumboltz (Ed.), Learning and the educational process (pp. 133–161). Rand McNally.
7. Karpov, A.V. (2003). Psychology of management. Moscow: Gardariki (pp.67-97).
8. Kvitnitskaya, N. N. (2010). Cognitive styles: theoretical approaches and practical research. Bulletin of Tomsk State Pedagogical University,(pp.131-135).
9. Kolga, V. A. (2008). Cognitive styles: classification, properties and application in education. Psychology of Learning, (pp. 4-23).

ИССЛЕДОВАНИЕ ИЗБЫТОЧНОГО ВЕСА У СТУДЕНТОВ ФАКУЛЬТЕТА ФИЛОЛОГИЯ

Шелягина Ирина Николаевна
E-mail: Shelyaginai@list.ru
Филиал МГУ им М.В.Ломоносова в г. Ташкенте, кандидат педагогических наук, и.о.доцента

Проблема избыточного веса самая глобальная на сегодняшний день. По данным совместного исследования со Всемирной Организацией Здравоохранения 51% населения Узбекистана имеет излишний вес.

Тема избыточного веса вызывает обеспокоенность всего населениянашей планеты. Если до конца 2000 года ожирение связывали преимущественно с конституционными особенностями телосложения, то на сегодняшний день, помимо наследственных факторов, преобладают: малоподвижность, излишнее потребление пищи с нарушением режима питания среди детей и молодежи.

Излишний вес сказывается на сердечно-сосудистой системе (различные патологии), приводит к сахарному диабету и онкологическим заболеваниям, деформирует опорно-двигательный аппарат, повышает нагрузку на связки и мышцы нижних конечностей и позвоночника.

Исследования проведенные американскими учеными с применением лечебной программы (медикаментозные средства и диеты), только в 22-35% случаев способствуют снижению массы тела, причем, использование отдельных препаратов противопоказано. Поэтому вопрос использования терапии при ожирении остается открытым.

Другими альтернативными средствами являются: физические упражнения, массаж, природные факторы и кинезотерапия.

Вопросами лечебной физической культуры при излишнем весе и ожирении занимались Вардиамиди Н.Д, Машкова Л.Г. , Епифанов В.А. [1,2].

Основным средством в лечении и профилактики ожирения являлись физические упражнения, влияние которых положительно сказывалось на регуляторной системе: нормализовывались показатели обмена веществ (жировой и углеводный), снижалась масса тела, укреплялся опорно-двигательный аппарат, сердечная мышца, улучшалось пищеварение и функции кишечникаЕпифанов В.А.[3]

Многими авторами неоднократно отмечалось, что дозированная физическая нагрузка аэробной направленности в виде ходьбы, велопробеги, плавательные упражнения в бассейне снижают вес тела уже после 2 недель занятий, а в сочетании с низкокалорийной диетой к уменьшению подкожной жировой ткани.

Седых Е.Ю., Соловьева Л.Д. [4] в своих методических рекомендациях, отмечает, лечебное действие физических упражнений в увеличении энергозатрат, в следствие чего усиливаются липолитические процессы (расщепление жира), с последующем его окислении до углеводов и воды. Основное в построении данной методики является возрастающая нагрузка общеразвивающих и дыхательных упражнений, которые задействуют мышцы верхних и нижних конечностей, брюшной пресс и локально воздействуют на излишек жировых отложений.

Помимо упражнений используются механические тренажеры: беговая дорожка, велотренажер, гребной вело метр, объем физической нагрузки строго индивидуален. Объем физической нагрузки должен подбираться индивидуально.

Одним из важных лечебных процедур при реабилитации является массаж. Физиологическое воздействие на организм: повышается кровообращение и соответственно лимфоток, снимается отечность, улучшается трофика мягких тканей, в виде укрепления и растяжения мягких мышц. Использование всех видов лечебного массажа их методика (сегментарный, классический, точечный, аппаратный и многие другие) подробно описаны в литературе по лфк и массажу.

При использовании конкретного вида массажа необходимо учитывать индивидуальные особенности и возраст, а также показания и противопоказания к нему.

По данным литературных источников, немаловажным является использование природных факторов санаторно-курортного характера, такпитье минеральных вод, лечебные ванны и душ с теплыми источниками, оказывает более глубокое воздействие на глубокие слои мышечных тканей.

Также в клинической практике применяются такие методы, как психотерапия, диетотерапия, фармакотерапия, хирургические и все современные методики физиотерапевтического воздействия.Но как показывает опыт, самыми эффективными являются занятия физическими упражнениями. В процессе занятий увеличивается расход энергии, а оптимальный распорядок дня и рациональное питание благоприятно сказываются на снижении веса.

В связи с этим актуальность выбранной темы для исследования не вызывает сомнений.

В исследовании приняли участие студенты 1-2 курсов факультета Филология в количестве 64 человек. Для определения ИМТ (индекс массы тела) измеряли рост тела в м^2 и массу в кг.

Полученные результаты позволили констатировать:

- избыточный вес тела имеют –14 человек, что составляет 22%;
- недостаток массы –20 человек - 31%;
- норма - у 30 человек 47%.

Специальные и правильно подобранные физические упражнения увеличивают расход килокалорий, за счет энергетических трат, и тем самым способствуют снижению веса.

Нами была предпринята попытка определить наиболее эффективные упражнения различной направленности для снижения веса.

Как известно, мышечная деятельность, напрямую зависима от интенсивности и вызывает соответствующие ответные реакции со стороны внутренних органов и систем организма. Интенсивность упражнений представляет собой количество движений в единицу времени и подразделяются на пять зон: малая (чсс до 120 уд/мин); умеренная (чсс 130-160 уд/мин); большая (чсс 165-175 уд/мин); субмаксимальная (чсс 175-185 уд/мин); максимальная(свыше 185 уд/мин).

На занятиях применялись упражнения на: гибкость, выносливость, скорость, силовые упражнения, скоростно-силовые. Для каждого вида упражнений регламентировались количество серий, темп, время выполнения. Ниже приедены упражнения и методика их выполнения.

Выносливость, согласно литературным источникам, представляет способность организма выполнять физическую работу без снижения работоспособности. В качестве средства мы использовался бег с высоким подниманием бедра заданной интенсивности, количество серий составляло 3-4, время выполнения в серии 25-35 сек.

Скорость, выполнялся бег на месте в течении 10 сек в максимально быстром темпе, количество серий 4-5 раз.

Силовые упражнения для мышц живота, выполнялись на наклонной поверхности под углом 15 градусов 4-5 раз, 3-4 серии.

Скоростно-силовые упражнения, выполнялись в виде многоскоков и в метании набивного мяча в течении 1 минуты и состояли из 4 серий.

Упражнения на гибкость (рывки прямыми руками - 15 раз, махи каждой ногой – 20 раз, сгибание туловища – 30 раз, количество серий не более 3.

Конечно, из всех перечисленных видов самыми энергоемкими являются упражнения на выносливость, далее скоростные и упражнения на гибкость, в скоростно-силовых происходит наименьшее снижение массы.

Однако их комплексное использование в тренировочном занятии дает положительный результат в метаболизме организма, происходит не только снижение массы тела, но и улучшение работы всех органов и систем.

Проблема избыточного веса актуальна и среди студентов нашего Университета. Впервые проведено исследование на 1-2 курсах факультета Филология, где было выявлено, что - избыточный вес тела имеют – 14 человек, что составляет 22% из общего количества обследованных, недостаток массы выявлен у 20 человек - 31%, норма - у 30 человек - 47%.

Предлагаемая программа различных по направленности упражнений благотворно сказывается не только на снижении веса, но и нормализует обмен веществ в организме, и способствует повышению работоспособности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вардиамиди Н.Д. Машкова А.Г. Лечебная физкультура и диетология при ожирении. – Киев: Здоровье – 1998. – с 47.
2. Васин Ю.Г. Физические упражнения основа профилактики ожирения, 3-е изд., переработанное Киев, Здоровья, 2000 – 104 с.
3. Епифанов В.А. Лечебная физическая культура. 2006 – 154 с.
4. Седых Е.Ю. Соловьева Л.Д. Реабилитация больных с ожирением. Методические рекомендации. Иркутск 2019, 14 стр.

4C METASKILLS: CORE COMPETENCIES OF EDUCATION IN THE DIGITAL AGE

Yunusova Dilnoza Alisher kizi
E-mail: dilnoza.yunusova.1991@gmail.com
master's student, Tashkent Branch of Moscow State University named after M.V. Lomonosov

Introduction

The digital age has significantly transformed traditional concepts of personality, knowledge, and education. As M. Castells noted, "We live in a network society where the primary resource is information, and the central ability is managing it effectively" [1]. In this context, education is no longer a passive process of knowledge transfer but a dynamic system that requires the formation of higher-order thinking skills and behavioral flexibility. Digitalization has become not merely a technological shift but a civilizational transformation that shapes the mental, social, and emotional structure of the modern individual. Consequently, the need for metaskills—skills that govern other skills—is emerging as a central concern in educational policy, psychology, and pedagogy.

1. The Age of Digitalization and the Self-Portrait of an Individual in the Digital Era. The proliferation of digital technologies has given rise to a new mode of being—a networked identity. L. Manovich defines this as the emergence of the "interface human," whose consciousness is distributed across multiple screens and whose identity is constantly edited, curated, and optimized [2]. Nicholas Carr's cognitive neuroscience-based analysis shows that this mode of life leads to shortened attention spans and an erosion of critical reasoning ability, thus shifting the educational task from rote memorization to teaching cognitive resilience [3].

This digital fragmentation of the self is paralleled in philosophical and literary reflections. J.R.R. Tolkien's quote, "All we have to decide is what to do with the time that is given us" [4], invites readers to consider intentionality as a core virtue in the face of technological acceleration. In this context, self-management, mindfulness, and media literacy become as fundamental as reading or arithmetic.

2. The Concept of 4C Metaskills. The concept of 4C metaskills—critical thinking, creativity, communication, and collaboration—arose as a response to the growing inadequacy of traditional curricula in equipping students for real-world challenges. These four have been highlighted as universal precisely because they function at a meta-level: they are not bound to specific disciplines or technologies but rather enable individuals to navigate complex, changing environments across all spheres of life. As Dede (2010) argues, these skills are "portable, generative, and essential for lifelong learning" [19].

Critical thinking serves as a metacognitive tool that regulates one's judgments and decisions. It underpins scientific inquiry, ethical deliberation, and problem-solving, making it a fundamental skill across fields [14]. For instance, in evaluating conflicting news reports during a crisis, critical thinking enables an individual to distinguish credible information from manipulation.

Creativity enables adaptive innovation—whether in entrepreneurship, research, or artistic expression. It mobilizes cognitive flexibility and is increasingly viewed as a general-purpose capacity rather than a specialized talent [15]. In practical terms, creativity is essential when a startup must pivot its business model in response to sudden market changes.

Communication and collaboration, meanwhile, are social regulators. Communication facilitates the articulation and exchange of ideas, emotional intelligence, and intercultural competence. It becomes crucial in scenarios such as a healthcare team coordinating patient care across specialties. Collaboration builds on intersubjectivity and collective intelligence, which are crucial in today's team-based work and knowledge economies. For example, the success of international scientific research projects—such as vaccine development—relies on seamless global collaboration. Vygotsky's theory supports their universal relevance, showing that learning itself is relational before it becomes internalized [10].

The selection of these four as core metaskills is reinforced by comparative curriculum analyses conducted by UNESCO, the OECD, and the World Bank, which consistently place 4C skills at the heart of 21st-century competencies [5]. Their utility transcends age, profession, and geography, affirming their universality.

Psychological theories support the cognitive foundations of each of the 4Cs. Critical thinking has been analyzed in depth by Ennis (1987), who viewed it as "reasonable reflective thinking focused on deciding what to believe or do," highlighting the evaluative and metacognitive dimensions of reasoning [14]. Creativity, meanwhile, is grounded in divergent thinking and openness to experience, both measured and expanded through Torrance Tests of Creative Thinking (TTCT) [15]. These tests demonstrate that creativity can be systematically developed through educational intervention.

Communication is enriched by Bandura's social learning theory, where modeling, observation, and feedback become central to learning through social interaction [16]. Collaboration, as studied in Vygotsky's theory, is seen as essential for internalizing external dialogues into individual thought processes. The ZPD offers a zone where potential development is achieved only in cooperation with others [10].

This shift in educational focus aligns with John Dewey's vision of education as life itself [6], rather than a preparatory stage. Dewey advocated experiential learning and reflective thinking, which resonate with the aims of the 4C model.

3. The Urgent Need for Teaching 4C Metaskills. The exponential speed of socio-economic change underlines the urgency of embedding 4C skills across all levels of education. Frey and Osborne's predictive analytics indicate that nearly half of all current occupations are automatable, which implies that uniquely human capacities—such as judgment, empathy, and creativity—will define employability [7].

Moreover, interdisciplinary research by Facione (1990) shows that the disposition toward critical thinking correlates significantly with both academic success and ethical reasoning [17]. This suggests that without cultivating these cognitive frameworks, learners are vulnerable not only to disinformation but also to manipulation and prejudice.

Furthermore, the current information ecosystem, flooded by misinformation, deepfakes, and algorithmic echo chambers, demands that individuals cultivate epistemic vigilance. The inability to verify information sources or collaborate across ideological divides is not merely a cognitive limitation but a democratic risk. Hence, critical thinking and communication must be taught not as isolated academic skills, but as socially embedded capacities crucial for civic life.

Albert Einstein's reflection, "We cannot solve problems using the same kind of thinking we used when we created them" [8], underscores the need for cognitive innovation. To foster this, educational institutions must move from static, discipline-based instruction to dynamic, interdisciplinary learning environments where learners are co-creators of knowledge.

4. The Role of Psychology as a Science in Teaching Metaskills. Psychology, particularly cognitive and developmental psychology, provides a scientific framework for understanding how 4C skills develop. Jean Piaget's theory of cognitive development articulates the stages through which logical reasoning and perspective-taking evolve, offering insight into age-appropriate pedagogies for critical thinking [9]. Lev Vygotsky's socio-cultural theory emphasizes the role of guided learning and social interaction in the development of higher psychological functions, particularly through the Zone of Proximal Development (ZPD) [10].

Educational applications of Vygotsky's work have led to cooperative learning models, scaffolding strategies, and dialogic teaching, which promote communication and collaboration. Moreover, social psychology enriches our understanding of teamwork, leadership, and group dynamics. The experimental findings of Lewin, Lippitt, and White [11] demonstrate how democratic and participatory environments enhance collective motivation and cohesion.

Beyond theory, psychological interventions have proven effective in building metaskills. Zimbardo's work on time perspective and behavioral self-regulation [12], for instance, offers concrete tools for fostering self-awareness and emotional intelligence—traits that underpin all 4C competencies. Goleman's research into emotional intelligence has further demonstrated that empathy and social skills play foundational roles in communication and collaboration and can be taught within structured educational environments [18].

Conclusion. In conclusion, the 4C metaskills represent a paradigm shift in educational priorities, aligning with the needs of a digital, networked, and unpredictable world. Their implementation must go beyond policy rhetoric and be grounded in pedagogical, psychological, and technological innovation. As Confucius reminds us, "Education breeds confidence. Confidence breeds hope. Hope breeds peace" [13]. Thus, embedding 4C skills into educational systems is not only an investment in future employment but a commitment to the cultivation of thoughtful, empathetic, and resilient global citizens.

REFERENCES

1. Castells, M. The Rise of the Network Society. Blackwell Publishers, 2000, p.22.
2. Manovich, L. The Language of New Media. MIT Press, 200, p.155.
3. Carr, N. The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains. W. W. Norton & Company, 2010, p.64.
4. Tolkien, J.R.R. The Fellowship of the Ring. Allen & Unwin, 1954, p.38.
5. World Economic Forum. Future of Jobs Report. Geneva, 2018, p.12.
6. Dewey, J. Democracy and Education. Macmillan, 1916, p.78.
7. Frey, C.B., & Osborne, M.A. The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs to Computerization? Technological Forecasting and Social Change, 2017, p.265.
8. Einstein, A. The World As I See It. Citadel Press, 1949, p.143.
9. Piaget, J. The Psychology of Intelligence. Routledge, 2001, p.57.
10. Vygotsky, L.S. Mind in Society. Harvard University Press, 1978, p.89.
11. Lewin, K., Lippitt, R., & White, R.K. Patterns of Aggressive Behavior in Experimentally Created Social Climates. Journal of Social Psychology, 1939, p.301.
12. Zimbardo, P. Psychology and Life. Pearson, 2007, p.11.
13. Confucius. The Analects. Trans. D.C. Lau, Penguin Classics, 1998, p.13.
14. Ennis, R.H. Critical Thinking. Prentice-Hall, 1987, p.10.

15. Torrance, E.P. Torrance Tests of Creative Thinking: Norms and Technical Manual. Scholastic Testing Service, 1998, p.39.
16. Bandura, A. Social Learning Theory. Prentice-Hall, 1977, p.44.
17. Facione, P.A. Critical Thinking: A Statement of Expert Consensus for Purposes of Educational Assessment and Instruction. American Philosophical Association, 1990, p.29.
18. Goleman, D. Emotional Intelligence. Bantam Books, 1995, p.102.
19. Dede, C. Comparing Frameworks for 21st Century Skills. In: Bellanca J., Brandt R. (eds), 21st Century Skills: Rethinking How Students Learn. Solution Tree Press, 2010, p.45.

NEW APPROACHES TO ASSESSING EDUCATIONAL ACHIEVEMENT IN THE HUMANITIES

Yakubov Abdurashid
E-mail : yakubov_abdurashid@mail.ru
Master's student, Tashkent Branch of Moscow State University named after M.V. Lomonosov

In the context of rapid technological progress and the transformation of educational paradigms, the humanities are undergoing a notable rethinking. Societal demands for graduates capable of independent judgment, adaptability, and critical engagement are pushing educational institutions to reassess long-standing evaluation methods. Traditional approaches—such as essay-based examinations—are no longer sufficient to measure the full spectrum of competencies required in modern humanistic disciplines, especially those related to creativity, cooperation, and reflective thinking. A notable shift in assessment theory and practice has been the growing attention to formative evaluation, which prioritizes learning development over formal control. Unlike summative testing, this method emphasizes continuous feedback, individual goal-setting, and introspective learning. A core component of this model is the use of digital portfolios, which allow learners to accumulate a range of work over time—essays, audio or video projects, peer feedback, and reflective commentary—offering a more nuanced and student-centered approach to assessment [1, p. 2].

Example: In courses such as cultural theory, portfolios might include not only written reflections but also podcast content, exhibition critiques, or video interpretations. Evaluation focuses not only on factual accuracy but also on the evolution of insight and interpretation depth.

Project-Based Assessment Approaches. Humanities education, by nature, is closely aligned with social reality. Therefore, the application of project-based learning (PBL) and corresponding assessment formats has become increasingly relevant. Such assessments consider not only the final product—be it a digital exhibition or a thematic archive—but also the process of its development: research strategy, collaboration, and reflective review. These methods reflect real-life challenges and foster interdisciplinary thinking and problem-solving skills highly valued in contemporary society [2, p. 40].

Example: A digital oral history initiative focusing on dialects and local memory might be assessed through stages—research formulation, teamwork dynamics, digital fluency, and contribution to public discourse. Modern technologies, particularly AI and NLP-based platforms, are transforming assessment landscapes. Tools like Grammarly, Turnitin, Ecree, and OpenEssayist now support educators by providing real-time analysis of student writing, assessing coherence, structure, argumentation, and originality [3, p. 1; 4, p. 1; 5, p. 1; 6, p. 1]. Though not a replacement for expert evaluation, these systems help identify common errors and give students personalized, constructive feedback.

Example: When evaluating student essays in philosophy, instructors may use OpenEssayist to identify reasoning inconsistencies or structure gaps, helping students improve both logic and form.

Peer and Self-Evaluation in the Humanities. Given the dialogical and interpretative nature of the humanities, peer and self-assessment are especially effective. They promote responsibility, engagement with diverse viewpoints, and the ability to critique and defend one's

ideas. Online platforms like Peergrade and Eduflow facilitate anonymous and rubric-based peer review systems [7, p. 1; 8, p. 1].

Example: In an ethics seminar, students assess each other's essays, using rubrics that emphasize moral reasoning and argument coherence, fostering both academic dialogue and introspection. In recent years, gamification, along with augmented and virtual reality (AR/VR), has entered the sphere of educational evaluation. These approaches simulate historical, cultural, or ethical scenarios and are well-suited to testing not only knowledge but also empathy, decision-making, and strategic thinking[9,p.5].

Example: A VR-based simulation of monastic medieval life allows learners to navigate complex value-laden decisions. Their choices and reflections form the basis of further critical analysis through written self-assessment. The reconfiguration of assessment in the humanities represents a shift away from control-based summative models toward dynamic, learner-oriented strategies. These new approaches support not only knowledge acquisition but also self-awareness, transferable skills, and individual growth. Their successful implementation depends largely on institutional readiness, teacher expertise, and a thoughtful integration of educational technologies. When applied meaningfully, such practices turn evaluation into a tool of academic empowerment rather than restriction [10, p. 1].

REFERENCES

1. Barrett, H.C., 2010. *Balancing the Two Faces of ePortfolios*. [online] Available at: https://electronicportfolios.org/portfolios/iste2k.html [Accessed 23 May 2025].
2. Bell, S., 2010. *Project-Based Learning for the 21st Century: Skills for the Future*. The Clearing House: A Journal of Educational Strategies, Issues and Ideas, [online] 83(2), pp.39–43. Available at: https://doi.org/10.1080/00098650903505415 [Accessed 23 May 2025].
3. OpenEssayist, 2024. *OpenEssayist Platform*. [online] Available at: https://openessayist.lboro.ac.uk [Accessed 23 May 2025].
4. Grammarly, 2024. *Grammarly – AI Writing Assistant*. [online] Available at: https://www.grammarly.com [Accessed 23 May 2025].
5. Turnitin, 2024. *Turnitin – Plagiarism Detection Software*. [online] Available at: https://www.turnitin.com [Accessed 23 May 2025].
6. Ecree, 2024. *Ecree – Writing Assistant Tool*. [online] Available at: https://ecree.com [Accessed 23 May 2025].
7. Peergrade, 2024. *Peergrade – Peer Review Platform*. [online] Available at: https://www.peergrade.io [Accessed 23 May 2025].
8. Eduflow, 2024. *Eduflow*. [online] Available at: https://www.eduflow.com [Accessed 23 May 2025].
9. Bacca, J., Baldiris, S., Fabregat, R., Graf, S. and Kinshuk, 2014. *Augmented reality trends in education: A systematic review of research and applications*. Computers & Education, [online] 68, pp.1–13. Available at: https://doi.org/10.1016/j.compedu.2014.01.032 [Accessed 23 May 2025].
10. PD 360, 2024. *PD 360 Platform*. [online] Available at: https://www.pd360.com [Accessed 23 May 2025].

COMPARATIVE ANALYSIS OF SOCIAL SCIENCE EDUCATION ACROSS COUNTRIES

Yakubov Abdurashid
E-mail : yakubov_abdurashid@mail.ru
Master's student, Tashkent Branch of Moscow State University named after M.V. Lomonosov

Contemporary education systems are undergoing profound and multidimensional shifts—not only in the natural and applied sciences, but also within the humanities and social disciplines. These shifts are catalyzed by transnational processes such as intensified global interconnectedness, the widespread adoption of digital technologies across sectors, and increased academic mobility among students and faculty [1, p. 15]. As a result, both the substance and method of instruction are evolving in response to complex societal demands. One of the most striking trends in the field of social science education is the growing emphasis on cross-national comparisons. This interest stems from a global push for more effective, skills-oriented vocational education systems [2, p. 3]. National educational models are now expected to respond proactively to issues like migration, polarization, and inequality [3, p. 136]. Comparative education as a field offers a structured and systematic framework to explore diverse pedagogical approaches, uncover best practices, and assess their applicability in new contexts. As Bray, Adamson, and Mason highlight, such comparative work fosters not only an appreciation for diversity in educational goals and achievements but also enables scholars and practitioners to adopt a more critical stance toward domestic systems [2, p. 645]. This creates a space for evidence-informed, contextually relevant educational reform, rather than superficial borrowing of foreign models. In today's volatile global environment, the social sciences remain indispensable. These disciplines prepare students to grasp the foundations of societal organization, governance, and economic behavior while also nurturing vital civic competencies [4, p. 190]. Among the key outcomes of social science education are critical thinking, reasoned debate, ethical reflection, and openness to intercultural exchange [5, p. 1]. The teaching of social sciences, therefore, cannot be reduced to rote content delivery; it must involve students in inquiry-based learning and the practical application of ideas. The diversity of sociocultural and political contexts demands that educational practices be carefully adapted, rather than copied wholesale [5, p. 1]. The effective integration of global insights thus requires flexibility and methodological depth [2, p. 3].

United States: In the U.S., the teaching of social studies often centers on problem-based learning. Educators employ real-life case studies, group analysis, and policy debates to foster critical engagement and civic responsibility [6, p. 10].

France: French educational philosophy is anchored in theoretical and analytical rigor. The curriculum emphasizes intellectual independence through intensive lectures and structured essay writing—especially in philosophy and political theory [7, p. 1].

Finland: A global leader in educational innovation, Finland is known for its holistic and inclusive approach. Project-based learning is woven throughout the curriculum, with a strong emphasis on equality, self-regulation, and interdisciplinary collaboration [8, p. 1].

System Comparison

Country	PISA 2018 Reading Score	Scientific Publications (2020)	Participation in International Olympiads
China	555	744,042	Active participation
USA	505	624,554	Active participation
France	493	174,524	Active participation
Finland	520	25,204	Active participation
Russia	479	27,324	Active participation

According to the OECD, Chinese students from regions such as Beijing and Shanghai consistently achieve the highest scores in reading literacy [11, p. 3]. In parallel, data from Scopus reflect China's global leadership in research output [12, p. 1]. Furthermore, all five countries listed demonstrate active engagement in international educational competitions, including social science Olympiads [13, p. 1].

This comparative overview underscores both shared challenges and context-specific strengths in social science education across nations. There is clear consensus on the need for curricula that equip learners with analytical, communicative, and ethical competencies. While the U.S. promotes civic inquiry, France cultivates philosophical reasoning; Finland emphasizes equity and collaboration; Russia moves toward interactivity; and China balances ideological heritage with innovation. Through the use of international benchmarks—such as PISA scores, research output, and student participation in global events—this paper affirms that comparative education is not about mimicking other systems, but about thoughtfully adapting practices to improve relevance and quality in local settings [2, p. 3; 5, p. 1].

REFERENCES

1. Yarkina, N.I., 2019. *Transformation of Higher Education in the Context of Globalization: A Sociological Perspective*. Kazan: Kazan University Press.
2. Bray, M., Adamson, B. and Mason, M., 2007. *Comparative Education Research: Approaches and Methods*. Dordrecht: Springer.
3. Straub, C. and Ravez, C., 2020. *Social Science Education in France: A Fragmented Educational Landscape in Transition*. Journal of Social Science Education, 19(1), pp.136–153.jsse.org
4. Green, A., 1997. *Education, Globalization and the Nation State*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

СЕКЦИЯ 4.
ФИЛОСОФСКИЕ ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ: ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ НА ОБРАЗОВАНИЕ И ЛИЧНОСТЬ

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ И САМООЦЕНКИ

Аманова Ширин Пулатовна
E-mail: foksizabella7@gmail.com
Магистрант филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Ташкенте, факультета «Педагогического образования»

Цифровые платформы для социального взаимодействия стали важнейшим элементом жизни людей XXI века, существенно воздействуя на процессы адаптации в обществе, становления личностной идентичности и формирования ценностных ориентиров. В настоящее время огромное количество пользователей, в первую очередь представители молодого поколения, тратят существенную часть своего времени на активность в цифровых медиа-пространствах, выстраивая собственное понимание окружающей действительности через призму онлайн-контента. Данная тенденция актуализирует проблему исследования механизмов воздействия интернет-платформ на мировосприятие и самоотношение индивида.

Картина мира человека складывается через призму индивидуального жизненного опыта, социального контекста и информационных потоков из окружающей среды. Онлайн-платформы превратились в влиятельный информационный канал, где участники не только получают информацию, но и выстраивают активное взаимодействие с окружающими, что значительно трансформирует их убеждения и приоритеты.

Научные данные демонстрируют, что систематическое потребление контента в цифровых медиа приводит к трансформации понимания социальных стандартов, принципов справедливости, политических ориентаций и культурных пристрастий [1]. Участник, оказываясь в «эхо-камере», сталкивается с односторонним освещением событий, создающим деформированное представление о реальности, что препятствует развитию аналитических способностей [2].

Машинные алгоритмы цифровых платформ осуществляют персонализацию контента на основе пользовательских предпочтений, усиливая явление предвзятости восприятия, когда индивид преимущественно встречается с позициями, соответствующими его собственным убеждениям [3]. Подобный механизм способствует созданию изолированных идеологических конструкций, препятствующих восприятию различных взглядов.

Цифровые медиа-платформы устанавливают современные стандарты достижений, привлекательности и образа жизни, оказывая наиболее сильное воздействие на подрастающее поколение. Демонстрируемый в онлайн-пространстве материал формирует ложное представление о простоте достижения благополучия, признания и финансовой состоятельности, что способно приводить к фрустрации и ухудшению самовосприятия при встрече с объективной реальностью [4].

Самовосприятие представляет собой субъективную оценку собственной значимости и достоинства, выполняющую центральную функцию в психологическом здоровье индивида. Участие в активности цифровых платформ оказывает двоякое воздействие на самоотношение личности.

В положительном аспекте онлайн-платформы открывают возможности для самопредставления, получения социальной поддержки, обратной связи и признания, что способно содействовать укреплению уверенности в собственных силах [5]. Одобрительные отзывы, отметки «нравится» и подписки нередко интерпретируются как общественное признание, укрепляющее самооценку.

В негативном плане непрерывное сопоставление себя с другими участниками, особенно с тщательно подобранными образцами «благополучной» жизни, формирует неоправданные ожидания и заниженное самовосприятие [6]. Научные исследования указывают, что избыточная концентрация на внешних данных, численности подписчиков и одобрений способна провоцировать беспокойство, неудовлетворенность собой и депрессивные проявления [7].

Значительную угрозу представляет явление «отфильтрованной действительности» — тенденция размещать в цифровых медиа исключительно удачные жизненные эпизоды, обработанные изображения, что порождает искаженные эталоны. Вследствие этого представители молодежи начинают расценивать себя как «неудовлетворительных» на фоне идеализированных образов из новостной ленты [8].

Существенное значение имеет проблема киберагрессии — оскорбительного поведения, преследования и дискриминации в онлайн-среде, наносящих серьезный ущерб самовосприятию и психическому состоянию пользователей [9].

Несмотря на существующие опасности, интернет-платформы также могут стимулировать личностное развитие. Они создают возможности для расширения социальных связей, творческого самовыражения, получения поддержки в сложные периоды, участия в общественных и благотворительных проектах [10].

Онлайн-платформы позволяют людям обнаруживать единомышленников, совершенствовать профессиональные компетенции, вести авторские проекты, принимать участие в обсуждениях, что способствует росту самоуверенности и социальной вовлеченности [11]. Существенно, чтобы взаимодействие с цифровыми медиа происходило осмысленно и гармонично.

Для уменьшения негативного влияния цифровых платформ на мировосприятие и самоотношение требуются:

- Развитие аналитического мышления: необходимо обучать пользователей критически оценивать поступающую информацию, верифицировать надежность источников и распознавать манипулятивные элементы в публикациях [12].
- Повышение цифровой компетентности: образование в области безопасного и осознанного использования интернет-платформ, способности защищать персональную информацию и корректно выстраивать онлайн-взаимодействие.
- Семейная и образовательная поддержка: родители и преподаватели должны участвовать в процессе формирования здорового самовосприятия, своевременно выявлять признаки интернет-зависимости или киберагрессии.
- Психологическое сопровождение: специалисты образовательных учреждений должны организовывать тренинговые программы, формировать у молодежи сопротивляемость к социальным сравнениям, а также предоставлять помощь в случаях онлайн-преследования.

Заключение

Цифровые платформы социального взаимодействия превратились в неотделимый компонент существования современного индивида и оказывают существенное воздействие на становление мировосприятия и самоотношения. С одной стороны, они открывают новые горизонты для социальной адаптации, самореализации и образования, с другой — создают риски формирования нереалистичных эталонов и ухудшения самовосприятия через систематические сравнения.

В эпоху цифровизации особенно значимо воспитывать у пользователей осмысленное и критическое отношение к контенту интернет-платформ, развивать компетенции цифровой безопасности и психологической стойкости. Исключительно комплексный подход, охватывающий взаимодействие с семьей, образовательными учреждениями и обществом, даст возможность минимизировать деструктивное влияние цифровых медиа и обеспечить условия для всестороннего развития личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лапшина Е.Н. Влияние социальных сетей на формирование мировоззрения современной молодежи // Психология и Педагогика. – 2017. – № 7 (40). – С. 55-58.
2. Паршин В.В. Информационные пузыри и социальные сети: угроза или новый формат общения? // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2018. – № 3. – С. 66-80.
3. Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. – Penguin Press, 2011.
4. Приходько Ю.А. Роль социальных сетей в формировании системы ценностей подростков // Вестник психологии и педагогики. – 2018. – № 3. – С. 22-26.
5. Valkenburg P.M., Peter J. Social consequences of the Internet for adolescents: A decade of research // Current Directions in Psychological Science. – 2009. – Vol. 18, No. 1. – P. 1-5.
6. Fardouly J., Vartanian L.R. Social media and body image concerns: Current research and future directions // Current Opinion in Psychology. – 2016. – Vol. 9. – P. 1-5.
7. Woods H.C., Scott H. #Sleepyteens: Social media use in adolescence is associated with poor sleep quality, anxiety, depression and low self-esteem // Journal of Adolescence. – 2016. – Vol. 51. – P. 41-49.
8. Chou H.T.G., Edge N. “They are happier and having better lives than I am”: The impact of using Facebook on perceptions of others ’lives // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. – 2012. – Vol. 15, No. 2. – P. 117-121.
9. Kowalski R.M., Giumetti G.W., Schroeder A.N., Lattanner M.R. Bullying in the digital age: A critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth // Psychological Bulletin. – 2014. – Vol. 140, No. 4. – P. 1073-1137.
10. Best P., Manktelow R., Taylor B. Online communication, social media and adolescent wellbeing: A systematic narrative review // Children and Youth Services Review. – 2014. – Vol. 41. – P. 27-36.
11. Andreassen C.S. Online social network site addiction: A comprehensive review // Current Addiction Reports. – 2015. – Vol. 2, No. 2. – P. 175-184.
12. Livingstone S., Helsper E.J. Balancing opportunities and risks in teenagers ’use of the Internet: The role of online skills and Internet self-efficacy // New Media & Society. – 2007. – Vol. 9, No. 2. – P. 309-329.

ИСТИНЫ В ЭПОХУ ИНТЕРНЕТА: ОБРАЗОВАНИЕ КАК ПУТЬ К САМОПОЗНАНИЮ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ

Ахмадалиева Рухшонабону Мухаммаджоновна
E-mail: rukhshonaahmadaliyeva@gmail.com
Студентка 3 курса факультета филологии Филиала МГУ
в г. Ташкенте

Сегодня, когда интернет прочно вошёл в жизнь миллионов, поиск истины требует особой внимательности. Новостные ленты, комментарии, видеоролики и мемы заполняют экраны, создавая иллюзию постоянного информационного потока. Казалось бы, истина должна быть ближе: можно узнать о событиях в любой точке мира мгновенно. Но вместе с этим пришли противоречивые сведения, фейки и поверхностные мнения. Как среди них найти то, что действительно важно, и при этом понять себя, выстроить собственную картину мира? Ответ — в образовании не как формальном накоплении фактов, а как способности мыслить, задавать вопросы и анализировать своё восприятие.

Интернет создаёт среду цифровой неопределённости. С одной стороны, сегодня для исследования достаточно набрать ключевые слова, а не идти в библиотеку. С другой — изобилие источников порождает «информационную иллюзию»: важно понять не только количество, но и качество сведений. Возникает парадокс выбора: любой факт, казалось бы, доступен, но мы сомневаемся, не искажена ли картина. Алгоритмы социальных сетей часто показывают лишь публикации, подтверждающие уже сложившиеся убеждения, — искажение информации становится незаметным [1]. В итоге человек рискует замкнуться в «эхо-камере», теряя альтернативные идеи. Быстрый формат «фотографий, заголовков и коротких роликов» приучает к мгновенному переключению внимания, а глубокий анализ становится менее доступным, стимулируя «клиповое мышление» [2].

Образование в этом контексте — не усвоение фактов, а формирование умения мыслить. Важно не просто знать даты и цитаты, а учиться задавать вопросы: «Почему автор делает такие выводы?», «Какие основания у его аргументов?», «Какие альтернативы существуют?». Такой подход воспитывает критическое мышление и превращает обучение в путь самопознания: мы начинаем понимать не только мир, но и себя, свои ценности и цели. Сократовский метод — задавать вопросы, искать ответы, не принимать ничего на веру — бесценен в эпоху цифровой неопределённости [3]. Когда мы спрашиваем «почему?» и не боимся рассматривать проблему с разных сторон, отпадает необходимость «жить» шаблонным «я», продиктованным соцсетями, и мы приближаемся к собственному подлинному «я». В философской традиции образование неразрывно связано с критическим мышлением [4].

В цифровой реальности мы создаём разные «образцы себя»: аккаунты в соцсетях, где стремимся выглядеть лучше, хотим больше лайков, демонстрировать успешность или непререкаемую правоту. В результате человек теряет ощущение «глубины» «я», потому что взаимодействие происходит через эмодзи, лайки и короткие комментарии. Это «цифровое Я» может быть далеким от нашего реального состояния [5]. Образование восстанавливает связь между тем, кем мы являемся офлайн, и тем, что отражаем в сети. Изучая философию,

литературу или историю, мы вступаем в живой диалог с авторами и с собой: формулируем мысли, записываем их, анализируем, обсуждаем. Такой диалог возвращает полноту переживания и даёт шанс понять, что в нас подлинно, а что — навязанные чужие стереотипы.

В цифровом мире сложно сказать, существует ли единственная универсальная истина. Одно и то же событие могут описывать по-разному: упор на эмоции, экономику или культурные особенности. Факты (дата события, статистика) остаются объективными, но интерпретации расходятся. Потребителю важно различать, где заканчиваются факты и начинаются личностные оценки или домыслы. В этом проявляется относительность знаний: факт есть факт, а его объяснения могут сильно различаться. Критический анализ информации — тот самый «маяк», помогающий отличать факт от вымысла и не поддаваться подтверждению собственных предубеждений.

В интернет-сообществах часто формируются «локальные истины» — представления, значимые только для участников конкретной группы. Например, профессиональные чаты, где эксперты согласуют техническое решение, или кулинарные форумы, где обсуждают «правильные» рецепты. Эти «маленькие истины» важны: погружаясь в обсуждения и проверяя рецепты на практике, человек выстраивает собственную систему представлений о качестве продуктов или уровне безопасности технологий. Таким образом, истина в цифровом мире становится скорее процессом, чем конечной точкой: наше понимание уточняется по мере появления новых данных, отзывов и сравнительных экспериментов [1].

Однако онлайн-образование сталкивается с двумя крайностями. С одной стороны, оно невероятно доступно: смартфон и интернет позволяют пройти курс ведущего университета или посмотреть лекции именитых профессоров. Это открывает возможности тем, кто не мог ранее позволить себе очное обучение. С другой — гонка за популярностью порождает «быстрые» форматы: короткие видеоролики и интерактивные тесты, призванные удержать внимание, но жертвующие глубиной. Уроки по пять-десять минут формируют привычку к «клиповому мышлению», а способность к вдумчивому чтению теряется [6]. К тому же виртуальный класс лишён живого общения: сложно услышать неожиданный вопрос соседа, прочитать невербальную реакцию преподавателя или ощутить атмосферу, способствующую спонтанным дискуссиям. Всё это делает цифровое образование инструментом, который, с одной стороны, увеличивает доступность знаний, а с другой — может обеднять их качество.

Чтобы избежать этих рисков, важно подойти к онлайн-обучению осознанно. Во-первых, не ограничиваться материалами платформы: читать дополнительную литературу, искать статьи и книги, сравнивать точки зрения. Прошли курс по философии — обратитесь к первоисточникам: читайте Сократа, Платона, Аристотеля. Во-вторых, находить возможности для обсуждения: организовать виртуальный философский клуб или присоединиться к существующему сообществу, где не просто обмениваются ссылками, а ведут живой диалог. В-третьих, фиксировать свои мысли письменно: вести дневник или блог, чтобы упорядочить идеи, отследить изменения восприятия и не забыть важные выводы. Записи пригодятся, когда через несколько месяцев или лет вы захотите вернуться к пройденному материалу.

Чтобы стать не просто потребителем готовых знаний, а активным участником процесса, нужно практиковать метод Сократа: сомневаться во всём, что прочитал или услышал. Чем больше вопросов «почему так?» и «какие есть альтернативы?» человек задаёт

себе, тем точнее становится его картина мира. Истина — не объект, лежащий неподвижно на полке, а диалог, развивающийся во времени: вчерашние открытия могут устареть завтра, а старые теории — потерять актуальность под напором новых исследований. В этом контексте образование не даёт «набор верных ответов», а поддерживает непрерывный процесс уточнения и корректировки взглядов.

Путь к истине в цифровом хаосе требует умения отличать факты от интерпретаций, задавать неординарные вопросы и осознанно потреблять информацию. Важно помнить два ключевых момента: всегда проверяйте источник — даже если ссылка кажется официальной, стоит узнать репутацию автора и издания, изучить их доказательства и библиографию; при значимом событии сравнивайте несколько точек зрения — анализируйте публикации разных типов (государственные, независимые, международные), чтобы получить полную картину и не оказаться заложником однобоких мнений. Сначала выясняйте объективный факт — статистику, официальные документы, а затем анализируйте интерпретации. Усвоив такой алгоритм, вы перестанете быть пассивным потребителем «быстрой» информации и станете её активным интерпретатором: будете проверять факты, уточнять детали и доводить рассуждения до логического конца. Это и есть суть образования как пути к самопознанию: когда у вас создана собственная система критериев, «информационные ловушки» становятся менее опасны, и вы уже не ограничены «эхо-камерами» соцсетей, поскольку у вас есть внутренний фильтр и навыки анализа. Однако путь к самопознанию и истине не ограничивается работой с текстом или видео. Необходимо применять знания на практике.

Изучая этическую философию, попробуйте обсудить моральный вопрос с друзьями или родственниками — например, касающийся наследства или баланса между карьерой и семьёй. Это позволит проверить свои выводы, увидеть, насколько теоретические концепции работают в жизни, и глубже понять собственные ценности. Не бойтесь менять мнение по мере появления новых доказательств — гибкость ума свидетельствует о зрелом мышлении. И ещё: важно иметь сообщество единомышленников или наставников, которые помогут разобраться в тонкостях и поделятся опытом. Если нет офлайн-кружков, присоединяйтесь к онлайн-сообществам: философским чатам, книжным группам, профессиональным форумам. Совместное обсуждение не только обогащает взгляд, но и возвращает элемент живого диалога, который в чисто онлайн-формате часто теряется.

Подводя итоги можно сказать, что в эпоху интернета истина перестаёт быть единой и неподвижной. Она становится динамичным процессом: мы постоянно уточняем знания, корректируем убеждения и стремимся глубже понять себя и окружающий мир. Образование при этом выступает не как хранилище готовых ответов, а как главный инструмент формирования критического мышления и самопознания. Через образование мы учимся осторожно относиться к информационным потокам, видеть разницу между фактом и интерпретацией, задавать вопросы, анализировать их и находить обоснованные ответы в бурном океане данных. Именно в этом путешествии мы начинаем лучше понимать свои ценности и находить своё место в постоянно меняющемся мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козлов В. И. Информационная неопределённость и образовательные стратегии / В. И. Козлов. — Наука и образование. — 2021. — № 9. — 13–22с.

2. Турчина И. А. Информационные технологии и критическое мышление в современном высшем образовании / И. А. Турчина. — Высшее образование в России. — 2020. — № 4. — 12–20с.
3. Смирнов А. П. Философия образования в информационную эпоху / А. П. Смирнов. — Философский журнал. — 2019. — № 8. — 85–95с.
4. Якиманская Т. И. Критическое мышление и информационная культура в современном образовательном пространстве / Т. И. Якиманская. — Современное образование. — 2020. — № 3. — 12–20с.
5. Овчинникова Е. В. Интернет как среда формирования мировоззрения молодёжи / Е. В. Овчинникова. — Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. — 2019. — № 2. — 45–55с.
6. Головин С. А. Образование и интернет: вызовы и перспективы / С. А. Головин. — Педагогическое образование в России. — 2017. — № 5. 55–64с.

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ И СТРУКТУРЫ ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Бабичева Ирина Вячеславовна
E-mail: piven7373@mail.ru
кандидат педагогических наук, доцент кафедры ОГиСЭД
Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в г. Ташкенте

Цифровая эпоха принесла не только технологические, но и философские сдвиги в восприятии мира, знаний и самого человека. Цифровизация образования и жизни в целом требует пересмотра многих понятий: личности, идентичности, знания, этики, свободы. Современные технологии не просто инструменты — они становятся средой формирования мышления, поведения и самоощущения человека. В условиях трансформации образовательной среды возрастает необходимость философского осмысления происходящих изменений.

Целью работы является анализ ключевых изменений, вызванных цифровой эпохой, в сфере традиционного образования и в процессе формирования человеческой идентичности.

Работа предполагает выявление противоречий между стремительным развитием цифровых технологий и фундаментальными принципами традиционного образования и идентичности личности, а также выявление как позитивных, так и негативных последствий этого процесса с позиций философии образования, антропологии и этики.

Современные цифровые технологии радикально преобразуют образовательную среду, превращая её из традиционного пространства передачи знаний в динамичную, интерактивную и многомерную систему.

Онлайн-курсы, виртуальные симуляции, платформы дистанционного обучения и искусственный интеллект позволяют организовать обучение в любое время и в любом месте преобразуют традиционную модель образования, стирая границы между формальным и неформальным образованием. Студент больше не пассивный получатель знаний, а активный участник цифрового образовательного пространства [3, 183]. Это приводит к:

- размыванию границ традиционного образования, переходу к непрерывному обучению;

- смене роли преподавателя с транслятора знаний на проводника и навигатора в цифровой среде;

- информационной перегрузке и снижению глубины усвоения.

Однако вместе с расширением доступа к информации возникает и ряд философских вопросов: сохраняется ли глубина усвоения знаний в условиях клипового мышления? Не теряется ли ценность личного взаимодействия между преподавателем и студентом? В новых условиях важно не просто внедрять технологии, но и осмысленно выстраивать образовательный процесс, в котором цифровые инструменты служат развитию личности, критического мышления и нравственной ответственности.

В условиях цифровой эпохи личность всё чаще формируется не только в реальном, но и в виртуальном пространстве. Меняются способы самовыражения, общения и формирования личности. Социальные сети, цифровые аватары, профили на онлайн-платформах становятся частью так называемой **цифровой идентичности** — отражения человека в информационной среде. Это приводит к трансформации самовосприятия: индивидуум всё чаще оценивает себя через призму лайков, комментариев и цифрового следа. Возникают новые формы самопрезентации, порой не совпадающие с реальным «я», что порождает внутренние конфликты и ощущение отчуждения. С философской точки зрения возникает вопрос: остаётся ли личность целостной в условиях постоянной цифровой модификации, и как сохранить подлинность «я» в мире, где границы между реальным и виртуальным всё более размыты?

Развитие цифровых технологий поставило общество перед рядом острых этических дилемм, требующих философского осмысления. Искусственный интеллект, алгоритмы персонализации, сбор и обработка больших данных влияют не только на образовательные процессы, но и на права человека, свободу воли и приватность [2].

Современные технологии требуют этической оценки. В таких аспектах, как алгоритмическая справедливость возникает вопрос: кто несёт ответственность за решения, принятые машинными алгоритмами, особенно если они касаются судьбы людей, кто отвечает за решения искусственного интеллекта в образовательной и социальной среде?

Цифровое неравенство становится новой формой социальной несправедливости, когда доступ к технологиям зависит от места жительства, уровня дохода или образования, что усиливает расслоение между «цифровыми» и «аналоговыми» пользователями [4].

Проблема приватности становится одной из ключевых этических дилемм, особенно в образовательной среде. Широкое использование онлайн-платформ, электронных дневников, систем отслеживания активности студентов приводит к масштабному сбору персональных данных — от академических результатов до поведенческих характеристик. Эти данные могут использоваться как для персонализации обучения, так и для скрытого контроля и влияния на поведение обучающихся. Возникает риск манипуляции сознанием через алгоритмически подобранный контент, рекомендации и подсказки, которые формируют образовательную траекторию без осознанного участия самого студента. В такой ситуации важно выработать чёткие этические нормы и правовые рамки, которые обеспечат баланс между эффективностью цифровых технологий и уважением к личной свободе, конфиденциальности и автономии обучающихся. Этическая философия стоит перед задачей выработки новых норм и ценностей для цифрового общества [1].

На фоне технологических изменений особую значимость приобретает гуманистический подход, ставящий личность в центр образовательного процесса. Гуманистическая альтернатива предполагает не отказ от цифровых средств, а их осмысленное применение с акцентом на развитие целостной личности, способной адаптироваться к изменениям, не теряя при этом внутренней устойчивости и моральных ориентиров.

В условиях цифровизации важно не только освоение технических инструментов, но и развитие таких качеств, как критическое мышление, эмпатия, ответственность и осознанность. Цифровые технологии должны служить не замещению, а раскрытию человеческого потенциала, помогать обучающемуся стать активным, думающим и

нравственным субъектом. Такой подход позволяет сохранить ценность живого общения, рефлексии и духовного роста в цифровой образовательной среде.

Таким образом, цифровая эпоха — это не только технологический, но и экзистенциальный вызов. Образование и личность в этих условиях должны быть переосмыслены с философских позиций. Важно не только освоить технологии, но и понять, каким человеком становится субъект цифрового образования. Ответ на вызовы цифровизации — в формировании устойчивой, критически мыслящей, нравственной и целостной личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурнашев Р. Ф. Философские аспекты цифровой этики в эпоху технологического прогресса // *Universum: общественные науки*. 2023. № 12 (103). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-aspekty-tsifrovoy-etiki-v-epohu-tehnologicheskogo-progressa (дата обращения: 24.05.2025).
2. Гершунский Б. С. *Философия образования для XXI века*. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 128 с. URL: https://studfile.net/preview/7822874/ (дата обращения: 24.05.2025).
3. Филиппов О. А. Философские аспекты формирования цифровой образовательной экосистемы современной высшей школы: диалектика искусственного интеллекта и академических традиций // *International Scientific and Practical Conference “Tech Horizon 2025: IT and Innovation Summit”*, April 17, 2025. С. 181–186. DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.15284462
4. Французова О. А. Влияние цифровизации на образование // *Ценности и смыслы*. 2022. № 3 (79). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovizatsii-na-obrazovanie (дата обращения: 24.05.2025).

EDUCATION IN THE AGE OF NEURAL NETWORKS: THE DISAPPEARANCE OF THE AUTHOR AND THE CHALLENGES OF PEDAGOGICAL AUTHENTICITY

Bakhtiyarova Kamilla Kamalovna
E-mail: kamillabah782@gmail.com
Master's student, Tashkent branch of Moscow State University named after M.V. Lomonosov

The integration of artificial cognition systems into educational ecosystems presents a paradigm shift that demands critical reflection on pedagogical fundamentals [5]. As neural networks demonstrate increasing proficiency in content generation, the academic community faces pressing questions about the nature of knowledge acquisition and intellectual development [1].

Contemporary generative architectures produce scholarly articles, instructional materials, and creative compositions that often-rival human output in technical quality [3]. This capability creates an epistemological paradox where learners can demonstrate surface-level competency without engaging in the cognitive struggle essential for meaningful understanding [2]. The educational process, traditionally conceived as transformative, risks becoming transactional focused on product rather than process [4].

The philosophical construction of authorship in academic contexts has historically encompassed both creative responsibility and personal epistemological investment [3]. Digital environments now introduce non-human agents that generate content without consciousness or intentionality. While algorithmically produced materials satisfy formal requirements, they lack the distinctive human attributes of doubt, passion, and experiential wisdom that characterize authentic intellectual work [5].

Educational priorities are undergoing a concerning metamorphosis—from deep comprehension to superficial completion, from original inquiry to computational reproduction, from substantive discourse to synthetic simulation [6]. As learners increasingly rely on intelligent systems for instant solutions, educators must confront an existential question: are we developing autonomous thinkers or creating cognitive dependencies on prefabricated knowledge?[1]

In this evolving landscape, teaching professionals' risk being relegated to the role of algorithmic output validators [4]. Yet the essence of meaningful education—cultivating intellectual curiosity, modeling epistemic humility, and facilitating genuine human connection—remains fundamentally beyond computational replication [2]. The most valuable learning experiences emerge not from flawless responses, but from the dynamic interplay of imperfect human perspectives [5].

Authenticity emerges as the defining characteristic of meaningful education in the digital age [4]. It transcends mere factual accuracy, representing instead the intellectual courage to present one's own unrefined thoughts, complete with their inherent limitations and contradictions [3]. In an era of polished synthetic content, the most radical pedagogical act may be the intentional preservation of human imperfection in intellectual discourse [1].

Genuine cognitive development requires elements no algorithm can emulate: the unpredictable synthesis of ideas between conscious minds, the ethical dimensions of knowledge construction, and the transformative power of personal intellectual struggle [5]. While AI tools can

augment certain educational processes, they must never be permitted to redefine its fundamental human nature [6].

To safeguard the anthropological core of education, we must reconceptualize learning spaces that prioritize cognitive formation over output production [2]. Assessment methodologies should emphasize the capacity for original questioning, critical analysis, and independent perspective formation [4]. Classrooms must transform into incubators for thought rather than assembly lines for content generation [1].

The path forward requires neither technophobic rejection nor uncritical adoption of intelligent systems, but rather their judicious integration preserves education's human essence [5]. Educators must evolve into mentors who help learners cultivate what algorithms cannot replicate—the development of wisdom, ethical discernment, and capacity for meaningful intellectual autonomy [3].

Ultimately, our challenge represents not merely technological adaptation, but the preservation of humanistic values in digital learning environments [6]. The choices we make today will determine whether education remains a journey of human flourishing or becomes reduced to another automated knowledge management system. At stake is nothing less than the soul of pedagogy itself [4].

REFERENCES

1. Postman N. Technology: curse or boon? / Per. from Engl. - M.: AST, 2021. - 304 c.
2. Asmolov A. G. Psychology of the modern schoolchild in the digital era // Psychological Science and Education. - 2020. - T. 25, № 5. - C. 5-18.
3. Gutkin E. G. Authorship in the era of machine intelligence // Philosophy Questions. - 2022. - № 10. - C. 98-107.
4. Kukleva L. A. Pedagogical authenticity as the basis of humanistic education // Pedagogy. - 2023. - № 2. - C. 41-47.
5. Sergeev, I. I. Artificial intelligence and philosophy of education: challenges and prospects // Philosophy of Education. - 2022. - № 3. - C. 20-31.
6. Vakhshtayn V. C. Digital socialization: theory and practice // Sociological Journal. - 2021. - № 3. - C. 26-44.

РОЛЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ КАК НАСТАВНИКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОТЧУЖДЕНИЯ

Гальцова Ирина Александровна
Email: irinagaltsova13@gmail.com
Преподаватель кафедры ОГиСЭД филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
в городе Ташкенте

Современная система образования переживает глубокую трансформацию под влиянием цифровых технологий. Онлайн-курсы, электронные платформы, мессенджеры и искусственный интеллект существенно изменили формат преподавания и усвоения знаний. Однако наряду с очевидными преимуществами цифровизации, всё чаще обсуждаются её побочные эффекты - снижение личного взаимодействия, утрата доверительных связей между преподавателем и студентом, поверхностное усвоение информации и психологическая изоляция. Возникает явление, которое можно определить как цифровое отчуждение - отдаление участников образовательного процесса друг от друга и от самого смысла обучения [1; 3].

В этих условиях особенно важным становится понимание роли преподавателя как наставника, сопровождающего личностное и интеллектуальное развитие студента. Цель данной статьи - рассмотреть феномен цифрового отчуждения и показать, как философская и педагогическая функция наставничества может помочь сохранить живую, гуманистическую суть образования.

Термин «цифровое отчуждение» обозначает состояние отдалённости человека от самого себя, от других и от содержания деятельности в условиях активного использования цифровых технологий [1]. Это понятие опирается на более широкий философский концепт отчуждения - категория отчуждения описывает утрату связи человека с собой, другими и окружающим миром, что сопровождается потерей смысла и внутренней целостности. В современной философии и психологии отчуждение трактуется как переживание отчуждённости от собственной деятельности, от других людей и от культурных ценностей, возникающее под влиянием социальных, экономических и технологических условий [5].

В образовательной среде цифровое отчуждение проявляется в следующих формах:

1. Потеря личного контакта: преобладание общения через экраны снижает эмоциональную насыщенность взаимодействия, что может вызывать ощущение одиночества и недоверия.

2. Фрагментация мышления: клиповое восприятие информации, короткие сообщения и визуальные импульсы формируют неспособность к длительной концентрации и рефлексии.

3. Снижение мотивации: виртуальное обучение теряет значимую часть образовательного смысла - совместного поиска, живой обратной связи, эмпатии.

4. Утрата наставнической фигуры: преподаватель становится "техническим оператором", а не сопровождающим в развитии.

5. Поверхностное освоение знаний: стремление к быстрому получению информации снижает глубину понимания и аналитические навыки.

6. Рост тревожности и выгорания: постоянный поток цифровых уведомлений и размытость границ между учёбой и личной жизнью усиливают стресс у студентов.

7. Изоляция и ослабление командной работы: ограниченные возможности для живого общения затрудняют развитие сотрудничества и коллективного мышления.

8. Технические барьеры и неравенство доступа: ограниченный доступ к качественным цифровым ресурсам усугубляет чувство отчуждения у некоторых студентов.

9. Утрата чувства принадлежности к учебному сообществу: дистанционное обучение снижает вовлечённость в студенческую жизнь и культурные ценности учебного заведения.

Образ наставника уходит корнями в философские и педагогические традиции. Наставник - это сопровождающий и направляющий, который способствует развитию личности, формированию системы ценностей и критического восприятия мира. В античности Сократ с помощью диалога пробуждал самостоятельное мышление и стремление к самопознанию, что впоследствии стало основой для множества образовательных подходов [2; 4]. Философ Мартин Бубер в концепции диалога акцентировал внимание на подлинном взаимодействии «Я - Ты», построенном на уважении и глубокой личной включённости, что отражает суть наставнической роли как партнёрского участия в обучающем процессе [2].

Современные педагогические теории трактуют наставничество как форму поддержки и сопровождения, ориентированную на развитие целостной личности в условиях постоянных изменений. Наставник выступает вдохновляющей фигурой, опорой и проводником, который помогает обучающемуся не только усваивать знания, но и выстраивать собственные ориентиры, мировоззрение и самоидентификацию [4; 5]. В эпоху цифровизации именно такой участник образовательного процесса способен вернуть элемент человечности, содействуя преодолению тревожности, когнитивной перегрузки и чувства изоляции.

Практика наставничества в современном вузе может реализовываться через разные формы, объединённые общей задачей - поддерживать контакт, осмысленность и развитие личности. Среди эффективных стратегий:

1. Регулярные индивидуальные беседы и консультации, в которых преподаватель интересуется не только успеваемостью, но и состоянием, мотивацией, личными целями студента.

2. Создание пространства для открытого диалога в группе, где обсуждаются не только учебные вопросы, но и проблемы современности, смыслы образования, роль технологий.

3. Развитие навыков саморефлексии через ведение дневников, эссе, творческие задания, побуждающие студентов думать о собственных чувствах, целях, выборе.

4. Настрой на эмпатию и внимание: использование «я-высказываний», мягкой обратной связи, поддерживающего языка.

Такая модель взаимодействия помогает студенту чувствовать себя увиденным, услышанным и признанным, а преподавателю - сохранять подлинную связь со своими учениками [3; 4].

Цифровая эпоха создаёт как возможности, так и вызовы для образования. Одним из главных вызовов становится риски отчуждения, обесчеловечивания и потери глубины образовательного процесса. В этих условиях преподаватель приобретает особую ответственность - быть наставником, который возвращает обучению личностный смысл,

человеческий масштаб и эмоциональную наполненность. Только через сохранение живого диалога, поддержки и внимания к внутреннему миру студента можно преодолеть холодную дистанцию цифровой среды и сохранить гуманистическую сущность образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бысюк А., Антоновский А. Отчуждение от образовательной деятельности в условиях цифровой трансформации образования // Прикладная психология и педагогика. – 2022. – Т. 7. – № 3. – С. 24–43.
2. Гуревич П. С. Философская антропология Мартина Бубера // Философская антропология. – 2021. – Т. 7. – № 2.
3. Заладина М. В. Отчуждение в сфере современной науки и образования // Вестник Вятского государственного университета. – 2020. – № 4.
4. Красило Д. А., Репесчюк К. Ю. Соотношение Я-образа и образа наставника студентов в контексте профессионального самоопределения // Психологическая наука и образование. – 2025. – Т. 30. – № 1. – С. 36–55.
5. Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Отчуждение и утрата смысла // Культурно-историческая психология. – 2007. – Т. 3. – № 4. – С. 68–77.

BEYOND THE ALGORITHM: PROTECTING REAL LEARNING IN THE AGE OF AI-GENERATED ENGLISH ASSIGNMENTS AMONG MSU STUDENTS

Gumirova Dilyara Rifgatovna
E-mail: einzige_di@mail.ru
senior teacher at Tashkent Branch of Moscow State University named after M.V.Lomonosov

The rise of artificial intelligence (AI) tools such as ChatGPT, DeepSeek, Grammarly, and Quillbot has significantly changed the way students complete academic tasks, especially in English language learning. These tools can assist with writing essays, correcting grammar, and improving vocabulary. While this technological support offers many advantages, it also raises serious concerns about the authenticity of student work and the effectiveness of the learning process [1]. At Moscow State University (MSU), where English is a core subject in many faculties, both students and teachers are experiencing the effects of AI use in education.

Many students now rely on AI to complete their English writing and grammar assignments. In a recent survey conducted among MSU students of IT and Philology faculties, most admitted to regularly using AI tools to help with their homework. Around 30% reported using AI to complete grammar exercises. However, teachers observed that these students often perform poorly in final exams, especially in grammar sections, suggesting that they do not fully understand the material and depend too much on AI-generated answers [2].

To better understand how AI affects real learning, interviews with both students and teachers were conducted. Students expressed mixed feelings. Some felt AI gave them more confidence, while others admitted they often used it without understanding the output. Teachers observed that many AI-assisted assignments lacked personal voice and critical thinking. These concerns show the need for changes in teaching practices.

Authentic learning requires active participation, problem-solving, and the ability to reflect on one's own work. When students let AI complete their tasks, they lose the opportunity to engage with the language, develop independent ideas, and correct their own mistakes. This over-reliance weakens long-term language development and critical skills. In grammar, especially, students who depend on AI for exercises often fail to understand rules or apply them in new contexts. As a result, their test performance suffers, and their academic growth slows down [2][4].

Teachers can promote deeper learning by designing classroom tasks that cannot easily be solved using AI tools. These tasks should require personal experience, real-time thinking, or spontaneous responses. Some examples of such exercises include are discussed below.

One of the solutions is to create grammar tasks that are hard for AI to do. For example, teachers can ask students to write about their own experiences using specific grammar rules. A student could describe their last weekend using five different tenses. Since this is personal writing, it's harder for AI to give correct or useful answers. These types of tasks make students think and apply grammar in real situations. Another effective version of this is in-class timed writing based on a personal topic, such as "Describe a moment when you overcame a challenge in English learning." Because students write in real time and about their own lives, they cannot simply copy from the internet or an AI tool, which helps develop genuine writing skills.

Another good method is using speaking tasks. If students are asked to talk about a topic using correct grammar, they must think quickly and can't use AI to help them. Speaking in class or doing short presentations can improve their grammar and confidence. These tasks build real skills that AI cannot replace. One engaging version of this approach is paired oral storytelling using images or short videos. In this activity, students take turns describing what they see or giving their opinion based on a prompt. The content is spontaneous and conversation-based, making it very difficult to plan or outsource to a machine.

Group work is also helpful. Students can work together to find grammar mistakes or make grammar quizzes for each other. This creates a more active learning environment. When students explain grammar to each other, they understand it better. They also feel more responsible for their own learning. A useful classroom activity is grammar correction of peer-written sentences. Students exchange short texts, find errors, and explain why the corrections are necessary. This improves not only grammar knowledge but also metalinguistic thinking—something that AI tools cannot do for the student.

Teachers can also assign reflective learning journals. Each week, students write a short entry about what they learned, what they found difficult, and how they solved a language problem. These journal entries are personal, based on real classroom experience, and help students reflect on their progress. Since AI cannot know what each student did or felt during the week, these writings are harder to fake and much more meaningful for learning.

Interactive role-plays are another excellent tool. In these activities, students act out real-life situations such as booking a hotel room, having a job interview, or making a complaint in a restaurant. Because the conversation is unpredictable, students must think and speak in real time, using correct grammar and vocabulary. These situations are natural and interactive, helping learners build confidence and fluency without relying on AI-generated phrases.

Finally, teachers can assign explain-your-choice grammar exercises. Instead of just filling in blanks, students must say *why* they chose a certain tense, preposition, or structure. For example, after completing a sentence, they might explain why "had been studying" is correct. These explanations show true understanding of grammar and cannot be done well by someone who does not fully understand the rules. AI may suggest the correct answer, but it cannot explain the reasoning in a way that proves students understanding.

Teachers can also show students how AI tools work and teach them to question AI suggestions. These tools are not always correct. For example, AI might suggest a word or sentence that is grammatically right but sounds unnatural or inappropriate in context. By learning the limits of AI, students become more critical thinkers and more careful language users. This not only improves their grammar skills but also prepares them to use technology wisely and responsibly [3].

By combining these types of tasks—personal writing, spontaneous speaking, peer correction, reflection, role-play, and grammar explanation—teachers can help students learn grammar in a deeper, more lasting way. These strategies reduce dependence on AI and build the skills that students truly need for exams and real-world communication.

These activities strengthen both language skills and students' responsibility for their own learning. They also help educators evaluate progress in a more authentic and ethical way [5].

As AI becomes more integrated into everyday academic life, banning it outright is unrealistic. Instead, universities and teachers should focus on guiding students to use it in a responsible way. For example, students can use AI to brainstorm ideas or check grammar—but the

main writing and editing should be their own. Transparency is key: students should always indicate when and how they used AI in assignments [6].

Ultimately, learning English is not just about finishing tasks correctly—it is about building the confidence, knowledge, and creativity to communicate effectively in the real world. At MSU, like in many global institutions, protecting real learning means encouraging honest effort, critical thinking, and ethical engagement with technology. AI tools can support education, but they should not replace the student's voice, effort, or responsibility [7].

LITERATURE

1. Selwyn, N. (2023). *Education and AI: Critical Perspectives*. Routledge.
2. Cotton, D., Cotton, P., & Shipway, R. (2023). "ChatGPT and assessment in higher education: Opportunities and threats." *Innovations in Education and Teaching International*.
3. Luckin, R. (2022). *Machine Learning and Human Intelligence*. UCL Press.
4. Wang, Y., & Chiu, Y. (2022). "AI in the ESL Classroom: Benefits, Limitations, and Pedagogical Practices." *Language Teaching Research*.
5. MSU Academic Integrity Policy (2024).
6. OpenAI. (2024). *Guidelines for Responsible AI Use in Education*.
7. Yudkowsky, E. (2021). *Ethics and Artificial Intelligence*. MIRI.

ФИЛОСОФИЯ ОДИНОЧЕСТВА В ЭПОХУ ГИПЕРСВЯЗНОСТИ: ПОЧЕМУ ТЕХНОЛОГИИ НЕ СПАСАЮТ ОТ ИЗОЛЯЦИИ

Жандарова Динара Аскаровна
E-mail: dinarajandarova0707@gmail.com
Студентка III курса Филиала Московского Государственного Университета имени М. В. Ломоносова в городе Ташкент, факультет «Филология».
Научный руководитель: **Джураева Лейла Рахимджановна**, кандидат философских наук, доцент Ташкентского филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Современное общество характеризуется беспрецедентным уровнем доступности коммуникаций. Развитие информационных технологий позволило человеку быть на связи практически непрерывно: социальные сети, мессенджеры, новостные агрегаторы сопровождают пользователя в течение дня. Однако на фоне этой тотальной связности фиксируется рост ощущений социальной изоляции и отчуждённости. Данный парадокс гиперсвязности становится предметом особого научного интереса в рамках социолингвистики, культурологии и философии коммуникации. Примером может служить наблюдение за поведением людей в общественных местах: даже находясь физически рядом, они погружены в индивидуальные экраны устройств, поддерживая формальные цифровые связи вместо живого диалога. Результатом становится иллюзия коммуникации — внешне насыщенной, но внутренне пустой.

В современном мире общение приняло форму поверхностного обмена: мы лайкаем фото знакомых, присылаем короткие сообщения и ставим «ок» вместо того, чтобы долго и глубоко беседовать. Часто кажется, что мессенджеры и соцсети лишь имитируют живое общение: лента новостей создаёт иллюзию того, что мы вовлечены в жизнь друзей, но по-настоящему близкого взаимодействия не происходит. В цифровом пространстве даже самая яркая беседа сводится к обмену текстами без мимики и интонаций. Например, за столом кафе, где я недавно встречалась с друзьями, каждый сидел с телефоном, отвлекаясь на уведомления. Мы были вместе физически, но наши взгляды редко пересекались, а разговор прерывали короткие «ага» и смайлики. Казалось, что мы общаемся, но внутри оставалось чувство пустоты: цифровые «лайки» и «ок» не дали того тепла, что рождается в живом диалоге. Быть онлайн означает присутствовать лишь виртуально, и по сути мы получаем лишь набор формальных реакций вместо настоящих человеческих эмоций. Сообщения стали скорее формальностью: многие боятся написать что-то длинное, чтобы не надоедать, и ограничиваются коротким «всё отлично» или смайликом. Наши жизни наполняются такими поверхностными знаками внимания без настоящего содержания [3]. В итоге социальный обмен превращается в череду формальных ответов, и ощущение одиночества только усиливается. Другой пример – это отказ от телефонных разговоров. Многие становятся «незрячими» к деталям реальности: сидя с телефоном, мы лишь формально реагируем на собеседника, но по-настоящему его не слышим. Короткие ответы вроде «всё хорошо» или «ок» закрывают тему, и вопрос, стоявший перед нами, остаётся без ответа. В

таких эпизодах создаётся чувство ненужности — словно нас автоматически переключили в режим «просто прими сообщение», не найдя времени на полноценный диалог.

Парадокс гиперсвязности в том, что наличие сотен контактов не означает истинной близости. У меня в соцсетях, например, более трёхсот «друзей», но настоящими близкими людьми являются лишь несколько человек. Большинство остальных знакомы мне лишь номинально и общаются поверхностно. Раньше мы встречались с друзьями лицом к лицу и проводили время вместе, а теперь виртуальное общение через экран часто заменяет эти встречи. Но оно не создаёт той же глубины: цепочка переписок трудно передаёт тепло и доверие живого разговора. Контент ленты соцсетей обычно подбирается под наши привычки и взгляды: мы видим знакомые лица и комфортные мнения. Такое «пузырное» состояние приводит к замкнутости: мы почти не встречаемся с новыми людьми и не узнаём другие точки зрения [2]. В итоге круг реальных контактов не расширяется, и ощущение одиночества лишь усиливается. Например, стоит только лайкнуть пост из своей обычной ленты – и дальше мы видим лишь похожий контент. Мир за экраном сужается: новые идеи и люди перестают появляться, мы остаёмся во «внутреннем пузыре» привычного окружения. Это замыкает нас в одном «цифровом пузыре» и усиливает чувство одиночества.

Нехватка настоящего общения ощущается прежде всего потому, что нам не хватает присутствия и эмпатии. В реальном диалоге мы воспринимаем собеседника целиком: голос, мимику, жесты и даже паузы, которые многое говорят. Всё это даёт возможность прочувствовать и понять другого человека. Например, на одном семейном ужине все сидели за столом с телефонами: отец читал новости на смартфоне, мать отвечала на рабочую переписку, а я переключалась между чатами. Мы были вместе физически, но не общались по-настоящему. Когда гаджеты убрали, в воздухе осталось напряжение: казалось, что каждый был в своём мире.

Технологические каналы общения слишком ограничены. Холодный свет экрана не передаёт тёплого взгляда, а десяток сообщений не заменит искреннюю улыбку. После долгих переписок с друзьями часто остаётся чувство пустоты: важная часть разговора была потеряна. Эмпатия формируется только в живом контакте, а не через монитор или экран телефона. Написанные слова могут поддержать, но они никогда не заменят настоящего присутствия рядом.

Многие сталкиваются с ещё одной проблемой: страх стать ненужными. На вечеринке или встрече людей порой достаточно, но из-за экранов кажется, что никто нас не замечает. Кажется парадоксальным, что в шумном чате мы можем быть безуспешно «повешены на ожидание» – вроде мы как бы есть в переписке, но фактически остаёмся незамеченными. Эти эпизоды лишают нас ощущения поддержки и усиливают изоляцию, несмотря на видимость общения [1].

Гиперсвязность породила ещё один парадокс: постоянный поток информации сделал нас зависимыми от гаджетов. Любая пауза в сети кажется невыносимой, и мы сразу хватаемся за смартфон даже в самый короткий перерыв. Мы заполняем реальную тишину лентой новостей: идём по улице или сидим дома, но вместо того, чтобы смотреть по сторонам или общаться, уставленно смотрим в экран. При этом наш мозг перегружен: я заметила, что если целый день проводить перед компьютером, то вечерами уже не могу поддерживать долгий разговор — голова «заклинивает» от бесконечного потока информации.

Страх упустить что-то важное заставляет нас спать с гаджетом у подушки и проверять его в полночь, даже когда все давно спят. Кажется, что без очередного сообщения мир чуть ли не рушится. Но бесконечный поток уведомлений нередко приводит лишь к усталости, тревожности и ощущению пустоты. Чем больше я прокручиваю ленту в поисках новых впечатлений, тем более отрешённым и подавленным себя чувствую: это похоже на бесконечную гонку, из которой нет выхода. Социальные сети создают ещё один уровень давления: через них мы привыкли сравнивать свою жизнь с чужим идеалом. В чужой ленте видны только яркие моменты – улыбки на вечеринках, красивые путешествия, успехи и радости. Закулисье – проблемы, рутина, страхи – туда мы не заглядываем. И подсознательно кажется, что именно так и должна выглядеть счастливая жизнь [4]. В то же время наши собственные будни с заботами и тревогами редко становятся достоянием всеобщего внимания.

Я ловила себя на мысли, что каждый раз, листая ленту, думаю: «почему у всех остальных так классно, а у меня всё обычно? ». Это чувство собственной неполноценности растёт от постов, в которых каждая деталь отретуширована и обставлена. В итоге мы стремимся вписываться в чужие идеалы и отдаляемся от реальности. Парадокс в том, что виртуальные идеалы делают реальные отношения ещё более редкими: кажется, что наши проблемы и радости неинтересны в сравнении с чьими-то «раскрашенными» жизнями. Мой опыт убеждает меня: философия одиночества в эпоху гиперсвязности учит ценить живое присутствие ещё сильнее. Как студент-филолог я понимаю: подлинная семантика рождается не в тексте сообщения, а в голосе и взгляде собеседника. Каждая беседа лицом к лицу, каждый искренний разговор становятся бесценными, когда понимаешь, что технологии не способны дублировать эмоции и тепло настоящего общения. Технологии не заменят прикосновений, интонаций и взгляда, который читает нюансы настроения. Я сама стараюсь внедрять «режим присутствия»: когда общаюсь с друзьями, заранее выключаю уведомления и действительно слушаю собеседника. Вместо сотни бездушных сообщений я предпочитаю один искренний разговор или просто тихую компанию близких. Например, на выходных мы договорились гулять по городу без телефонов, и это было особенно ценно. Такие моменты напоминают мне, что настоящая близость рождается только при личном контакте, и ничто цифровое не может её заменить.

Философия одиночества нашего времени – это приглашение к переосмыслению самого понятия близости. Парадокс гиперсвязности ставит перед нами сложный выбор: где истина – в бесконечном онлайн-общении или в искреннем диалоге с реальными людьми? Ответ, кажется, скрыт в нашей собственной искренности и внимании друг к другу. Возможно, путь состоит в том, чтобы сознательно включать «режим присутствия»: выбирать один глубокий разговор вместо сотни пустых сообщений. Тогда технологии будут служить нам и помогать ценить подлинную связь, а не заменять её. Пока мы увлечены бесконечным скроллом, мы рискуем пропустить самое ценное – живое человеческое общение. Нам решать, использовать ли гаджеты как мост, помогающий сближаться, или как экран, отделяющий нас от мира вокруг. Философия одиночества напоминает: ценность отношений не измеришь лайками и подписками, её можно ощутить лишь искренностью и вниманием в реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Камю А. Избранное: Сборник. М., 1989

2. Лабиринты одиночества. М., 1990.
3. Ренуар Ж. Моя жизнь и мои фильмы. М., 1981.
4. Тоффлер А. Смещение власти. Знание. Богатство и принуждение на пороге XIX века / А. Тоффлер. – М., 1992.

ЦИФРОВОЙ ЧЕЛОВЕК: ТРАНСФОРМАЦИЯ МЫШЛЕНИЯ, ОБРАЗОВАНИЯ И САМОСТИ В ЭПОХУ ТЕХНОЛОГИЙ

Карпушина Мария Николаевна
E-mail: mariakarpusina48@gmail.com
Студентка 3 курса факультета филологии, филиал Московского Государственного университета в городе Ташкенте

Массовое распространение цифровых технологий не только изменило экономические и социальные механизмы современного мира, но и повлияло на базовые формы человеческого мышления и самоощущения. Новая культурная парадигма — цифровая — формирует особый тип субъекта, активно взаимодействующего с виртуальными средами и постоянно включённого в информационные потоки. Этот феномен принято называть цифровым человеком — существом, формирующим своё восприятие, поведение и идентичность в условиях цифровой среды.

В данной статье ставится задача рассмотреть, какие изменения происходят в мышлении, образовательных практиках и в понимании самости под влиянием новых технологий. Под воздействием цифровой среды происходит заметная перестройка когнитивных процессов. Современные нейропсихологические и социокультурные исследования [1] показывают, что обилие цифровой информации способствует расфокусировке внимания, увеличению фрагментарности восприятия и снижению способности к длительной концентрации. Возникает так называемое клиповое мышление, при котором информация воспринимается в коротких, часто несвязанных фрагментах. Пользователь всё чаще отказывается от запоминания информации, заменяя внутреннюю память на внешнюю — поисковые системы, облачные базы данных, заметки. Это ведёт к изменению не только объёма знаний, но и способа их обработки: преобладают навыки быстрого поиска и фильтрации данных, в то время как аналитическое и критическое мышление зачастую отступают на второй план.

С другой стороны, цифровая когнитивная модель развивает новые типы восприятия — визуальное мышление, навигационную гибкость, способность к многозадачности и адаптации в быстро меняющейся информационной среде [2].

Образовательная сфера находится в процессе стремительной трансформации. Современное обучение всё чаще переносится в онлайн-пространство, что влечёт за собой не только смену технических инструментов, но и пересмотр педагогических подходов. Цифровые платформы позволяют студентам строить индивидуальные образовательные траектории, расширяют доступ к знаниям и материалам, создают условия для интерактивного взаимодействия [3]. Однако такие перемены также ставят вопросы: как оценивать качество усвоения знаний? Какие компетенции становятся приоритетными в эпоху информационного изобилия?

Сегодня важнейшей задачей образования становится развитие цифровой грамотности — совокупности навыков, включающих умение ориентироваться в цифровой среде, критически оценивать информацию, понимать принципы работы алгоритмов и этические последствия цифровых решений. Таким образом, образование приобретает

функцию не только подготовки к профессии, но и формирования устойчивости и ответственности в условиях цифровой неопределённости.

Наиболее тонкие и глубинные изменения связаны с переопределением самости человека. Постоянное присутствие в цифровом пространстве меняет не только способы общения, но и способы самопредъявления. Идентичность всё чаще выстраивается через медиаплатформы: профили в социальных сетях, цифровые аватары, поведенческие алгоритмы. Формируется сетевое "я", подверженное внешнему контролю, метрикам популярности и логике алгоритмов [4]. Такая самость становится множественной, гибкой, зачастую — фрагментарной, поскольку человек вынужден адаптироваться к различным онлайн-контекстам.Стирание границ между публичным и личным пространством порождает новые формы самопрезентации, где важны не только содержание, но и видимость, отклик, внимание. В этих условиях усиливаются нарциссические и демонстративные тенденции в поведении, при этом глубинные аспекты личности нередко остаются неосмысленными [5].

Однако цифровая идентичность может выполнять и конструктивные функции: быть способом выражения маргинализированных голосов, средством формирования сообществ, площадкой для творческой самореализации.

Таким образом, цифровая эпоха предъявляет человеку новые вызовы, затрагивающие основы его мышления, системы образования и представления о собственной сущности. Цифровой человек — это не просто пользователь технологий, а новая форма субъекта, рождающаяся в условиях тесного взаимодействия с цифровыми структурами [6]. Возникает необходимость в развитии критической рефлексии по отношению к технологиям, в осознании границ между удобством и зависимостью, расширением возможностей и утратой глубины. Гуманитарные науки сегодня оказываются ключевыми в осмыслении этих процессов, помогая сохранить человеческую субъективность в цифровом мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Carr N. The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains. New York: W.W. Norton, 2010.
2. Greenfield S. ID: The Quest for Identity in the 21st Century. London: Hodder & Stoughton, 2009.
3. Turkle S. Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. Basic Books, 2011.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Том 1: Восстание сетевого общества. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
5. Постман Н. Технополис: Победа технократии над гуманизмом. М.: Академический проект, 2002.

ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ НА ОБРАЗОВАНИЕ И ЛИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Копылов Юрий Дмитриевич
kopilov.yuriy@mail.ru
Старший преподаватель кафедры "ОгиСЭД"
Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Ташкенте
Гаспарян Алина Сергеевна
alinagasparyan090805@gmail.com
Бакалавр, студентка 2 курса ПМиИ
Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Ташкенте

Современное общество переживает глубокую трансформацию, вызванную стремительным развитием цифровых технологий. Образование, как один из важнейших институтов социализации, активно включается в этот процесс. Расширение влияния цифровых технологий на сферу образования стало одной из ключевых тенденций 21 века. За последнее десятилетие количество технологий, используемых в сфере образования, увеличилось в 3 раза. Более 80% преподавателей признают технологии неотъемлемой частью и важной составляющей образовательного процесса.

Развитие технологий кардинально изменило доступ к знаниям. Современные образовательные учреждения используют широкий спектр цифровых технологий, направленных на повышение качества обучения, гибкость преподавания и вовлечённость студентов.

Технологические решения охватывают как базовые, так и специализированные средства цифровой трансформации учебного процесса.

1.Системы управления обучением LMS (Learning Management Systems), такие платформы, как Moodle, Canvas, Blackboard и «Цифровой университет», служат ядром цифровой образовательной среды, обеспечивая хранение и распространение учебных материалов, организацию тестирования, оценку успеваемости и взаимодействие между студентами и преподавателями. В большинстве вузов и школ LMS стали неотъемлемой частью учебного процесса.

2. Сервисы видеоконференции и онлайн-уроков, такие как системы Zoom, Microsoft Teams, Google Meet стали основными инструментами дистанционного обучения. Их возможности позволяют проводить лекции, семинары, консультации, организовывать групповую работу в реальном времени. В учебных заведениях они активно интегрированы в расписание наряду с очными занятиями.

3. Адаптивные обучающие платформы и интеллектуальные системы. Платформы, основанные на алгоритмах машинного обучения (например, Coursera, Khan Academy, Stepik, Яндекс.Учебник), способны подстраиваться под уровень знаний обучающегося, предлагая персонализированный контент. Такие возможности уже используются некоторыми вузами для поддержки студентов с разным уровнем подготовки.

4. Интерактивные и мультимедийные технологии. Использование интерактивных досок, цифровых лабораторий (например, PheT Interactive Simulations), 3 D -моделирования, дополненной и виртуальной реальности (AR/ VR) позволяют визуализировать сложные понятия и повышать вовлечённость студентов.

5. Образовательные мобильные приложения и микрокурсы.

Приложения вроде Duolingo, Photomatix, Quizlet становятся частью внеаудиторной работы студентов и школьников, способствует формированию привычки к самообразованию.

6. Геймификация.

Использование игровых элементов (баллы, уровни, достижение целей) активно применяются в образовании. Они пробуждают у учащихся творческий потенциал, азарт, и воображение.

7. Искусственный интеллект и чат-боты.

Системы ИИ (например, GPT-модели, боты-помощники) применяются для автоматизации проверки работ, сопровождения студентов и генерации обучающих заданий. Это облегчает нагрузку на преподавателей и предоставляет быструю обратную связь.

Преимущества использования цифровых технологий в сфере образования очевидны. Это гибкость форматов, индивидуализация, доступность и эффективность. Кроме того, развивается самостоятельность: учащиеся учатся искать информацию, анализировать данные, формировать собственные траектории обучения.

Однако, использование технологий в образовании имеет и негативные черты. К основным рискам относятся:

- Формирование поверхностного мышления — студенты привыкают к коротким форматам информации, что снижает глубину анализа.

- Утрата мотивации — при отсутствии живого общения и обратной связи снижается интерес к обучению.

- Цифровая зависимость — постоянная необходимость быть «на связи» может приводить к тревожности, бессоннице и снижению продуктивности.

Также нельзя забывать о неравномерности технического обеспечения: не у всех семей есть стабильный интернет и современные устройства.

Цифровизация ставит перед образовательной системой новые задачи. Наряду с широким внедрением технологий в учебный процесс, педагогам необходимо:

- включать в учебный процесс элементы медиаграмотности;

-сохранять живое взаимодействие;

- быть наставником и медианавигатором.

В условиях информационной перегрузки педагог помогает обучающимся ориентироваться в потоке данных, структурировать учебный материал и применять его на практике. Современный преподаватель должен выстраивать образовательное пространство, сочетающее технологии и личностно-ориентированные подходы. Это требует умения подбирать инструменты, форматы взаимодействия, формы обратной связи, постоянного осваивания новых технологий, совершенствования профессиональных компетенций. [2,с.19] Таким образом, личность педагога становится не просто значимой, а определяющей для формирования устойчивой образовательной культуры в условиях цифровизации.[1,с.61]

Переход от традиционной к цифровой образовательной среде сопровождается изменением характера взаимодействия между субъектами образовательного процесса, преобразованием самого пространства, в котором формируется личность.[3,с.62] роФилософия образования сталкивается с такими вызовами: как формировать способность к глубокому мышлению, как сохранить подлинную автономию личности в условиях алгоритмически управляемый среды, как не утратить непосредственную эмоциональную

вовлечённость, влияющую на развитие эмпатии, диалогичности и коммуникативной зрелости.

Без живого общения, без направляющего участия педагога образование не может быть по-настоящему формирующим. Технологии изменили правила игры, но не саму суть образования. Истинное обучение всё ещё требует внимания, усилий и вовлечённости. Цифровая эпоха даёт человеку мощные инструменты, но делает особенно важным умение фильтровать информацию, быть внимательным к себе и к другим. Будущее образования — в синтезе: использование технологий должно сочетаться с развитием критического мышления, эмоционального интеллекта и человеческого общения.

Для этого необходимо:

- Включать уроки цифровой этики в образовательную программу;
- Поддерживать баланс между экранным и офлайн-обучением;
- Создавать пространства для живого взаимодействия — даже в онлайн-форматах.

Философские вызовы цифровой эпохи заключаются не только в этической регуляции технологий, но и в переосмыслении самой идеи образования как пространства становления личности.[4,с. 89]

Успешное образование будущего – это синтез традиционных форм и новых инструментов. Технологии — это лишь инструменты, они должны служить человеку, а не подменять его.

Однако без гуманистической направленности, без философского осмысления их последствий, технологии могут привести к размыванию субъективности, утрате глубины и деформации личности студента.

Необходима философия образования, способная представлять цифровую среду не как угрозу, но как вызов к ответственности: за качество отношений, за глубину знаний, сохранение человечности.

В центре образовательного процесса должен оставаться живой субъект – студент, обладающий достоинством, мышлением, способностью к выбору. По словам современного философа образования Б. Гершунского:

«Без опоры на философские основания образование теряет свою культуру, а значит – и свою личностно-развивающую сущность»[5, с.21]

Технологии – не замена человеческому разуму, а его продолжение. И только от нас зависит, будут ли они помощником или преградой в личностном и образовательном развитии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хуторской А.В. Педагогика и образование в цифровую эпоху. — М.: Эдитус, 2020.
2. Цифровая трансформация образования в России: аналитический доклад / под ред. А.Е. Виноградовой. — М.: Высшая школа экономики, 2021.
3. Минаев В.И. Цифровая личность как педагогическая проблема. Философия образования, N 1, с.59-68.
4. Пригожин А.И. Образование в цифровом обществе. М.: Наука. 2020.
5. Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века. – М.: Интердиалект+, 1998. – 368 с. – С.21.

КОНЦЕПЦИЯ «ФАМЕМО» КАК ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ВЕДУЩЕГО ГРУППЫ ПОДДЕРЖКИ ДЛЯ ЖЕНЩИН, ПЕРЕЖИВАЮЩИХ ТРУДНЫЕ ЖИЗНЕННЫЕ СИТУАЦИИ

Рустамова Ирода Абдукаххор қизи
E-mail: iroda_usrust95@mail.ru
Магистр психологических наук, преподаватель кафедры «Психология и педагогика»,
Ташкентский университет социальных инноваций.

В контексте социально-психологических методов оказания помощи людям в трудных жизненных ситуациях в мировой практике известны группы поддержки. Сегодня специалисты Узбекистана также располагают возможностью привлечения (правда, пока в ограниченном количестве) желающих женщин в такие группы. Эти группы ведут свою деятельность в нашей стране с 2020 года. До этого времени опыта проведения подобных групп в нашем регионе не было. Лозунгом данных групп являются выражения: «Женщине нужна женщина» и «Женщине нужна поддержка».

Ключевым условием существования групп является то, что женщины участвуют в них бесплатно и осознают, что вся ответственность лежит на них самих. Здесь нет контролёра, критика или судьи. Здесь каждая готова поставить цель для преодоления, разрешения или смягчения своей трудной жизненной ситуации, поддержать другого и ожидать того же в свой адрес от других участниц группы.

В связи с этим нам представляется важным изучение возможностей групп поддержки и того влияния, которое оказывает ведущий группы на динамику субъективного восприятия женщиной своей трудной жизненной ситуации.

Группа поддержки — это небольшое и стабильное по составу сообщество людей, которое на регулярной основе разделяет переживания и эмоции друг друга, помогая прожить и легализовать внутреннее напряжение. Это обеспечивает восстановление эмоционального равновесия и ресурсов, а также помогает поставить цель, направленную на разрешение трудной ситуации, и выстроить план маленьких, но верных шагов к её достижению.

В России в 2019 году было создано сообщество для женщин «Код публичности». На сегодняшний день оно действует в 23 странах, в том числе и в Узбекистане. В рамках сообщества организуются группы для женщин, в которых 10–12 человек встречаются каждую неделю в течение 8 недель под руководством ведущего. На первой встрече все участницы ставят глобальную цель на 8 недель, а затем делят её на микроцели. Каждую неделю женщины собираются, чтобы отчитаться о проделанной работе и поставить цель на следующую неделю. Они помогают друг другу словом, обратной связью, опытом, выслушивают, направляют, что служит мощной поддержкой в осмыслении происходящего, построении стратегий и восстановлении ресурсов.

Миссия сообщества — дать поддержку и инструменты для личного продвижения женщинам, готовым менять свою жизнь и пространство вокруг себя. Главный принцип групповой работы — безоценочное и безусловное принятие участницами друг друга.

С психологической точки зрения групповая работа позволяет достигать глубоких и устойчивых личностных изменений через уникальное сочетание индивидуальных возможностей и силы группы. Когда участницы осознают свою схожесть с другими, делятся сокровенными переживаниями, катарсис и последующее принятие становятся особенно целительными. Группа предоставляет безопасное пространство для свободного взаимодействия.

Современные исследования подтверждают: участие в группах поддержки помогает справиться с трудными жизненными ситуациями.

Группы поддержки отличаются от групповой психотерапии тем, что ведущий группы не является сертифицированным психотерапевтом. Как правило, ведущим может быть психолог или социальный работник, обученный фасилитации коммуникационного процесса. Он занимает не экспертную, а равную позицию по отношению к участницам. В ходе встреч каждая имеет возможность открыто делиться личным опытом, трудностями, победами. Это помогает подвести логические итоги, разобраться в себе, своих желаниях и принятии происходящего.

Согласно авторской модели ролевого репертуара Т. Базарова, выделяются компетенции, которые важно развивать ведущему групповой работы [1].

Исходя из ролей в переговорном процессе, определены следующие наборы качеств:

Фасилитатор — устанавливает контакт с каждым участником, формирует группу, организует эффективное взаимодействие.

Медиатор — поддерживает эмоциональное состояние участниц, выстраивает коммуникацию, создаёт рабочую атмосферу.

Модератор — контролирует процесс, фиксирует цели и микроцели, направляет обсуждение, избегая отклонений от темы.

Таким образом, ведущий должен обладать компетенциями всех трёх ролей, объединяя их в интегрированную роль ФаМеМо (фасилитатор, медиатор, модератор) [1].

В роли фасилитатора он организует эффективную групповую работу: определяет регламенты, распределяет роли, контролирует тайминг и обеспечивает обратную связь. В Telegram создаётся общий канал, в личных сообщениях поддерживается контакт, выбирается удобное время и место встреч, соблюдаются временные рамки выступлений (до 5 минут), и каждая участница делится итогами встречи и своими планами.

В роли медиатора ведущий проявляет эмпатию к каждой женщине, безоценочно поддерживает и выстраивает конструктивную коммуникацию, исходя из текущего эмоционального состояния участниц.

В роли модератора он помогает группе находить решения, расширять возможные подходы, делит глобальные цели на микроцели, проводит анализ и при необходимости корректирует путь к их достижению. Он использует наводящие вопросы, создает условия для свободного обмена мнениями, помогает преодолеть стереотипы и выстроить творческий подход.

Таким образом, ведущий, наряду с функцией эмоциональной поддержки, с первой встречи берёт на себя организационные роли фасилитатора и модератора, управляя коммуникативными процессами в группе. Положительная динамика в восприятии женщинами своей трудной ситуации — свидетельство профессионализма ведущего и его мастерства в коммуникации и сопровождении личностных изменений.

Результаты проведённого исследования показали, что регулярные встречи с фокусом внимания на трудной жизненной ситуации позволяют участницам изменить её субъективное восприятие. Это подтверждено как статистическими расчётами, так и качественным анализом полученных данных [2].

Опираясь на результаты исследования, можно ещё раз подчеркнуть: ведущий группы поддержки играет ключевую роль в оказании помощи женщинам, переживающим трудные жизненные ситуации [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Базаров Т.Ю. Бизнес-образование: развитие организации или организационное развитие? // Организационная психология. 2013.
2. Рустамова И.А. Динамика восприятия трудной жизненной ситуации женщинами участницами группы поддержки (на примере женщин из Ташкента). Диссертационная работа, 2023. С. 3-104.

ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТОМАТОЛОГА И ЭФФЕКТИВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ С ПАЦИЕНТОМ ЧЕРЕЗ СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ

Саломова Хулькар Шодимуродовна
E-mail: khulkarsalomova@gmail.com
Национальный Университет Узбекистана
Кафедра социальной психологии, свободный соискатель

Пациент первой встречает не врача, а *его контент*: ролики о гигиене, сторис с клиники, комментарии под отзывами. Важно заметить, что в условиях алгоритмических лент именно тон и психосоциальный профиль специалиста задают траекторию доверия задолго до очного приёма. На практике мы сталкиваемся с феноменом «зеркального алгоритма»: социальная сеть подсовывает пользователю тот тип врача, который резонирует с его психотипом — и тем самым утолщает фильтрующий пузырь (Baxmann et al., 2024).

Эмпатию нередко описывают декларативно, однако клинические дневники показывают: *точная валидация* боли (словесная + невербальная) сокращает период адаптации к креслу на 17 % (Song et al., 2023). Автор видит здесь поле для микротренировок: 30-секундные «бейдж-челленджи», когда врач формулирует для себя три гипотезы о чувствах пациента ещё до того, как выходит из приёмной.

Классические опросники (Урванцев, 2015) фиксируют лишь статичную «отметку» устойчивости. Практика же требует динамической калибровки: короткие аудио-саморецензии после напряжённых сессий и последующий метаанализ раз в неделю. Ключевой критерий — снижение латентного уровня раздражения в последующих эфирах.

Неочевидное, но значимое наблюдение: трансляции из операционной при грамотном тайм-ингом (сторис ≤ 15 сек.) парадоксально уменьшают страх пациента, делая процедуру *предсказуемой*. Однако врач рискует превратить медицину в шоу. Здесь автор предлагает «правило трёх фильтров»: образовательная ценность, этическая корректность, сохранение приватности. Нарушение любого фильтра — повод отменить публикацию.

Исследование Baker (2017) уже связывало цифровую доступность врача с улучшением ОЗЖ (oral health-related quality of life). В 2025 г. тренд усилился: клиники, которые ежеквартально публикуют мини-курсы по мотивирующей гигиене, фиксируют рост самостоятельных профилактических визитов на 23 % (Huang & Lee, 2025). Тем не менее следует учитывать *алгоритмическое искажение*: платформы ранжируют контент «по клику», а не «по пользе».

Пограничие личного и профессионального. Ошибка новаторов — смешение домашних сторис с клиническим контентом, провоцирующее псевдодружбу и размывание границ. Автор настаивает: пациент должен видеть «человека», но не переставать видеть «врача».

Цифровая гигиена специалиста. Постоянный мониторинг комментариев создаёт риск «тригерной усталости». Рабочее решение — дублированная модерация: ассистент фильтрует поток, врач отвечает лишь на стратегические вопросы, избегая «doom-scrolling».

Будущая повестка формируется вокруг трёх осей:

1. **Межкультурное сравнение** цифровых стратегий стоматологов в обществах с разным уровнем доверия к медицине.
2. **Нейромаркерный анализ** стресс-ответа врача при асинхронной онлайн-коммуникации.
3. **Алгоритмическая справедливость**: как рекомендательные системы усиливают или сглаживают стереотипы о «дорогих» и «доступных» клиниках.

Психосоциальный капитал стоматолога сегодня добывается не только в очных приёмах, но и в новостных лентах подписчиков. Социальные сети, будучи мощным образовательным и маркетинговым каналом, требуют от врача не меньшей профессиональной дисциплины, чем кабинет. Эмпатия, эмоциональная устойчивость и коммуникативная гибкость должны проходить «краш-тест» цифровой публичностью, а инструменты саморефлексии становиться частью ежедневного расписания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Урванцев Л.П. (2015). *Профессиональное общение врача: психологическая наука — практике высшего медицинского образования.* Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие.
2. Каприн А.Д. и др. (2015). *Психологические аспекты личности врача в процессе его профессионализации.* Исследования и практика в медицине, 2(2), 81–84.
3. Baker S.R. (2017). *Psychosocial factors, dentist-patient relationship, and oral health-related quality of life.*
4. Baxmann et al. (2024). *The role of psychology and communication skills in orthodontic practice: a systematic review. BMC Medical Education*, 24, 1472.
5. Song et al. (2023). *Psychosocial factors, dentist-patient relationships, and oral health-related quality of life: a structural equation modelling. Health and Quality of Life Outcomes*, 21, 130.
6. Huang Y., Lee M. (2025). *Digital preventive dentistry: engagement metrics and clinical outcomes. Journal of e-Health Dentistry*, 9(1), 12–27.
7. Schmidt K., Rahman R. (2024). *Algorithmic trust in healthcare marketing: a cross-platform audit. Digital Society Review*, 6(3), 44–59.

ОДАРЁННОСТЬ И ЛИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ: ВОЗМОЖНОСТИ И УГРОЗЫ СОПРОВОЖДЕНИЯ

Файзуллаева Гузалхон Муслимовна
E-mail: guzalpsy@gmail.com
Магистрант направления «Педагогическое образование» Московского Государственного Университета имени М.В.Ломоносова в г. Ташкенте

Современное общество вступило в фазу активной цифровизации, захватившей практически все сферы жизни, не обойдя стороной и образовательную деятельность. Особенно остро влияние цифровой среды ощущается в работе с одарёнными детьми, отличающимися высокой чувствительностью к информационным потокам, усиленной познавательной активностью и внутренней мотивацией к саморазвитию. Однако, наряду с новыми возможностями, цифровая среда создаёт целый спектр рисков, требующих глубокого педагогического осмысления и методологического сопровождения.

Одарённость, представляет собой не просто высокий уровень интеллектуальных способностей, а целостный психолого-педагогический феномен, который требует чуткого подхода и специально выстроенных условий развития [3]. В условиях цифровой эпохи такие условия перестраиваются на глазах - образовательное пространство расширяется за счёт онлайн-курсов, дистанционных олимпиад, виртуальных лабораторий и других цифровых форм, что позволяет строить обучение по индивидуальной траектории. Цифровая трансформация открывает возможности для *персонализированного образования*, в котором обучающийся становится активным субъектом познания, а не объектом передачи информации.

Однако обилие информации и высокая интенсивность цифровых потоков имеют и обратные стороны. Когнитивные особенности одарённого ребёнка могут стать уязвимыми в ситуации *гиперстимуляции* - постоянный доступ к информации не всегда сопровождается её осмыслением, а скорость восприятия может не идти в паре с глубиной рефлексии. Это перекликается с наблюдениями современных педагогов-практиков, которые отмечают распространение *клипового мышления* у современных школьников: восприятие становится фрагментарным, а внимание — рассеянным, что создаёт угрозу поверхностного освоения материала [4].

В то же время, цифровая среда предоставляет множество ресурсов для *развития метапредметных компетенций*, таких как проектная деятельность, креативное мышление, умение работать в команде на расстоянии. Благодаря онлайн-инструментам, таким как Miro, Canva, учащиеся могут взаимодействовать в междисциплинарных и поликультурных форматах, разрабатывая собственные исследовательские и творческие проекты, что имеет особенную ценность для одарённых школьников, которым необходим выход за рамки стандартных программ. При этом, важную роль в таких условиях начинает играть тьюторское сопровождение, при котором педагог становится не только наставником, но и навигатором в сложной цифровой среде. Такой подход позволяет не только поддерживать интерес и мотивацию, но и снижать риски перегрузки, дезориентации и выгорания [2].

Наряду с вышеотмеченными позитивными аспектами, цифровая эпоха несёт в себе и ряд угроз. Одной из актуальных проблем является *формирование цифровой идентичности*, в которой границы между реальным и виртуальным миром размываются, а

личностная целостность может подвергаться угрозе. У одарённых учащихся, склонных к интроверсии и саморефлексии, данная проблема может проявляться особенно остро – у детей возникает ощущение расщепления «Я», зависимости от виртуального одобрения, повышенная тревожность. Помимо этого, быстрое получение информации снижает мотивацию к исследовательскому поиску и самостоятельному мышлению, что противоречит самой сути одарённости как потребности в преодолении интеллектуальных вызовов. Здесь следует уделить особое внимание грамотной педагогической диагностики, позволяющей не только вовремя распознать риски, но и создать условия для сбалансированного развития.

Один из ключевых вызовов — это поиск равновесия между технологичностью и человечностью, между доступом к знаниям и сохранением смысла обучения. Именно формирование субъектной позиции учащегося становится условием успешного освоения не только содержания, но и самого процесса обучения. Цифровые технологии должны быть средством, а не целью - инструментом развития, а не замещением личности [5].

Педагогическое сопровождение в этих условиях приобретает философское измерение – важно уделять внимание не только организации обучения, но и бережно поддерживать личностную устойчивость, этическую рефлексию и самоопределение ученика.

Цифровизация оказывает влияние и на *структуру коммуникации*, включая педагогическое взаимодействие. Виртуальные среды формируют новые модели общения, где снижена эмоциональная насыщенность и возрастает риск непонимания. Это требует от педагога новых компетенций — медиаторских, эмпатийных, тьюторских — для выстраивания продуктивного диалога с ребёнком, особенно в случае гуманитарной одарённости, где значимы тонкие ценностные и смысловые различия [5].

Таким образом, цифровая эпоха представляет собой парадоксальное пространство – с одной стороны, она предоставляет уникальные возможности для когнитивного развития ребёнка, но с другой, несёт существенные угрозы для личностной целостности. Одарённые дети как наиболее чувствительная и ресурсная категория школьников требуют особого подхода — не столько технологического, сколько философски и этически выверенного. Именно педагогика сопровождения, основанная на индивидуализации, субъектности и интеграции цифровых и аналоговых форм взаимодействия, способна обеспечить развитие одарённости без потери глубины личности.

В заключение стоит отметить, что искусственный интеллект и цифровые технологии уже стали неотъемлемой частью жизни современного человека. Они проникли в повседневность, в образовательный процесс, в структуру мышления. Отвергать это бессмысленно и неэффективно. Задача педагогов и родителей сегодня — научить ребёнка жить с ИИ, использовать его не как костыль, а как помощника в развитии способностей, самореализации и поиске своего уникального пути.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова О.Н. Программа повышения квалификации «Освоение методов и технологий выявления и сопровождения интеллектуально одарённых детей», г. Красноярск, 2017. 28 с.
2. Психолого-педагогическое сопровождение одаренного ребенка: проблемы, направления, подходы, условия: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар.

участием / науч. ред. С.В. Пазухина, С.А. Филиппова (Тула, 9 апреля 2020 г.). – Чебоксары: ИД «Среда», 2020. – 272 с.

3. Рабочая концепция одаренности/ Ю. Д. Бабаева и др.; Д. Б. Богоявленская (ответственный редактор); В. Д. Шадриков(научный редактор). – 2-е изд., доп., перераб. – М., 2003. – 90 с. – С. 5
4. Юркевич В.С. Потребностно-инструментальный подход в обучении одаренных детей и подростков // Психологическая наука и образование. 2021. Том 26. № 6. С. 128—138.
5. Яковлева Н.И., Иванова Т.С. Методические рекомендации по организации работы специалистов сферы общего образования по выявлению и сопровождению детей, проявивших выдающиеся способности. 199 с.

ВОСПИТАНИЕ В ЭПОХУ ЦИФРЫ: НОВЫЕ ЗАДАЧИ ДЛЯ УНИВЕРСИТЕТОВ

Фарманова Барно Абдукаюмовна
доцент кафедры Общественно-гуманитарных и социально-экономических дисциплин Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Ташкенте, кандидат исторических наук

В современном обществе, где цифровые технологии стали неотъемлемой частью повседневной жизни, вопрос воспитания личности приобретает особую актуальность. Университет, как важнейший институт социализации, оказывается в эпицентре вызовов цифровой эпохи. Сегодня невозможно воспитывать человека, не принимая во внимание влияние социальных сетей, алгоритмов, искусственного интеллекта и цифровой культуры. При этом главная задача воспитания остаётся прежней: формирование зрелой, ответственной, нравственно устойчивой личности, способной к осмысленному выбору и уважению к другим. Однако механизмы достижения этой цели требуют радикального переосмысления. [1]

Социальные сети сегодня играют роль альтернативной воспитательной среды. Платформы вроде Instagram, TikTok, Telegram, YouTube становятся не только пространством для общения и развлечений, но и ареной, где формируются мировоззрения, модели поведения и ценностные установки молодёжи. Контент в этих медиа распространяется молниеносно, вызывает сильный эмоциональный отклик и навязывает свои ориентиры: успех, яркость, индивидуальность, потребление. Университетская среда с её академичностью, размеренностью и опорой на традиции нередко проигрывает в этой конкуренции за внимание студента. Тем не менее, именно университет должен стать тем пространством, где студент научится анализировать, критически воспринимать и фильтровать информацию, сопоставляя внешние импульсы с внутренними ценностными ориентирами [3].

Цифровая грамотность в этих условиях становится не просто технической компетенцией, а частью воспитательного процесса. Она включает в себя умение различать достоверную и фейковую информацию, понимать алгоритмы, формирующие ленту новостей, распознавать манипуляции, контролировать своё цифровое поведение и осознавать цифровую репутацию. Человек без этих навыков оказывается уязвимым перед внешним воздействием и теряет субъектность. Поэтому университет обязан формировать у студентов не только знания и умения, но и цифровой иммунитет, критичность, медиагигиену. В этом контексте воспитание становится задачей всех участников образовательного процесса, а не только куратора или преподавателя отдельной дисциплины[4].

Однако невозможно переоценить роль преподавателя как носителя культурного и нравственного начала. В условиях, когда студенты ежедневно сталкиваются с миллионами месседжей, роль живого примера, честного разговора, внимательного отношения приобретает колоссальное значение. Преподаватель, который демонстрирует уважение, этичность, академическую честность и интеллектуальную глубину, становится важнейшим источником воспитательного влияния. Его поведение формирует тот самый «моральный климат» университета, о котором писали В.А. Сластёнин и А.Г. Асмолов. Личность

преподавателя — это воспитательная технология, которую невозможно заменить ни искусственным интеллектом, ни алгоритмом.

В условиях цифровизации, воспитательная работа должна охватывать весь спектр жизнедеятельности студента, в том числе и его поведение в онлайн-среде. Университет обязан быть присутствующим в том цифровом пространстве, где находятся студенты. Это означает необходимость развития официальных и неформальных цифровых площадок: чатов, блогов, студенческих медиа, телеграм-каналов, где обсуждаются не только академические, но и мировоззренческие, культурные и социально-значимые темы. При этом важно, чтобы эти площадки не были навязаны сверху, а становились инициативой самих студентов, поддерживаемой университетом.

Воспитание в цифровую эпоху требует диалога. Монолог, поучение, директивный стиль теряют эффективность. Молодой человек сегодня хочет быть услышанным, признанным как субъект. Это означает, что воспитание должно строиться на равноправном взаимодействии, на совместной деятельности, на проектах, в которых проявляются ценности: помощь другим, уважение, креативность, ответственность. Особенно важны формы воспитания, устойчивые к автоматизации — такие как рефлексия, соавторство, участие в дебатах, анализ этических дилемм. Именно в таких форматах и рождается личностный смысл.

Кроме того, университет не может игнорировать развитие эмоционального интеллекта. Эмпатия, умение понимать чувства других, способность выражать свои переживания в конструктивной форме становятся ключевыми навыками XXI века. ИИ может выполнять рутинные функции, но он не способен к сопереживанию. Поэтому воспитание эмоциональной зрелости — ещё один вечный компонент образовательного процесса, который должен быть усилен в условиях цифровизации. Практики групповой работы, тренинги коммуникации, обсуждение художественной литературы, участие в культурных событиях — всё это становится частью воспитательной экосистемы[2].

Формирование цифровой идентичности также входит в сферу задач воспитания. Молодой человек должен осознавать, как он представлен в сети, какую ценностную нагрузку несёт его цифровой след, как его слова, фотографии, репосты могут повлиять на других и на его собственную репутацию. Эти вопросы должны быть предметом обсуждения в рамках учебных курсов и внеаудиторной деятельности. Только при осознанном отношении к своей цифровой личности возможно формирование зрелой идентичности вообще.

Преподаватель в этом контексте становится цифровым наставником. Он не обязан быть экспертом в технологиях, но должен быть ориентирован в основных трендах, понимать, где и как студенты получают информацию, какие угрозы таит цифровая среда, какие возможности она открывает для воспитания. Важно, чтобы преподаватель не отгораживался от цифры, а работал с ней — как с инструментом, а не как с врагом [6]. Только тогда он сможет оставаться авторитетом, референтной фигурой, даже в мире, насыщенном виртуальным авторитетами и инфлюенсерами.

Таким образом, воспитание в эпоху цифры не отменяет традиционных ценностей — напротив, делает их ещё более значимыми. Вечным останется стремление человека к смыслу, к диалогу, к признанию, к справедливости, к истине. Эти основания воспитания не зависят от технологии. Они требуют личного участия, сопереживания, доверия и

совместного поиска. Университет — это то место, где возможно создание пространства такого поиска, где студент может не просто учиться, но и становиться Человеком[5].

Следовательно, ключевые направления воспитания в цифровую эпоху — это развитие цифровой грамотности как элемента морального иммунитета, формирование критического и этического мышления, поддержка эмоциональной зрелости, создание диалоговой среды и участие студентов в формировании собственных цифровых идентичностей. Университет будущего — это не только платформа знаний, но и экосистема ценностей. И от того, насколько осознанно мы будем строить эту экосистему, зависит то, каким станет человек завтрашнего дня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л.С. Психология развития человека. — М.: Смысл, 1996. — 512 с.
2. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-исторический подход. — М.: Смысл, 2010. — 479 с.
3. Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века. — М.: Флинта, 2003. — 350 с.
4. Савенков А.И. Цифровая грамотность и воспитание личности в условиях трансформации образования // Педагогика. — 2022. — №5. — С. 15–21.
5. Кузнецова И.А. Ценности молодежи в цифровом обществе: влияние социальных медиа // Высшее образование в России. — 2021. — №3. — С. 57–64.
6. Пригожин А.И. Университет в цифровую эпоху: вызовы и стратегии развития // Вопросы образования. — 2020. — №4. — С. 102–118.

ТРАНСГУМАНИЗМ И ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА В ОБРАЗОВАНИИ

Хабиев Темур Рафаэлевич
Email: t.habieff@yandex.com
ТФ МГУ им. М.В. Ломоносова Старший преподаватель кафедры психологии Доктор философии (PhD) по психологическим наукам

В условиях ускоренного технологического развития традиционные представления о человеке, его теле, разуме и возможностях подвергаются радикальному пересмотру. На этом фоне трансгуманизм приобретает статус не просто философского направления, а целостной культурно-технологической парадигмы, ориентированной на преобразование человеческой природы. Его идеалы связаны с использованием достижений науки — от биотехнологий до искусственного интеллекта — для расширения границ физического и ментального существования. Постчеловеческий подход, в отличие от трансгуманизма, акцентирует внимание не столько на улучшении человека, сколько на переосмыслении самой идеи субъектности, выходя за пределы классического антропоцентризма. Современное образование, находясь на пересечении культурных, философских и технологических вызовов, становится важнейшим полем, где эти идеи обретают практическое воплощение. Цель данного исследования — раскрыть философские основания трансгуманистского и постгуманистского подходов и проанализировать их влияние на трансформацию образовательных моделей.

Трансгуманизм, оформившийся в конце XX века как философско-этическое течение, предлагает переосмысление человеческой природы в свете технологических возможностей. Основная идея заключается в стремлении преодолеть биологические ограничения — такие как старение, болезни, когнитивные ограничения — посредством применения прогрессивных технологий(enhancedlearning). Корни этой концепции восходят к рационализму эпохи Просвещения и вере в бесконечное совершенствование человека. В частности, Н. Бостром рассматривает трансгуманизм как моральную стратегию, направленную на обеспечение перехода от человека к более развитой форме существа, способного реализовать свой потенциал за пределами естественных ограничений[1].

В образовательном контексте трансгуманизм предлагает парадигму «улучшенного обучения», в которой нейротехнологии, когнитивные стимуляторы и искусственный интеллект используются для повышения эффективности и адаптивности учебного процесса. Образование здесь рассматривается не как социальный институт передачи культурных норм, а как инструмент подготовки человека к будущей реальности, в которой его физическая и ментальная структура будет радикально модифицирована. Однако такая перспектива порождает существенные дилеммы: усиление социального неравенства в доступе к технологиям, этическая неопределенность в определении критериев «улучшенности», и возможная редукция субъекта до объекта технологического воздействия.

Постгуманистская философия, представленная работами Донны Харэуэй, Рози Брайдотти и других авторов, выстраивает критику гуманистической традиции, указывая на её исключительность и антропоцентризм. Постчеловеческий субъект(posthuman) мыслится как децентрированный, гибридный и включённый в сеть взаимодействий между

человеческими и нечеловеческими агентами — от цифровых технологий до биологических сред.Образование, согласно этой перспективе, перестаёт быть односторонним процессом передачи знаний. Оно становится средой, в которой формируются новые типы субъектности, основанные на сетевых связях, множественности и процессуальности. Рози Брайдотти называет этот подход «номадическим обучением», подчёркивая его мобильность и отказ от универсальных норм и структур [2].

Ключевое положение постгуманистской мысли заключается в признании того, что человек всегда уже является технологически вплетённым в окружающую реальность. Различия между естественным и искусственным, телесным и цифровым, размываются. В таких условиях образовательные практики трансформируются в формы гибридного взаимодействия между множественными агентами — людьми, технологиями, средой [3].

Парадигма «усиленного обучения» в трансгуманистском ключе предполагает использование технологий для повышения эффективности образовательного процесса. Однако такая стратегия сопряжена с рисками, включая усиление неравенства, алгоритмическое управление личностью и редукцию критического мышления. Если содержание и форма образования определяются искусственным интеллектом, это может привести к утрате субъектности и автономии учащегося [4].В противовес этому постгуманистская педагогика предлагает образование как среду множественного бытия и диалога. Учащийся становится не объектом, а активным агентом, формирующим собственную траекторию обучения в диалоге с людьми, технологиями, природой. Здесь акцент смещается с накопления знаний на способность ориентироваться в сложных, динамических системах, принимать решения и нести за них ответственность [5].

Такое обучение уже реализуется в различных образовательных практиках. Программы STEAM-образования (наука, технологии, инженерия, искусство и математика), образовательные метавселенные, иммерсивные симуляции и адаптивные цифровые платформы — все они являются проявлением постчеловеческой педагогики. В этих пространствах ученик не просто получает знания, а действует как активный агент, конструируя собственный образовательный маршрут в сотрудничестве с ИИ, цифровыми ассистентами и другими учениками. Однако ключевой задачей остаётся сохранение этической и философской рефлексии. Образование будущего должно не просто приспосабливать индивида к технологическим условиям, но и учить его думать критически, задавать вопросы, понимать последствия своих действий.

Принципы трансгуманизма и постгуманизма находят всё более широкое практическое применение в современном образовательном процессе, формируя новые формы взаимодействия между технологиями, учащимися и образовательной средой в целом.

В рамках трансгуманистского подхода акцент делается на использовании технологий для усиления когнитивных и ментальных способностей человека. Использование искусственного интеллекта в качестве персонализированного ассистента стало ключевым элементом трансгуманистского образования: интеллектуальные платформы, такие как Squirrel AI в Китае или Khanmigo от Khan Academy, анализируют поведение учащихся и адаптируют обучение под их индивидуальные когнитивные особенности, повышая эффективность образовательного процесса. Кроме того, носимые устройства и системы биометрического мониторинга (например, браслеты, отслеживающие уровень стресса, пульс и концентрацию) позволяют создавать адаптивные учебные среды, в которых

нагрузка регулируется в соответствии с физиологическим состоянием учащегося. В некоторых школах Японии и Южной Кореи такие устройства уже используются в пилотных проектах. Постгуманистский (постчеловеческий) подход, напротив, фокусируется не на «улучшении» человека, а на пересмотре самой идеи субъекта и его взаимодействия с окружающим миром. Одним из примеров является внедрение образовательных метавселенных и цифровых аватаров, где учащиеся могут обучаться, взаимодействовать и творчески выражать себя вне телесных границ, используя гибридные формы идентичности. Виртуальные кампусы на платформах вроде Spatial или Roblox Education формируют среду, в которой человек, ИИ и симуляции действуют как равноправные участники образовательного процесса. Кроме того, постгуманистская педагогика предполагает включение нечеловеческих агентов в образовательную практику. Это могут быть как интеллектуальные системы и алгоритмы, так и биологические и экологические элементы. В рамках проектов nature-basedlearning в Финляндии, Канаде и других странах учащиеся изучают окружающую среду не как объект, а как активного участника обучения, формируя осознанное отношение к экологическим и сетевым взаимосвязям.

Исходя из проведенного анализа можно предложить следующие **рекомендации**:

1. В свете трансгуманистских и постгуманистских вызовов современности, образовательным институтам необходимо выстраивать новые стратегии, способные ответить на изменения в понимании человеческой природы и субъектности. Прежде всего, требуется интеграция философской и этической рефлексии в образовательные программы.

2. Необходимым направлением также становится развитие гибридных образовательных сред, в которых происходит взаимодействие между человеческими и нечеловеческими агентами — цифровыми технологиями, искусственным интеллектом, иммерсивными системами и биосредой.

3. Особое внимание должно быть уделено обеспечению справедливого доступа к образовательным и когнитивным технологиям, что позволит избежать усиления социального неравенства. В условиях возможной цифровой стратификации необходимо выстраивать политику инклюзивности, предоставляя равные возможности для всех социальных групп.

4. Внедрение технологий в образовательный процесс не должно подрывать автономию и субъектность учащегося. Напротив, образовательные модели должны способствовать становлению активного, ответственного субъекта, способного к самоопределению и принятию решений.

5 Наконец, требуется активная поддержка экспериментальных и междисциплинарных форматов обучения, в которых сочетаются наука, технологии, искусство и философия. Такие практики, как STEAM-образование, образовательные метавселенные, иммерсивные симуляции и проектное обучение с участием ИИ, должны не просто использоваться как технические инструменты, но становиться пространством философского и этического роста.

В **заключении** стоит отметить, что изменения в философии человека, вызванные трансгуманистскими и постгуманистскими подходами, оказывают существенное влияние на образовательную сферу. Трансгуманизм предлагает концепцию образования как пространства технологического усовершенствования, где обучение направлено на формирование «улучшенного» субъекта. В противоположность этому, постгуманизм подчеркивает гибридность, сетевость и множественность человеческого существования,

рассматривая образование как поле сложных взаимодействий между человеческими и нечеловеческими агентами. В этой связи образование будущего предстает не просто как механизм социализации, но как среда для этического, философского и экзистенциального становления субъекта в новых условиях. Основной задачей становится не только передача знаний, но и развитие способности к критическому мышлению, навигации в сложных системах и принятию ответственных решений в условиях неопределенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bostrom N. In Defense of Posthuman Dignity. Bioethics, Vol. 19(3), 2005. PP. 202–214.
2. Braidotti R. The Posthuman. Cambridge: Polity Press. 2013. P. 237.
3. Bayne S. Posthumanism and Higher Education. In: Peters, M., Jandrić P., & Hayes S. (Eds.), Posthumanism and Higher Education: Reimagining Pedagogy, Practice and Research. Springer. 2018.
4. Fukuyama F. Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution. New York: Farrar, Straus and Giroux. 2002. P. 268.
5. Snaza N., Sonu D., Truman S. E., &Zaliwska Z. (Eds.). Pedagogical Matters: New Materialisms and Curriculum Studies. Peter Lang. 2014. P. 214.

THE DIGITAL TURN: PHILOSOPHICAL REFLECTIONS ON TECHNOLOGY, EDUCATION, AND PERSONALITY

Khudainazarova Ziyoda Shoismail Kizi
E-mail: zioda150502@icloud.com
Student of the Faculty of Psychology Moscow State University named after M.V. Lomonosov Tashkent Branch

The modern era, characterized by exponential growth and the widespread spread of digital technologies, poses new and complex philosophical questions to humanity. The impact of these technologies on education and personality formation requires deep reflection in order to direct technological progress in a direction that promotes the flourishing of human potential, rather than its extinction [1].

Education in the Age of algorithms: between progress and degradation.

The introduction of digital tools into the educational process provides unprecedented opportunities. Unlimited access to information resources, interactive learning platforms and individualized educational trajectories make it possible to optimize and democratize the learning process. However, these benefits are accompanied by a number of serious challenges. :

- Superficiality of thinking: Excessive consumption of information presented in a concise and simplified form can lead to the development of "mosaic" or "fragmented" thinking, inability to in-depth analysis and prolonged concentration of attention.
- Loss of basic competencies: Automation of routine tasks, the availability of online calculators, translators and other digital assistants can weaken the skills necessary for the development of analytical thinking and creative abilities, such as handwriting, oral counting, memorization of information. It is important to find a reasonable balance between using technology and developing these fundamental skills [4].
- Deepening inequality: Uneven access to technology and high-speed Internet creates a "digital divide" that exacerbates social stratification. The Government and educational institutions should strive to ensure equal access to digital resources for all students.
- Lack of social interaction: Distance learning, despite its advantages, can limit opportunities for "live" communication, personal interaction with teachers and peers, which negatively affects the development of social skills and emotional intelligence. It is necessary to develop interactive and engaging forms of online learning that promote socialization and the development of communication skills [4].

Personality in digital reflection: identity and authenticity.

Digital technologies have a profound impact on identity formation and personal development. Social media, online games, and virtual reality provide new opportunities for self-expression and experimentation with identity, but also generate new risks and dangers. :

- Illusion of reality: Immersion in virtual worlds can lead to blurring of the boundaries between the real and the fictional, the formation of unrealistic expectations and ideas about yourself and the world around you, as well as a loss of a sense of reality.
- Digital addiction: The constant desire to be online, dependence on social networks and gadgets can lead to social isolation, decreased self-esteem, anxiety, depression and other psychological problems. It is necessary to develop self-regulation skills and the ability to find a balance between the virtual and the real world.

- Privacy vulnerability: In a digital environment, personal information becomes particularly vulnerable, and online activity can have long-term consequences for reputation. It is important to create a culture of digital literacy, to teach the skills of protecting personal information and responsible behavior on the Internet.
- Echo chambers of beliefs: Algorithms of social networks and search engines based on personalized targeting create "echo chambers", limiting access to alternative points of view and reinforcing existing beliefs. This can lead to the polarization of society and the inability to engage in constructive dialogue [8].

Philosophical challenges in the digital age.

Philosophy is faced with the task of understanding the impact of digital technologies on education and personality formation. Necessary:

- Create new models of education: Education should not only transfer knowledge, but also develop the skills of critical thinking, creativity, emotional intelligence, communication skills and adaptability necessary for successful life and work in a rapidly changing digital world.
- Develop digital literacy: It is necessary to teach the skills of critical information assessment, personal information protection, responsible online behavior and digital addiction management.
- To investigate the ethical aspects of artificial intelligence: It is necessary to define the ethical boundaries of the use of artificial intelligence in education and other spheres of life in order to ensure its use in the interests of humans and to prevent negative consequences.
- Develop a philosophical understanding of technology: It is necessary to critically assess the impact of technology on our lives in order to avoid technological determinism and use technology to achieve goals that correspond to human values and aspirations [8].

The digital age poses complex philosophical questions for humanity, but it also opens up new horizons for the development of education and personality. It is important not to shy away from these questions, but to actively seek answers to them in order to create a more just, educated and humane society in which technology serves human interests, and not the other way around.

REFERENCES

1. Arendt, H. (2013). Vita activa, or About an active life. Moscow: Ad Marginem Press (pp. 33-47).
2. Bauman, Z. (2002). An individualized society. Moscow: The logo (89-107).
3. Wiener, N. (1968). Cybernetics, or Control and communication in an animal and a machine. Moscow: Soviet Radio (pp. 12-23).
4. Vincer, B. (2019). The Digital dilemma: how to free us from addiction, get our minds back, and change the world. Moscow: Alpina Publisher (pp. 45-80).
5. Galbraith, J. K. (1969). A new industrial society. Moscow: Progress (pp. 1-28)
6. Debord, G. (2016). The Society of the spectacle. Moscow: The logo (pp. 43-96).
7. Zubov, S. (2019). The Age of Surveillance Capitalism: the battle for the human future at the new Frontier of power. Moscow: Intellectual Literature (pp. 37-56).
8. Ilyenkov, E. V. (1991). Philosophy and culture. Moscow: Politizdat (pp.75-85).
9. Castells, M. (2000). The Information Age: economy, society and culture. Moscow: Higher School of Economics (pp. 68-87).

10. Kelly, K. (2018). Inevitable: 12 technological trends that define our future. Moscow: Alpina Publisher (pp. 47-68).
11. Kuhn, T. (2009). The structure of scientific revolutions. Moscow: AST (pp. 87-98).
12. McLuhan, M. (2003). Understanding Media: External human extensions. Moscow: Hyperborea (pp. 21-40).
13. Mankovskaya, N. B. (2010). Aesthetics of postmodernism. St. Petersburg: Alethea (pp.52-86).
14. Negroponte, N. (1997). Be digital. Moscow: MIR (pp.27-87).
15. Orlova, E. A. (2004). Introduction to Social and cultural anthropology. Moscow: Academic Project (pp. 51-67).

МЫШЛЕНИЕ В ЭПОХУ АЛГОРИТМОВ: ВОЗМОЖНО ЛИ ФИЛОСОФСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ?

Ширинова Хадиябону Джахонгировна
E-mail: shirinovakhadiabonu@icloud.com
студентка 3 курса филологического факультета Филиала МГУ
в г. Ташкенте

Цифровая эпоха трансформирует не только технологические и экономические сферы, но и сферу образования, включая философское образование, которое исторически связано с развитием критического мышления, диалектики и этической рефлексии. В условиях распространения алгоритмов и искусственного интеллекта возникают как новые возможности, так и вызовы, требующие философского осмысления. Цель данной статьи — исследовать, возможно ли полноценное философское образование в цифровой среде и как технологии влияют на мышление обучающихся.

В цифровую эпоху студент получает доступ к информации в невиданных ранее масштабах. Это открывает новые возможности для самообразования, но одновременно вызывает феномен «информационной перегрузки», при которой глубокое понимание заменяется поверхностным потреблением контента. В исследовании отмечается, что чрезмерное использование генеративного ИИ снижает навыки критического анализа у студентов [7].

Алгоритмы персонализированной выдачи контента усиливают когнитивные искажения, поскольку пользователь видит только то, что подтверждает его взгляды. Это ограничивает разнообразие мнений и затрудняет развитие философского мышления, основанного на сомнении и диалоге.Философия информации, предложенная Лучиано Флориди, рассматривает информацию как ключевую категорию современной онтологии и этики. Согласно Флориди, цифровая среда требует переосмысления понятий знания, истины и моральной ответственности [9]. В условиях, где алгоритмы формируют не только информационные потоки, но и социальные практики, философия становится необходимым инструментом для анализа цифровой реальности.

Как подчеркивает Ч.Эсс, философия информации способна предложить критическую рамку, объединяющую вопросы цифровой идентичности, приватности, манипуляции данными и алгоритмической справедливости [10].

Интеграция ИИ в образование порождает ряд этических вызовов: от автоматизированной оценки знаний до вопросов алгоритмической дискриминации и утраты автономии обучающегося. В работе К. Карпузис подчеркивается значимость обращения к античной философии, в частности к идеям Сократа и Аристотеля, при разработке этических оснований использования ИИ в образовательной среде [4].

Философия, таким образом, не только сохраняет актуальность, но и обретает новую функцию — этического медиатора между технологиями и человеческой субъективностью.

Философское образование в цифровой среде возможно, но требует нового педагогического подхода. Модель «Образование 3.0» предполагает активное участие студента в создании знаний, использование технологий для поддержки рефлексии и философского диалога. Важно, чтобы цифровые инструменты не заменяли мышление, а стимулировали его.

Это означает создание таких образовательных пространств, где ИИ служит не источником истины, а поводом для постановки вопросов и критического обсуждения. Использование форумов, философских симуляций, интерактивных дебатов в цифровом формате может поддержать развитие философского мышления даже в условиях онлайн-обучения.

Алгоритмы и ИИ меняют не только форму философского образования, но и само содержание философии. Появляются новые дисциплины: философия искусственного интеллекта, цифровая онтология, алгоритмическая этика. Современные технологии ставят перед философией задачи, которые невозможно решить в рамках классических подходов.Таким образом, цифровая среда не уничтожает философию, а стимулирует её развитие, требуя пересмотра методологических оснований и расширения понятийного аппарата [2].

Современная философия сталкивается с необходимостью оперативного осмысления процессов цифровизации, которые пронизывают все сферы общественной жизни, включая образование, коммуникацию, мышление и культурную идентичность. Цифровая эпоха ставит перед философами вызовы, которые требуют не столько технических решений, сколько глубокого рефлексивного подхода к пониманию человека в новых условиях — условиях, где границы между естественным и искусственным, субъективным и алгоритмически обработанным всё больше стираются.

Одной из центральных проблем, обсуждаемых современной философией, является изменение когнитивных механизмов и форм рациональности под влиянием новых технологий. В работах В. А. Лекторского подчёркивается, что технологии не только расширяют когнитивные возможности человека, но и формируют новые способы восприятия, оценки и осмысления реальности. Он акцентирует внимание на трансформации самой природы мышления и необходимости философской адаптации к этим изменениям [4].

Подобные идеи находят развитие в концепции постнеклассической рациональности В. С. Стёпина, согласно которой научное знание и практика больше не могут быть оторваны от ценностных и гуманитарных оснований. Это особенно важно в контексте образования, где перед философией встаёт задача сохранить субъективность, смысл и ответственность — то, что невозможно алгоритмизировать или подменить автоматическими решениями [8].

Образование — одна из наиболее подверженных цифровой трансформации сфер. В связи с этим философия образования также претерпевает существенные изменения. По мнению Т. И. Огородниковой, цифровизация образования сопровождается риском «технологического доминирования над педагогической миссией». Угроза заключается в том, что технологии могут вытеснить смысловую и воспитательную компоненты, превратив обучение в формализованную передачу данных без живого диалога и философской глубины [6].

М. К. Мамардашвили, ещё в 1990-х годах размышляя о природе мышления, утверждал, что мышление — это работа, совершаемая человеком над собой. В контексте цифровой эпохи эта мысль приобретает новую актуальность: если обучение становится процессом взаимодействия с алгоритмами, философия должна напоминать о необходимости самостоятельной интеллектуальной работы, о внутреннем усилии, без которого невозможно подлинное образование [5].

Особое внимание в современной философской мысли уделяется этическим аспектам внедрения искусственного интеллекта в образовательную и социальную практику. А. А. Горностаев справедливо указывает, что ИИ — это не просто технологический инструмент, а особая среда морального выбора. Особенно в образовательной среде критически важно осознавать, что цифровые платформы влияют на формирование этических норм и отношения к знанию. Горностаев подчёркивает необходимость философского контроля над использованием ИИ, чтобы избежать дегуманизации образовательного процесса [1].

Этот подход находит отклик и в работах зарубежных исследователей. Например, в статье К. Карпузис подчёркивается необходимость рассмотрения ИИ в контексте античной философии, где особое значение придавалось идеям воспитания добродетелей и гармонии разума и духа. Это даёт основания говорить о необходимости формирования новой этики, соединяющей технологическую реальность с гуманистическими ценностями.

В условиях цифровой эпохи обретает новое значение. По мнению И. Т. Касавина, в эпоху технологических изменений особое значение приобретает сохранение культурно-смыслового контекста образования. Философия выступает не как абстрактная теория, а как культурный модератор, соединяющий технологические решения с гуманитарной рефлексией, создающий условия для целостного восприятия мира [2].

Современные концепции образования, такие как «Образование 3.0», предполагают активную интеграцию цифровых инструментов в учебный процесс.Однако философия не позволяет скатиться к бездумному технооптимизму, напоминая о необходимости выстраивания смысловых основ, нравственных ориентиров и критического мышления.

Философия информации, разрабатываемая в том числе Л. Флориди, предлагает понимать цифровую реальность не как набор инструментов, а как новый способ существования и взаимодействия. Информация становится основной категорией современной онтологии и этики. Российские философы активно развивают это направление, включая в него вопросы идентичности, этики данных, приватности и доверия в цифровом обществе [9]. Таким образом, цифровая эпоха не обесценивает философию, а, напротив, делает её особенно востребованной. В условиях, когда привычные формы мышления и взаимодействия стремительно трансформируются, именно философия позволяет осмыслить происходящее, определить границы допустимого и поддержать гуманитарную составляющую образования и общества в целом.

Современная философская мысль не только сохраняет свою актуальность в условиях цифровой трансформации, но и предлагает глубокое осмысление происходящих изменений. От вопросов рациональности и субъектности до этики ИИ и философии образования — философия стремится сохранить гуманитарную основу в мире, где всё чаще доминируют алгоритмы и данные.

Алгоритмы не заменяют мышление — они бросают вызов, на который философия отвечает силой критического анализа, глубокой рефлексией и стремлением к сохранению человечности. Именно философия, как западная, так и отечественная, становится ключом к осмыслению цифровой эпохи не только как технической, но как культурно-антропологической реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горностаев А. А. Этические аспекты искусственного интеллекта в образовании // Философия образования. — 2021. — № 2. — С. 112–118.
2. Касавин И. Т. Философия науки и образования: между знанием и смыслом // Логос. — 2023. — № 2 (157). — С. 45–62.
3. Карпузис К. Искусственный интеллект в образовании: этические соображения и уроки античной философии / Пер. с англ. // arXiv.org. — 2024. — URL: https://arxiv.org/abs/2402.11200
4. Лекторский В. А. Когнитивные технологии и трансформация рациональности // Вестник РАН. — 2020. — Т. 90. — № 6. — С. 558–566.
6. Мамардашвили М. К. Лекции по философии. — М.: Школа, 1996.
7. Огородникова Т. И. Философия образования в цифровом контексте // Образование и наука. — 2019. — № 6. — С. 38–53.
8. Пэрваиз Х. и др. Влияние искусственного интеллекта на критическое мышление и навыки письма в высшем образовании / Пер. с англ. // ResearchGate. — 2025.
9. Стёпин В. С. Теоретическое знание. — М.: Прогресс-Традиция, 2005.
10. Флориди Л. Этика информации: её природа и область применения / Пер. с англ. // ACMSIGCASComputersandSociety. — 2006. — DOI: https://doi.org/10.1145/1170047.1170051
11. Эсс Ч. Философия информации и информационная этика по Флориди / Пер. с англ. // ResearchGate. — 2008.

ФИЛОСОФСКИЕ ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ: ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ НА ОБРАЗОВАНИЕ И ЛИЧНОСТЬ

Эргашева Дилдора Авазжон кизи
Email: dergasheva@yahoo.com
Магистр Факультета Психология, филиал МГУ им. Ломоносова в Ташкенте

Современная цифровая среда открыла перед человечеством не только беспрецедентные возможности доступа к информации и инновационным формам обучения, но и вызвала фундаментальные преобразования в самоощущении личности и её отношении к действительности. В данной статье анализируются философские и психологические последствия технологического прогресса, проявляющиеся в трансформации самореализации, образовательных практик и идентичности. Особый акцент сделан на феномене «цифровой гонки за успехом», сопровождающейся девальвацией личных достижений на фоне постоянного сопоставления с искусственно идеализированным образом жизни в социальных медиа, а также на изменении системы общественных ценностей.

На сегодняшний день цифровые технологии существенно изменили наши способы учёбы, труда, коммуникации и построения идентичности. Особенно ощутимо это влияние в образовательной среде и в формировании самовосприятия. Однако за внешним фасадом технического прогресса скрываются философские противоречия, затрагивающие основы человеческого существования. Какова моя подлинная сущность в мире, где всё публично транслируется, сравнивается и оценивается? Возможно ли сохранить индивидуальность и внутреннюю правду в условиях перманентного информационного давления?

Онлайн-платформы формируют социальное пространство, где каждый стремится продемонстрировать исключительно позитивные аспекты своей жизни: карьерные успехи, эстетически привлекательный быт, гармоничные отношения, «правильное» воспитание детей. Такого рода визуальная культура создает устойчивую видимость непрерывного благополучия и достижения. При этом скрытая, неотредактированная сторона жизни остаётся за кадром — сомнения, усталость, конфликты и личные трудности не становятся частью публичного нарратива. Это искажённое восприятие порождает неосознанную привычку сравнивать себя с идеализированными образами, что, в свою очередь, снижает самооценку и подрывает уверенность в себе. Это особенно опасно для подростков и молодых людей, чья личность ещё находится на стадии становления. Утрата способности ценить момент «здесь и сейчас» приводит к снижению уровня эмпатии и обостряет чувство изоляции и внутреннего отчуждения.

Ещё один аспект цифрового давления — это переоценка социальных ролей и навязывание узких рамок «приемлемой» самореализации. Так, женщины, посвятившие себя материнству и семейному воспитанию, часто изображаются в медийном пространстве как личности, не реализовавшиеся профессионально. Между тем, материнство — одна из наиболее сложных, эмоционально насыщенных и социально значимых сфер человеческой деятельности. Подлинное самовыражение не должно определяться внешними критериями — будь то общественное признание или цифровая популярность. Гуманистическая философия утверждает ценность индивидуального жизненного пути независимо от его социальной престижности или соответствия медийным шаблонам. Современная цифровая

среда, к сожалению, всё чаще искажает это понимание, продвигая унифицированные цели и поощряя отказ от собственной внутренней правды.

Одним из самых тревожных симптомов цифровой эпохи становится трансформация мотивации. Всё больше людей стремятся достигать целей не из личной потребности, а ради признания со стороны социума. Стандарты успеха, образ «идеальной» личности, культ карьерного роста и физического совершенства вытесняют подлинные желания. Онлайн-платформы усиливают это давление, создавая искусственные критерии значимости. В результате человек не проживает собственную историю, а разыгрывает роль в чужом сценарии. Это особенно ярко проявляется в образовательных и профессиональных решениях, когда выбор направления учёбы, профессии или образа жизни определяется не интересом, а стремлением соответствовать внешним ожиданиям. Подобная динамика неизбежно ведёт к утрате смысла, внутренней пустоте и кризису идентичности.

Современные технологии действительно предоставляют человечеству мощные средства для роста и самореализации. Однако они требуют высокой степени философской рефлексии и психологической устойчивости. Чтобы сохранить целостность личности в условиях цифрового давления, необходимо развивать цифровую осознанность — способность критически воспринимать информационные потоки, различать подлинные и навязанные цели, ценить собственный путь и присутствие в настоящем. Образование в цифровую эпоху должно не только вооружать знаниями, но и воспитывать эмоциональную зрелость, независимость мышления и устойчивость к внешнему влиянию. Только тогда личность сможет сохранить подлинность, выйти из цифровой гонки и обрести внутреннюю свободу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каган М.С. Философия культуры. — СПб.: Питер, 1996.
2. Туркле Ш. Одна, но не одинока. Почему мы всё чаще предпочитаем общение с гаджетами. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017.
3. Розина И.Н. Цифровое поколение: трансформация идентичности в эпоху интернета // Социологические исследования. — 2019. — № 10. — С. 66–74.
4. https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-aspekty-tsifrovoy-etiki-v-epohu-tehnologicheskogo-progressa/viewer
5. https://7universum.com/ru/social/archive/item/16197

СОВРЕМЕННЫЕ РОДИТЕЛЬСКИЕ СТРАТЕГИИ ВЫБОРА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

Юлдашева Асал Искандар кизи
E-mail: Yuldasheva.asal@gmail.com
Магистрант 1 курс ТФ МГУ им. М.В.Ломоносова

Мир меняется. Ежегодно, ежемесячно, ежесекундно происходят изменения, которые в совокупности значительно преобразовывают окружающую среду. К наиболее очевидным общественным изменениям можно отнести цифровизацию, миграцию, трансформацию рынка труда, преобразование социальных ролей и института семьи. Без сомнений, все эти тренды оказывают влияние на общественные институты и на образовательную систему, как на фундаментообразующую часть социума. В таком контексте неизбежно как усложнение спроса на образование со стороны родителей, так и эволюция требований со стороны государства. Формализованная государственная система общего образования не всегда может моментально и гибко реагировать на актуальные социальные вызовы. Дополнительное образование (ДО) становится важным инструментом, предоставляющим возможности для развития актуальных знаний и навыков, не охваченных основными образовательными программами. Его основная цель состоит в помощи детям и подросткам раскрыть свои таланты, освоить актуальные навыки и выстроить индивидуальные образовательные траектории. Значимую роль при в этом процессе играют родители, которые определяют стратегию образования для своего ребёнка. Факторы выбора родителями дополнительного образования крайне разнообразны, индивидуальны и значительно отличаются в зависимости от общего контекста окружающей среды. При этом в зависимости от точки зрения исследователя одна и та же родительская стратегия может быть рассмотрена с разных сторон (по функциям, инфраструктуре, будущему вкладу в развитие ребёнка, мотивации и предрасположенности и пр.)

В литературе выделяются **внутренние и внешние факторы**, влияющие на родительский выбор. К ним можно отнести состав семьи, её статус и ресурсы. Уделяется внимание и гендерным различиям, мальчики чаще проявляют интерес к командным активностям, а девочки к индивидуальным видам. Наличие братьев и сестёр и обоих родителей положительно сказывается на уровне вовлечённости в дополнительные занятия, особенно в более дорогих направлениях [1], [2], [3].

К внутренним факторам относятся состав семьи, уровень дохода, образование родителей, культурный капитал, а также особенности семейных взаимоотношений. Вовлечённость родителей во взаимодействие со школой и в процесс образования детей зависит от уровня образования матери, дохода семьи, количества книг дома и других характеристик. Более обеспеченные и образованные семьи чаще инвестируют в дополнительное образование ребёнка. Чем больше времени родители заняты работой, тем больше дети вовлечены во внешкольные активности, особенно если оба родителя работают [1]. Посещение театров, музеев, концертов и других культурных событий рассматривается как важная часть воспитания, формирующая «высокий» культурный капитал, основная роль в этих процессах отводится матери, которая чаще несёт ответственность за воспитание. Таким образом, образовательные возможности детей

различаются в зависимости от социально-экономического статуса, культурного капитала и территориальных условий.

Внешние факторы родительского выбора связаны с общественными ожиданиями и ценностями. Среди них выделяются стратегии, направленные на успех в карьере, развитие «твёрдых» и «мягких» навыков, подготовка к выпускным экзаменам. Доля вовлеченных в компенсаторные дополнительные занятия резко увеличивается в старшей школе, что, по всей вероятности, связано с подготовкой к экзаменам [4]. На Западе внеклассные занятия - это метод активного формирования жизненной позиции ребёнка, в Китае их роль увеличивается, но инициатива исходит чаще от родителей, чем от детей [5]. Родители выбирают дополнительное образование, как инструмент направленный на повышение успеваемости, подготовку к поступлению в вуз или техникум, а также на приращение знаний как способ повышения социального капитала семьи и ребенка [7].

Культурные ожидания и социальное давление проявляются в родительских стратегиях. В семьях, сталкивающихся с дискриминацией или социальными стереотипами, родители стремятся вооружить детей не только знаниями, но и достижениями, сертификатами и личностными качествами, которые помогут им преодолеть неравенство. Образование детей строится через «целенаправленное воспитание» (concerted cultivation) - активное и организованное развитие ребенка, что связано с классом и этническими аспектами [10]. Социальные барьеры оказывают влияние на выбор родителей и в ключе их собственных нереализованных возможностей – дети участвуют в тех практиках, которые родители не могли себе позволить [6].

Сочетание внутренних и внешних факторов приводит к возникновению сложных стратегий, среди которых можно выделить ориентированные на уровень насыщения, максимальное заполнение расписания ребёнка, с целью предотвращения праздного времяпровождения; либо ориентированы на ограниченное количество ресурсов и гибкий выбор. Важным критерием таких стратегий можно определить уровень контроля. При стратегии, сочетающей контроль и поддержку происходит постепенная передача ответственности ребёнку по мере взросления. Этот подход является основанием в стратегиях, ориентированных на воспитание проактивного поведения. Он определяется как «кооперативная агентность», которая проявляется в умении работать в команде, договариваться и совместно преодолевать трудности.

С точки зрения функций дополнительного образования выделяют компенсирующую, развивающую и психоэмоциональную. Компенсирующие и развивающие функции дополнительного образования связаны в первую очередь с недостатками основной образовательной среды, повышением успеваемости, подготовкой к ЕГЭ и поступлению в ВУЗы. [4], [7]. Развитие личностных качеств, навыков «4К» и профессиональных компетенций является одной из распространённых стратегий. При этом значимую роль играют идеи персонализации дополнительного образования, индивидуального и личностно-ориентированного подходов [8].

На родительские стратегии влияет и глобальный контекст: государственная поддержка, культурные особенности программ, их соответствие современным трендам. Родители предъявляют высокие требования к качеству программ: профессионализм педагогов, современная инфраструктура, индивидуальный подход. Государственные меры поддержки положительно сказываются на расширении доступа к дополнительному образованию. Они также способствуют обновлению программ, что

влияет на выбор родителей. Стоимость занятий и возможность финансирования играют значительную роль, особенно в условиях региональных различий и неоднородности системы дополнительного образования [9]. В условиях роста платных услуг родители вынуждены искать баланс между бесплатными государственными и платными частными программами, особенно если государственная инфраструктура недостаточно развита.

Региональные и социокультурные различия также играют значительную роль: ассортимент программ в городе и на селе может существенно различаться, а содержание дополнительного образования в сельской местности часто определяется устоявшимися установками и стереотипами. При этом влияние среды и территории, как фактора, проявляется и в положительном, и в отрицательном ключе. Возможности для образования зависят от насыщенности среды района проживания, доступности кружков, секций и т.д. Содержание ДО детей в сельской местности в значительной степени обусловлено сформировавшимися установками и имеет более выраженные социокультурные и гендерные стереотипы [6].

Подводя итог, родительские стратегии выбора дополнительного образования детей разнообразны и зависят от сочетания личных, социально-экономических и образовательных факторов. Современные тенденции в дополнительном образовании ориентированы на индивидуализацию, расширение возможностей и поддержку интересов ребёнка, что отражается в изменении подходов родителей к выбору образовательных программ. Необходимо брать во внимание тот факт, что родители хоть и руководствуются стратегиями при организации образования своих детей, но не всегда могут классифицировать их, решения могут быть интуитивными и неосознанными. Для управленцев сферы образования крайне важно понимать актуальные тенденции и факторы родительского выбора, для того чтоб выстраивать востребованный репертуар программ дополнительного образования в своих учреждениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Barnett L. A. Predicting Youth Participation in Extracurricular Recreational Activities: Relationships with Individual, Parent, and Family Characteristics //Journal of Park & Recreation Administration. – 2008. – Т. 26. – №. 2
2. Driessens C. M. E. F. Extracurricular activity participation moderates impact of family and school factors on adolescents’ disruptive behavioral problems //BMC Public health. – 2015. – Т. 15. – С. 1-13.
3. Goshin M. et al. The strategies of parental involvement in adolescents’ education and extracurricular activities //Journal of Youth and Adolescence. – 2021. – Т. 50. – №. 5. – С. 906-920
4. Павленко К. В. и др. Дополнительное образование школьников: функции, родительские стратегии, ожидаемые результаты //Вопросы образования. – 2019. – №. 2. – С. 241-261.
5. Xu J. Students' engagement and parents' involvement in extracurricular activities. – 2017.
6. Павлов А.В. Особенности образовательных запросов семьи в дополнительном образовании сельских детей //Педагогика. – 2022. – №. 4. – С. 14.
7. Варызгина А. А., Куликова А. В., Михайлова В. В. Образовательные стратегии семей: почему родители вкладывают деньги в дополнительное образование детей? //Вестник Нижегородского университета им. НИ Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2023. – №. 1 (69). – С. 131-137.

8. Куприянов Б. В. Персонализация дополнительного образования детей //Образовательная политика. – 2015. – №. 1 (67). – С. 80-87.
9. Основные тенденции развития дополнительного образования детей / под науч. ред. Т. А. Мерцаловой; С. Г. Косарецкий, К. М. Анчиков и др. — Москва: НИУ ВШЭ, 2023. — 228 с. — 100 экз. — (Современная аналитика образования; № 3 (71)).
10. Vincent C. et al. Raising middle-class black children: Parenting priorities, actions and strategies //Sociology. – 2013. – Т. 47. – №. 3. – С. 427-442.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ И ОБРАЗОВАНИЯ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Яхъяева Лобархон Хабибулла кизи
Магистр Факультета Психология, филиал МГУ им. Ломоносова в Ташкенте

Цифровая эпоха — это не просто смена технологий, а глубокий сдвиг в понимании человека, знания и образования. Цифровизация охватила все сферы жизни, радикально изменив способы мышления, самоидентификации, передачи знаний и взаимодействия между людьми. Особое внимание требует философская рефлексия над тем, как трансформируется личность и образовательная среда под влиянием цифровых технологий. Сегодня на первый план выходят не только технологические, но и онтологические, этические и эпистемологические вопросы.

В условиях постоянного подключения к цифровым системам человек, оказывается вовлечённым в новые формы субъектности. Традиционное понимание личности как автономного и целостного субъекта смещается к фрагментированной и сетевой идентичности. Цифровая личность — это набор следов: лайков, постов, рекомендаций, поведения в сети, — которые формируют новую форму «я» в информационном пространстве. Мишель Фуко утверждал, что идентичность формируется в поле властных дискурсов [1]. Сегодня эти дискурсы управляются алгоритмами, которые не только интерпретируют поведение пользователя, но и активно его направляют. Так возникает цифровая субъектность, зависящая от логики платформ и систем машинного обучения. Цифровая трансформация затронула само понимание знания. Знание перестало быть результатом длительного изучения и критического осмысления — теперь оно часто сводится к доступности и скорости получения информации. В условиях избытка контента возрастает значение навыков фильтрации, оценки и интерпретации. Однако парадоксально, что при этом глубина мышления снижается, а клиповое мышление становится нормой.

Маршалл Маклюэн отмечал, что «средство и есть сообщение» [2], подчеркивая, что технологии меняют не только содержание, но и саму форму сознания. Современные цифровые медиа способствуют поверхностному восприятию, вытесняя традиционную форму сосредоточенного размышления и рефлексии.

Цифровая трансформация образования затронула все уровни учебного процесса — от формы подачи материала до организации коммуникации. Виртуальные платформы (Zoom, Moodle, Google Classroom) вытеснили традиционные аудиторные модели. Учитель больше не является единственным источником знания — его место занимает распределённая сеть контента, рекомендательных систем и цифровых помощников.

Происходит децентрализация авторитета, что отражает идею пост структуралистов о «смерти автора» [3]. В образовании это выражается в утрате исключительной роли преподавателя как носителя знания и морального авторитета. Возникает философский вопрос: можно ли сохранить воспитательную функцию образования в условиях, когда обучение сводится к взаимодействию с интерфейсами и алгоритмами? Цифровое образование сопровождается сбором и обработкой больших объемов персональных данных.

Возникают серьёзные этические вопросы: кто контролирует данные учащихся? Как обеспечить прозрачность и справедливость алгоритмических решений?

Идея Канта о человеке как цели, а не средстве [4], требует особого внимания в цифровой среде. Когда студенты становятся объектами анализа и предсказания поведения, существует риск утраты автономии и индивидуальности. Необходима разработка цифровой этики, в центре которой — уважение к достоинству личности и ограничение машинного вмешательства в процессы обучения. Появление цифровых аватаров, профилей и алгоритмической идентификации изменяет способ само осмысления. Личность оказывается разделённой между физическим телом и виртуальным «я». Это вызывает вопросы: где начинается и заканчивается субъект? Что остаётся от «я», если его представление конструируется извне — алгоритмами и аудиторией?

По мнению философа Бернара Стиглера, технологии не просто расширяют человека, но и производят «психотехническую мутацию», меняющую структуру внимания и памяти [5]. Таким образом, цифровая личность — это результат не только социальной, но и технико-культурной эволюции. Сторонники трансгуманизма (Ник Бостром, Рэй Курцвейл) рассматривают человека как существо, которое можно улучшить с помощью технологий — от нейроинтерфейсов до загрузки знаний напрямую в мозг [6]. Это ставит под сомнение необходимость традиционного образования, основанного на опыте, общении и нравственной рефлексии. Однако Юваль Ной Харари предупреждает: в будущем может появиться класс «ненужных людей», не успевших адаптироваться к технологической гонке [7]. Именно поэтому образование должно не только передавать информацию, но и формировать способности к критике, моральному выбору, философскому осмыслению — того, чего не могут заменить алгоритмы.

Цифровая трансформация радикально меняет представления о личности, знании и образовании. Эти изменения требуют не просто адаптации, а глубокого философского анализа. Возникают новые формы субъектности, новые формы власти, новые нормы мышления и коммуникации. Чтобы сохранить гуманистический вектор развития, необходимо переосмыслить роль образования как пространства формирования свободного, критически мыслящего и ответственного человека. Философия здесь играет ключевую роль — как дисциплина, способная не только задавать фундаментальные вопросы, но и формировать способности к осмыслению в условиях неопределённости цифрового мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фуко М. Надзирать и наказывать. — М.: АСТ, 1999.
2. Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. — М.: Эксмо, 2003.
3. Барт Р. Смерть автора. // Семиотика: Антология. — М.: Академический проект, 2004.
4. Кант И. Основы метафизики нравственности. — М.: Наука, 1993.
5. Stiegler B. Technics and Time, 1: The Fault of Epimetheus. — Stanford University Press, 1998.
6. Bostrom N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. — Oxford University Press, 2014.
7. Harari Y. N. Homo Deus: A Brief History of Tomorrow. — Harvill Secker, 2016.

СЕКЦИЯ 5.
ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ВОВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕРИАЛОВ О БОЕВЫХ ПОДВИГАХ ЖЕНЩИН-УЗБЕЧЕК В ФОРМИРОВАНИИ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

Абдурахманова Мадина Мурадовна
E-mail: wonderful.madison@gmail.com
PhD, старший преподаватель филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Ташкенте

Проблема организации и осуществление мероприятий, направленных на воспитание молодого поколения, и, в частности, формирования гендерного равенства среди молодежи, приобретает особую актуальность в современных условиях. Построение демократического и гражданского общества в Республике Узбекистан неразрывно связано с использованием творческого, познавательного и духовно-нравственного потенциала личности, а также развития ее социальной активности.

В соответствии сПостановлением Кабинета Министров Республики Узбекистан № 140 «Об утверждении Концепции воспитания молодежи в военно-патриотическом духе» от 23 февраля 2018 года одной из основных задач является пробуждение чувства гордости за национальных героев нашей истории и культуры, самоотверженно боровшихся за независимость и процветание Родины, воспитание желания быть достойными их. [1]

Актуальность выбранной темы определяется возрастающим интересом к роли женщины в годы Второй Мировой войны. Устоявшаяся точка зрения являет нам войну, как войну мужчин. Женщины же изображаются самоотверженными медсёстрами, романтическими шпионками, работниками тыла, взвалившие на свои хрупкие плечи заботу о домашнем хозяйстве в отсутствие своих мужей. Мужчины в это время уходят на войну, участвуют в кровопролитных сражениях и умирают героической смертью. Все это является типичной картиной распределения гендерных ролей и, к сожалению, она не в состоянии рассказать всей истории военного времени. Мужчины не единственные, кто непосредственно принимал участие в боевых действиях. Женщины также ходили в атаку и носили оружие. Наравне с мужчинами они жили в окопах и землянках, храбро терпели весь неустроенный быт войны.

Отличительной чертой Второй Мировой войны являлась огромная втянутость в вооруженный конфликт гражданского населения, и женщин в том числе.

Мобилизации подлежали здоровые девушки в возрасте не моложе 18 лет. Мобилизация проводилась под контролем ЦК ВЛКСМ и местных комсомольских организаций. При этом учитывалось все: образование (желательно, не ниже 5 классов), членство в комсомоле, состояние здоровья, отсутствие детей. Основная масса девушек были добровольцы.

На разных этапах войны сражалось от 800 000 до 1 000 000 женщин, 80 000 из них были женщинами-офицерами. В войне приняли участие 4555 женщин из Узбекистана [2], освоившие профессии связистов, летчиков, снайперов, зенитчиков, медицинского персонала и разведчиков. Среди них, например, медицинская сестра Ханифа Кабилова, спасшая жизни многим бойцам, знаменитая радистка Роза Ибрагимова, известная зенитчица и пулеметчица Азиза Каландарова, фронтовой хирург Мукаддам Ашрапова,

известная снайпер Шарофат Ишантураева, уничтожившая прицельным огнем из своей винтовки сотни фашистов.

Узбекистанки Зебо Ганиева, Ольга Санфирова, Елена Стемпковская за свои самоотверженные подвиги на фронтах были удостоены звания Героя Советского Союза.

Женщины всех возрастов и национальностей, различной профессией, воодушевленно вступали в ряды вооруженных защитников Родины.Все это стирало границы в повседневном общении, которые в мирной жизни существуют между мужчиной и женщиной. Товарищеские отношения, обусловленные пережитыми вместе трудностями, стирали гендерное неравенство.

Ханифа Кабилова родилась в городе Ташкенте в семье рабочего. В 1933-1940 гг. она училась в средней школе № 76 г. Ташкента, а в 1940-1942 гг. училась в школе по подготовке медицинских сестер.[3].

В воспоминаниях Ханифа Кабилова пишет: «…Мне было тогда 18 лет. Когда я вернулась с работы,отец чинил нашу глиняную стену. Он вытер руки и с удивлением посмотрел на меня.

– На войну?

– Да, папочка, отправляюсь на войну в качестве медсестры.

– Но ты ведь очень хрупкая!

– Поверьте папочка, я сильная и крепкая.

Увидев мою решительность, он молча согласился. – Будь счастлива, доченька!».[4].

«…Помню, отец никак не хотел спускаться с вагона. Лишь после того как моя подруга Солиха Хусанова пообещала ему всегда находиться рядом со мной, он спрыгнул с уже двигающегося вагона.

Будучи медсестрой, я воевала в 18-ой армии 4-го Украинского фронта. Участвовала в освобождении Венгрии, Чехословакии и Польши. Когда я вернулась домой через два месяца после победы, отец не узнал меня. Ведь провожал-то он свою длинноволосую хрупкую девочку. А на пороге стояла “незнакомка” с коротко отстриженными волосами и в военной форме, которую украшали нагрудные ордена и медали».[5].

За самоотверженные подвиги на фронтах Второй мировой войны Ханифа Кабилова была награждена орденом «Отечественной войны II степени», медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой отечественной войне 1941-1945 гг.)», «Ветеран труда», а также другими юбилейными медалями.[6].

В годы Второй мировой войны смелость и отвагу проявила еще одна наша соотечественница – Азиза Каландарова. Она родилась в 1924 году, воспитывалась в детском доме г. Ташкента.

Когда началась война, наряду с другими подругами Азиза Каландарова добровольно записалась на фронт. Сперва училась на курсах подготовки медсестер, затем на шестимесячных курсах подготовки зенитчиков. Пройдя подготовительные курсы она получила квалификацию зенитчицы и пулеметчицы. 6 июля 1943 года ее батальон принял участие в боевых действиях, где зенитчицы сбили 8 самолетов. Из них первый был взят под прицел расчетом наводчицы Азизы Каландаровой. За это она была представлена к награждению орденом «Красная Звезда». [7]

В том же году была тяжело ранена и госпитализирована в госпиталь под Курском. Вернулась она в свою часть, когда та вела бои под Киевом.

Она участвовала в освобождении Украины и Румынии. Войну Азиза Каландарова закончила в офицерском звании.

Ей были вручены медали «За боевые заслуги», «За отвагу», «За взятие Будапешта», «За взятие Берлина», орден «Красная Звезда», а также почетные грамоты Советского комитета ветеранов войны, в честь 40-летия Победы в Великой Отечественной войне.[8].

Узбекская девушка, фронтовой хирург Мукаддам Ашрапова после окончания Ташкентского медицинского института начала работать врачом в санитарном отделе 786 стрелкового полка. Ей было всего 24 года, когда она 13 февраля 1943 года вступила в действующую армию. Вместе с бойцами Брянского, Северо-Западного, 1-го Украинского фронтовМукаддам Ашрапова прошла сложный и трудный путь от Москвы до Карпат. Она спасла жизни сотни бойцов, принимавших участие в освобождении Курска, Орла, Белграда и других городов.

Мукаддам Ашрапова завершила войну победоносно, пройдя боевой путь до Польшы, Чехословакии и Германии. Вернувшись, наконец, на свою Родину – в Узбекистан, она была награжден орденом Красной Звезды и несколькими медалями за боевые заслуги. После войны, в мирные годы, Мукаддам Ашрапова вела научные исследования в области медицинских наук, получила звание доктора медицинских наук, профессора. В дальнейшем, на протяжениимногих лет она возглавляла 2-ю хирургическую больницу Ташкентского государственного медицинского института.[9]

Другой героине, Сабире Мажидовой, на момент начала войны был 21 год. Получив среднетехническое медицинское образование в 1937 году она поступила в Ташкентский медицинский институт. Завершив учебу работала педагогом в медицинском училище имени Ахунбабаева, одновременно врачом в 7-ой инфекционной больнице города.

Собира Маджидова начала свою боевую деятельность в качестве врача специального инженерно-саперного батальона в Брянске. Следует отметить, что служба в данном батальоне считалась одной из самых сложных, так как бойцы именно этих батальонов должны были очищать дороги от мин, чинить мосты и строить переезды под гремящими пулями и бомбами. Ее основной задачей было идти вместе с солдатамии при необходимости оказывать медицинскую помощь раненым в условиях постоянной угрозы пуль и взрывов бомб. В составе 68-ой дивизии она прошла боевой путь от Днепра до Дуная. Собира Маджидова за храбрость в боях на Днепре была награждена медалью «За боевые заслуги». Смелая и отважная девушка встретила победу в Австрии. [10]. Также Сабира Маджидова была награждена орденами «Красной Звезды», «Отечественной ВойныIстепени», «Трудового Красного Знамени» и медалью «Ветеран труда». [11]

Вернувшись после войныв Узбекистан, она продолжила свою медицинскую деятельность и получила степень отличника здравоохранения. [12]

Подводя итог, можно сделать вывод, что изучение различных источников по истории Второй мировой войны, где наряду с мужчинами, активно воевали и женщины-узбечки, имеет важное значение в духовно-нравственном воспитании молодежи Узбекистана, в формировании у подрастающего поколения чувства гендерного равенства. Информация о боевых подвигах женщин Узбекистана, которыевели службу не только как медицинский персонал в военных госпиталях и осуществляли второстепенные работы, но также наравне с мужчинами сражались на передовой и в отрядах партизан, способна вызвать прилив патриотических чувств у юных девушек, а также гордость за национальных героев нашей Родины, боровшихся за ее независимость и процветание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление кабинета министров республики Узбекистан от 23 февраля 2018 г. № 140 «Об утверждении концепции воспитания молодежи военно-патриотическом духе». // http://lex.uz/docs/3571160
2. «Женское» лицо войны // https://nuz.uz/k-velikoy-pobede/4541-zhenskoe-lico-voyny.html
3. Национальный архив Узбекистана, ф. Р-2791, оп. 1, д. 59, л. 15.
4. Эберзенок Л. Сестричка. // Правда Востока, 9 мая 1987. – С. 3.
5. Қобилова Ҳ. Қалб нидоси. // Қишлоқ ҳақиқати, №37, 13 февраль 1988. – Б. 4.
6. Национальный архив Узбекистана, ф. Р-2791, оп. 1, д. 59, л. 15.
7. Раҳмат А. Шинелли қизлар қиссаси. Т., “Ёш гвардия”, 1964. – Б. 65.
8. Национальный архив Узбекистана, ф. Р-2791, оп. 1, д. 63, л. 2-6.
9. Адхам Рахмат. Жангчи аёллар // Газета «Ўзбекистон маданияти”. 6 марта 1965 год.
10. Капитан Тулаган Соатий // Газета «Красный Узбекистан». 5 марта 1944 год.
11. Национальный архив Узбекистана, ф. Р-2791, оп. 1, д. 76, л. 1-4.
12. Мадрахимова Р. Эл бошига иш тушганда // Фан ва турмуш, № 9, 1975. – Б. 13.

МОЛОДЕЖЬ, ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ПЕРЕКРЕСТКИ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ВЫЗОВОВ XXI ВЕКА

Йулдошева Мадина Рустам Кизи
E-mail: madinayuldosheva08@gmail.com
Магистрант филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Ташкент.

Современная молодёжь – это первое поколение, которое выросло не просто с интернетом под рукой, а в полном слиянии с цифровой реальностью. Для них смартфон не просто гаджет, а окно в мир, в котором происходят учёба, работа, самовыражение и даже протест. Но в этом же мире глобальная конкуренция, быстрые перемены и постоянное чувство того, что ты должен «успеть» и «встроиться».

Цифровизация и глобализация кардинально изменили направления взросления и социализации молодёжи. Рынок труда перестал быть локальным, общественные инициативы стали трансграничными, а проблемы общими: климат, неравенство, доступ к образованию, цифровая безопасность. И в то же время новых возможностей: молодые люди сегодня могут зарабатывать удалённо, запускать стартапы из общежития, объединяться в транснациональные сообщества и влиять на повестку дня если, конечно, знают, как этим пользоваться. Однако за возможностями всегда идут вызовы. Цифровое неравенство, эмоциональное выгорание, информационные перегрузки и нестабильность занятости - всё это тоже часть современной молодежной реальности. И особенно остро это чувствуется в условиях развивающихся стран, где темпы цифровой трансформации не всегда успевают за потребностями и стилем жизни нового поколения. Эта статья посвящена анализу того, как молодёжь участвует в социально-экономической жизни общества в условиях цифровизации и глобализации, какие механизмы её вовлечения работают, а какие нет, и самое главное, где именно сегодня проходит та тонкая грань между новыми возможностями и новыми рисками.

Говоря откровенно, мы часто переоцениваем, насколько молодёжь действительно включена в социально-экономическую жизнь. С одной стороны, они будто бы везде. Ведут онлайн-бизнес, продвигают себя в цифровом пространстве, участвуют в глобальных челленджах и конкурсах. С другой стороны, за пределами цифровой реальности остаются те, кто не имеет к ней устойчивого доступа или навыков. И здесь появляется серьёзное противоречие, которое затрагивает не только технологии, но и социальную справедливость [4:17].

Цифровизация влияет на молодых по-разному. Кто-то с детства пользуется онлайн-ресурсами, проходит курсы, общается с экспертами из других стран. А кто-то заканчивает колледж и даже не знает, как составить цифровое портфолио. Это не просто разница в навыках, это разрыв в возможностях. В отчётах ЮНЕСКО подчёркивается, что цифровое неравенство стало новой формой социального исключения, особенно в развивающихся странах [4:9]. И это нужно учитывать, когда мы говорим о глобализации.

Глобализация открывает двери, но одновременно делает порог входа выше. Молодёжь сталкивается с огромной конкуренцией. Условия, в которых подросток в Узбекистане или России начинает карьеру, теперь сравниваются с условиями его ровесников в Германии, Сингапуре или Канаде. Это может мотивировать, но часто вызывает

внутреннее давление и ощущение нестабильности [1:48]. Они знают, что мир открыт, но не уверены, найдут ли там своё место.

Большинство молодых не интересуются формальным участием в жизни общества, потому что не видят в этом смысла. Они не верят, что их мнение учтут. Они ищут формы, где можно проявить себя сразу, где есть результат. Это могут быть цифровые волонтёрские проекты, тематические онлайн-форумы, креативные инициативы в соцсетях. Именно там они чувствуют, что важны [6:19]. Но такие формы пока редко поддерживаются официально, и это упущение.

Чтобы цифровизация действительно стала возможностью, а не риском, необходим не просто доступ к технологиям. Нужны навыки, понимание, доверие. Молодёжь не хочет быть объектом политики, она хочет быть участником. Как пишет М. Кастельс, современная идентичность формируется не столько в институтах, сколько в сетях тех самых цифровых пространствах, где молодые строят свою социальную и профессиональную траекторию [2:102].

Именно поэтому важно создавать не просто цифровую среду, а среду с человеческим лицом. Там, где есть место для ошибки, роста, эксперимента. Где ценят не только результат, но и участие. Только тогда вовлечение молодёжи перестанет быть абстрактной задачей и станет частью реальной жизни общества.

Невозможно говорить о вовлечении молодежи в социально-экономическую жизнь, не затронув важную тему доверия. Молодежь часто не видит смысла участвовать в процессах, которые кажутся им формальными или оторванными от реальной жизни. Зачем работать в системе, если ты не понимаешь её? Зачем вступать в политические или экономические проекты, если они не отражают твои интересы или переживания? В этом смысле цифровые платформы, такие как различные социальные сети и волонтерские онлайн-инициативы, играют ключевую роль. Они предоставляют молодым людям возможность быть услышанными и даже влиять на события, чего они не всегда могут добиться в традиционных институтах. Однако, как отмечает Завацки-Рихтер, важным моментом является то, что эти формы вовлечения часто остаются на уровне виртуальных действий, не приводя к реальным социальным изменениям или взаимодействию с официальными структурами [3:17].

Цифровая революция, безусловно, даёт молодежи новые возможности, но она также ставит перед ней серьезные вызовы. В условиях глобализации мир стал более взаимозависимым, и молодые люди сегодня сталкиваются с необходимостью конкурировать с ровесниками по всему миру. Образование, работа, доступ к ресурсам всё это стало глобализированным. Но при этом, как утверждают авторы ряда исследований, в условиях быстрого развития технологий и информационного потока, молодежь испытывает эмоциональное выгорание, перегрузку информацией и ощущение постоянного давления [6:12]. Многие из них начинают чувствовать, что не могут справиться с тем количеством информации и обязанностей, которые на них сваливает цифровой мир.

Цифровизация и глобализация – это не просто теоретические понятия, это реалии, с которыми сегодня сталкивается молодежь по всему миру. Эти процессы открывают перед ними новые горизонты, дают доступ к неограниченным возможностям, но вместе с тем создают и серьёзные вызовы. Молодёжь, безусловно, хочет участвовать в социально-экономической жизни общества, но для этого ей нужно больше доверия, больше инструментов, которые помогут трансформировать её участие в реальные изменения. Мы,

как общество, обязаны создавать такие условия, в которых цифровые технологии станут не препятствием, а инструментом для решения реальных проблем.

Именно поэтому важно, чтобы цифровая среда становилась более инклюзивной и доступной, а вовлечение молодежи в общественные и экономические процессы не ограничивалось только виртуальным участием. Цифровизация может быть по-настоящему эффективной только тогда, когда она будет направлена на развитие личного потенциала каждого человека, а не просто на накопление данных и информации. В конечном счете, именно молодежь с её гибкостью, инициативностью и свежими взглядами должна стать тем двигателем изменений, которые помогут нам идти в ногу с глобальными вызовами и создавать более справедливое и устойчивое общество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Войтоловский, Ф.Г. *Глобализация: вызовы XXI века*. Москва: Научный мир, 2021.
2. Castells, M. *The Rise of the Network Society*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010.
3. Капогузова, Е.А. *Цифровое участие молодёжи в социально-экономической жизни: социологический взгляд*. // Вестник РУДН. Серия: Социология, 2022, №3, с. 57–69.
4. UNESCO (2021). *Youth and Digital Inclusion in a Globalized World*. Paris: UNESCO Publishing.
5. Schwab, K. *The Fourth Industrial Revolution*. Geneva: World Economic Forum, 2016.
6. Давыдова, Н.М. *Молодёжь в эпоху цифровизации: вызовы и стратегии социализации*. //Молодёжная политика и образование, 2023, №1, с. 14–21

GLOBALLASHUV SHAROITIDA AGROSANOAT MAHSULOTLARINI ISHLAB CHIQARISHGA TA’SIR ETUVCHI OMILLAR TAHLILI

Kalbayeva Jazira Kuanishovna
jazeerakalbaeva@gmail.com
1-kurs tayanch doktoranti, Qoraqalpoq davlat universiteti

Annotatsiya. Ushbu tezisda mahsulot ishlab chiqaruvchi korxonalariga turli ishlab chiqarish omillari ta’siri tahlil qilingan. Ishlab chiqarish omillari soni o‘rtasidagi bog‘liqlik ekonometrik modelida aniqlangan.
Kalit so‘zlar: ishlab chiqarish hajmi, kapital, mehnat, mahsulot narxi.

Mahsulot hajmi va foydalaniladigan ishlab chiqarish omillari soni o‘rtasidagi bog‘liqlik oddiy ishlab chiqarish funksiyasi shaklida ifodalanadi:

$$Y = f(x_1, x_2, \ldots, x_n),$$

bu yerda Y - ishlab chiqarish hajmi, $x_1, x_2, \ldots, x_n$ - turli ishlab chiqarish omillari. Agar u ma'lum bir vaqtda ishlab chiqarish hajmiga ushbu omillarning ta'sirini tahlil qilish uchun ishlatilsa, u statik ishlab chiqarish funksiyasidir. Agar oddiy ishlab chiqarish funksiyasi turli vaqt oralig‘ida ishlab chiqarishni tahlil qilish uchun ishlatilsa, u dinamik ishlab chiqarish funktsiyasi $Y = f(x_1 t, x_2 t, \ldots, x_n t)$ bo‘lib, bu erda t - vaqt parametri.

Chiziqli ishlab chiqarish funksiyasi ishlab chiqarish va kirishlar o‘rtasida chiziqli bo‘liqlik mavjud bo‘lganda qo‘llaniladi. Ushbu funksiyadan foydalanishning alohida holati amerikalik iqtisodchilar Charlz Kobb va Pol Duglas tomonidan 1928- yilda yaratilgan. U ishlab chiqarishning fizik hajmi, kapital va mehnat sarflarining fizik hajmi o‘rtasidagi munosabatni aks ettiruvchi Kobb-Duglas ishlab chiqarish funksiyasi bo‘lib, quyidagi shaklga ega bo‘lishi mumkin:

$$Y = A \cdot K^{\alpha} \cdot L^{\beta},$$

bu erda A - ma'lum vaqt oralig‘ida o‘zgarmaydigan ishlab chiqarish omillarini aks ettiruvchi parametr; K – qo‘llaniladigan real kapitalning jismoniy hajmi: L – qo‘llaniladigan mehnatning jismoniy hajmi; α va β - bu ikki resursning elastiklik koeffetsentlari, α + β = 1 ga o‘zaro o‘zgarishini aks ettiruvchi mahsulot ishlab chiqarishning fizik hajmining kapital va mehnat bo‘yicha elastiklik koeffetsentlari. Ch. Kobb va P. Duglas 1899 -yildan 1922 -yilgacha bo‘lgan davrda Amerika ishlab chiqarish sanoati va ishlab chiqarish jarayonida kapital , mehnat sarfi haqidagi statistik ma'lumotlarni o‘rganish asosida o‘zlarining mashhur funksiyasini oldilar. O‘sha davrdagi Amerika iqtisodiyoti uchun funksiya quyidagicha ko‘rinish oldi: $Y = 1{,}01\, K^{0{,}25} \cdot L^{0{,}75}$. Demak, iqtisodiyotda real kapitalning 1% ga o‘sishi ishlab chiqarish hajmining 0,25% ga, mehnatning 1% ga ko‘payishi esa ishlab chiqarishning 0,75% ga o‘sishiga olib keldi.

3-jadval

Ishlab chiqaruvchi korxona	Ishlab chiqarilgan mahsulot soni (1 ming dona) x	Ishlab chiqarish xarajatlari (1 mln, so‘m)
1	97	161
2	73	131
3	79	135
4	99	147

5	86	139
6	91	151
7	85	135
8	77	132
9	89	161
10	95	159
11	72	120
12	115	160

12 ta ishlab chiqarish korxonalari bo‘yicha ishlab chiqarilgan mahsulot miqdori (1 ming dona) va ishlab chiqarish narxi (1 million so‘m) bo‘yicha jadval ma’lumotlari keltirilgan.

$$\tilde{y} = 61,113 + 0,943 \cdot x$$

Natijada, ishlab chiqarish hajmi 1 ming donaga 0,943 million so‘mga oshadi, doimiy xarajatlar esa 61,113 million so‘mni tashkil etadi .

$$R^2 = 0{,}826856^2 = 0{,}684$$

$$0{,}684 \cdot 100\% = 68{,}4\%;\ \ 100\% - 68{,}4\% = 31{,}6\%$$

Ishlab chiqarish xarajatlarining (y) o‘zgarishi 68,4 foiz, ishlab chiqarilgan mahsulotning hajmi (x) qolgan 31,6 foizi modelga kiritilmagan boshqa omillar bilan bog‘liq. Natijada 31,6 foizi modelda transport tizimi, resurslardan optimal foydalanish, firma strategiyasi, raqobat muhiti samarasining mahsulot narxiga ta’siri kabi omillarga bog‘liq.

$$\overline{E_x} = 0{,}943 \cdot \frac{88{,}16667}{144{,}25} = 0{,}576$$

Shu bilan birga, mahsulot o‘rtacha ishlab chiqarish hajmi 1 foizga ko‘payishi, o‘rtacha ishlab chiqarish xarajatlarini 0,54 foizga oshiradi.

ADABIYOTLAR

1. A.S. Bulatov "Makroiqtisodiyot" darsligi, Moskva 2016- yil
2. J.K. Sauxanov “Agrar tarmoqda tashqi samaralarni optimal tartiblashtirish va tranzaksiya xarajatlarini pasaytirish: muammolar, usullar va modellar” monografiya, Toshkent 2022 -yil

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ВОВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Копылов Юрий Дмитриевич
E-mail: kopilov.yuriy@mail.ru
Старший преподаватель кафедры ОГИСЭД, Филиал МГУ имени М.В.Ломоносова в г.Ташкенте
Ким Дарья Андреевна
Бакалавр, студентка 2-го курса ПМиИ, Филиал МГУ имени М.В.Ломоносова в г.Ташкенте
E-mail: dashakim614@gmail.com

В условиях глобализации и активного развития цифровых технологий современные исследования подчеркивают, что молодёжь играет ключевую роль в развитии общества, являясь его стратегическим ресурсом.

Глобализация содействует распространению новых ценностей и моделей поведения, что приводит к изменению традиционного сознания. Это можно заметить в усилении у молодых людей индивидуализма, росте цифровой активности и изменении восприятия труда и образования.

Цифровизация дает молодёжи новые возможности для социальной мобильности, саморазвития и реализации себя в профессии. Но стоит помнить, что вместе с этим усиливаются риски: неравенство в социальных сетях, утечка личных данных и кибер-угрозы. Авторы статьи подчёркивают необходимость повышения цифровой грамотностии внедрения механизмов защиты от вышеперечисленных угроз[1, с. 83].

Из истории мы видим, что молодёжь всегда была движущей силой модернизации. В новых условиях она сталкивается с вызовами глобального рынка труда и нестабильности, но одновременно с этим получает уникальные возможности участвовать вразвитии страны[1, с. 85-86].Из этого можно сделать вывод, что формирование ценностных ориентиров и обеспечение цифровой безопасности становятся важными пунктами государственной и общественной политики в отношении молодёжи. Эффективное вовлечение молодого поколения в социально-экономическую жизнь требует комплексного подхода: образования, правовой поддержки и цифровой инфраструктуры.

Влияние цифровой среды на экономическую безопасность молодежи тожеимеет важное значение. Исследователи выделяют угрозы, связанные с мошенничеством в интернете, недостаточной защитой персональных данных и уязвимостью в киберпространстве. Из-за этого возникает необходимостьв разработке программ цифровой гигиены и законодательного регулирования цифровых платформ [2, с. 287-289].

Положительной стороной цифровизации можно назвать возможность участия молодёжи в цифровой экономике: через фриланс, онлайн-предпринимательство и удалённую занятость. Эти формы занятости позволяют молодым людям из различных регионов, включая сельскую местность, интегрироваться в глобальный рынок труда. Это требует развития цифровой инфраструктуры, особенно в отдалённых регионах.

Также следует отметить культурные изменения: молодёжь активно осваивает новые формы самовыражения в цифровой среде, участвует в социальных движениях через платформы социальных сетей. Это формирует новое поколение граждан, способных к самостоятельному мышлению и мобилизации вокруг значимых общественных инициатив.

Не менее важной становится роль образовательных учреждений в формировании у молодёжи навыков адаптации к условиям цифровой экономики. Современное образование должно включать модули цифровой грамотности, управления цифровой идентичностью, навыков программирования и анализа данных. Это подготовит молодое поколение к новым вызовам, связанным с автоматизацией и искусственным интеллектом. Государственная политика должна опираться на принципы инклюзивности, предоставляя равные цифровые возможности всем категориям молодежи. Особое внимание нужно уделить уязвимым группам: молодым людям с ограниченными возможностями, из многодетных или малообеспеченных семей, представителям этнических меньшинств. Это даст возможность создать более справедливое и устойчивое цифровое общество [3, с. 101].

Важно помнить о необходимости стимулировать цифровое предпринимательство среди молодёжи, поддерживать стартапы, научные инициативы и проекты, направленные на решение социальных проблем с помощью технологий. Вовлечение молодёжи в такие проекты будет стимулировать её трудоустройство и социальную ответственность [3, с. 104].

В заключение следует повторить, что цифровизация и глобализация - это не только вызовы, но и большие возможности для молодёжи. Главное - обеспечить системный подход, в котором образование, технологии, культура и государственная поддержка работают в синергии для создания условий успешного развития будущих поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. 1.Ирина Вениаминовна Положенцева. Молодежь в эпоху глобализации. Журнал “Власть”, Россия, г. Москва, 2019 г. С. 83 – 86.
2. Ким Лариса Антоновна, Журабек Абдухошимов. Ценности молодежи в условиях цифровизации общества. Республика Узбекистан, г. Алмалык, 2024 г. С.286-291.
3. Судоргин Олег Анатольевич,Агафонов Алексей Васильевич.Влияние цифровизации на формирование современного молодежного политического лидерства. Россия, г. Москва, 2024 г. С. 101-106.

СОВРЕМЕННЫЙ РЫНОК РАБОЧЕЙ СИЛЫ: ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ВОВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА

Тумакова Светлана Владимировна
E-mail: svetvlt@mail.ru
доктор экономических наук, директор, Центр содействия образованию, науке и творчеству, Российская Федерация, г. Севастополь

Важнейшей проблемой современного общества, которая не потеряет своей актуальности и на стратегическую перспективу, выступает создание совокупной рабочей силы, способной решать стоящие перед страной задачи в условиях существующих, традиционных вызовов, а также рисков и вызовов, которые создают новое время, новая реальность. В процессе создания, формирования такой рабочей силы фундаментальную роль играет образование, обеспечивающее профессиональное становление личности человека, работника на всех этапах его участия в социально-экономических процессах общества.

Закономерностью развития экономической деятельности общества выступает глобализация всех ее проявлений. Предпринимаются определенные попытки со стороны некоторых социальных слоев, сообществ, групп, партий, персоналий противостоять ей, противопоставить глобализации необходимость защиты национальные интересов того или иного государства, региона. Однако, особенности процесса движения основной формы капитала, основной формы активов – финансовых, денежных, ее расширенного воспроизводства, технологий капитализации, защиты, расстановки приоритетов, выделение направлений оптимизации, в том числе на основе неэкономических факторов воздействия на социально-экономические, организационно-правовые, социокультурные явления и процессы, создание новых форм пополнения ее ресурсной базы (на основе экономической и неэкономической мотивации участников) показывают, что действие объективных экономических законов, в соответствии с которыми общество создает, присваивает, использует, потребляет, накапливает основную часть богатства (общественного в целом, национального в масштабе отдельных стран и их объединений, кланового, фамильного) никто не может отменить, они действуют, обусловливают те или иные последствия, приводят к соответствующим, ожидаемым результатам.

Объективной реальностью в настоящее время выступает новая сфера экономической деятельности общества – геоэкономическое пространство в целом. Современное геоэкономическое пространство прошло сложный путь развития, в результате которого произошла его четкая структуризация. Высшей структурой при этом выступает организация и обеспечение движения, возрастания финансового капитала, его инфраструктура, безопасность и безусловность благоприятствований его росту вне зависимости от времени, места, общих глобальных, конъюнктурных условий. Исследование этих процессов находит отражение во многих научных трудах [1,2].

В геоэкономическом пространстве складываются, формируются центры, со всеми соответствующими преимуществами и особой ролью в мировом развитии, а также

периферия, концентрирующая все проблемы экономического и социального недостаточного развития, которой навязывается догоняющий тип развития на основе условной модернизации, (не модернизирующей, но накапливающей, консервирующей научно-техническое и технологическое отставание), что закрепляет за этими странами положение просящих, зависимых, не могущих претендовать на роль субъектов мировой экономики, субъектов геоэкономического пространства.

История этого процесса является предметом исследования современных ученых [3]. В состояние периферии могут попадать страны, регионы не только по объективному состоянию экономики, но и в результате проводимой по отношению к ним ведущими странами (прежде всего сконцентрировавшими у себя основные финансовые ресурсы мира, являющими сегодня финансовую власть мира, вышедшую за рамки государств, государственного регулирования, в том числе международными финансовыми структурами, организациями) системы политических мер различного политического принуждения, с элементами целенаправленного их уничтожения, ослабления, в том числе и чаще всего на длительную историческую перспективу. Это не может не свидетельствовать об упадке современной экономической системы. Научный анализ этих процессов заслуживает особого осмысления и изучения [4].

Все в более существенной степени зависимым от современных процессов, происходящих на геоэкономическом пространстве, становится рынок рабочей силы, который представляет собой совокупность социально-экономических, организационно-правовых, демографических, социокультурных отношений, посредством которых происходит вовлечение работников в общественное производство, распределение их по сферам производства, секторам экономики, видам экономической деятельности, видам самостоятельной занятости (в том числе и вынужденной), производительное потребление способностей к труду работающих по найму, а также создаются экономические основы для воспроизводства рабочей силы – формируются доходы, которые становятся источником финансирования удовлетворения всех потребностей людей труда, появляется возможность жить, растить детей, создавать будущее для страны, общества, для сохранения народа.

Рынок рабочей силы определяется взаимодействием двух системообразующих его явлений: спроса на рабочую силу и предложения рабочей силы. В условиях насыщенного рынка, рынка покупателей активную роль играет спрос на рабочую силу, особенность которого в настоящее время определяется тем, что наиболее востребованной рабочей силой выступают потенциальные работники с профессиональными компетенциями «разнорабочие», куда пошлют именно в данный отрезок времени, на выполнение краткосрочных работ, что не связано с осмыслением всего цикла хозяйственной деятельности, производственного процесса, не предполагает видения перспектив самой хозяйственной деятельности, работника, а тем более построения какой-либо карьеры, необходимости развития своих конкурентных преимуществ, наращивания своего человеческого, интеллектуального капитала.

Четвертая промышленная революция [5] обусловила появление нового этапа в развитии спроса на рабочую силу: спрос становится неустойчивым, быстро меняющимся под воздействием постоянного быстротечного изменения спроса на производимую продукцию, оказываемые услуги, структурные изменения, революцию в управлении и организации экономических связей, логистических цепочек, цифровизации экономики. Перед Россией стоят амбициозные задачи экономического роста, укрепления своих позиций

в мировой экономике, а спрос на рабочую силу в таких видах деятельности ее экономики, как промышленность и аграрный сектор постоянно сокращается. Без соответствующего развития промышленности не решается в принципе задача повышения производительности труда, которую постоянно формулирует Президент РФ.

Перед высшим образованием РФ ставится задача увеличения подготовки инженеров, а работодатели отмечают эту категорию специалистов как практически полностью не востребованную ими. При этом все участники управления и государственного регулирования экономики в России отмечают, что в течение 4-5 лет потеряют актуальность знания и компетенции, которые приобретают в настоящее время студенты высших учебных заведений.

Это не может не дезориентировать молодых людей и не снижать их мотивацию к вдумчивому обучению и подготовке себя к эффективному труду в национальной экономике страны. По оценкам ВШЭ в настоящее время 2,5 млн. человек от 15 до 25 лет не учатся и не работают. 25 процентов выпускников школ не осваивают один или два основных предмета. Многие молодые люди видят в таких условиях выход для себя в переезде в другие страны и работе в экономиках других стран на работах, не требующих профессиональной подготовки, знаний, опыта, компетенций, позволяющих заниматься высококвалифицированным, творческим трудом. Интеграционные процессы в современном геоэкономическом пространстве действуют в полной мере, прежде всего на рынке рабочей силы.

Особенностью современного этапа развития рынка рабочей силы выступает то, что пространство использования способностей людей к труду представлено в различных формах: реальная экономика, реальное экономическое пространство с привязкой к определенной территории, организационно-правовой системе; виртуальное пространство; дополненное пространство; искусственная реальность. При этом необходимо подчеркнуть, что искусственная реальность – это не отражение окружающего мира и общества, а управляющий сознанием инструмент [6]. Именно искусственная реальность, использующая современные интернет-технологии стала сферой распространения и нежелательных для общества, разрушающих его основы видов деятельности.

Процессы, происходящие в настоящее время в сфере экономики, социальной жизни общества, предъявляют к профессиональному, особенно высшему образованию новые требования: необходимо усилить исторический аспект изучения прежде всего экономических наук, только в этом случае у студентов будет формироваться теоретическая основа способности к анализу развития, изменения экономики [7].

Таким образом, в настоящее время реальностью экономических, социальных, организационно-правовых отношений выступают интеграционные процессы в современном геоэкономическом пространстве. Геоэкономическое пространство сегодня – это, прежде всего система связей, взаимно заинтересованных экономических и иных субъектов, реализующих взаимодействие на основе современных коммуникационных технологиях, которые предпринимают все для оптимизации этого взаимодействия, устранения всех излишних звеньев, минимизации вмешательства государственных структур в их действия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Катасонов В. Хозяева денег: 100-летняя история ФРС. htths:// www. litres.ru

2. Катасонов В. Трансформация мировой закулисы: от «хозяев денег» к «хозяевам мира». https:// mdk – arbat.ru/bo.
3. Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. Серия: Экономическая теория. М.: Изд. Дом ВША, 2020. – 348 с.
4. Григорьев О.В. Эпоха роста. Лекции по неоэкономике. Расцвет и упадок мировой экономической системы. М.: Изд-во Карьера Пресс, 2014. Серия: Нон-фикшн и бизнес-литература.
5. Шваб Клаус. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. – 208 с.
6. Шинкаренко В.Д. История как инструмент создания мифов и мифологии прошлого // МИФОЛОГОС. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». № 1 (9). 2024. С. 102 – 117.
7. Дементьев В.Е Экономическая теория и экономическая история // Вопросы экономики. 2025. № 4. С. 5 – 33.

ФИЛИАЛ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА В ГОРОДЕ ТАШКЕНТЕ

КАЗАХСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛИАЛ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА В ГОРОДЕ ДУШАНБЕ

ИНСТИТУТ МАТЕМАТИКИ ИМЕНИ В.И. РОМАНОВСКОГО АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ПЕДАГОГИКИ ВОСПИТАНИЯ ИМЕНИ КАРЫ-НИЯЗИ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ УЗБЕКИСТАНА ИМЕНИ МИРЗО УЛУГБЕКА

СОВЕТ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБРАЗОВАНИЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «SCIENCE AND EDUCATION IN THE 21ST CENTURY»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ “SCIENCE AND INNOVATION”

VII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ОНЛАЙН-КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ XXI ВЕКА В СИСТЕМЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ, ПРАКТИКА И ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ»

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

20-21 июнь 2025 г.

ЧАСТЬ 2

Published: 8.07.2025. Font: «Times New Roman».

LLC «Science and innovation»
License Mass Media №:1597 27.04.2022
License Publisher №:038864 15.09.2022
Address: 100121, Tashkent, Yakkasaroy, st. Sh. Rustaveli 150,
Business center “Vega”, 6th floor, Office №:2
www.scientists.uz, info@scientists.uz, +998933549654, +998993319654